

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

МИХАЭЛЬ ЭНДЕ

Приключения Джима Путовки

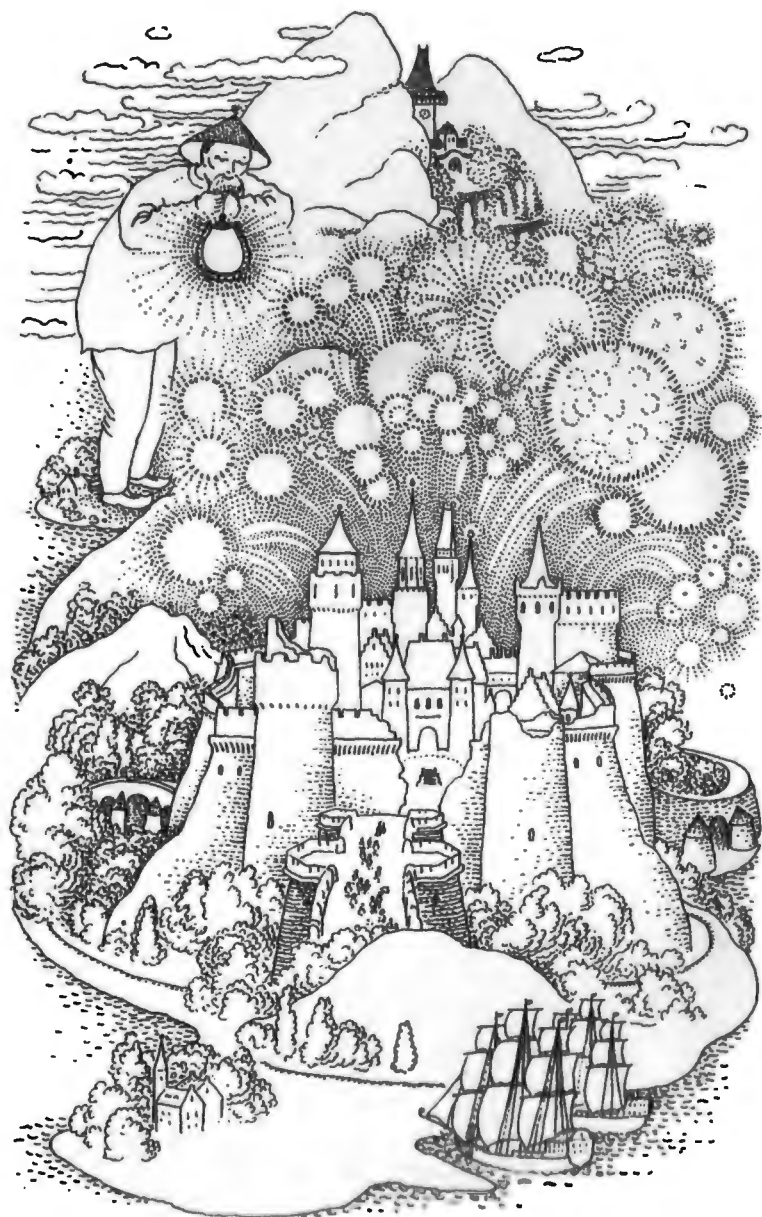

МИРОВОЙ
* ЛЕТСКИЙ *
* БЕСТСЕЛЕР *

АЗБУКА

ВОЛШЕБНАЯ
СТРАНА

Михаэль Энде

Приключения
Джима
Путовки

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука»
2000

УДК 82-93
ББК 84.4 Г
Э 64

Перевод с немецкого
Марины Кореневой

Оформление серии
Вадима Пожидаева

Иллюстрации
Ольги Пен

Энде М.

Э 64 Приключения Джима Пуговки: Повести-сказки / Пер.
с нем. М. Кореневой. — СПб.: Азбука, 2000. — 512 с.

ISBN 5-267-00423-5

Наполненная самыми невероятными волшебными событиями книга «Приключения Джима Пуговки» принесла М. Энде мировую известность. Сегодня Михаэль Энде стал таким же классиком детской литературы, как Милн в Англии, Астрид Линдгрен в Швеции и Туве Янссон в Финляндии.

ISBN 5-267-00423-5

© М. Коренева, перевод, 1995
© М. Коренева, предисловие, 2000
© «Азбука», 2000

РОДИТЕЛЯМ ТЕХ ДЕТЕЙ, КОТОРЫЕ БУДУТ ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ

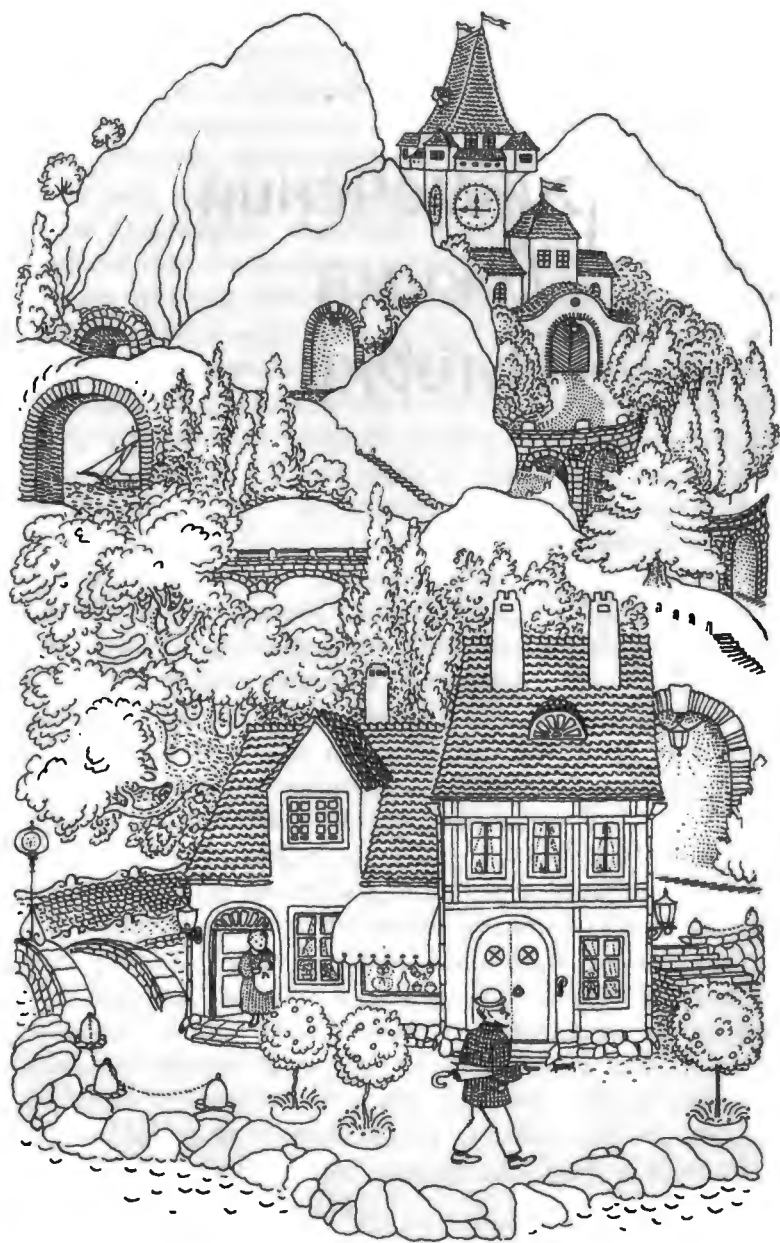
Бывают книги зимние. Истории, которые хочется читать, завернувшись в теплый плед и представляя себе горящий камин, мягкий свет от лампы, а за окошком снег и дождь... Наверное, так лучше всего читать о Винни-Пухе и Карлсоне, Муми-троллях и Алисе: уютные истории с уютными персонажами, истории, которые как будто пахнут чаем с медом (а хлеба, как известно, можно не давать)... Но бывают книги и летние, которым нужен простор и воздух, запах ветра и моря, а может быть, леса. Истории, которые хорошо читать, сидя на высоком берегу и поглядывая вдаль. «Приключения Джима Пуговки» — из породы летних. Михаэля Энде, написавшего эту книгу, трудно представить рассказывающим сказки своим внукам перед сном. Скорее — путешественником, бродягой, мальчишкой, который больше всего на свете любит играть в железную дорогу. И так оно и было на самом деле. Михаэль Энде (1929—1995), немецкий писатель, сын знаменитого художника Эдгара Энде, выросший в артистической среде довоенного Мюнхена и начавший свою взрослую жизнь с работы в театре в качестве актера, чтобы затем бросить все и уйти в писательство, — он, блестящий стилист, которому прочили большое будущее во «взрослой литературе», предпочел остаться «ребенком», тем мальчиком, который играет в железную дорогу и сочиняет бесконечные истории, веселые и немножко грустные, полные головокружительных приключений, замысловатых поворотов, затейливых переплетений, таинственных загадок... И в этом смысле «Приключения Джима Пуговки» (куда вошли две книги, объединенные общими героями, — «Джим Пуговка и машинист Лукас» и «Джим Пуговка и Чертова Дюжина») — автобиографичны, ибо написаны как будто по свежим воспоминаниям о том

счастливым времени, когда все представляется реальным и нет невозможного, а мир кажется единым и неделимым. И, наверное, именно поэтому здесь все так убедительно, в этой истории, рассказывающей о том, как жили-были на маленьком острове среди огромного океана король Альфонс Без Четверти Двенадцатый и его подданные — господин Пиджакер, фрау Каакс и машинист Лукас со своим паровозом Кристофом, жили себе поживали, пока в один прекрасный день не получили в посылке маленького мальчика, Джима Пуговку, который однажды отправится со своим лучшим другом машинистом Лукасом в далекое сухопутно-морское путешествие, разумеется, на паровозе Кристофе, который легко превращается то в пароход, то в самолет, смотря по обстоятельствам (безо всякого волшебства, между прочим: к чему всякие фокусы, если у тебя голова на плечах и умелые руки). Они отправляются в путь, чтобы узнать тайну происхождения Джима, а по дороге между делом побеждают коварную драконшу фрау Зубнер, знакомятся с китайским императором, освобождают из плена его маленькую дочь Ли Ши, помогают устроить личное счастье водяного принца Ушауришуума, становятся благодетелями Непомука — полубегемота-полудракона, пристраивают к делу мнимого великана по имени Ка Лань Ча, побеждают Чертову Дюжину — шайку злых пиратов — и переделывают еще множество бесполезно-полезных дел...

Эта книга принесла ее автору мировую известность. За ней последовали десятки других, среди которых «Бесконечная история» — сказка-притча, легшая в основу одноименного фильма, ставшего самым кассовым детским фильмом послевоенного времени. На Михаэля Энде одна за другой посыпались как из рога изобилия многочисленные премии, а немецкий читатель впервые за много десятилетий мог спать спокойно — наконец-то у него появился свой детский писатель. Писатель, считающийся сегодня уже классиком — как Милн в Англии, как Астрид Линдгрен в Швеции, как Туве Янссон в Финляндии.

Марина Коренева

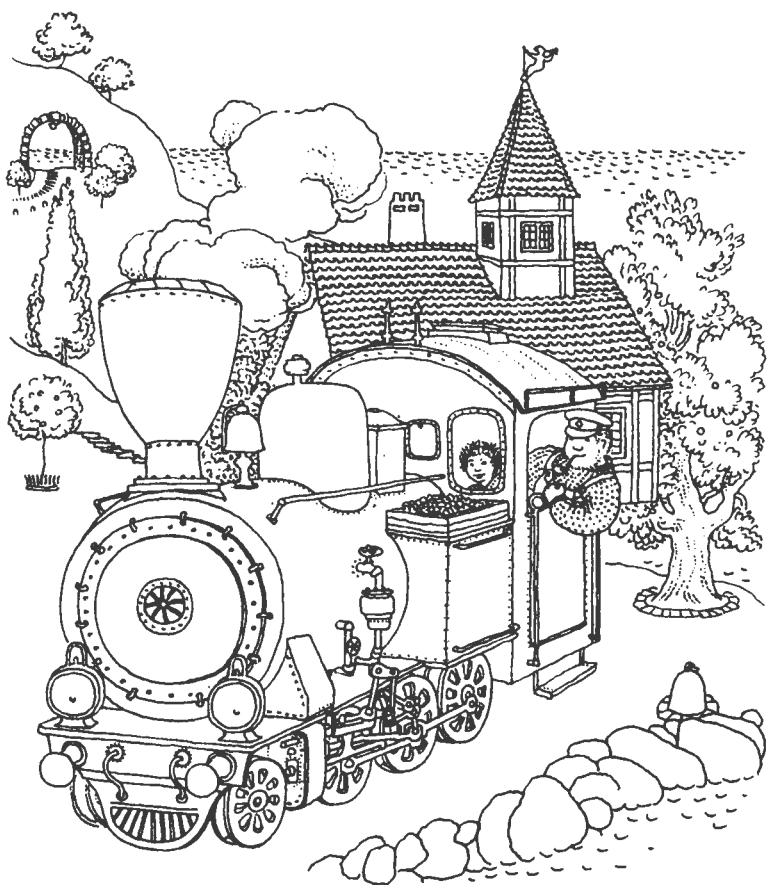
Приключения
Джима
Путовки

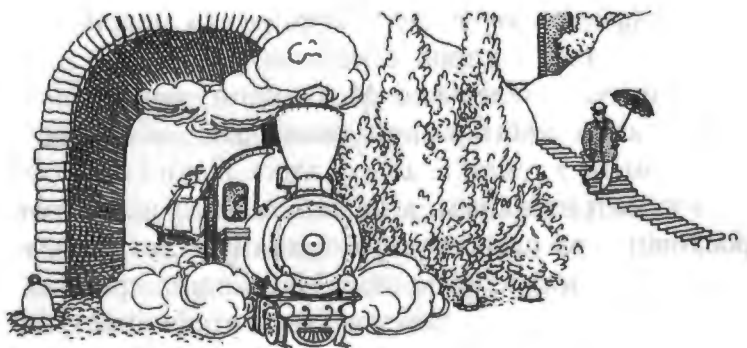

КНИГА ПЕРВАЯ

Джим Путовка и машинист Лукас

ГЛАВА ПЕРВАЯ, *в которой начинается наша история*

А начинается она в стране Медландии, где жил-поживал себе один славный машинист по имени Лукас. Страна Медландия была очень маленькой. Можно даже сказать, очень-очень-очень маленькой, если сравнить ее, например, с Германией, или Африкой, или Китаем. Зато если сравнить ее с обыкновенной квартирой, то она, пожалуй, будет чуть больше.

Посередине страны возвышалась гора, занимавшая почти всю территорию, а вокруг этой горы, у которой было целых две макушки: одна повыше, другая пониже, вились дороги и дорожки с крошечными мостами и туннелями. Кроме того, через всю страну тянулись рельсы — для них даже проделали специальные туннели в горе, чтобы можно было проехать насквозь и быстро добраться до любой точки Медландии.

Само собой разумеется, кроме дорог, туннелей и мостов в Медландии были еще и дома, вернее, их было два. Один просто дом, другой — дом с магазинчиком. У подножия горы примостилось крошечное здание железнодорожной станции, где как раз и жил маши-

нист Лукас. А наверху, на горе, ровно между двумя вершинами стоял королевский дворец.

В общем, в маленькой Медландии помещалось не так уж мало всякого разного, но больше, пожалуй, уже ничего бы не влезло. Главное, здесь нужно было быть очень осмотрительным, а то зазеваешься и ненароком проскочишь государственную границу, и тогда уж точно промочишь себе ноги, ведь Медландия, кроме всего прочего, была не просто страной, а страной-островом. Этот самый остров лежал посреди бескрайнего океана, и потому здесь ни на минуту не смолкал шум морского прибоя. Большие и маленькие волны с грохотом разбивались о границы этого крошечного государства. Впрочем, иногда море успокаивалось, и тогда оно становилось гладким, как зеркало, так что ночью в нем отражалась луна, а днем — солнце. Необыкновенно красивое зрелище и даже немножко торжественное. В такие дни машинист Лукас любил посидеть на бережку и полюбоваться всей этой красотой. Почему, собственно говоря, Медландия называлась Медландией, а не как-нибудь иначе, не знала ни одна душа. Но наверняка, этим когда-нибудь займутся ученые и все как следует выяснят.

Теперь вы представляете себе, как выглядела Медландия — страна, в которой жил машинист Лукас со своим локомотивом по имени Кристоф, или Кристи, как называл его ласково Лукас. Локомотив этот был очень хороший, правда, немножко толстый, но зато с настоящим тендером для воды и топлива, который, как и положено порядочному паровозу старого образца, помещался в самой машине, а не болтался где-то там сзади, — без такого новшества Кристоф, слава Богу, прекрасно обходился.

Тут пытливый читатель, конечно, вправе задать вопрос: а зачем, спрашивается, такой маленькой стране нужен паровоз? Видите ли, всякому машинисту нужен паровоз, иначе чем он, по-вашему, должен управ-

лять? Может быть, лифтом? Но тогда бы он назывался лифтистом. А настоящий машинист хочет быть только машинистом, и никем другим. Да к тому же в Медландии не было никакого лифта.

Если говорить о внешности машиниста Лукаса (которого, кстати сказать, несколько не волновало, нужен ли кому-то там его паровоз или нет), то его можно было бы назвать настоящим крепышом — небольшого роста, кряжистый, круглолицый, он чем-то напоминал упругий резиновый мячик. На голове у него всегда красовалась фуражка, а сам он ходил в неизменном рабочем комбинезоне. Глаза у него были голубыми — такими же голубыми, как небо над Медландией в ясную погоду. Но зато лицо и руки были чернее черного — это от масла и сажи. И хотя он мылся каждый день специальным машинистским мылом, ничего не помогало, чернота прямо въелась ему в кожу, ведь Лукас работал машинистом уже много-много лет, а от такой работы, хочешь не хочешь, все равно будешь ходить чумазым как трубочист. Когда он смеялся — а он это делал довольно часто, — то видны были его ослепительно белые зубы, такие крепкие, что он запросто мог расколоть любой самый крепкий орешек. А еще он носил в левом ухе маленькое золотое колечко и курил короткую толстую трубку.

При своем небольшом росте Лукас был настоящим силачом. Ему ничего не стоило, например, завязать бантиком какую-нибудь здоровенную железяку. Никто и не подозревал, что он такой сильный, потому что сам он любил жить со всеми в мире и согласии и ему еще ни разу в жизни не приходилось демонстрировать свои скрытые способности — просто нужды не было.

Но мало того, Лукас был еще, кроме всего прочего, настоящим художником и непревзойденным масте-

ром. Мастером по художественным плевкам. Он так метко плевался, что мог с одного раза затушить горящую спичку с расстояния в три с половиной метра. Но это для него были игрушки, потому что он умел делать кое-что и получше, и вряд ли сыщется на всем белом свете человек, который сумеет сделать то же самое с такой легкостью и изяществом, — нет, никто не сравнится с ним в исполнении двойной петли (это такой особый плевок, который в полете вырисовывает весьма художественную петлю).

Целыми днями Лукас колесил по острову: сядет на свой паровозик и едет туда-сюда по извилистым рельсам — с одного конца острова на другой, через все пять туннелей, а потом обратно, и так с утра до вечера — все чин чинком, и никаких тебе происшествий или там приключений. Кристофу было явно по душе такое занятие — бодро катил он по замысловатым путям, сопя и пыхтя от удовольствия. Ему было так хорошо, что иногда от избытка чувств он принимался упоенно посвистывать. Тогда к нему присоединялся Лукас, и они весело катили и свистели на два голоса. Особенно здорово это получалось в туннелях — ведь там такое замечательное эхо.

Лукас и Кристоф были, конечно же, не единственными обитателями Медландии. Кроме них здесь жил, например, медландский король, который правил всей страной. Он занимал тот самый дворец, что стоял на горе между двумя вершинами. Короля звали Альфонс Без Четверти Двенадцатый — потому что он родился без четверти двенадцать. Он был неплохим правителем. Во всяком случае, никто о нем не мог сказать ничего худого, как, впрочем, и хорошего, да и что можно сказать о короле, который, как правило, сидит у себя во дворце в красном плюшевом халате и в

клетчатых шлепанцах и болтает по телефону. Для этого он велел установить себе специальный королевский аппарат — очень большой и весь из золота.

У Альфонса Без Четверти Двенадцатого было двое подданных — это не считая Лукаса, который не мог быть настоящим подданным, так как и без того был завален работой.

Первого подданного звали господин Пиджакер. Он очень любил гулять. На прогулку он всегда выходил в черном котелке и еще непременно брал с собою зонтик, которым, впрочем, пользовался крайне редко. Чаще всего он просто носил его под мышкой. Жил господин Пиджакер в самом обыкновенном доме. Никаких определенных занятий у него не было. Он просто гулял и просто жил. Он-то и был как раз настоящим подданным, ведь настоящий подданный только и существует для того, чтобы им управляли, а это, собственно говоря, и составляло основное занятие господина Пиджакера. Иногда, правда, он еще раскрывал свой зонтик — но это случалось редко, только когда шел дождь. Больше о господине Пиджакере вроде как и рассказывать нечего.

Вторым подданным, точнее, подданной, была дама (заметим сразу — очень и очень милая). По своей комплекции она чем-то напоминала Кристофа — кругленькая, упитанная, настоящая толстушка-пампушка, хотя, пожалуй, не такая толстая, как паровоз Кристоф.

У нее были симпатичные щечки-яблочки, и звали ее фрау Каакс. С двумя «а». Видимо, кто-то из ее предков стал под старость туг на ухо, вот и прозвали его люди Каакс — оттого, что он, наверное, по сто раз на день переспрашивал: «Каак? Каак?» Так и осталось за ним это прозвище.

Фрау Каакс жила в доме, в котором размещался маленький магазинчик. Здесь можно было купить все, что душе угодно, — жвачку, газеты, шнурки, молоко,

стельки, масло, шпинат, садовые ножницы, сахар, соль, батарейки, точилки, кошельки, путеводители для туристов, универсальный клей, — короче говоря, все.

Путеводители, правда, большим спросом не пользовались. Да оно и понятно — туристов в Медландии, прямо скажем, не густо, точнее — ни одного. Покупал путеводители только господин Пиджакер, да и то не регулярно, а так, время от времени, и не потому, что они были ему особо нужны, просто он хотел сделать что-нибудь приятное фрау Каакс, с которой любил поболтать о том о сем.

Да, кстати, чуть не забыл еще одну важную деталь. Король показывался народу только по праздникам, ведь все остальное время он был страшно занят: править страной дело нешуточное. Но по праздникам он обычно подходил к окну — это происходило всегда ровно без четверти двенадцать — и приветливо махал рукой своим подданным. Ликующие подданные в ответ на это начинали бросать в воздух шляпы, а Лукас просил Кристофа немножко посвистеть. Потом обыкновенно всем раздавали ванильное мороженое, а по особо торжественным дням — земляничное. Мороженое король заказывал у фрау Каакс, так как она была большой мастерицей по этой части.

Да, что ни говори, а хорошо жилось в Медландии! И все бы так и шло себе дальше, если бы однажды не... — вот тут-то и начинается наконец наша история.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой появляется таинственная посылка

Однажды в Медландскую гавань зашел почтовый корабль. Не успел он причалить, как на берег уже спрыгнул почтальон с большой посылкой под мышкой.

— Нет ли у вас здесь фрау Зуппер, или Зубпер, или что-то в этом роде? — спросил он, придав своему лицу очень-очень строгое выражение (дело, мол, серьезное и ответственное), хотя обычно он привозил почту с совершенно нормальным выражением лица.

Лукас поглядел на Кристофа, Кристоф поглядел на подданных, подданные поглядели друг на друга, и даже король выглянул из окна, несмотря на то что никакого праздника не намечалось и время еще было совершенно неподходящее, до без четверти двенадцать оставалось как минимум два часа.

— Достопочтенный письмоносец, — сказал король с плохо скрываемой досадой, — вот уже много лет вы привозите нам почту. Вы хорошо знаете меня, равно как и всех моих подданных, и вдруг сегодня ни с того ни с сего вы спрашиваете, не живет ли здесь какая-то никому не известная фрау Зубпер, или как там ее еще?

— Но, ваше величество, — решился возразить почтальон, — взгляните сами на адрес!

С этими словами он быстро взобрался на гору и протянул королю посылку прямо в окошко. На посылке было написано:

ФРАУ З У П Е Р
Ф Е Т Л А Н Т И А
З Т А Р А Я У Л Е Т З А 133
ТРЕТЕ Е Т А Х Л Е Ф А З Т А Р А Н А

Король внимательно прочитал адрес, потом достал очки и прочитал его еще раз. Но что с очками, что без очков — результат был один, вернее — никакого

результата. Совершенно обескураженный король смотрел то на посылку, то на подданных.

— Действительно, — произнес он наконец, обращаясь к своему народу, терпеливо ожидавшему его мудрого решения, — как это ни странно, здесь так и написано, черным по белому.

— А что написано? — спросил Лукас.

Король снова нацепил на нос очки и очень важно изрек:

— Сейчас я оглашу текст адреса, дабы мои подданные не пребывали более в неведении относительно содержания последнего.

И он, с трудом разбирая каракули, стал читать то, что было написано на посылке.

— Ну и адрес. Ерунда какая-то, — заметил господин Пиджакер, когда король наконец добрался до конца.

— Вот-вот, — оропливо подхватил почтальон, — ведь тут ничего не поймешь из-за ошибок. Для нас, почтальонов, с такими письмами одна морока. Хоть бы еще знать, кто его отправил!

Король повертел в руках посылку в надежде хоть где-нибудь в уголке обнаружить обратный адрес.

— Здесь стоит только большая цифра тринадцать, — сказал он и снова растерянно посмотрел на почтальона и своих подданных.

— Весьма странно, — слышался снова голос господина Пиджакера.

— Как бы там ни было, — король вдруг снова обрел уверенность в себе, — странно или не странно, а если там написано какая-то там «етлантиа», то это может быть только Медландия, и больше ничего, — решительно заявил он. — Следовательно, теперь осталось найти среди нас фрау Зубпер, или как там еще.

Довольный собою, он снял очки, достал платочек и утер пот со лба.

— Да, но ведь на нашем острове нет никакого третьего этажа, — вмешалась тут фрау Каакс.

— Что верно, то верно, — согласился король.

— Да и Старой улицы у нас тоже нет, — добавил господин Пиджакер.

— К сожалению, и это верно, — со вздохом сказал приунывший король.

— А ведь и дома под номером сто тридцать три у нас вроде как тоже нет, — вставил Лукас и сдвинул, озадаченный, фуражку на затылок. — Уж кто-кто, а я бы точно знал, если бы у нас водился такой дом, ведь недаром я объездил наш остров вдоль и поперек.

— Весьма странно! — пробормотал в растерянности король и задумчиво покачал головой. И вслед за ним все подданные дружно покачали головами и сказали: «Весьма странно!»

— А может быть, это просто ошибка, — осенило вдруг Лукаса.

Но король возразил ему на это:

— Вполне возможно, что это и ошибка, но вполне возможно, и нет. Если это не ошибка, то, следовательно, у меня есть еще один подданный, о котором я ровным счетом ничегошеньки не знаю! С ума сойти можно!

С этими словами король бросился к телефону, и принялся названивать во все концы, и болтал целых три часа без передышки — видимо, чтобы не сойти с ума.

А подданные тем временем, посоветовавшись с почтальоном, решили все вместе тщательнейшим образом обследовать остров — вдруг и впрямь в каком-нибудь укромном уголке удастся обнаружить загадочную фрау Зубпер. Лукас подогнал свой паровозик, и вся компания отправилась на поиски. На каждом углу они делали остановки — сначала Кристоф давал громкий свис-

ток, после чего пассажиры разбредались кто куда, оглашая все вокруг истошными криками:

— Фрау Зуууууууубееееер! Вам посыыыыыл-каааааа!

Но никто не откликнулся.

— Ну ладно, — сказал наконец почтальон, — у меня больше нет времени искать фрау Зубпер, или как там ее еще. Сделаем так: я просто оставлю вам посылку. Может, эта самая фрау Зубпер и отыщется. Через неделю я к вам наведаюсь, и если за это время адресат не будет обнаружен, то я заберу посылку обратно.

С этими словами почтальон быстро взбежал по трапу — и был таков.

Да, в затруднительном положении оказались жители Медландии. Что же делать со злополучной посылкой? Долго думали и гадали они, но так ничего и не придумали. Но тут из окошка королевского дворца снова выглянул Альфонс Без Четверти Двенадцатый и сделал следующее заявление:

— Тщательно проанализировав сложившуюся ситуацию и посоветовавшись с кем надо по телефону, я пришел к следующим выводам: судя по всему, фрау Зубпер, или как там ее еще, является женщиной. А в нашей стране, насколько мне это известно, есть одна только женщина — фрау Каакс. Стало быть, ей и предназначена посылка. Во всяком случае, как бы там ни было — вот мое последнее слово: повелеваю открыть посылку, а там посмотрим, что с нею делать.

Подданные были весьма довольны столь мудрым королевским решением, и фрау Каакс, не откладывая дела в долгий ящик, тут же приступила к выполнению высочайшего указа.

Она развязала веревку, развернула бумагу, которой была обернута посылка. Под бумагой оказалась

довольно большая коробка с дырками — так обычно продырявливают спичечные коробки, когда засовывают в них божьих коровок. Фрау Каакс сняла крышку с коробки и обнаружила внутри еще одну коробку, только чуть поменьше. В ней тоже были проделаны дырки. Со всех сторон кто-то аккуратно проложил ее опилками и соломой, видимо для того, чтобы она не бултыхалась при перевозке. Наверное, там внутри что-то бьющееся, может, что стеклянное или, скажем, радио. Но тогда зачем же дырки? Не долго думая, фрау Каакс сняла со второй коробки крышку и увидела — снова коробку, и снова с дырками. Эта была совсем уж небольшой — как из-под обуви. Когда же фрау Каакс открыла и эту коробку, то в ней обнаружился — представьте себе! — крошечный негритенок. Он с интересом смотрел на всех своими большими блестящими глазами. Выглядел он весьма довольным — еще бы, не очень-то уютно сидеть в темной коробке.

— Мальчик! — воскликнули хором ошарашенные жители Медландии. — Какой черненький!

— По всей вероятности, это маленький негр, — заметил господин Пиджакер и с умным видом многозначительно замолчал.

— Действительно, — сказал король, водружая на нос очки. — Очень странно, очень странно!

Потом он снова снял очки. Лукас до сих пор не проронил ни звука, но лицо его выражало крайнюю озабоченность.

— Никогда в жизни еще не видел такого свинства, — заговорил он наконец, и голос его при этом звучал очень сердито. — Запихать такую кроху в коробку! А если бы мы не открыли посылку? Что тогда? Ну, пусть только попадется мне тот, кто это сделал, — я задам ему такую трепку, что вовек не забудет — клянусь своим паровозом!

От грозного рыка Лукаса малыш разревелся. Ведь он был еще совсем маленьким и ничего не понимал. Наверное, он подумал, что Лукас ругается на него. Да еще, может быть, подействовала черная физиономия Лукаса — малыш-то не знал, что у него самого черная мордашка.

Фрау Каакс подхватила ребенка и попыталась его успокоить. Лукас стоял поодаль с очень растерянным видом — ведь он и не думал, что может так напугать мальчика.

А фрау Каакс была на седьмом небе от счастья, — ведь она давно уже мечтала о таком вот маленьком мальчике, которому бы она шила курточки и штанишки. А шила она, надо сказать, мастерски. И ничего, что малыш оказался таким черненьким, это даже очень мило, ему так пойдет розовый цвет — розовый цвет она любила больше всего.

— Как же нам называть его? — неожиданно спросил король. — Ребенку все-таки положено иметь имя.

И он был прав. Все принялись напряженно думать. Первым заговорил Лукас:

— Я бы назвал его Джимом. Мне кажется, это очень подходящее имя для мальчика. — Он приблизился к малышу и сказал: — Ну, Джим, будем друзьями? — При этом он постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче — ему совершенно не хотелось еще раз напугать негритенка.

Малыш сразу же протянул к Лукасу свои тоненькие ручонки с розовыми ладошками, которые казались совсем крошечными по сравнению с ручищами Лукаса, измазанными сажей.

— Здравствуй, здравствуй, Джим, — поприветствовал Лукас малыша, осторожно пожимая доверчиво протянутую ему ручку.

В ответ на это Джим рассмеялся.

С этого дня они стали друзьями.

Прошла неделя, и снова в Медландию прибыл почтовый корабль. Завидев его еще издалека, фрау Каакс выбежала на берег и стала кричать почтальону, что ему, мол, не нужно причаливать. Все в порядке. Посылка предназначалась ей. Просто фамилия была написана неразборчиво. Все то время, пока она объяснялась с почтальоном, сердце ее отчаянно билось — казалось, что оно вот-вот выскочит из груди, ведь она так боялась, что почтальон отнимет у нее ребенка. А ей ни за что на свете не хотелось расставаться с Джимом — так она успела уже к нему привязаться.

— Ну и хорошо, значит, все в порядке. До свидания, фрау Каакс, — только и сказал на это почтальон, и тут же корабль поплыл себе дальше.

Фрау Каакс облегченно вздохнула и бросилась домой. Там она подхватила Джима и принялась на радостях кружиться с ним по всему дому. В какую-то минуту, правда, она вдруг подумала: а ведь на самом-то деле Джим — чужой ребенок, и, наверное, она поступила не слишком хорошо, оставив его у себя. От этой мысли вся радость ее тут же улетучилась: ее мучила совесть. И это чувство не покидало ее, видимо, и потом, когда Джим уже стал побольше, — не раз бывало так, что она вдруг откладывала в сторону какую-нибудь начатую работу и сидела, словно застыв, с очень серьезным выражением лица и только все глядела с тревогой на Джима — кто же все-таки его мама, думала она...

— Хочешь не хочешь, а придется, наверное, сказать ему всю правду, — вздыхала она всякий раз, когда разговаривала по душам с королем, или с Лукасом, или с господином Пиджакером. Те в ответ неизменно кивали головами, соглашаясь с нею, — мол, действительно, давно пора объяснить все Джиму. Но фрау Каакс никак не могла решиться и только откладывала и откладывала это важное дело.

Она, конечно, не думала и не гадала, что не далек тот день, когда Джим сам все узнает, и произойдет это помимо ее воли — тайна откроется Джиму совершенно удивительным и загадочным образом.

Ну вот, теперь население Медландии составляли один король, один машинист, один локомотив и два с четвертью подданных — ведь Джим еще был слишком маленьким, чтобы считаться целым подданным, он мог пока сойти только за четвертушку.

Но шли годы, Джим рос и скоро превратился в настоящего мальчишку-сорванца, который проказничал и бедокурил, немало досаждая тем самым господину Пиджакеру. А еще он не любил мыться — как, впрочем, и все мальчишки его возраста. Он никак не мог взять в толк, зачем ему мыться, если у него черная кожа и все равно не видно, какая у него шея — грязная или чистая. Фрау Каакс почему-то придерживалась другого мнения, и Джиму волей-неволей приходилось ей подчиняться.

Фрау Каакс очень гордилась своим Джимом, хотя он доставлял ей немало хлопот, и у нее всегда находился повод для беспокойства — этим она ничуть не отличалась от всех прочих мам. Она беспокоилась о нем даже и безо всякого повода или расстраивалась по всякому пустяку. Ну, скажем, возьмет Джим зубную пасту и, вместо того чтобы чистить ею зубы, съест ее (она ему очень нравилась на вкус) — а фрау Каакс уже огорчается из-за такой ерунды.

Вместе с тем в некоторых случаях Джим оказывался просто незаменим. Вот, например, зайдет в лавку король, или Лукас, или господин Пиджакер, а фрау Каакс в этот момент занята по хозяйству — Джим всех обслужит, а фрау Каакс не нужно беспокоиться.

Лучшим другом Джима был Лукас. Они понимали друг друга с полуслова. Может быть, оттого, что

Лукас ходил таким же черным, как Джим. Частенько Лукас брал Джима с собою покататься на паровозике и по дороге все показывал и рассказывал ему. Иногда Лукас даже разрешал Джиму немножко поуправлять паровозом.

Джим мечтал тоже когда-нибудь стать машинистом, так как эта профессия очень подходила к его цвету кожи. Но для этого ему, как минимум, нужно было обзавестись собственным локомотивом. А локомотив, как известно, не так-то просто достать, особенно в Медландии.

Ну вот, теперь вам известно самое главное о Джиме, осталось только рассказать, как он получил свое прозвище. Дело в том, что у Джима очень часто продираивались брюки, причем все время на одном и том же месте. Сотни раз фрау Каакс чинила эту злополучную дыру, но хватало ее заплаток ненадолго: не успеешь оглянуться, как на том самом месте, где только что была аккуратная заплатка, уже красуется здоровенная дырища. Джим, конечно же, изо всех сил старался вести себя крайне осмотрительно и осторожно. Но ведь бывает нужно, например, быстро залезть на дерево или съехать на попе с высоченной горы — и вот тебе, пожалуйста, уже опять дыра.

Надоело фрау Каакс латать ему штаны, и придумала она, как выйти из затруднительного положения: она взяла лоскуток, подшила его с изнанки к краешку дыры, посадила на этот лоскуток пуговку, а края дыры аккуратненько подрубил, так что получилась как бы петелька. Теперь вместо того, чтобы продирать штаны, Джиму нужно было только расстегнуть пуговку — и дыра на месте, застегнешь пуговку — и штопать не надо.

Вот с этого самого дня все жители Медландии стали называть Джима Пуговкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой чуть не принимается печальное решение,
пришедшееся не по вкусу Джиму Пуговке*

Шли годы, Джим рос, и его уже вполне можно было засчитать за половинку подданного. В какой-нибудь другой стране его бы давным-давно отправили в школу, и сидел бы он как миленький за партой, и учился бы читать, писать, считать, но в Медландии не было школы. А раз ее не было, то никому и в голову не приходило, что пора бы уже такому большому мальчику уметь читать, писать и считать. Джима это, конечно, беспокоило меньше всего, и он жил себе припеваючи, нисколько не беспокоясь о будущем.

Фрау Каакс внимательно следила за тем, как Джим растет, — раз в месяц она проводила обязательно замеры. Для этого Джиму нужно было снять башмаки, прислониться к дверному косяку на кухне, а фрау Каакс водружала ему на голову книгу, по которой она карандашом делала заметку на косяке, — новая черточка неизменно оказывалась чуть выше прежней. Фрау Каакс искренне радовалась тому, что Джим так хорошо растет. Но не все разделяли с ней ее радость — кое-кого это обстоятельство, наоборот, очень тревожило. Король Медландии был необычайно обеспокоен сложившейся ситуацией, ведь он, как правитель страны, все-таки чувствовал себя ответственным за благополучие своих подданных.

Однажды вечером он призвал к себе машиниста Лукаса и велел ему прийти в королевский дворец. Лукас вошел в королевские покои, снял фуражку, вынул изо рта трубку и сказал:

— Добрый вечер, ваше величество!

— Добрый вечер, любезный мой машинист Лукас! — поприветствовал Лукаса король, сидевший в этот мо-

мент у своего золотого телефона. — Прощу тебя, садись, — сказал он затем, указывая Лукасу на свободный стул.

Лукас сел и приготовился слушать.

— Значит, так, — начал король и тут же отчаянно закашлялся. Покашлявшись, он продолжал: — Уж не знаю, как тебе и сказать, но я надеюсь, ты меня все равно поймешь.

Лукас внимательно слушал короля, которого он никогда не видел таким озабоченным. Это его совершенно сбilo с толку.

Король снова закашлялся. Покашляв немножко, он все же собрался с духом и продолжил свою речь, глядя при этом на Лукаса печальными и грустными глазами.

— Ты ведь всегда отличался понятливостью, Лукас, — сказал он.

— А в чем, собственно говоря, дело? — осторожно спросил Лукас.

Король снял с головы корону, подышал на нее и принялся тщательно протирать ее рукавом халата. Он явно тянул время, так как по всему было видно, что ему не по себе. Наконец он решительным движением нахлобучил корону на голову, снова откашлялся и сказал:

— Дорогой мой Лукас, я долго размышлял над этим, но в конце концов понял — как ни крути, как ни верти, другого выхода нет. Мы должны это сделать.

— Что мы должны сделать, ваше величество? — спросил Лукас.

— А разве я не сказал? — искренне удивился король. — Мне казалось, что я все тебе объяснил.

— Нет, вы только сказали, что мы должны «это» сделать, — ответил Лукас.

Король на минуту задумался, лицо его выражало крайнюю степень недоумения.

— Странно, очень странно. Разве я не говорил тебе только что: «Нам придется расстаться с твоим Кристофом»? Бьюсь об заклад, что говорил.

Лукасу показалось, что он ослышался.

— Что нам придется сделать с Кристофом? — переспросил он.

— Расстаться, — повторил король, всем своим видом давая понять, что положение очень серьезное. — Разумеется, речь не идет о том, чтобы сделать это прямо завтра, но и тянуть тут нельзя. Я понимаю, что для всех нас это будет тяжелая утрата. Но другого выхода у нас нет.

— Нет, ни за что на свете, ваше величество, — решительно сказал Лукас. — И вообще, с какой стати?

— Ну сам подумай, — принялся увещевать Лукаса король, — Медландия — страна маленькая. Даже можно сказать, крошечная, по сравнению, например, с Германией, Африкой или Китаем. Королю такой малюсенькой страны вполне хватает одного локомотива, одного машиниста и двух подданных. Появление еще одного подданного...

— Но ведь не целого же, а половинки... -- перебил король Лукас.

— Это все верно, — согласился король, — но что дальше? — В его голосе слышалась крайняя озабоченность. — Ведь он растет не по дням, а по часам. Я должен беспокоиться о будущем моей страны, на то я и король. Не за горами то время, когда Джим Пуговка из половинки подданного превратится в целого. И тогда он захочет построить себе свой собственный дом. Ну, скажи на милость, откуда же нам взять место для дома? У нас вообще нет свободного места, куда ни глянешь — повсюду рельсы. Придется нам ограничить себя кое в чем, иначе у нас ничего не получится.

— Черт побери! — пробурчал Лукас и почесал за ухом.

— Ты же видишь, — продолжал король, все более и более воодушевляясь, — в нашей стране слишком большая плотность населения. Для нас это стало проблемой номер один. Почти все страны мира страдают от перенаселенности, но Медландия — особенно. Я страшно обеспокоен сложившимся положением. Что же нам делать?

— Все верно, только я тоже не знаю, что делать, — ответил Лукас.

— Либо нам нужно расстаться с Кристофом, либо кто-то из нас должен будет покинуть страну, как только Джим станет взрослым. Джим все-таки твой друг, Лукас, неужели ты захочешь, чтобы он покинул Медландию, когда станет большим?

— Нет, — отвечал на это Лукас, — тут и говорить не о чем. Но и с Кристофом я не могу расстаться, — грустно добавил он после некоторой паузы. — Какой же машинист без паровоза?

— Ну ладно, — сказал король, — поразмышляй на досуге об этом. Я уверен, ты что-нибудь придумаешь. Ты ведь у нас — голова. Время у тебя еще есть. Так что думай и решай. Но решение должно быть принято обязательно.

С этими словами он протянул Лукасу руку, давая тем самым понять, что аудиенция окончена.

Лукас встал, нахлобучил свою фуражку и, понурившись, вышел из дворца. Король с тяжелым вздохом плюхнулся снова в кресло, вытер шелковым платком пот со лба — разговор был не из легких.

Лукас медленно брел в сторону железнодорожной станции, где стоял паровоз Кристи, поджидавший возвращения своего приятеля. Придя домой, Лукас первым делом подошел к паровозу, похлопал его по круг-

лым бокам и подлил машинного масла, которое Кристи так любил, а потом уселся на государственной границе и долго сидел так, обхватив голову руками, и все смотрел вдаль.

Вечерело. На море царили тишь и гладь, заходящее солнце отражалось в бескрайних просторах океана, и золотая блестящая дорожка протянулась от самого горизонта до того места, где сидел машинист Лукас.

Лукас смотрел на эту дорожку, уходящую вдаль, к неведомым странам и землям. Кто знает, куда она ведет. Солнце садилось все ниже и ниже, и дорожка становилась все уже и уже, пока наконец и вовсе не исчезла. Лукас грустно покачал головой и тихо сказал:

— Ну что ж, мы уйдем оба.

С моря потянуло ветерком, и стало прохладно. Лукас поднялся и пошел к Кристофу. Долго стоял он подле своего друга. Кристи сразу почуял что-то неладное. Паровозы не отличаются большой сообразительностью, поэтому-то им всегда нужен водитель-машинист, но зато они очень чувствительны. И потому, когда Лукас едва слышно прошептал: «Мой славный старина Кристи», то у доброго паровоза прямо что-то оборвалось внутри, и от этого острого щемящего чувства он даже перестал пыхтеть и сопеть.

— Кристи, — тихо сказал Лукас каким-то чужим голосом, — я не могу с тобой расстаться. Мы всегда будем вместе. И на земле, и на небе, если мы когда-нибудь туда попадем.

Кристи, правда, ничего не понимал из того, что говорил ему Лукас. Но он очень любил своего друга, и ему было невыносимо больно видеть Лукаса таким грустным. От отчаяния паровоз принялся душераздирающе завывать.

Лукасу стоило немалых трудов его успокоить.

— Понимаешь, это из-за Джима Пуговки, — попытался объяснить Лукас. — Скоро он станет взрослым, и тогда для него уже не будет здесь места. В любой стране подданные ценятся больше, чем старые паровозы, вот наш король и решил, что ты здесь лишний. Но если ты лишний, то и я тоже лишний. Значит, нам нужно вместе уйти.

Кристи шумно вздохнул и собрался уж было снова завывать, как тут в темноте раздался чей-то звонкий голосок:

— Что тут такое случилось?

Это был Джим Пуговка собственной персоной, который, поджидая Лукаса, забрался в тендер и незаметно для себя уснул. Разбудил его голос Лукаса, разговаривавшего с Кристи. Так невольно он оказался свидетелем состоявшегося объяснения.

— Привет, Джим! — воскликнул Лукас, необычайно удивленный появлением своего маленького друга. — Собственно говоря, это не предназначалось для твоих ушей. Но по мне так лучше, чтоб ты все знал. Мы решили покинуть страну. Кристи и я. Навсегда. Так надо.

— Из-за меня? — спросил испуганно Джим.

— Если разобраться, — сказал Лукас, — король в общем-то прав. Ведь действительно Медландия — маленькая страна. Нам всем здесь не поместиться.

— А когда вы отправляетесь в путь? — Джим даже слегка запнулся, когда задавал этот вопрос.

— Лучше не растягивать этого удовольствия. Раз уж так вышло, то ничего не поделаешь — поедем прямо сегодня ночью, — серьезно ответил Лукас.

Джим на секунду задумался, а потом вдруг решительно заявил:

— Я с вами.

— Что ты, Джим! — воскликнул Лукас. — Это совершенно невозможно! Что скажет фрау Каакс? Она ни за что не отпустит тебя.

— Лучше всего ее об этом и не спрашивать, — сказал Джим тоном, не терпящим возражений. — Я все объясню ей в письме и оставляю его на кухне. Когда она узнает, что я с тобой, то она уже не будет так беспокоиться.

— Нет, все равно будет, — с сомнением в голосе произнес Лукас. — Да к тому же ты не умеешь писать.

— А я нарисую, — тут же нашелся Джим.

Лукас, выглядевший весьма печальным и озабоченным, только покачал на это головой и сказал:

— Нет, мой мальчик, я не могу тебя взять с собой. Конечно, все это очень мило с твоей стороны и я сам рад бы уехать с тобой вместе, но нельзя, понимаешь, нельзя. Ты ведь еще все-таки маленький мальчик, и к тому же ты нам будешь только...

Тут он запнулся, так как в этот момент Джим повернул к нему свое лицо, в котором было столько решимости и столько печали, что у Лукаса слова просто застряли в горле.

— Лукас, — тихо сказал Джим, — почему ты говоришь такие вещи! Вот увидишь, я могу вам еще очень даже пригодиться.

— Да, конечно, — согласился Лукас, в его голосе слышалось некоторое смущение. — Разумеется, ты даже очень полезный маленький мальчик, и в некоторых ситуациях даже удобно быть маленьким, тут ты прав...

Он зажег свою трубку и молча принялся раскуривать ее. В душе он уже готов был взять Джима с собой, но все же решил еще раз проверить мальчика.

— Послушай, Джим! — завел он снова разговор. — Подумай сам, ведь Кристи придется уйти, чтобы ос-

вободить для тебя место. Но если ты решил уйти, то, значит, Кристи может спокойно оставаться. И я тоже.

Но Джим твердо стоял на своем.

— Нет, — сказал он, — я ведь не могу оставить своего лучшего друга. Либо мы все втроем остаемся здесь, либо мы все втроем уходим. Здесь мы оставаться не можем. Значит, нужно уйти — всем нам, втроем.

Лукас просиял.

— Молодец, старина Джим, я рад, — сказал он и обнял своего друга. — Боюсь только, королю наше решение не очень-то придется по нраву. Вряд ли он представлял себе, что дело примет такой оборот.

— Мне все равно, — сказал Джим, — я еду с тобой.

Лукас снова погрузился в раздумья и сосредоточенно принялся курить свою трубку, так что скоро из-за клубов дыма его уже совершенно не было видно. Он всегда так делал, когда волновался, так как не хотел, чтобы кто-нибудь видел его в таком состоянии. Но Джим-то хорошо его знал и понимал, в чем тут дело.

— Ну хорошо! — послышался наконец голос Лукаса откуда-то из недр табачного облака. — Встречаемся здесь в полночь.

— По рукам, — отозвался Джим.

Друзья попрощались, и Джим уже побежал было домой, как Лукас снова окликнул его:

— Постой, Джим! Ты действительно малый что надо, — голос его звучал даже как-то торжественно, — таких толковых парней я еще не встречал в своей жизни!

С этими словами он повернулся и быстро пошел прочь.

Джим еще постоял некоторое время, задумчиво глядя вслед уходящему другу. Последняя фраза, сказанная Лукасом, все еще звучала у него в ушах. И тут

же он подумал о милой фрау Каакс, которая всегда была к нему такой доброй и ласковой. И радость и печаль смешались в его душе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой начинается удивительное морское путешествие на корабле невиданной конструкции, а Лукас убеждается, что на Джима Пуговку можно положиться

Настало время ужина. Джим плотно поел и принялся отчаянно зевать, всем своим видом давая понять, что он прямо-таки с ног валится от усталости и буквально засыпает на ходу. Это несколько удивило фрау Каакс, которой обычно стоило немалых трудов отправить Джима в постель, но, глядя на размякшего Джима, она решила, что, может, и вправду мальчик очень устал или просто повзрослел и поумнел. Когда он уже лежал в постели, она, как всегда, зашла к нему в каморку, подоткнула со всех сторон одеяло, поцеловала на ночь, погасила свет и пошла на кухню, где собиралась еще немножко повязать — она вязала Джиму новый свитер.

Джим лежал в постели и терпеливо ждал. В окошко светила полная луна. Было очень тихо. Только слышны были легкий шум морского прибоя да постукивание спиц, доносившееся из кухни.

Джим вдруг подумал о том, что никогда ему не придется носить этот новый свитер, а еще он пытался представить себе, что бы делала фрау Каакс, если бы знала...

И от этих мыслей ему стало так тяжело на душе, что он готов был уже расплакаться или даже побежать на кухню к фрау Каакс и рассказать ей все как есть. Но тут он вспомнил слова, сказанные ему Лука-

сом на прощание, и понял, что он должен молчать во что бы то ни стало. Но это было так тяжело — ведь и для взрослого человека это было бы нелегко, а ведь взрослый — все-таки целый подданный, что уж тут говорить о маленьком человеке, который был всего-навсего только половинкой подданного.

Собираясь отправиться в ночное путешествие, Джим не учел одного важного обстоятельства — он действительно очень устал. Ни разу в жизни ему еще не приходилось так долго бодрствовать. В темноте глаза его слипались сами собою — прямо хоть спички вставляй. Вот бы походить, побегать или поиграть! А то лежи в теплой кровати без движения — конечно, тут всякий заснет.

Джим думал о том, как было бы приятно сейчас просто закрыть глаза и спать, но он понимал, что не может себе этого позволить, и потому изо всех сил боролся со сном — тер глаза, щипал себя, ворочался с боку на бок. И все же в конце концов сон сморил его.

Ему снилось, будто он стоит на берегу и видит, как удаляется в ночи паровоз Кристи. Он быстро шел по волнам, как по твердой поверхности. А в кабине машиниста, в свете фар, Джим увидел Лукаса, который махал ему своим красным носовым платком и кричал:

— Почему ты не пришел?.. Прощай, Джим!.. Будь здоров, Джим!

Голос его казался каким-то чужим, глухим эхом отзывался он в ночной тишине. Но тут вдруг налетел сильный порыв ветра, засверкали молнии, загрохотал гром, и сквозь рев разбушевавшейся стихии Джим снова различил голос Лукаса:

— Почему ты не пришел?.. Прощай, Джим!.. Будь здоров!.. Будь здоров, Джим!

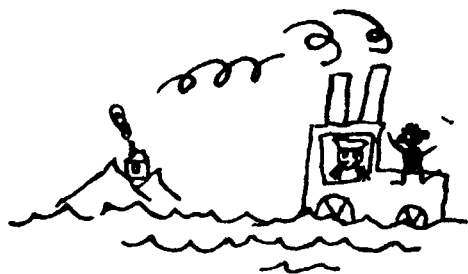
Паровозик становился все меньше и меньше, последний раз мелькнул слабый свет фар, и вот он уже

исчез где-то вдали, за темным горизонтом. В отчаянии Джим хотел броситься следом за паровозом, но ноги его словно приросли к земле. От невероятного напряжения Джим проснулся и тут же вскочил с постели.

Комната была залита лунным светом. Интересно, который сейчас час? А фрау Каакс? Легла ли она уже спать? Неужели уже поздно и все, что он видел во сне, произошло на самом деле?

В этот самый момент часы на башне королевского дворца пробили полночь.

Джим быстро оделся и собрался уже было вылезти из окна, но тут вспомнил о письме. Он не мог уйти, не оставив записки фрау Каакс. Иначе она очень огорчится. А он меньше всего хотел ее огорчать. Дрожащими руками он вырвал листок из тетради и нарисовал такую картинку:

Это означало: я уехал вместе с Лукасом и Кристи. А потом он еще пририсовал:

Это означало: не расстраивайся! В конце он сделал такой рисунок:

Это означало: целую тебя, твой Джим.

Затем он положил листок на подушку и потихоньку вылез из окна.

Когда он прибежал к назначенному месту, ни Лукаса, ни Кристи там уже не было. Джим помчался к морю. Тут он увидел Кристи, который уже стоял спущенный на воду. Верхом на паровозе сидел Лукас. Он как раз натягивал парус на мачте, которую установил прямо на кабинке машиниста.

— Лукас! — закричал Джим, запыхавшийся от быстрого бега. — Подожди, Лукас! Я пришел.

Лукас обернулся, и удивление на его лице сменилось радостью.

— Смотри-ка, Джим Пуговка! — сказал он, улыбаясь во весь рот. — А я уже решил, что ты не придешь. Часы-то давно пробили полночь.

— Да, я слышал, — ответил Джим, заходя в воду.

Лукас протянул ему руку, и Джим взобрался на паровоз.

— Понимаешь, — продолжал Джим, — я забыл написать письмо. Вот и пришлось вернуться.

— А я боялся, что ты проспешь, — сказал Лукас и выпустил большой клуб дыма.

— Я вообще глаз не смыкал, — ответил на это Джим.

Тут он, конечно, немножко приврал, но ему очень не хотелось выглядеть плохо в глазах Лукаса.

— Неужели ты бы уехал без меня? — спросил Джим.

— Как тебе сказать? — ответил, помедлив, Лукас. — Я бы, конечно, еще немножко подождал, а потом, наверное... Ведь откуда мне знать, может, ты передумал. Всякое бывает, правда?

— Но ведь мы же договорились! — Голос Джима звучал укоризненно.

— Конечно, — согласился Лукас. — Знаешь, я страшно рад, что ты сдержал свое слово. Теперь я твердо уверен, что на тебя можно положиться. А кстати, как тебе нравится наш пароход?

— Потрясающе! — сказал Джим. — Я почему-то всегда думал, что паровозы тонут в воде.

Лукас, довольный, ухмыльнулся.

— Конечно, они тонут, если не выпустить воду из котла, не очистить тендер и не задраить двери, — объяснил он и выпустил несколько маленьких облачков дыма. — Это такая маленькая хитрость, которую знает, конечно, не всякий.

— Что-что нужно сделать с дверями? — переспросил Джим, который еще ни разу не слышал такого диговинного слова.

— Задраить, — повторил Лукас. — Это значит заткнуть как следует все щели паклей и замазать смолой, чтобы туда не проникала вода. Это очень важно, так как, если кабина машиниста будет водонепроницаемой, а котел и тендер пустыми, то Кристоф никогда не пойдет ко дну. А так из кабины получается отличная каюта, в которой можно, например, укрыться от дождя.

— А как же в нее попасть, если все двери будут крепко-накрепко заделаны? — поинтересовался Джим.

— Мы можем забираться через тендер, — объяснил Лукас. — Видишь, если знать, как что делать, то и паровоз будет плавать, как утка.

— Вот это да! — восхищенно сказал Джим. — Но ведь он весь из железа?

— Ну и что? — ответил Лукас и, довольный, сплюнул в воду — у него получалась отличная двойная петля. — Корабли тоже делают из железа. Или вот канистра — тоже бывает из железа, а не тонет, пока в нее не попадет вода.

— Понятно, — удовлетворенный объяснением, ответил Джим. Приятно, когда у тебя такой умный друг. С таким не пропадешь.

Теперь он был очень рад, что сдержал свое слово.

— Ну что ж, если ты не возражаешь, давай трогаться в путь.

— По рукам, — согласился Джим.

Они отвязали канат, который шел от Кристофа к берегу. Ветер надул паруса, мачта тихонько скрипнула, и удивительный корабль двинулся вперед.

На море не было слышно ничего, кроме легкого свиста ветра и плеска небольших волн, что разбивались о нос корабля.

Лукас положил свою руку на плечо Джима, и они смотрели молча, как удаляется от них в тихой ночи освещенный луной берег мирной Медландии, а вместе с ним и домик фрау Каакс, и дом господина Пиджакера, и крошечная железнодорожная станция, и королевский дворец, примостившийся между двумя горными вершинами.

По черной щеке Джима скатилась крупная слеза.

— Тебе грустно? — тихонько спросил Лукас. Его глаза тоже подозрительно поблескивали.

Джим шумно шмыгнул носом, вытер ладошками глаза и, сделав над собою некоторое усилие, бодро сказал:

— Нет, всё в порядке.

— Знаешь, лучше не будем больше смотреть туда, — решил Лукас и легонько хлопнул Джима по плечу. Они повернулись и теперь смотрели только вперед.

— Ну вот! — сказал Лукас. — Теперь я набью себе новую трубочку, и мы с тобой немножко поболтаем.

С этими словами Лукас достал свою трубочку, набил ее свежим табачком, как следует раскурил и принялся болтать с Джимом. За разговорами друзья и не заметили, как к ним снова вернулось хорошее настроение — они смеялись и были очень довольны. Так и плыли они себе по морским просторам, залитым лунным светом.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой заканчивается морское путешествие,
а Джим видит прозрачные деревья*

Путешествие проходило без особых приключений. К счастью, погода стояла хорошая. Дул легкий бриз, и корабль спокойно продвигался вперед.

— Хотел бы я знать, — сказал однажды задумчиво Джим, — куда мы, собственно говоря, плывем.

— Сам не знаю, — честно признался Лукас, — посмотрим, куда нас занесет.

Пока они плыли, вокруг корабля кружились стайки летучих рыб, и друзьям очень нравилось наблюдать за ними. Летучие рыбы оказались большими озорницами. Они все время норовили прошмыгнуть у Джима прямо над головой, а то затевали с ним игру в догонялки. Правда, ему ни разу не удалось поймать ни одной рыбки, ведь они такие шустрые, хотя Джим

старался изо всех сил — так старался, что пару раз даже свалился в воду. К счастью, он умел хорошо плавать — научился еще в Медландии, когда был совсем маленьким. И всякий раз, когда Лукас выуживал промокшего до нитки Джима и сажал его для просушки на крышу кабины машиниста, летучие рыбы высывались все, как одна, из воды и широко раскрывали свои рты, так что казалось, будто они беззвучно смеются — ведь по-другому они не умеют, всем известно, что рыбы немые.

Когда путешественникам хотелось есть, они просто собирали морские груши и огурцы с коралловых деревьев. Эти коралловые деревья бывают, кстати сказать, такими высокими, что достают до самой поверхности моря. Морские фрукты очень питательны, в них много витаминов, к тому же они такие сочные, что прекрасно утоляют жажду, — во всяком случае, наших друзей ни разу не мучила жажда (морскую воду ведь пить нельзя, потому что в ней много соли).

Днем они обычно рассказывали друг другу всякие истории, или насвистывали песенки, или играли в какие-нибудь игры — Лукас предусмотрительно прихватил с собою целую коробку с играми, чтобы веселее было коротать время в долгом путешествии.

Ночью же, когда нужно было укладываться спать, друзья осторожно отодвигали крышку тендера, которую они обыкновенно держали закрытой, и ныряли через отверстие для подачи угля прямо в кабину. Лукас изнутри водружал крышку тендера на место. Затем они залезали под теплые одеяла и устраивались поудобнее. Конечно, в этой каюте было тесновато, но зато очень уютно, особенно когда снаружи хлюпающие волны с легким шумом разбивались о толстые бока Кристи, который, покачиваясь, как большая люлька, уверенно шел вперед.

Однажды — точнее сказать, на третий день четвертой недели их путешествия — Джим проснулся необычайно рано. Ему показалось, будто бы он ощутил явный толчок.

«Что бы это значило? — подумал он. — И отчего это Кристи не качается, а стоит на месте?»

Поскольку Лукас спал непробудным сном, Джим решил сам посмотреть, в чем там дело. Стараясь не потревожить друга, он осторожно вылез из-под одеяла, встал на цыпочки и выглянул в окошко.

В розоватых предрассветных сумерках его взору открылся невиданный пейзаж, удивительно мягкий и красивый. Никогда ничего подобного он еще не видел, даже на картинках.

— Нет, — сказал он, помолчав некоторое время, — это не может быть правдой. Наверное, мне все это снится.

И он быстро юркнул под одеяло, закрыл глаза, собираясь досмотреть чудесный сон до конца. Но с закрытыми глазами он ровным счетом ничего не видел. Значит, наверное, это не сон. Он снова поднялся и выглянул в окошко — пейзаж был на месте.

Там стояли фантастические деревья и цветы самых причудливых форм и красок, но, что удивительно, все они казались прозрачными, будто бы сделанными из цветного стекла. Прямо перед окошком, в которое смотрел Джим, высилось гигантское старое дерево с таким толстенным стволом, что его едва ли обхватили бы трое взрослых мужчин. Но сквозь него все было видно, все-все, что находилось за деревом, как будто здесь стояло не дерево, а аквариум. Само дерево было нежно-фиолетового цвета, и потому все, что находилось за ним, тоже казалось нежно-фиолетовым.

Над благоухающими полями и лугами клубился легкий туман, тут и там виднелись извилистые ре-

чушки, через которые были переброшены изящные узкие мостики из настоящего фарфора. У некоторых мостов было сделано что-то вроде крыши, по краям которой висело множество серебряных колокольчиков, весело поблескивавших в первых лучах утренней зари. На многих деревьях и цветах тоже висели серебряные колокольчики, которые при малейшем порыве ветра издавали нежнейшие звуки, сливавшиеся в совершенно неземную многоголосую мелодию. Над цветами порхали огромные бабочки с переливчатыми крылышками, а крошечные пташки с длинными изогнутыми клювами бесшумно перелетали от цветка к цветку, собирая мед и росу. Эти птички были не больше шмеля. Они называются колибри и считаются самыми маленькими птицами на земле. У них такое красивое оперение, что кажется, будто оно сделано из чистого золота и драгоценных камней.

А вдалеке, у самого горизонта, возвышались громадные горы, уходившие своими вершинами куда-то за облака. Горы эти были раскрашены в красно-белую полоску. С такого расстояния они напоминали чудесную обложку гигантского альбома для рисования, принадлежащего какому-нибудь великанышу школьного возраста.

Джим прямо глаз не мог отвести от всей этой красоты, он все смотрел и смотрел и от изумления даже рот раскрыл.

— Н-да, — услышал он вдруг голос Лукаса, — видок у тебя, скажем прямо, очень умный. Кстати, доброе утро, Джим, — сказал Лукас, отчаянно зевая спросонья.

— Ой, Лукас, — отозвался Джим, даже не поворачивая головы в сторону своего приятеля — настолько он был заморожен открывшейся ему картиной. — Тут такое... все прозрачное, и... и... и...

— Ну и что, что прозрачное? — спросил Лукас и снова зевнул. — Вода, насколько мне известно, всегда прозрачная. Честно говоря, мне уже поднадоело целыми днями плясать на эту воду. Хотелось бы уже чего-нибудь новенького.

— При чем здесь вода?! — От волнения Джим почти кричал. — Я имею в виду деревья.

— Деревья? — вяло переспросил Лукас и как следует потянулся, так что вокруг все затрещало. — Ты, наверное, еще не проснулся, Джим. На море не растут деревья, малыш, и уж тем более прозрачные.

— Какое море! — Джим уже кричал во весь голос, терпению его приходил конец. — Я вижу сушу, и деревья, и цветы, и горы...

Тут он схватил Лукаса за руку и попытался его поднять.

— Ну, что там еще такое? — пробурчал Лукас, нехотя поднимаясь с постели.

А когда он наконец выглянул в окошко, то увидел собственными глазами сказочную картину, которая поразила его настолько, что он даже потерял дар речи. Прошло немало времени, пока он сумел выдать из себя:

— Черт побери! — и снова замолчал. Он был просто потрясен.

— Интересно, что это за страна? — первым заговорил Джим.

— Такие странные деревья... — в задумчивости бормотал Лукас, — и все эти серебряные колокольчики, и эти изогнутые узкие мостики из фарфора... — Но тут его вдруг осенило: — Я не я буду, если это не Китай! Давай-ка, Джим, вылезай, помоги мне вытащить Кристи на берег.

Они выбрались наружу и с некоторым усилием вытолкнули паровозик на сушу. Справившись с этой за-

дачей, они спокойно позавтракали, истребив все свои запасы морских огурцов. Затем Лукас набил свою трубку и раскурил ее.

— И куда мы теперь поедем? — любопытствовал Джим.

— Лучше всего, наверное, — размышлял Лукас, — сразу же поехать в Пекин — кажется, так называется столица Китая. Посмотрим, может быть, нам удастся побеседовать с его величеством императором.

— А зачем он тебе понадобился? — удивленно спросил Джим.

— Да хочу спросить, не нужен ли ему паровоз и два машиниста. Вдруг он как раз ищет что-нибудь в этом роде? Понимаешь? Страна-то, кажется, вполне ничего.

Они тут же принялись за работу, чтобы снова переделать Кристи из морского транспорта в сухопутный. Сначала они сняли мачту с парусом, потом раздраили двери, соскоблив тщательнейшим образом всю смолу и вытащив всю паклю. Затем они залили котел водой, а в тендер загрузили сушняк, который в большом количестве валялся на берегу.

Покончив с этим, они разложили костер под самым котлом. Оказалось, что ветки прозрачных деревьев горят так же хорошо, как и обыкновенных. Когда вода в котле закипела, они отправились в путь. Кристи чувствовал себя теперь гораздо увереннее, чем на море, — все-таки вода не его стихия.

Вскоре они добрались до широкой дороги, по которой так удобно было катить вперед. Дорога шла все прямо и прямо, и слава Богу, что на пути им не попадались фарфоровые мостики.

Так они ехали и ехали, никуда не сворачивая, и правильно делали, так как широкая дорога вела прямо в Пекин, столицу Китая.

Сначала они видели только полосатые горы на горизонте, но приблизительно через пять с половиной часов езды Джим, сидевший на крыше локомотива, чтобы лучше было обозревать окрестности, вдруг приметил вдалеке нечто, напоминавшее гигантский палаточный лагерь, состоявший из бесчисленного множества громадных палаток. И все эти палатки сверкали на солнце, как будто они были сделаны из чистого железа.

Джим тут же сообщил Лукасу о своем открытии, и Лукас объяснил ему, что это золотые крыши Пекина.

— Стало быть, мы на правильном пути, — добавил он.

И вот не прошло и получаса, как друзья уже прибыли в столицу Китая город Пекин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой толстая желтая рожа
чинит всяческие препятствия*

Пекин оказался очень густонаселенным городом, и населен он был исключительно только китайцами. От невообразимой сутолоки и суеты, царившей на улицах Пекина, Джиму, никогда в жизни не видевшему такого столпотворения, сделалось прямо-таки дурно.

У всех китайцев были узкие глаза-щелочки, на головах — большие шляпы, из-под которых выглядывали волосы, заплетенные в косицы. Они крепко держались за руки, причем не как попало, а строго по росту — китаец повыше держал за руку китайца поменьше, а тот в свою очередь прицеплялся к еще более мелкому китайцу и так далее, и так далее, до самого последнего китайца, который был уже совсем крошечный — величиной с горошину. Держал ли тот

кого-нибудь за руку, за неимением лупы сказать было трудно.

Вся улица была запружена народом — это китайцы гуляли со своими детьми (у них всегда очень много детей, а у детей, в свою очередь, тоже много детей, поэтому у них в одной семье получается сразу много-много поколений — три, четыре, пять, шесть и так далее). Казалось, будто все вокруг кишмя кишело людьми, которые беспорядочно сновали туда-сюда и при этом отчаянно жестикулировали. При виде такой кучи малы у Джима прямо голова пошла кругом и в глазах заребило.

Кроме тьмы-тьмущей китайцев в Пекине было еще несметное количество домов, а каждый дом имел много-премного этажей, и у каждого этажа была сделана своя собственная золоченая крыша с такими обвислыми краями, которые на конце загибались кверху.

На каждом окошке висел пестрый флажок или фонарик, а на всех боковых улочках были натянуты бельевые веревки — сотни веревок тянулись с одной стороны улицы на другую, это чтобы сушить белье. Ведь китайцы очень чистоплотный народ. Ни один уважающий себя китаец не наденет грязную одежду, даже самый крошечный китаец, тот, что величиной с горошину, каждый Божий день стирает свои вещички и вешает их на тонюсенькую веревочку, толщиной в обыкновенную нитку.

Кристи пришлось изрядно попотеть, чтобы протиснуться сквозь толпу и никого не подавить. По тому, как он пыхтел, видно было, что ему это стоит невероятных усилий. Боясь, что кто-нибудь все-таки угодит под колеса, Кристи беспрестанно сигнализировал, расчищая себе путь среди шныряющих туда-сюда китайцев и их детей. Казалось, еще немножко — и он просто сломается от напряжения.

Но вот наконец друзья добрались до главной площади, где как раз и находился императорский дворец. Лукас потянул за рычаг, Кристи остановился и, облегченно вздохнув, выпустил пар. Китайцы от страха прыснули в разные стороны. Они ни разу в жизни не видели паровозов и приняли Кристи за огнедышащее чудовище, которое хочет их всех изжарить себе на завтрак.

Лукас неторопливо раскурил свою трубочку и сказал:

— Ну, Джим, пошли! Посмотрим, дома ли китайский император.

Они слезли с паровоза и отправились ко дворцу. К воротам императорского дворца вела серебряная лестница из девятидесяти девяти ступенек, а сами ворота, высотой в десять метров и шириной в шесть с половиной метров, были сделаны из очень ценного эбенового дерева. Это такая особая порода древесины — она черная-пречерная, как уголь, как смоль и как вороново крыло, вместе взятые. На всем белом свете осталось только двести центнеров и семь граммов этой породы. Вот такая она редкая. И не меньше половины всех запасов эбенового дерева ушло на эти самые императорские ворота. У ворот была приделана табличка из слоновой кости, а на ней — надпись золотыми буквами:

КИТАЙСКИЙ ИМПЕРАТОР

Под табличкой — звонок с кнопкой из чистейшего бриллианта.

— Черт побери! — сказал Лукас, не найдя от удивления других слов. Джим молча взирав на всю эту роскошь, не в силах оторвать глаз от такой красоты.

• Лукас позвонил в звонок, и тут же в эбеновых воротах распахнулось маленькое окошечко и показалась толстая желтая физиономия, которая с любезной

улыбкой уставилась на пришельцев. Наверное, эта толстая физиономия прикреплялась к такому же толстому туловищу, но его не было видно из-за дверей.

— Что вам угодно, достопочтенные господа? — тонюсеньким голосом пропищала толстая желтая физиономия.

— Мы — машинисты, приехали из-за рубежа вместе с нашим локомотивом, — отвечал Лукас, — и нам бы очень хотелось, если это возможно, побеседовать с китайским императором.

— А по какому поводу вам нужен наш достопочтенный император? — полюбопытствовала голова, снисходительно улыбаясь.

— Мы объясним это в личной беседе с императором, — ответил на это Лукас.

— К сожалению, это совершенно невозможно, многоуважаемый машинист восхитительнейшего локомотива, — прошелестела физиономия, расплываясь в еще более любезной улыбке, — совсем-совсем невозможно побеседовать с нашим достопочтенным императором. Если только, конечно, у вас нет приглашения. У вас есть приглашение? — спросила странная голова без тела.

— Нет, — озадачился таким вопросом Лукас, — а на что оно нам?

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, толстая голова заявила:

— Прошу искреннейше простить меня, мелкого червя, недостойного ваших высокочтимых взоров, но в таком случае я не вправе вас впустить. Император занят.

— Но, может быть, за весь день у него все-таки найдется минуточка и для нас? — снова спросил Лукас, проявляя некоторую настойчивость.

— Весьма сожалею, — ответила физиономия со сладчайшей улыбкой, — но у нашего императора не бывает

свободных минуточек. Мое почтение, господа! — С этими словами голова с треском захлопнула окошечко.

— Черт подери! — чертыхнулся Лукас, и друзья побрели вниз по серебряной лестнице в девяносто девять ступенек.

— Знаешь, — сказал Джим, — у меня такое чувство, что император смог бы выкроить для нас минуточку, просто желтая рожа не хочет нас впускать,

— Похоже на то, — пробурчал сердито Лукас.

— Что же нам теперь делать? — спросил Джим.

— Давай-ка погуляем по городу, посмотрим, что тут и как, — предложил Лукас, к которому снова вернулось хорошее расположение духа. Он никогда не мог долго сердиться.

Они пересекли площадь, на которой собралось великое множество народу. Отойдя на почтительное расстояние, китайцы с большим интересом разглядывали паровоз. Кристи чувствовал себя крайне неловко и от смущения даже потупил фары. Когда наконец появился Лукас и дружески похлопал его, Кристи облегченно вздохнул.

— Слушай, Кристи, — сказал Лукас, — мы тут с Джимом пойдем погуляем, а ты останешься здесь, ладно?

Кристи ничего не оставалось делать, как снова вздохнуть.

— Мы недолго, — попытался утешить его Джим. На этом они попрощались с Кристи и отправились гулять по городу.

Несколько часов подряд друзья бродили по всяким разным узким переулкам-закоулкам, по пестрым широким улицам и площадям и смотрели во все глаза по сторонам — столько здесь было всего диковинного и удивительного. Вот взять хотя бы чистильщиков ушей. Чистильщики ушей у них — вроде наших чис-

тильщиков обуви. Они тоже сидят на улицах, перед каждым стоит стул. Хочешь почистить уши — пожалуйста, садись на стул, и твои уши будут сверкать как новенькие. Только китайцы обходятся с ушами не так, как мы, — мокрой тряпкой пыль смахнул, спичечкой поковырял, раз-два и готово! Нет, у них это целая процедура. У каждого чистильщика ушей есть специальный столик с серебряной столешницей, а на ней разложено бесчисленное множество каких-то крошечных ложечек, кисточек, палочек, щеточек, тампончиков, плосечек, чашечек и так далее. И все это им нужно для работы.

Китайцев хлебом не корми, дай уши почистить. И делают они это не только из аккуратности, но и потому, что им очень нравится сам процесс: ведь так приятно, когда мастер легонько щекочет тебя, пошкрябывая твое ухо.

А еще там были, например, волососчеты, которые могли любому сосчитать, сколько у него волос на голове. Потому что в Китае это очень важно, сколько у тебя волос. У всякого порядочного волососчета имелись такие малюсенькие золотые щипчики, которыми он мог легко подцепить каждую волосинку. Сосчитает сто штук, соберет их в пучок, подвяжет ленточкой и давай дальше считать, и так до тех пор, пока уж и головы не будет видно из-за бантиков. А рядом непременно сидит подмастерье, который пересчитывает все пучки и складывает их вместе. Конечно, на такое дело обыкновенно уходит много часов. Но бывает, конечно, что хватает и нескольких минут, ведь и в Китае попадают люди, у которых на голове всего-то две-три волосины или и того меньше.

Много еще всякой всячины увидели друзья на улицах Пекина. Одни только фокусники чего стоили! Особенно их поразил тот фокусник, который на гла-

зах у всех из маленького семечка вырастил крошечное деревце, а на деревце сидели настоящие птички, которые весело щебетали; на ветках висели миниатюрные фрукты, напоминавшие жемчужины, и их можно было попробовать — вкусотища необыкновенная!

А еще они видели жонглеров, которые жонглировали не простыми мячами или шарами, а своими маленькими детьми. И эти отважные крохи, кувыряясь в воздухе, умудрялись еще играть на маленьких дудочках.

А магазины, магазинчики, лавки, лавчонки и прочее — чего там только не продавалось! Ни у одного человека не хватит воображения, чтобы представить себе все это, если он сам ни разу не бывал в Китае. Только чтобы перечислить те фрукты, тончайшие ткани, посуду, игрушки, утварь, от которых прямо-таки ломились все прилавки, понадобится в десять раз больше страниц, чем в этой книжке.

Или вот еще одна чудесная вещь — резьба по слоновой кости. Среди резчиков по кости попадаются иногда совсем уж глубокие старцы — лет под сто или больше, — и, представьте себе, за всю свою долгую жизнь они успевают сделать только одну-единственную вещь. Но зато какую! Таким произведениям просто цены нет. Ну а поскольку они такие дорогие, что их все равно никто купить не может, то мастера их дарят тому, кого они считают достойным такого подарка. Некоторые из них, например, вырезали из слоновой кости шарик величиною с мяч. И вся поверхность этого шарика состояла из прекраснейших картин, но не нарисованных, а вырезанных, причем настолько искусно, что казалось, будто это тончайшее кружево, а не твердая слоновая кость.

Если заглянуть внутрь такого шарика, то можно увидеть, как сквозь ажурное плетение первого слоя проглядывает второй шарик, тоже весь резной. А в

нем — еще шарик и так далее и так далее до самой середины, где лежал последний крошечный шарик. Самое удивительное, что все это сделано из одного цельного куска, а не каждый шарик по отдельности. Вырезав первый слой, мастер приступал к следующему, просовывая в образовавшиеся отверстия свои тончайшие инструменты — всякие пилочки, ножички и так далее.

Работать они начинали прямо, можно сказать, с пеленок, когда еще сами были не больше горошины, и продолжали всю жизнь, пока не превращались в дряхлых седовласых старцев. И вся их жизнь отражалась в этих ажурных картинах, как в таинственной книге с чудесными иллюстрациями.

В Китае резчики по слоновой кости пользовались всегда огромным уважением, и люди называли их почтительно: великий мастер слоновой кости.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой Кристи приходится играть в карусель,
а друзья знакомятся с маленьким китайчонком*

Целый день друзья болтались по городу. Солнце уже склонялось к горизонту, и золотые крыши поблескивали в его лучах.

Начинало смеркаться, и китайцы зажгли свои фонарики, которые весело светились всеми цветами радуги. Эти фонарики китайцы подвешивали на такие длинные палки вроде удочек и ходили с ними по улицам. У больших китайцев были большие удочки, у маленьких — маленькие. Некоторые крохи выглядели просто как светлячки.

За всеми этими чудесами друзья забыли, что с утра у них во рту и маковой росинки не было.

— Вот так так! — рассмеялся Лукас. — Сейчас что-нибудь придумаем. Пойдем-ка в какое-нибудь кафе и закажем себе настоящий ужин!

— По рукам, — согласился Джим. — А кстати, у тебя есть китайские деньги?

«Черт побери, — ругнулся про себя Лукас и задумчиво почесал за ухом. — Об этом я как-то не подумал».

— Ну ладно, есть деньги, нет денег, но без еды человек не может. Стало быть, надо как-нибудь выкручиваться, — сказал Лукас и погрузился в размышления.

Джим терпеливо ждал. Тут Лукаса осенило:

— Придумал! Если у нас нет денег, то их можно заработать.

— Отличная идея, — поддержал его Джим, — но как?

— Очень просто, — объяснил Лукас, — мы пойдем сейчас к Кристофу на площадь и будем катать китайцев — за плату, конечно, один круг — десять ли.

Друзья поспешили на площадь, где по-прежнему вокруг Кристофа на почтительном расстоянии стояла толпа зевак. Теперь они все держали в руках фонарики.

Лукас и Джим с трудом протиснулись сквозь толпу и забрались на локомотив. Зрители оживились — они явно ждали чего-то необычного.

— Внимание, внимание! — громким голосом сказал Лукас, обращаясь к собравшимся. — Дistinguished публика! Мы приехали издалека — вероятно, скоро покинем вашу страну. Не упустите этой единственной возможности покататься на локомотиве. Только сегодня и только для вас — всего десять ли за целый круг! Только десять ли, и вы обедаете на паровозе всю эту гигантскую площадь!

Люди зашептались, зашушукались, но никто не сдвинулся с места. Лукас продолжал усердно зазывать публику:

— Подходите, не стесняйтесь! Локомотив не кусается! Не бойтесь! Смелее, вперед!

Толпа с благоговейным почтением взирала на Лукаса и Джима, но никто не отваживался выйти первым.

— Черт подери, — тихонько выругался Лукас. — Боятся. Попробуй-ка теперь ты, — сказал он, обращаясь к Джиму.

Джим набрал побольше воздуха и закричал что было мочи:

— Ребята, давайте кататься! Послушайте меня, не пожалеете — это так здорово! Катание на паровозе — самое веселое занятие в мире, веселее, чем на карусели! Внимание, внимание! Через десять минут мы отправляемся. Просьба занять места. Подходите! Десять ли за круг! Только десять ли!

Но все было без толку — никто даже не шелохнулся.

— Не хотят, — прошептал Джим упавшим голосом.

— Давай сделаем кружочек — может, клюнут, — решил Лукас.

Друзья забрались в кабину машиниста и двинулись по кругу, но это произвело почему-то совершенно обратный эффект. Перепуганная насмерть публика кинулась врассыпную, и через секунду на площади не осталось ни единой души, будто всех ветром сдуло.

— Ничего не вышло, — сказал Джим, тяжело вздохнув, когда они наконец остановились.

— Стало быть, надо придумать что-нибудь получше, — пробурчал себе под нос Лукас.

Они вылезли из кабины, сели рядом прямо на мостовую и стали ломать головы, что бы такое еще изобрести. Но дело подвигалось туго, так как в животах у них отчаянно урчало, и от этого ничего хорошего на ум не приходило. В конце концов Джим не выдержал.

— Ничего мы не придумаем. Если б мы хоть кого-нибудь тут знали, хоть какого-нибудь китайца, он бы

нам мог посоветовать, что делать. — Голос Джима звучал очень жалобно.

— Конечно, посоветовал бы! — раздался вдруг чей-то тонюсенький голосок. — Чем могу быть вам полезен?

Лукас и Джим стали удивленно озираться по сторонам, пока наконец не заметили внизу крошечного китайчонка: он был такой маленький, что запросто мог бы уместиться на ладошке. Его голова, например, была не больше, чем шарик для пинг-понга. И хотя китайцы все не очень-то крупные, этому смельчаку еще явно не хватало роста, чтобы считаться взрослым. Он, наверное, из третьего, а может, и четвертого поколения в семье, — в общем, малявочка, подумали друзья, глядя на крошечного китайчонка, который в этот момент снял свою миниатюрную шляпу и склонился в глубочайшем поклоне, так что вместо его лица приятели видели теперь только черную косицу, торчавшую кверху.

— Позвольте представиться, высокочтимые чужеземцы, — сказал он, — Пинг Понг. Я к вашим услугам.

Лукас вынул трубку изо рта и тоже поклонился, стараясь сохранить очень серьезное выражение лица.

— Меня зовут машинист Лукас, — представился он.

Теперь настала очередь Джима.

— Меня зовут Джим Пуговка, — сказал он, почти-тельно кланяясь новому знакомому.

Когда церемония знакомства завершилась, Пинг Понг снова поклонился и сказал:

— Я слышал, как урчат ваши животы. Для меня было бы высочайшей честью накормить вас, друзья. Подождите меня здесь минуточку!

И он помчался со всех ног ко дворцу, так что только пятки сверкали; он бежал с такой скоростью, что казалось, будто это катится маленькое колесико.

Когда он исчез в темноте, ошарашенные друзья посмотрели друг на друга с недоумением.

— Интересно, чем все это кончится, — сказал Джим.

— Поживем — увидим, — ответил Лукас и принялся выбивать свою трубку.

Вскоре показался Пинг Понг, взгромоздивший на голову какой-то гигантский тюк, под тяжестью которого бедняга едва передвигал ноги. Оказалось, что он притащил маленький столик, покрытый лаком (не больше обыкновенного подноса). Столик Пинг Понг поставил рядом с паровозом, а вокруг стола разложил подушки размером с почтовую марку.

— Прошу садиться! — сказал Пинг Понг, широким жестом приглашая своих гостей занять места на подушечках.

Друзья постарались кое-как уместиться на крошечных «сиденьях». Нельзя сказать, что им было очень удобно, но ничего не поделаешь — им не хотелось быть невежливыми по отношению к Пинг Понгу, который и так носился как угорелый между дворцом и площадью. Он притащил, например, чудесный маленький фонарик, на котором была нарисована веселая рожица. Потом он сгонял за палочкой-удочкой для него, каковую ловко вставил в колесо паровоза, так что получилось очень красиво — вокруг темным-темно, а у них над столом уютно светит огонек.

— Ну вот, — пропищал Пинг Понг, с явным удовлетворением оглядывая свою работу. — Что же позволите мне предложить вам на ужин, высокочтимые чужеземцы?

— Хороший вопрос, — с некоторой заминкой ответил Лукас, явно не знавший, что и сказать на это. — А что у вас, собственно говоря, есть?

Радужный хозяин принялся старательно перечислять те кушанья, которые он мог доставить к столу своих гостей:

— Могу вам предложить столетние яйца с нежнейшим салатом из беличьих ушек. Или, может быть, желаете засахаренных дождевых червей в сметане? Очень рекомендую пюре из древесной коры с тертой лошадиной подковой. А может, вам больше по вкусу осиное гнездо со змеиной шкурой в уксусе и масле? Или вы предпочли бы муравьиные клецки с пикантным соусом из улиточной слизи? А вот еще можно попробовать печеные стрекозиные яйца в меду или нежнейших шелковичных червей с отварными ежевыми колючками. Или вы остановитесь на хрустящих ножках кузнечика с салатом из внутренностей божьих коровок?

Совершенно ошалевшие от такого меню, друзья только недоуменно переглядывались, пока наконец Лукас не осмелился прервать сей бесконечный список.

— Милый Пинг Понг, — сказал он, — это все, наверное, изысканнейшие деликатесы. Но, знаешь, мы ведь совсем недавно в вашей стране, и нам надо еще немножко привыкнуть к вашей пище. Нет ли у вас чего-нибудь простенького?

— Конечно, конечно, — живо откликнулся Пинг Понг. — Вот, например, конские яблоки, обваленные в сухарях, тушенные в слоновьих сливках.

— Ой, спасибо, не надо, — вмешался тут Джим. — Нет ли у вас нормальной, настоящей еды?

— Нормальной настоящей еды? — в растерянности переспросил Пинг Понг. Но через секунду лицо его озарилось счастливой улыбкой. — О, я понял! — закричал он. — Вы хотите что-нибудь вроде мышиных хвостов или пудинга из лягушачьей икры. Это самое нормальное из того, что мне известно.

Джима даже передернуло при мысли о мышиных хвостах и пудинге из лягушачьей икры.

— Нет, нет, только не это, — сказал он. — Не найдется ли у вас просто какого-нибудь бутербродика?

— Какого-нибудь чего? — переспросил Пинг Понг.

— Бутербродика, — повторил Джим.

— Нет, никогда даже о таком и не слышал, — ответил растерянно Пинг Понг.

— А может быть, жареной картошки с яичницей? — поинтересовался Лукас.

— Нет, и это кушанье мне не известно, — ответил Пинг Понг.

— Или вот еще бывает жаркое из свинины, — продолжал Лукас, у которого уже слюнки текли от таких слов.

Теперь настал черед Пинг Понга ужаснуться — при упоминании жаркого из свинины его прямо передернуло, и он уставился на друзей с неподдельным изумлением.

— Простите, высокочтимые чужеземцы, что я такотреагировал на ваши слова, — пропищал малыш, — но неужели вы действительно можете такое есть?

— Можем, можем, еще как! — закричали друзья в один голос.

На некоторое время вся компания погрузилась в глубочайшее размышление, пока наконец Лукаса не осенило.

— Ребята, идея! — закричал он радостно. — Мы ведь в Китае, а в Китае должен быть рис.

— Рис? — озадачился Пинг Понг. — Самый обыкновенный рис?

— Самый обыкновенный, — подтвердил Лукас.

— Знаю, знаю, — завопил Пинг Понг вне себя от счастья, — я принесу вам королевский рис! Сейчас я мигом, одна нога тут, другая там.

И он собрался уж было лететь, как Лукас удержал его на полдороге, ухватив за рукав.

— Только прошу тебя, Пинг Понг, — сказал он, — если можно — без всяких там жуков и жареных шнурков.

Пинг Понг клятвенно пообещал учесть пожелание гостей и растворился во тьме.

Через некоторое время он появился снова, торжественно неся две малюсенькие плошки величиною с наперсток.

Друзья недоуменно переглянулись и подумали про себя: пожалуй, маловато будет для двух голодных машинистов. Но вслух ничего не сказали, ведь в гостях нехорошо капризничать.

Но тут Пинг Понг снова куда-то умчался и скоро вернулся с двумя другими плошками. И так он сновал туда-сюда, пока наконец весь стол не был уставлен посудой, и из всех этих чашечек, плошечек, горшочков пахло чертовски аппетитно. Перед каждым из гостей Пинг Понг положил по две тоненькие палочки, напоминавшие карандаши.

— Хотел бы я знать, зачем нам эти палочки? — шепотом спросил Джим у Лукаса.

И хотя Джим говорил совсем тихо, Пинг Понг услышал его вопрос и сказал:

— Эти палочки, достопочтенный Пуговиценосец, представляют собою столовый прибор. Ими едят.

— Ага, понятно, — ответил Джим, несколько озадаченный таким объяснением.

— Ну ладно, попробуем, — решил Лукас, — приятного аппетита!

И они стали пробовать. Но всякий раз, когда им удавалось с невероятным усилием водрузить на палочку одну-единственную рисинку, она непременно сваливалась перед самым ртом. Это было очень неприятно, ведь чем дольше они глядели на еду, которая так предательски вкусно пахла, тем больше им хотелось есть.

Пинг Понг, как человек вежливый, делал вид, что не замечает неловкости своих гостей, и даже тень улыбки не промелькнула на его лице. Но в конце концов даже Джим и Лукас не выдержали и принялись хохотать. Тогда и Пинг Понг позволил себе немножко посмеяться.

— Извини нас, Пинг Понг, — сказал Лукас, — но мы, пожалуй, будем лучше есть без палочек. Иначе мы умрем с голоду.

И они прекрасно обошлись без палочек, ведь все плоски-чашки были не больше чайной ложки.

Во всех этих многочисленных мисочках был рис — всевозможных сортов и приготовленный самыми разными способами, один другого лучше — красный рис, зеленый рис, черный рис, сладкий, острый, соленый, рисовая каша, рисовая запеканка, рис на пару, глазированный, голубой и позолоченный. И друзья все ели и ели и никак не могли остановиться.

— Скажи, пожалуйста, Пинг Понг, — спросил Лукас, отрываясь от ужина, — а почему ты не ешь с нами?

— Это невозможно, — ответил Пинг Понг, придав своему лицу очень важное выражение. — Детям моего возраста такая еда совершенно не подходит. Нам следует питаться жидкой пищей.

— То ешь как это? — прошамкал Джим с набитым ртом. — А школько тебе лет?

— Мне триста шестьдесят восемь дней, — ответил гордо Пинг Понг, — но у меня уже целых четыре зуба.

Прямо чудеса какие-то, подумать только — Пинг Понгу было всего год и три дня! Невероятно. Здесь придется остановиться и кое-что объяснить.

Китайцы — очень умный народ. Можно даже сказать, что они самые умные в мире. К тому же это очень древний народ. Они уже существовали на Земле, когда других народов еще и в помине не было.

Именно поэтому даже самые маленькие китайцы умеют стирать. В один год они запросто бегают где хотят и могут разговаривать как взрослые. В два года они умеют читать и писать. В три — решают сложнейшие задачки, которые у нас и не всякий профессор одолеет. У нас бы таких детей быстренько определили в вундеркинды, а в Китае все дети такие, так что никто не придает этому никакого значения.

Вот почему Пинг Понг умел так изысканно изъясняться и справлялся с самим собой не хуже родной мамы. Но в остальном он ничем не отличался от прочих младенцев его возраста во всем мире. Скажем, он еще не мог обходиться без пеленок и подгузников. Вместо штанов на нем была обыкновенная пеленка, завязанная сзади бантиком, — почти все, как у наших детей, не считая, конечно, того, что он по сравнению с ними был большим умником.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, *в которой Лукас и Джим обнаруживают таинственные надписи*

Взошла полная луна, и ее серебристо-белый свет разлился по улицам Пекина. Со стороны дворца слышались глухие гулкие удары гонга.

— Это Яу, час кузнечика, — объяснил Пинг Понг. — Время, когда все маленькие детки в Китае получают свой последний засыпальный рожок. Можно я сбегаю за своим?

— Конечно, конечно, — разрешил Лукас.

Пинг Понг умчался куда-то, но через минуту был уже снова на месте, в руках он держал крошечную бутылку с соской наподобие кукольных бутылочек у нас.

Он пристроился на подушечке и сказал:

— Я предпочитаю ящеричное молоко. Оно просто незаменимо для детей моего возраста. Хотя оно, прямо скажем, не слишком-то вкусное, но зато чрезвычайно полезное.

С этими словами он припал к своей бутылочке и принялся усердно сосать.

— Скажи-ка, Пинг Понг, — обратился Лукас к малышу через некоторое время, — а где ты раздобыл нам ужин, да еще так быстро?

Пинг Понг на секунду оторвался от своей трапезы.

— На императорской кухне, — сказал он как бы между прочим, — видите, вон там, рядом с серебряной лестницей, дверь. Это вход на кухню.

Теперь, при свете луны, эта дверь была хорошо видна. Днем ее друзья совершенно не заметили. Джим прямо-таки рот открыл от удивления.

— И что, ты вот так запросто можешь ходить туда-сюда? — спросил он.

— Почему бы и нет? — ответил Пинг Понг, пожимая плечами, и добавил с очень важной миной: — В конце концов, я тридцать второй ребенок четвертого поколения господина Шу Фу Лу Пи Плу, шеф-повара его императорского величества.

— А разве тебе разрешают брать еду просто так, когда захочешь? — поинтересовался Лукас, несколько озабоченный щекотливым положением, в котором они оказались. — Ведь, наверное, эта еда предназначалась для кого-то?

— Это был ужин его императорского величества, — ответил Пинг Понг, небрежно махнув ручкой, как будто речь шла о каком-то пустяке.

— Что-о-о? — в один голос закричали Джим и Лукас. В ужасе они посмотрели друг на друга.

— А что тут такого? — удивился Пинг Понг, видя, как переполошились его новые друзья. — До-

стопочтенный император опять не пожелал принять пищу.

— А почему не пожелал? — искренне изумился Джим. — Ведь все такое вкусное!

— Вкусное-то вкусное, да дело не в этом. Разве вы, высокочтимые чужеземцы, не знаете, что случилось с нашим императором? Об этом знает весь мир.

— Нет, не знаем, — ответил Лукас, — а что с ним стряслось?

Пинг Понг сразу посерьезнел.

— Я все покажу вам, когда закончу свои дела, — пообещал он. — Одну минуточку!

И он снова припал к своей бутылочке.

Лукас с Джимом многозначительно переглянулись. Может быть, Пинг Понг сможет показать им, как пройти к императору.

Пока Пинг Понг сосредоточенно занимался своим важным делом, Лукас механически рассматривал палочки, которые лежали на столе. Что-то привлекло его внимание, и он стал рассматривать их более пристально.

— Тут есть какая-то надпись, — сказал он, как следует разглядев обе палочки, — кажется, какое-то стихотворение.

— А что там написано? — поинтересовался Джим, ведь сам он читать не умел.

Лукасу понадобилось какое-то время, чтобы разобрать надпись, — ведь написано все было китайскими буквами, причем буквы располагались не в ряд, а в столбик, одна под другой. Кстати, именно так и пишут в Китае. Надпись выглядела приблизительно так:

СОЛНЦЕ, ЛУНА, ВСЕ СВЕТИЛА ЗАШЛИ, НЕТ
МОЕЙ ДОЧЕРИ, МИЛОЙ ЛИ ШИ,— было написано
на одной палочке, а на другой стояло:

ГДЕ ТОТ СМЕЛЬЧАК, ЧТО ПРИНЦЕССУ
НАЙДЕТ И ПОД ВЕНЕЦ С НЕЮ СРАЗУ ПОЙДЕТ?

— Звучит не слишком-то весело, — сказал Джим после того, как Лукас прочитал все до конца.

— Да, кто-то горюет по своему ребенку, если я правильно понял. Наверное, ребенок умер или болен. Или он где-то далеко-далеко, и некто горюет оттого, что разлучен с ним. Может, даже насильно. Если ребенка, например, похитили.

— Хорошо бы узнать, кто сочинил эти стихи, — сказал Лукас, раскуривая свою трубку.

Пинг Понг тем временем разделался со своей бутылочкой и теперь внимательно прислушивался к разговору друзей.

— Это стихотворение, высокочтимые чужестранцы, — решил он вмешаться в их беседу, — сочинил сам достопочтенный император. Он велел на всех палочках в Китае начертать эти слова, дабы мы ни на минуту не забывали об этом.

— О чем? — хором спросили Лукас и Джим.

— Подождите минуточку, — вместо ответа сказал Пинг Понг и принялся быстро убирать со стола.

Затем он стащил все во дворец, погасил фонарик, но относить его не стал, а оставил при себе.

— Ну вот, высокочтимые чужеземцы, теперь мы можем отправляться в путь, — с важной миной произнес Пинг Понг.

Но не успели они сделать и нескольких шагов, как маленький провожатый остановился и, смущенно улыбаясь, сказал:

— У меня есть просьба. Мне бы очень-очень хотелось прокатиться на вашем локомотиве. Нельзя ли это как-нибудь устроить?

— Конечно, можно, — ответил Лукас. — Только тебе придется указывать нам дорогу.

Джим взял на руки малютку Пинг Понга, друзья забрались в кабину, и паровоз тронулся в путь.

Конечно, Пинг Понгу было немножко страшно, хотя он держался как настоящий смельчак и старался все время вежливо улыбаться.

— Ух, быстро катим! — пищал он. — Следующая улица, пожалуйста, налево — ой, мне кажется... — Пинг Понг с опаской поглядывал на свой круглый животик. — Теперь, пожалуйста, направо... мне кажется... теперь прямо... наверное, я слишком быстро выпил свое молочко... теперь через мост... это вредно для детей моего возраста... все время прямо... очень вредно... еще раз направо... даже противопоказано... ох, как быстро едем, однако!

Через несколько минут они уже доехали до другой площади, которая была совершенно круглой. Посередине возвышался огромный темно-красный фонарь, такой огромный, как тумба для афиши. На фоне совершенно пустынной площади, залитой голубоватым лунным светом, это выглядело довольно мрачно и таинственно.

— Все, приехали, — сказал Пинг Понг каким-то сдавленным голосом. — Это самый центр Китая. А там, где стоит фонарь, — самый центр мира. Вычислено с абсолютной точностью нашими величайшими мудрецами. Поэтому площадь называется просто Центр.

Паровоз остановился, и друзья вышли на площадь. Подойдя к фонарю, они увидели, что и на нем что-то написано. Опять китайскими буквами в столбик:

Я, ПУНГ ГИНГ, ИМПЕРАТОР КИТАЙСКИЙ,
ТОРЖЕСТВЕННО ОБЕЩАЮ ОТДАТЬ СВОЮ ДОЧЬ,
ПРИНЦЕССУ ЛИ ШИ, В ЖЕНЫ ТОМУ,
КТО ОСВОБОДИТ ЕЕ ИЗ ПЛЕНА И ПРИВЕЗЕТ ЕЕ
ИЗ ДРАКОНЬЕГО ГОРОДА ДОМОЙ.

Прочтя эту надпись, Лукас от удивления присвистнул.
— А что там написано? — спросил Джим.

Лукас прочитал ему текст. Все это время малыш Пинг Понг как-то ерзал на месте, проявляя признаки явного беспокойства.

— Вот уж действительно: не надо было так быстро пить молоко, — озабоченно повторял он себе под нос. — Ой ты, Боже мой, так и есть! — неожиданно закричал он.

— Что случилось? — участливо спросил Джим.

— Ах, высокочтимые чужеземцы, — ответил Пинг Понг, в голосе его слышалась тревога. — Вы ведь хорошо знаете, что случается с грудными младенцами: стоит немножко вечером поволноваться — и вот тебе пожалуйста! К сожалению, неприятности избежать не удалось, и теперь я должен срочно перепеленаться.

На всех парах они снова покатили ко дворцу, и Пинг Понг поспешил распрощаться с друзьями.

— Мне уже давным-давно пора спать, — сказал он. — Ну ладно, до завтра! Спокойной ночи, высокочтимые чужеземцы! Мне было очень приятно познакомиться с вами.

Поклонившись, Пинг Понг исчез в тени дворца. Лишь на минутку мелькнул огонек — это с легким скрипом отворилась дверь на кухню, а потом быстро захлопнулась. И снова все стихло в кромешной тьме.

Друзья с улыбкой проводили взглядом нового знакомого.

— Мне кажется, молоко тут ни при чем, — сказал Джим, — наверное, подействовало катание на Кристофе, как ты думаешь?

— Вполне возможно, — ответил Лукас. — Ведь для него это первая поездка в жизни, а он все-таки еще маленький. Ну ладно, Джим, пойдем-ка прикорнем часок-другой. День-то выдался не из легких.

Они забрались в кабинку, устроились поудобнее, насколько это, конечно, было возможно. Хотя они-то

и не видели тут никаких неудобств, уже привыкли за время своего морского путешествия.

— Ты думаешь, нам надо попытаться освободить принцессу? — спросил тихонько Джим, закутываясь в одеяло.

— Я думаю, что да, — ответил Лукас, выбивая свою трубочку. — Понимаешь, Джим, если бы мы сумели это сделать, то тогда император наверняка разрешил бы нам провести железную дорогу по всему Китаю. И тогда наш старичок Кристоф снова встал бы на нормальные рельсы, а мы могли бы остаться здесь.

Джим подумал про себя, что он, честно говоря, не слишком-то горит желанием остаться здесь. Конечно, Китай — красивая страна и все прекрасно, но ему хотелось бы жить в стране, где нет такого столпотворения людей, которых он к тому же плохо различал — они казались ему все на одно лицо. Вот Медландия, например, в этом смысле — прекрасная страна. Но Джим не стал делиться своими сомнениями с Лукасом, чтобы тот не подумал, будто Джим скучает. Поэтому он ограничился только одним вопросом:

— А ты когда-нибудь имел дело с драконами? Мне кажется, с ними не так все просто.

Лукас радостно ответил:

— Нет, представь себе — в жизни не видел ни одного дракона, даже в зоопарке. Но я думаю, уж Кристи с драконом как-нибудь столкнется.

— Да-а, с одним драконом-то, может, и столкнется, но там ведь будет целая куча драконов, раз это драконий город, — возразил Джим, и в его голосе послышались какие-то жалобные нотки.

— Ничего страшного, поживем — увидим, старина, — утешил его Лукас. — Давай-ка лучше спать. Спокойной ночи, Джим, и выкинь все из головы!

— Попробую, — отозвался Джим. — Спокойной ночи, Лукас!

Некоторое время Джим лежал и думал о фрау Каакс, стараясь представить себе, что она там подделывает. А потом он попросил доброго Боженьку утешить фрау Каакс, если она там очень огорчается. И еще Джим попросил все объяснить ей как следует. Джим сначала никак не мог заснуть и все прислушивался к мирному дыханию Кристи, который уже давно сладко посапывал во сне, но потом и Джим закрыл глаза и незаметно для себя погрузился в сон.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой состоится цирковое представление,
а Некто замышляет против Джима и Лукаса
что-то недоброе*

Когда на следующее утро друзья проснулись, солнце стояло уже довольно высоко. Как и вчера, вокруг локомотива снова собрались люди, с почтительного расстояния глазевшие на диковинную машину.

Лукас и Джим вылезли наружу и со словами: «Доброе утро, Джим! Доброе утро, Лукас!» — как следует потянулись.

— Отличный денек сегодня! — сказал Лукас. — Самый подходящий для того, чтобы нанести визит императору и объявить ему о нашем решении заняться спасением его дочери.

— А может, лучше сначала позавтракать? — робко спросил Джим.

— Зачем? Я думаю, император нас пригласит позавтракать с ним.

И друзья снова направились ко дворцу, поднялись по девяноста девяти ступенькам и нажали на алмаз-

ный звонок. И снова распахнулось окошко в эбеновых воротах и показалась толстая желтая рожа.

— Что вам угодно, достопочтенные господа? — пропищала рожа тоненьким голоском, расплываясь в своей слащавой улыбке.

— Мы хотели бы побеседовать с китайским императором, — ответил Лукас.

— К сожалению, у императора и сегодня нет времени, — ответила толстая желтая физиономия, собираясь уже захлопнуть окошко.

— Эй, дружище, постой, — попытался задержать ее Лукас. — Доложите императору, что двое друзей готовы спасти его дочь.

— О-о-о! — выдавила из себя толстая желтая физиономия. — Это, конечно, совсем другое дело. Будьте добры, подождите минуточку!

С этими словами она захлопнула окошко.

Друзья остались ждать под дверью.

Они ждали и ждали.

А потом еще ждали и ждали.

И еще ждали и ждали. Минуточка уже давным-давно прошла. Потом прошло еще много-много минуточек, а толстая рожа так и не появлялась.

Видя, что ждать больше не имеет смысла, Лукас сердито пробурчал:

— Ты прав, малыш, давай-ка лучше позаботимся о завтраке. Может быть, удастся хотя бы пообедать у императора.

Джим стал озиаться в надежде обнаружить где-нибудь Пинг Понга, но Лукас, заметив это, сказал:

— Нет, дружок, мы, два здоровых лба, не можем позволить себе сидеть на шее у грудного младенца. Это же смешно. Сами справимся как-нибудь.

— Ты хочешь снова поиграть в карусель? — осторожно спросил Джим.

Лукас пыхтел своей трубкой.

— Я придумал кое-что получше. Смотри сюда, Джим! — сказал он и легонько сплюнул — это была его знаменитая двойная петля, точнее, не петля, а петелька, чтобы видно было только Джиму.

— Понял? — спросил довольный собой Лукас и хитро подмигнул Джиму.

— Нет, — честно признался тот.

— Помнишь вчерашних акробатов? Мы ведь тоже кое-что умеем. Так что дадим цирковое представление!

— Вот здорово! — радостно закричал Джим, но тут же вспомнил, что он-то ничего особенного делать не умеет. — А как же я? — спросил он совершенно упавшим голосом.

— А ты можешь разыгрывать простака и будешь на подхвате, — нашелся тут Лукас. — Вот видишь, Джим, как полезно быть разносторонним человеком — всякое искусство может, оказывается, пригодиться.

Друзья забрались на крышу Кристофа и снова, как вчера, принялись попеременно зазывать публику:

— Достопочтенная публика! Мы бродячие циркачи из Медландии! Сегодня для вас невиданное гала-представление! Спешите видеть, подходите поближе! Мы начинаем!

Толпа с явным интересом стала осторожненько продвигаться вперед. Для начала Лукас изобразил «самого сильного человека в мире», которому ничего не стоит скрутить в бараний рог любой железный предмет. Лукас продемонстрировал зрителям толстенную длинную кочергу, которую он предварительно достал из тендера. Страсть к цирку, которой одержимы все китайцы, заставила их позабыть об опасности, и они, оставив всякий страх, окружили друзей плотным кольцом.

Под удивленные возгласы публики Лукас ловко завязал кочергу бантиком и в награду получил бурные аплодисменты.

Во втором отделении Джим зажег спичку и поднял ее высоко над головой, а Лукас, как высококлассный мастер по художественным плевкам, погасил ее с расстояния трех с половиной метров. Джим строил из себя такого простофилю, который все боится, что плевков попадет прямо в него, и этим очень веселил публику.

В заключение Лукас вместе с Кристи просвистели на два голоса песенку. Когда представление закончилось, на артистов обрушился целый шквал аплодисментов, потому что китайцы никогда в жизни ничего подобного не слыхивали и не видывали. Свой коронный номер Лукас припас под самый конец, он решил его исполнить на бис. Джим попросил тишины и объяснил, что сейчас зрители увидят нечто совершенно необыкновенное и удивительное. Все замерли от волнения и, затаив дыхание, смотрели во все глаза. И тут Лукас продемонстрировал свою знаменитую двойную петлю — чудесную петлю гигантских размеров, такую и Джиму еще ни разу не доводилось видеть.

Китайцы разразились настоящей овацией, требуя, чтобы им показали замечательный номер еще раз. Но прежде чем продолжать представление, друзья решили сначала собрать деньги. Джим обошел всех зрителей, число которых заметно увеличилось, так как все время подходили новые и новые люди, привлеченные удивительным зрелищем. Так что Джим собрал целую кучу денег. В основном давали мелкие монетки с дырочкой посередине, сделанной для того, чтобы удобнее было подвешивать их на веревочку. Джим убедился, что это очень удобно, иначе ему бы нипочем не справиться с таким количеством монет.

Так прошло несколько часов, а толстая желтая рожа все не появлялась.

А не появлялась она по следующей причине.

За эбеновыми воротами размещалась императорская канцелярия. А в канцеляриях, известное дело, никогда ничего быстро не делается. Сначала привратник передал поступившее известие главному привратнику, тот в свою очередь передал его верховному привратнику. Верховный привратник поспешил сообщить новость писцу, писец — младшему секретарю, младший — старшему, старший — главному, главный — верховному, а уже тот обратился в канцелярский совет и так далее, и так далее, пока сообщение не миновало все инстанции. Можно себе представить, сколько времени нужно, чтобы то или иное известие достигло бонз. Бонзами в Китае называют министров. А самый главный министр носит титул «верховного бонзы». Того верховного бонзу, который как раз занимал сей пост при императоре Пунг Гинге, звали Пи Па По.

О господине Пи Па По, к сожалению, нельзя сказать ничего хорошего. Он был страшно честолюбив и завистлив и терпеть не мог, когда кто-то делал что-нибудь выдающееся. Когда до него дошла весть о том, что двое каких-то чужеземцев собираются освободить принцессу Ли Ши, то он чуть не задохнулся от злости, и ядовито-зеленая зависть разлилась в его душе.

— Если кому-нибудь в мире и суждено взять в жены принцессу Ли Ши, то этим человеком буду я, ибо нет другого, более достойного! — сказал он в сердцах.

При этом на самом-то деле он пальцем о палец не ударил, чтобы хотя бы попытаться спасти принцессу. Просто он умирал от зависти. Понятно, что ему не хватало смелости отправиться самому в драконий город и спасти принцессу. Но если тебе, верховному

бонзе Пи Па По, такое дело не по плечу, то нечего мешать, по крайней мере, тем, кто готов совершить сей достославный подвиг. Но бонза как раз собирался заняться именно этим — во что бы то ни стало ему нужно было расстроить планы своих противников.

— Я им покажу, где раки зимуют, — злорадствовал бонза. — Вот возьму и арестую их как иностранных шпионов и велю посадить в темницу. Будут у меня знать. Только бы император ни о чем не прослышал, а то несдобровать мне.

Приняв коварное решение, верховный бонза велел позвать к себе начальника императорской стражи, каковой и не замедлил предстать пред ясны очи министра.

Вытянувшись в струнку, начальник стражи, как положено, поприветствовал верховного бонзу, подняв кверху свою огромную кривую саблю. Надо сказать, что главный стражник был здоровенным верзилой с довольно мрачной физиономией, покрытой многочисленными шрамами. Однако при всей его свирепой наружности законченным злодеем его нельзя было назвать, просто он был немножко туповат.

Единственное, что он умел делать, — подчиняться. Получая тот или иной приказ от бонзы, он честно выполнял его, нисколько не задумываясь над тем, что и зачем он делает. Так его приучили, и он к этому давно привык.

— Начальник стражи, — обратился к нему верховный бонза, — приказываю вам доставить ко мне двух чужеземцев, что стоят у ворот дворца. Но никому ни слова, понятно?!

— Так точно, — ответил начальник стражи, отдал честь и пошел за охраной, чтобы выполнить полученный приказ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
в которой Лукас и Джим попадают в беду

Цирк из Медландии как раз закончил очередное выступление, и вся площадь гремела от рукоплесканий.

— Ну вот, — сказал Лукас, — самое время спокойно позавтракать. Денег у нас теперь достаточно.

— А теперь небольшой антракт, — объявил он, обращаясь к публике.

Но в это самое время эбеновые ворота дворца распахнулись, и тридцать стражников колонной спустились по лестнице. Все они были в одинаковой форме, на голове — островерхие шлемы, в руках — огромные изогнутые сабли.

Зрители притихли и в страхе расступились перед ними. Тридцать стражников, чеканя шаг, подошли к Лукасу и Джиму. Когда они окружили друзей плотным кольцом, начальник подошел к Лукасу и сказал грубым лающим голосом:

— Я прошу вас, достопочтенные чужеземцы, без промедления следовать за мной во дворец, если вы не имеете ничего против.

— Очень даже имеем, — возразил Лукас, — мы как раз собирались позавтракать, вы не слишком-то торопились, а теперь мы сами заняты.

Главный стражник построил довольно страшную рожу, которая должна была означать, что он вежливо улыбается, и пролаял:

— Я прибыл по высочайшему указу, и мне поручено вас доставить во дворец. Приказ есть приказ. Прошу вас следовать за мной.

— Еще чего, — решительно отверг это предложение Лукас и выпустил несколько кудрявых клубов дыма. — И вообще, кто вы такой?

— Я начальник императорской стражи, — прохрипел верзила и отсалютовал своей саблей.

— Вас что, послал китайский император? — допытывался Лукас.

— Не совсем, — уклончиво ответил начальник стражи, — нас послал верховный бонза, господин Пи Па По.

— Ну что, — спросил Лукас, решив сначала посоветоваться с Джимом, — позавтракаем или сразу пойдем к этому Пи Па Пе?

— Не знаю даже, — ответил Джим, которому все это не слишком нравилось.

— Ладно, — сказал Лукас, — не будем такими невежливыми, как он сам, нехорошо заставлять себя ждать. Пойдем, Джим!

Стража препроводила друзей во дворец. Они поднялись по девяноста девяти ступенькам и вошли в эбеновые ворота, которые за ними с шумом захлопнулись.

Теперь они очутились в каком-то длинном коридоре с высоченными потолками. Толстые колонны из зеленого нефрита подпирали чудесный потолок из переливчатого перламутра. Повсюду висели прекрасные занавеси из красного бархата или дорогого цветастого шелка. От этого коридора отходили в разные стороны другие коридоры. Лукас и Джим успели заметить, что в каждом из них полным-полно дверей. Казалось, что кругом сплошные двери, потому что от каждого коридора ответвлялось еще несколько коридоров и так далее и так далее до бесконечности.

— Это, достопочтенные чужеземцы, — объяснил начальник каким-то сдавленным голосом, — императорская канцелярия. И если вы соблаговолите последовать за мной, я провожу вас к верховному бонзе, господину Пи Па По.

— Собственно говоря, нам нужен император, а не господин Пи Па По, — пробурчал Лукас.

— Высокочтимый господин Пи Па По непременно проводит вас к его величеству императору, — постарался успокоить друзей начальник, соорудивший в этот момент очень вежливую гримасу.

Идти пришлось довольно долго, так как нужно было миновать тысячи переходов, коридоров, коридорчиков, прежде чем добраться наконец до заветной двери.

— Здесь, — с благоговейным почтением выдохнул начальник.

Лукас без лишних церемоний постучался в дверь, и друзья, оставив стражу караулить вход, вошли в комнату, где они увидели трех толстых-претолстых бонз, сидевших на высоких стульях. У того, что сидел в центре, стул был выше других. Кроме того, он отличался богатой одеждой, расшитой золотом. Это и был господин Пи Па По. Все трое держали в руках шелковые веера, которыми они усердно обмахивались. Перед каждым бонзой сидел на полу писец с тушью, кисточкой и бумагой — в Китае ведь пишут кисточками.

— Доброе утро, господа, — приветливо поздоровался Лукас и слегка приподнял фуражку. — Вы верховный бонза, господин Пи Па По? Мы хотели бы попасть на прием к императору.

— Доброе утро, — с улыбкой ответил им верховный бонза. — К императору вы попадете немножко позже.

— Может быть, попадете, — вкрадчиво добавил второй бонза и покосился на верховного.

— Не исключено, что и так, — слышался голос третьего бонзы. И все трое переглянулись и принялись согласно кивать головами, а писцы, соорудив подобострастные улыбки, принялись усердно записы-

вать глубокомысленные изречения владык, дабы увековечить их бессмертные мысли для потомков.

— Позвольте для начала задать вам несколько вопросов, — сказал верховный бонза. — Кто вы такие?

— И откуда вы, собственно говоря, пришли? — поинтересовался второй бонза.

— И что вам здесь нужно? — любопытствовал третий.

— Я Лукас, машинист паровоза, а это мой друг — Джим Пуговка, — представился Лукас. — Мы прибыли из Медландии и хотим попасть к китайскому императору, чтобы сообщить ему о нашем решении освободить его дочь Ли Ши.

— Весьма похвальное решение! — с улыбкой произнес верховный бонза. — Но так может всякий заявить.

— У вас есть доказательства? — спросил второй бонза.

— Или разрешение? — добавил третий.

И снова писцы подобострастно захихикали и увековечили для потомков речи владык, а те все обмахивались веерами и улыбались друг другу, без передышки кивая головами.

— Послушайте-ка, любезнейшие, — сказал Лукас, сдвинув на затылок свою фуражку и вынув трубку изо рта. — Чего вы от нас, собственно говоря, хотите? Что вы тут из себя строите, пыжитесь, как индюки? Думаю, императору не очень-то понравится, когда он узнает, что вы тут себе позволяете.

— Надеемся, — возразил верховный бонза с гнусной улыбкой, — что этого-то он как раз никогда и не узнает.

— Без нас, почтенные чужеземцы, вам ни за что не попасть к императору, — добавил второй бонза, самодовольно ухмыляясь.

— И мы допустим вас к нему только после того, как допросим по всем правилам, — заключил третий бонза.

И снова министры закивали головами, приветливо улыбаясь друг другу, и снова писцы, подобострастно хихикая, тщательно записали их речи.

— Ну ладно! — сказал Лукас со вздохом. — Только давайте поскорее с вашим допросом, а то мы еще не завтракали.

— Скажите, господин Лукас, — начал верховный бонза, — есть ли у вас паспорт?

— Нет, — признался Лукас.

Бонзы изобразили на своих физиономиях неподдельное удивление и многозначительно переглянулись.

— Без паспорта у вас даже нет доказательств, что вы существуете на самом деле, — вмешался тут второй бонза.

— Без паспорта вы пустое место, вас нет в природе — с официальной точки зрения, разумеется, — добавил третий бонза. — Без паспорта, таким образом, — продолжал он, — вы, стало быть, не можете идти к императору, ибо человек, который не существует в природе, не может никуда идти. Ведь это логично.

И довольные бонзы закивали головами, и писцы захихикали, записывая их высказывания для потомков.

— Но ведь мы стоим здесь, перед вами, — осторожно заметил Джим, не участвовавший до сих пор в разговоре. — Значит, мы все-таки существуем.

— Ну, так всякий может сказать, — ответил на это верховный бонза, снисходительно улыбаясь.

— Это еще ничего не доказывает, — добавил второй.

— Во всяком случае, с официальной точки зрения, — заключил третий.

— В лучшем случае мы могли бы вам выписать временные удостоверения личности, — заявил верхов-

ный бонза, демонстрируя свое необычайное великодушие. — Большого, к сожалению, мы для вас сделать не в состоянии.

— Хорошо, — согласился Лукас, — и с этими документами мы уже сможем пойти к императору?

— Нет, — ответил второй бонза. — Разумеется, к императору с такими документами вы идти не можете.

— А что мы можем с этими документами? — любопытствовал Лукас.

— А ничего, — с улыбкой произнес третий бонза.

И снова бонзы принялись обмахиваться веерами и кивать друг другу, а писцы захихикали подобострастно и поспешили записать глубокомысленнейшие изречения своих начальников.

— Ну вот что, любезнейшие господа, — сказал Лукас, делая ударение на каждом слове. — Если вы сейчас же, немедленно не отведете нас к императору, то мы найдем способ доказать вам, что мы действительно существуем. Даже с официальной точки зрения!

При этом он как бы ненароком показал им свой огромный черный кулак, и Джим сделал то же самое (хотя его кулачок был, конечно, значительно меньше).

— Советую попридержать языки! — произнес верховный бонза с коварной усмешкой. — Это оскорбление министра! За это я могу вас быстренько упрятать за решетку!

— Ну это уж ни в какие ворота не лезет! — вне себя от ярости закричал Лукас, который уже потихоньку начинал терять терпение. — Вы что, сговорились и специально не хотите нас пускать к императору или как?

— Нет, — возразил верховный бонза.

— Ни в коем случае! — завопили в один голос писцы, искоса поглядывая на своих начальников.

— Почему же вы нас не пускаете? — спросил Лукас.

— А потому, что вы шпионы, — ответил верховный бонза, победоносно улыбаясь. — Вы арестованы!

— Вот оно как. — В спокойном голосе Лукаса слышалась глухая угроза. — Вы что себе думаете, долго вы нам тут головы морочить будете?! Ишь, расселись тут, жирные безмозглые бонзы! Не на тех напали!

С этими словами он решительно подошел к писцам, отобрал у них кисточки и надавал им как следует этими самыми кисточками по ушам. Писцы со страху повалились на пол и принялись душераздирающе звать.

После этого Лукас, не вынимая трубки из рта, стреб в охапку господина Пи Па По, встряхнул его легонько и заткнул поглубже в корзину для бумаг (конечно же, головой вниз). Верховный бонза вне себя от ярости голосил как резаный, отчаянно болтая в воздухе ножками, силясь выкарабкаться из корзины, но безуспешно. Он безнадежно застрял.

Покончив с верховным бонзой, Лукас взял за шкурку второго и третьего бонз, подошел к окну, пнул его ногой и на вытянутых руках выставил обоих министров, так сказать, на улицу. Бонзы тихонько скулили, но не дергались, так как боялись, что Лукас их просто выбросит. А ведь они висели довольно высоко. Так что они присмирели, как мыши, и, побледнев от страха, безропотно болтались между небом и землей, время от времени с опаской поглядывая на разверзшуюся под ними бездну.

— Ну что? — процедил сквозь зубы Лукас (трубку он так и не вынул). — Как вам это нравится? — поинтересовался он, легонько встряхивая министров, у которых от испуга даже челюсти заклацали. — Отведете нас сейчас же к императору или нет?

— Да, да, — жалобными голосами пропищали бонзы.

Лукас втащил их в комнату и поставил трясущихся министров на пол.

Но в эту самую минуту на пороге комнаты появилась стража. Заслышав истошные вопли верховного бонзы, они подняли тревогу, и теперь все тридцать верзил ввалились в комнату и, сабли наголо, медленно двинулись на Лукаса и Джима. Друзья быстро отскочили в угол, чтобы иметь защищенный тыл. Джим спрятался за спиной у Лукаса, который довольно ловко отражал удары противника, используя ножку от стула в качестве меча, а писарский столик в качестве щита. Но скоро ему пришлось взять другую ножку и другой столик, так как деревянное оружие быстро разлеталось в щепки под ударами железных сабель. Джим едва поспевал подавать ему новые ножки от стульев и новые писарские столики. При этом было очевидно, что друзья не смогут слишком долго сдерживать натиск противника, потому что в комнате всего-то было три столика и три стула. Запасы оружия стремительно таяли. Что же делать? Поглощенные схваткой, друзья не заметили испуганной мордашки, которая мелькнула в дверях, — она просунулась в щель и тут же исчезла.

Это был Пинг Понг!

Он проспал все утро — ведь вчера он так поздно лег в постель. Именно поэтому он опоздал на площадь. Люди рассказали ему, что дворцовая стража увела обоих машинистов. Услышав это, Пинг Понг заподозрил тут что-то неладное. Он обежал все углы и закоулки императорской канцелярии, пока наконец не услышал странный шум, доносившийся из дальнего конца коридора. Заглянув в щелку, он в одну минуту оценил положение и понял: тут может помочь только один человек — сам император! Как вихрь понесся Пинг Понг по коридорам, лестницам, покоям. Иногда на пути ему попадались стражники, пытав-

шиеся преградить ему дорогу скрещенными алебардами, но тогда он, не долго думая, подныривал снизу и мчался со всех ног дальше. Ему приходилось обходить стороною опасные места, а то он просто падал, поскользнувшись на гладком мраморном полу, и терял драгоценные секунды. Но он стремительно вскакивал и снова очертя голову бежал и бежал, оставляя позади себя только маленькое облачко пыли. И вот он уже вприпрыжку скачет по мраморной лестнице, теперь будет длинный-предлинный красный ковер, и он все мчится, и мчится, и мчится... и вот уже остаются последние две комнаты, а там уже виден тронный зал... Последняя комната... Огромные двери, ведущие в тронный зал... Но что это? О ужас!.. Двое слуг медленно закрывают створки. Еще секунда — и все будет кончено. Остается малюсенькая щелочка, но все же Пинг Понгу удастся прошмыгнуть в последний момент — все, он в тронном зале.

С гулким стуком позади него сомкнулись створки тяжелой двери.

Тронный зал был таким огромным, что Пинг Понг не сразу заметил достопочтенного императора, сидевшего под балдахином из голубого шелка на серебряном троне, украшенном бриллиантами. Рядом с троном стоял маленький столик, а на нем — телефон, тоже с бриллиантами.

В зале было полным-полно народу. Все важные персоны Китая собрались здесь — и князья, и мандарины, и камергеры, и сановники, и мудрецы, и астрологи, и великие художники, и поэты. Императору они нужны были для решения важных государственных дел. Тут же находились и приглашенные музыканты с хрустальными скрипками, серебряными флейтами, и был приготовлен китайский рояль, весь инкрустированный жемчугом.

Музыканты только-только начали играть. Полилась торжественная мелодия. Все притихли и слушали с величайшим благоговением. Но Пинг Понгу некогда было ждать, пока музыканты доиграют до конца, тем более что в Китае концерты обыкновенно длятся гораздо дольше, чем где бы то ни было на свете.

Он протиснулся сквозь ряды придворных и, когда до императорского трона оставалось метров двадцать, плюхнулся со всего размаху на пол — так в Китае принято приветствовать императоров — и пополз, извиваясь, как дождевой червяк, прямо к серебряным ступенькам трона.

Придворные как-то забеспокоились, музыканты прекратили игру, так как теперь они сбились с такта, и в зале поднялся ропот недовольства.

Император Китая, очень высокий старец с жидкой седенькой бородкой, доходившей до самого пола, удивленно, но совершенно не сердито посмотрел на карапуза, распластавшегося у самых его ног.

— Что тебе надобно, малыш? — спросил он спокойно. — Почему ты прервал мой концерт?

Он говорил тихо-тихо, но таким особенным голосом, что его слышно было даже в самом дальнем конце зала.

— Джифф... Луфф... Локомотифф... Он... Они... В опасности!!! — только и сумел выдавить из себя Пинг Понг, запыхавшийся от быстрого бега.

— Не торопись, малыш, — мягким голосом попытался успокоить его император. — Что случилось? Расскажи все по порядку!

— Они ведь хотят спасти Ли Ши! — пропищал Пинг Понг.

Император стремительно вскочил.

— Кто? — закричал он. — Где они?

— В канцелярии! — ответил Пинг Понг. — У господина Пи Па По!.. Скорее!.. Двор... Дворцовая стража!

— При чем тут стража? Говори! — кричал взволнованный император.

— ...Стража хочет убить их! — выдохнул наконец Пинг Понг.

Что тут началось! Все ринулись к выходу. Музыканты побросали свои инструменты и кинулись вслед за придворными. Впереди всех как вихрь неся император, окрыленный надеждой на спасение своей любимой дочери. А за ним гурьбой бежали сановники, министры и прочие придворные, среди которых был и маленький Пинг Понг. Ему стоило немалого труда поспевать за всей этой летящей сломя голову толпой, которая запросто могла раздавить кого-нибудь на своем пути. Во всяком случае, Пинг Понга было раздавить не слишком трудно.

А тем временем положение Лукаса и Джима становилось все хуже и хуже.

В комнате не осталось более ни единого стула, ни единого стола, ни какой-либо другой мебели. Теперь друзья оказались совершенно беззащитными перед наступающим противником. Вооруженная до зубов стража медленно окружала строптивых гостей.

— В цепи их! В кандалы! — кричал верховный бонза, которому все же как-то удалось встать на ноги.

Только вот от корзины ему никак было не избавиться, уж больно крепко она сидела у него на голове. Рядом стояли другие бонзы и писцы, которые хором вопили как резаные:

— Да, да, в цепи их! В кандалы! Это опасные шпионы!

Стража схватила Лукаса и Джима, заковала их в кандалы и надела наручники, после чего подвела их к верховному бонзе, стоявшему в компании двух других министров.

— Ну, как вы теперь себя чувствуете? — спросил верховный бонза, демонстрируя сквозь прутья плете-

ной корзины свою злобную улыбку. — Самое лучшее будет, пожалуй, отрубить вам сейчас же головы.

Лукас молчал. Он собрал последние силы и попытался избавиться от цепей. Но они были сделаны из прочнейшей китайской стали — хоть слона заковывай, ни за что не разорвет.

Глядя на старания Лукаса, министры ехидно ухмылялись, а писцы злорадно хихикали.

Лукас не обращал на них никакого внимания. Видя, что все его усилия напрасны, он прекратил сопротивление.

— Джим, старина! — сказал он, обращаясь к своему маленькому другу. — Недолго мы с тобой путешествовали. Прости, что я тебя втянул в эту историю.

Голос Лукаса звучал глухо, чувствовалось, что говорить ему было трудно.

У Джима комок подступил к горлу.

— Мы ведь друзья, — еле слышно ответил он. Губы его дрожали, но он изо всех сил старался держать себя в руках.

Писцы снова захихикали, а бонзы, со своими обычными ухмылками, принялись перемигиваться.

— Джим Пуговка, — сказал Лукас, — ты действительно парень что надо!

— Отведите их к месту казни! — приказал верховный бонза, и солдаты бросились исполнять приказание.

— Назад! — неожиданно раздался чей-то негромкий голос. Этот тихий, но властный голос заставил всех невольно обернуться.

На пороге стоял император в окружении своей свиты.

— Сложить оружие! — приказал император.

Начальник стражи побелел от ужаса и опустил меч. Другие стражники последовали его примеру.

— Освободить чужеземцев и заковать в цепи верховного бонзу и его министров!

В мгновение ока приказ императора был приведен в исполнение.

Едва только Лукас почувствовал себя свободным, он первым делом раскурил свою трубку, которая уже успела погаснуть, и только после этого сказал:

— Ну что ж, пойдем, Джим!

Друзья приблизились к императору. Лукас снял фуражку, вынул трубку изо рта и поприветствовал верховного правителя Китая:

— Добрый день, ваше величество! Я очень рад, что наконец могу познакомиться с вами лично.

После чего гости обменялись с императором рукопожатиями.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Джим неожиданно-негаданно узнает тайну своего появления в Медландии

Сопровождаемые свитой, император, Лукас и Джим неторопливо прошествовали в тронный зал.

— Вы появились как нельзя кстати, ваше величество, — сказал Лукас, обращаясь к императору, когда они поднимались по мраморной лестнице. — Все могло бы кончиться очень скверно. Кто вам сообщил о нас?

— Какой-то малыш влетел в мои покои, — объяснил император, — и от него я все узнал. Я не имею ни малейшего представления, кто он такой, но, судя по всему, это очень смелый и умный мальчик.

— Это Пинг Понг! — в один голос закричали Лукас и Джим.

— Это сын вашего главного повара, у которого еще такое длинное-предлинное имя, — добавил Джим.

— А, вы, наверное, имеете в виду Шу Фу Лу Пи Плу? — с улыбкой спросил император.

— Да, да, — радостно подтвердил Джим. — А кстати, где, собственно говоря, Пинг Понг? — вдруг спохватился он.

Никто ничего не знал, и все кинулись на поиски.

Вскоре пропажа нашлась — малыш закутался в край длинной шелковой шторы и теперь спал самым сладчайшим образом. Все-таки он был еще грудным ребенком и здорово устал от всех треволнений дня. Видя, что друзьям уже больше ничего не грозит, он тут же удалился отдыхать. Сам император склонился над ним, взял на руки и с величайшей осторожностью понес к себе в опочивальню. Там он уложил его на свою просторную императорскую постель с балдахином.

С нежностью смотрели Лукас и Джим на своего маленького спасителя, который теперь тихонько посапывал и похрапывал на необъятной кровати, так что его легкий храп напоминал стрекотание сверчка за печкой.

— Он получит от меня достойную награду, — тихо промолвил император, — а что касается верховного бонзы Пи. Па По и его приспешников, то не беспокойтесь, они получают по заслугам.

Само собой разумеется, с этого момента у друзей началась райская жизнь. Их осыпали всеми мыслимыми и немыслимыми почестями. Всякий, кто попадался им навстречу, обязательно приветствовал их глубочайшим поклоном.

С самого утра в императорской библиотеке царил страшный переполох. В библиотеке было довольно много книг — семь миллионов девятьсот восемьдесят три тысячи пятьсот две. Все ученые мужи Китая собрались здесь, дабы в срочном порядке изучить все

эти сочинения и выяснить, что же едят на обед жители Медландии и как это нужно готовить.

В конце концов им удалось собрать кое-какие сведения, каковые они незамедлительно отправили на императорскую кухню главному повару, господину Шу Фу Лу Пи Плу и его многочисленным детям и детям детей (общим количеством тридцать один), которые все, как один, были тоже поварами. В этот день обед готовил сам господин Шу Фу Лу Пи Плу. Он и его семейство первыми узнали обо всем случившемся, и теперь их прямо-таки распирало от гордости за Пинг Понга — ведь он был самым маленьким членом семьи. Все они пребывали от этого в необычайном возбуждении, и потому на кухне царила полная неразбериха.

Когда обед был готов, господин Шу Фу Лу Пи Плу нацепил свой самый большой поварской колпак — такой огромный, как пуховая перина, — и торжественно понес еду в императорскую столовую.

Обед очень понравился друзьям (Пинг Понг еще спал и потому не принимал участия в трапезе). Пожалуй, за всю свою жизнь они ни разу не ели такой вкуснятины, — земляничное мороженое фрау Каакс, конечно же, не в счет.

Они рассыпались в похвалах кулинарному искусству господина Шу Фу Лу Пи Плу, а тот от радости покраснел, как помидор.

Кстати, на сей раз им не пришлось мучиться с палочками. Были поданы настоящие вилки, ложки и ножи. Это ученые мужи вычитали в своих книжках, как едят жители Медландии, и быстро заказали придворному ювелиру два серебряных столовых прибора.

После обеда император с друзьями вышел прогуляться на террасу. Отсюда открывался чудесный вид на весь город с его бесчисленными золотыми крышами.

Они уселись под тентом и принялись болтать о том о сем. Потом Джим сбегал вниз к локомотиву и принес игру «Мельница». Друзья объяснили императору правила, и они принялись играть. Император хотя и старался изо всех сил, все же почему-то частенько проигрывал. Это его несколько не огорчало, и даже наоборот — очень радовало, потому что в душе он думал: «Если эти чужестранцы так удачливы в игре, то, может быть, они так же удачливы в жизни? А вдруг они действительно сумеют освободить мою Ли Ши!»

Чуть позже к компании присоединился Пинг Понг, который наконец выпался. А потом подали какао с пирожками, как это принято в Медландии. Император и Пинг Понг впервые в жизни пробовали какао с пирожками, и надо сказать, им все очень понравилось.

— Когда вы думаете отправиться в драконий город? — спросил император, когда с едой было покончено.

— Хоть сейчас, — ответил Лукас. — Надо только собрать кое-какие сведения: что это за драконий город такой, где он находится и все в таком роде.

Император одобрительно кивнул:

— Сегодня вечером, друзья, вы узнаете все, что известно об этом городе в Китае.

Затем император и Пинг Понг повели друзей в императорский парк, так как до вечера еще было много времени. Они показали гостям разнообразные достопримечательности, например китайские каскады и фонтаны. Вокруг прогуливались горделивые павлины с длинными хвостами, переливавшимися зеленым и фиолетовым цветом, голубые олени с серебристыми рогами доверчиво подходили к незнакомцам, они были настолько ручными, что на них даже можно было прокатиться верхом; попадались здесь и китайские

единороги, гладкие шкуры которых отливали мягким лунным светом, и могучие буйволы, покрытые длинной волнистой шерстью, и белые слоны с белоснежными бивнями, украшенными алмазами, и миниатюрные обезьянки с забавными мордочками, и много-много еще разных диковинных зверей.

К вечеру все вернулись на террасу, а после ужина, когда уже совсем стемнело, перешли в тронный зал. Здесь уже все было готово к торжественной встрече.

Тысячи фонариков из пестрых драгоценных камней освещали тронный зал, где в ожидании Лукаса и Джима уже собрались самые ученые из всех ученых мужей Китая. Всего их было двадцать. Они принесли с собою книги и древние свитки, в которых содержались разнообразные сведения о драконьем городе.

Можно себе представить, какими учеными были эти мужи, если даже в такой стране, как Китай, где самые малые дети по своей смысленности и разумности любого нормального взрослого за пояс заткнут, они удостоились звания учнейших из ученых. Их можно было спросить о чем угодно, например о том, сколько капель в море, или какое расстояние отделяет Луну от Земли, или почему Красное море называется Красным, или где водится какое-нибудь самое экзотическое животное, или когда произойдет солнечное затмение. На все эти вопросы им ничего не стоило ответить прямо с ходу. Эти ученые мужи были удостоены звания «Цвет Учености». Правда, на цветы они, честно говоря, смахивали очень мало. От усердных занятий и постоянной зубрежки да долбежки одни из них превратились в сморщенных, скукоженных стариков с огромными лбами, другие же от долгого сидения непомерно растолстели и стали такими пузанами с маленькими пухлыми ножками и огромными сплюснутыми попами. А некоторые из-за того, что им все вре-

мя приходилось тянуться за книжками, которые, как назло, стояли на самых верхних полках, скорее напоминали макаронины, чем «Цвет Учености», настолько они были тощими и длинными. У каждого из них на носу красовались огромные очки в золотой оправе, по которым легко было узнать важную персону.

Выждав, пока все двадцать три Цвета Учености поприветствуют императора и его гостей (а приветствие состояло в том, что каждый из «Цветов» поочередно бухался на пол), Лукас приступил к своим вопросам.

— Прежде всего мне бы хотелось узнать следующее, — начал он, раскуривая свою трубочку. — Откуда, собственно говоря, стало известно, что принцесса находится в драконьем городе?

Отвечать вызвался ученый из разряда макароноподобных. Он поправил очки на носу и сказал:

— Дело обстояло так, distinguished чужеземец: год тому назад наша любезная принцесса Ли Ши, чья красота может сравниться с красотой утренней росы, проводила свои каникулы на взморье. Однажды она бесследно исчезла. Никто не знал, что с нею случилось. Эта страшная неизвестность продолжалась до тех пор, пока один рыбак не выловил случайно в бурных водах Желтой реки бутылку с запиской. Это произошло две недели тому назад. Желтая река вытекает из Полосатых красно-белых гор и огибает наш город со стороны главных ворот. Найденная бутылка представляла собою игрушечный рожок для игрушечных пупсов, какими обыкновенно играют маленькие девочки. В этом самом рожке и было обнаружено письмо, написанное нежнейшей ручкой нашей розоподобной принцессы.

— Не позволите ли нам взглянуть на это письмо? — попросил Лукас.

Ученый муж покопался в своих бумагах и наконец извлек крошечную записку, свернутую в трубочку. Лукас развернул записку и прочитал вслух:

— «Дорогой незнакомец, нашедший эту бутылку, кто бы ты ни был, прошу тебя, отнеси как можно скорее эту записку моему отцу Пунг Гингу, достопочтенному императору китайскому. „13“ поймали меня и продали фрау Зубпер. Здесь еще много других детей. Пожалуйста, спасите нас, потому что нам очень плохо здесь. Фрау Зубпер — это драконша. Мой теперешний адрес:

БЕДЛАНДИЯ
Старая улица, 133.
Третий этаж налево.
Фрау Зубпер
для принцессы Ли Ши».

Прочтя письмо, Лукас погрузился в размышления.

— Зубпер... Зубпер... — бормотал он. — Бедландия... Где-то я уже все это слышал.

— Бедландия — это название драконьего города, — пояснил ученый. — Мы нашли упоминание этого города в одной из древних книг.

Тут Лукас вынул трубку изо рта, его будто осенила какая-то догадка.

— Вот так-то, дело принимает интересный оборот, — сказал он, присвистнув от удивления.

— Почему? — полюбопытствовал Джим.

— Слушай, что я тебе расскажу, Джим, — необычайно серьезно начал Лукас. — Настал момент, когда ты должен узнать одну большую тайну — тайну твоего появления в Медландии. Ты был тогда еще совсем маленьким и потому ничего не помнишь. Тебя прислали в Медландию в посылке.

И Лукас рассказал Джиму все, как было, а у того от удивления глаза становились все шире и шире. Под конец Лукас взял листок бумаги, на котором он изобразил, как выглядел адрес на посылке.

— А там, где обычно пишут адрес отправителя, стояла только цифра тринадцать. — На этом Лукас закончил свой рассказ.

Император, Пинг Понг и все ученые мужи выслушали его с величайшим вниманием, а потом сравнили адрес, который стоял в письме Ли Ши, с тем, который нарисовал Лукас.

— Нет никакого сомнения, что в данном случае мы имеем дело с одним и тем же адресом, — заявил один из ученых (из породы толстопузых, пухлоногих и плоскопопых). — Разница заключается лишь в том, что у принцессы Ли Ши адрес написан, по всей вероятности, правильно, а на посылке адрес писал некто, не слишком владеющий грамотой.

— Значит, фрау Каакс мне не мама? — вдруг спросил Джим.

— Да, — ответил Лукас. — Это ее и саму очень огорчало.

— Но кто же тогда моя мама? Фрау Зубпер? Как ты думаешь? — осторожно спросил Джим через некоторое время.

Лукас задумчиво покачал головой.

— Едва ли, — ответил он. — Ведь фрау Зубпер из драконов, судя по тому, что пишет принцесса. Надо было бы сначала докопаться до того, кто такие эти тринадцать. Ведь это они запихали тебя в посылку.

Но кто такие «13», не знала ни одна душа, даже Цветы Учености!

Вполне понятно, что Джим страшно разволновался из-за всей этой истории. Еще бы, как же тут не раз-

волноваться, если на тебя вот так, с бухты-баракты, сваливаются такие важные новости.

— Как бы то ни было, но теперь у нас есть еще один не менее важный повод отправиться в драконий город. Мы должны не только освободить принцессу Ли Ши, но и узнать тайну Джима Пуговки.

Погрузившись в раздумья, Лукас выпустил несколько клубов дыма, а потом сказал:

— Вот ведь как странно! Если бы мы не приплыли в Китай, мы бы никогда не напали на след этих злодеев, что засунули Джима в посылку.

— Да, — согласился император. — За всем этим кроется какая-то страшная тайна.

— Мы с Джимом обязательно раскроем ее, — решительно сказал Лукас тоном, не терпящим возражений. — Где же находится этот драконий город, эта Бедландия?

Теперь выступил вперед еще один ученый, из разряда скукоженных и крупнолобых. Это был главный придворный географ, и он знал наизусть все карты мира.

— Достопочтенные чужеземцы, — начал он с довольно-таки унылым видом. — Местоположение драконьего города, к сожалению, никому не известно. Ни один смертный не знает, где он находится.

— Это понятно, — ответил Лукас, — иначе почтальоны бы его уже давно нашли.

— Мы можем только предположить, — продолжал ученый, — что он находится где-то за Полосатыми красно-белыми горами. Ведь бутылочка с письмом от принцессы была найдена в Желтой реке. Если исходить из того, что бутылка плыла вниз по течению, то драконий город должен находиться где-то в верховьях Желтой реки. К сожалению, мы совершенно не представляем себе, где берет свое начало Желтая река, нам только известно, что она вытекает из глубокой пещеры Полосатых гор.

Лукас сидел, погруженный в свои мысли, и только все пыхтел трубкой, так что огромные клубы дыма постепенно заволокли весь потолок тронного зала.

— Можно ли как-нибудь попасть в эту пещеру? — спросил он наконец.

— Нет, — ответили ученые, — это совершенно невозможно. Там очень сильное течение.

— Но ведь река должна откуда-то вытекать! — воскликнул Лукас. — Как можно попасть на ту сторону Полосатых гор, чтобы поискать там истоки Желтой реки?

Ученый-географ разложил перед Лукасом и Джимом гигантскую карту.

— Это карта Китая, — принялся объяснять ученый. — Границу Китайской империи, как это хорошо видно по карте, образует всемирно известная Великая Китайская стена, каковая тянется по всей территории Китая, за исключением побережья. В стене имеется пять ворот: северные, северо-западные, западные, юго-западные и южные. Если ехать через западные ворота, то сначала можно попасть в Лес Тысячи Чудес, а за ним уже начинаются Полосатые красно-белые горы, которые еще называют Венец Мира. К сожалению, преодолеть эти горы нет никакой возможности. Но вот здесь, несколько южнее, есть небольшое ущелье под названием Долина Сумерек. Это единственный путь, позволяющий пройти через Полосатые горы. Но Долина Сумерек славится тем, что в ней раздаются какие-то жуткие голоса и душераздирающие звуки, которые не может вынести ни один человек. За Долиной Сумерек, по всей видимости, располагается бесконечная пустыня. Мы называем ее Край Света. Больше, к сожалению, я ничего не могу вам рассказать, ибо за пустыней начинаются уже неизведанные земли.

Лукас внимательно изучил карту, а потом снова на некоторое время задумался.

— Если ехать через Долину Сумерек и все время держать курс на Север, — сказал он через некоторое время, — то в конце концов мы обязательно выйдем где-нибудь к Желтой реке. И тогда нужно будет только идти все время по течению, пока не обнаружится драконий город. Если только он, конечно, на самом деле стоит на Желтой реке.

— Мы не можем это утверждать со всей определенностью, — осторожно заметил ученый, — но мы предполагаем, что это так.

— Ну что ж, в любом случае мы должны попытаться счастья. Хорошо бы нам, конечно, иметь на всякий случай карту. У тебя еще есть вопросы, Джим?

— Да, — ответил Джим. — Я хотел узнать, а как вообще выглядят драконы?

На этот раз вперед выступил еще один ученый из разряда пухлоногих-плоскопопых.

— Я придворный профессор зоологии и могу вам предоставить наиточнейшие сведения о любых животных мира. Что же касается вида драконов, то тут, должен признаться, науке еще очень многое неясно. Все описания, которые доступны нам, страдают неточностью и противоречивостью. Вот перед вами несколько рисунков, но насколько они соответствуют действительному облику этих животных, мне судить очень трудно.

С этими словами он развернул перед Лукасом и Джимом плакат с изображением драконов.

— Ну что ж, — весело сказал Лукас, — когда вернемся, мы вам сможем дать более точное описание этих зверюг. А пока главное мы узнали. Благодарим вас, господа ученые!

Двадцать три учнейших мужа Китая снова распластались на полу в знак глубочайшего почтения к императору и его гостям. Затем они собрали свои бумаги и удалились.

— Когда же вы намерены отправиться в путь? — поинтересовался император, когда они остались одни.

— Я думаю, завтра утром, — ответил Лукас, — лучше всего — до восхода солнца. Дорога нам предстоит долгая, так что мешкать тут нельзя.

Затем он обратился к Пинг Понгу:

— Будь столь любезен и приготовь мне, пожалуйста, лист бумаги и конверт с маркой. Карандаш у меня есть. Мы хотели бы написать письмо в Медландию, прежде чем отправимся в драконий город. Кто его знает, что с нами может случиться.

Когда Пинг Понг принес все необходимые письменные принадлежности, Лукас и Джим написали длинное письмо. Они объяснили фрау Каакс и королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому, почему они покинули Медландию. Потом они рассказали, что теперь Джим все знает о посылке. И что они отправляются в драконий город Бедландию, чтобы освободить принцессу Ли Ши и узнать тайну Джима. В конце они просили передать привет господину Пиджакеру. Лукас подписал письмо, а Джим пририсовал рядом черную рожицу.

Затем они положили письмо в конверт, надписали адрес и спустились все вчетвером на площадь, где висел ящик для писем.

На залитой лунным светом площади одиноко стоял паровоз Кристи.

— Хорошо, что я вспомнил! — сказал Лукас, обращаясь к королю и Пинг Понгу. — Кристи нужна свежая вода. Да и углем неплохо бы запастись. Ведь когда отправляешься в неведомые края, нико-

гда не знаешь, удастся ли раздобыть подходящее топливо.

В этот самый момент на пороге кухни появился господин Шу Фу Лу Пи Плу. Он вышел полюбоваться на луну. Заметив чужеземцев в компании императора и Пинг Понга, шеф-повар сердечно поприветствовал их.

— Любезный господин Шу Фу Лу Пи Плу, — обратился к нему император. — Вам ведь, наверное, будет не трудно дать нашим гостям воды и угля из кухни?

Шеф-повар с готовностью бросился выполнять поручение императора, а вся компания поспешила ему на подмогу. Лукас, Джим, шеф-повар и даже сам император принялись таскать ведрами воду и уголь для паровоза. Пинг Понг тоже не сидел сложа руки, хотя его ведро было совсем крошечным, не больше наперстка.

Скоро уже тендер был до самого верха наполнен углем, а котел — водой.

— Ну вот, — довольный, сказал Лукас, — большое спасибо! Теперь пора на боковую.

— Разве вы не будете спать во дворце? — удивленно спросил император.

Но Лукас и Джим решили спать у себя в паровозе. Во-первых, в нем очень уютно, объяснили они, а во-вторых, они уже так привыкли.

На том все пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись кто куда. Император, шеф-повар и Пинг Понг пообещали прийти рано-рано утром, чтобы попрощаться с друзьями и проводить их в долгий путь.

Лукас и Джим забрались в кабину машиниста, Пинг Понг со своим отцом отправились к себе на кухню, а император скрылся за воротами дворца.

Скоро они все уже крепко спали.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*в которой начинается путешествие в неведомые
края и друзья впервые видят Венец Мира*

— Эй, Джим, пора вставать!

Джим потянулся, протер глаза и, еще не очнувшись как следует ото сна, спросил:

— Что случилось?

— Пора, пора, — ответил Лукас, — нам уже нужно ехать.

Сон тут же как рукой сняло, Джим бодро вскочил и выглянул в окошко. На площади не видно было ни души. Стояли предрассветные сумерки. До восхода солнца еще было далеко.

Вот открылась дверь кухни, и на пороге показался господин Шу Фу Лу Пи Плу. Держа в руках большой пакет, он направился к локомотиву. За ним семенил Пинг Понг, по его мордашке было видно, что он чем-то озабочен. Но он явно старался держаться с достоинством, как подобает настоящему мужчине.

— Вот здесь я приготовил несколько бутербродов для почтенных чужеземцев, — сказал главный повар, протягивая пакет. — Они сделаны по медландскому рецепту. Надеюсь, что они вам понравятся.

— Спасибо, — поблагодарил Лукас. — Здорово, что вы об этом позаботились!

Тут Пинг Понг не выдержал и горько заплакал.

— Вы уж... извините... почтенный машинист... — заговорил Пинг Понг, громко всхлипывая, — простите, что я плачу... Но с детьми моего возраста такое случается, вот так вдруг начинаешь... пл... плакать... неизвестно с чего...

Лукас и Джим растерянно улыбнулись, глядя на заревавшего малыша, который старательно растирал слезы на мокром личике.

— Мы понимаем, Пинг Понг, всякое бывает! Всего тебе хорошего, наш маленький спаситель и большой друг, — сказал Лукас, протягивая руку на прощание.

Джим тоже пожал Пинг Понгу руку.

Наконец пришел и сам император. Он выглядел еще бледнее, чем всегда, и казался необычно серьезным.

— Друзья мои, — сказал он, — да хранит вас небо, вас и мою маленькую дочурку. Отныне мысли мои будут обращены не только к ней, но и к вам, дорогие мои. Потому что вы теперь очень много значите для меня.

Лукас выпустил несколько клубов дыма и, с трудом преодолевая волнение, пробормотал:

— Ну-ну, ничего, ваше величество, все будет хорошо.

— Здесь немного горячего чая для вас, — сказал император, протягивая друзьям золотой термос. — Горячий чай никогда не помешает в путешествии.

Лукас и Джим поблагодарили всех, поднялись в кабину машиниста и закрыли двери. Джим опустил окошко и закричал:

— До свидания!

— До свидания! До свидания! — кричали в ответ провожавшие их друзья.

Кристи тронулся в путь, и все махали друг другу до тех пор, пока уже никто никого не мог различить.

Так началось путешествие в драконий город.

Сперва они ехали по пустынным улицам, а потом выбрались из города и покатали по полям и лугам, оставляя за собою золотые крыши Пекина.

Взошло солнце, стояла чудесная погода — о такой можно было только мечтать. Друзья мчались весь день без передышки, держа курс на таинственную Долину Сумерек.

На второй день они уже были довольно далеко от Пекина. Вокруг простирались бесконечные сады и пашни,

мелькали села и деревеньки, жители которых выбегали поприветствовать знаменитых путешественников. Крестьяне со своими женами и целые ватаги ребятишек — все выходили на дорогу, чтобы помахать им вслед, и уже никто не боялся Кристи, все знали, что два отважных чужеземца на паровозе отправляются спасать Ли Ши, — такие новости распространяются с быстротою молнии.

На третий день путешествия друзьям посчастливилось увидеть один из тех знаменитых китайских замков, что делаются из белого мрамора. Он стоял прямо посередине озера на четырех изящных колоннах, так что казалось, будто он парит над водой. В этом замке жили барышни из благородных семей. Лукас и Джим заметили, что они все сгрудились у окошек и машут им шелковыми платочками, тогда и друзья достали свои носовые платки и помахали им в ответ.

Где бы они ни останавливались, к ним тут же стекались люди, которые приносили им целые корзины фруктов и всевозможных сладостей, а еще воду и уголь для паровоза.

На седьмой день путешествия друзья добрались наконец до западных ворот Великой Китайской стены. Двенадцать солдат, охранявших эти ворота, были очень похожи на стражников из дворца. Трое солдат отправились за ключом от ворот — он был таких гигантских размеров, что эти трое дюжих молодцов с трудом приволокли его. А каких усилий стоило им вставить этот ключ в замочную скважину и повернуть его! И вот тяжеленные ворота распахнулись с громким скрипом, впервые за много-много-много лет — во всяком случае, ни одна живая душа не помнила, когда же эти ворота открывали в последний раз.

Когда паровоз Кристи подъехал к воротам, стражники взяли на караул и дружно грянули:

— Ура! Ура! Ура героям из Медландии!

Через несколько минут друзья уже стояли в самой чаще Леса Тысячи Чудес.

Найти в таких буйных зарослях дорогу, хоть мало-мальски пригодную для паровоза, было, прямо скажем, делом нелегким, и будь на месте Лукаса какой-нибудь менее опытный машинист, он ни за что бы отсюда не выбрался. Лес Тысячи Чудес представлял собою непроходимые джунгли, где росли пестрые стеклянные деревья, вьющиеся растения и всякие экзотические цветы. Из-за прозрачных деревьев хорошо были видны разные диковинные звери и насекомые, обитавшие в этих лесах.

Здесь, например, порхали гигантские бабочки, напоминавшие по своим размерам зонтик от солнца. На ветках деревьев тут и там кувыркались попугаи с яркими клювами. В траве шуршали огромные черепахи, за которыми тянулись длинные-предлинные усы — непременное украшение этих мудрых животных, по листьям ползли красные и голубые улитки, тащившие на спине свои домики, причем домики эти были многоэтажными и здорово напоминали дома в Пекине с их золотыми крышами, только в уменьшенном виде, конечно. Время от времени прошмыгивали изящные полосатые белочки с невероятно большими ушами, которые днем служили им чем-то вроде паруса, а ночью — удобной теплой подстилкой и одеялом одновременно. Гигантские змеи, отливающие медью, обвивали кольцами толстые стволы деревьев. При всем своем устрашающем виде они едва ли могли кому-нибудь причинить вред, потому что им было просто не до того: в отличие от обыкновенных змей у этих было две головы — одна спереди, другая сзади, — и от этого возникали постоянные споры, поскольку головы никак не могли договориться, куда же нужно ползти. Где уж тут охотиться на диких зверей или на людей. Приходилось довольствоваться фруктами. Они, по крайней мере, не убегут.

Один раз Лукасу и Джиму даже посчастливилось увидеть стайку розовых газелей, которые резвились на лужайке.

Все это, конечно, было очень интересно, и Джим с удовольствием остановился бы здесь, чтобы как следует все разглядеть, но Лукас покачал головой.

— Отложим до лучших времен, — сказал он. — Сейчас у нас на это нет времени. Главное — как можно скорее освободить принцессу Ли Ши.

Целых три дня им пришлось продираться сквозь джунгли. Дорога была не из легких. На третий день лес неожиданно кончился, как будто чья-то невидимая рука подняла занавес, и друзья увидели перед собою красно-белые Полосатые горы — Венец Мира.

Можно себе представить, какими высоченными были эти горы, если Лукас и Джим видели их еще с моря, когда только подплывали к берегам Китая.

Друзья стояли как замороженные, глядя на это величественное зрелище.

Весь массив представлял собою нагромождение отдельных гор, которые так тесно прилепились друг к другу, что и думать было нечего пробраться через них. За первой грядой поднималась вторая, за второй — третья, а там еще одна, и еще, и еще, до бесконечности. Верхушки гор скрывались где-то за облаками, а сам массив растянулся по всей территории Китая, с юга на север.

Все горы, как одна, были в красно-белую полоску, только у каждой из них эти полосочки шли по-разному — у одной вдоль, у другой поперек, у третьей по диагонали, или волной, или зигзагом, а у некоторых встречались даже клеточка или еще какой-нибудь другой более замысловатый узор.

Вдоволь налюбовавшись на всю эту красоту — и Лукасу и Джиму особенно понравились узорчатые горы, — друзья достали карту и разложили ее перед собою.

— Так, — сказал Лукас, — посмотрим, где же тут у нас эта самая Долина Сумерек.

Довольно скоро Лукас уже разобрался, где что находится, а Джим только диву давался, как это его друг так ловко разбирается во всех этих точечках, крючках, закорючках и пестрых линиях.

— Посмотри сюда, — принялся объяснять Лукас, — мы стоим вот здесь, а здесь находится Долина Сумерек, — показал он, водя пальцем по карте. — Видишь, мы вышли из леса немножко не там. Нам нужно южнее. Теперь придется проехать немного вот в этом направлении.

— Как скажешь, тебе виднее, — кротко согласился Джим, почтительно глядя на своего мудрого друга.

Друзья покатали на юг, все время держась красно-белых Полосатых гор, пока наконец не увидели узкое ущелье, врезающееся в недра высоченных гор. Тут-то они и остановились.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, *в которой звучат голоса Долины Сумерек*

Долина Сумерек представляет собою довольно мрачное ущелье, шириною примерно с обыкновенную улицу. Все здесь было каменное: снизу — сплошной красный камень, гладкий, как асфальт, сверху — нависают неприступные скалы, а в самом конце ущелья виднеется пылающий шар предзакатного солнца, что освещает пурпурным цветом уходящие ввысь жутковатые каменные стены, готовые вот-вот сомкнуться.

Лукас притормозил у самого входа в ущелье, и друзья решили немножко пройти пешком, чтобы осмотреться и разобраться с загадочными голосами.

Не слышно было ни единого звука. Вокруг царила торжественная тишина. Джиму стало как-то не по себе, и он взял Лукаса за руку.

Так они стояли молча некоторое время.

— Все тихо, — сказал наконец Джим.

Лукас кивнул и хотел уже было что-то ответить, как вдруг голос Джима раздался откуда-то справа:

— Все тихо!

А потом слева:

— Все тихо!

И понеслось, покатилося по всему ущелью:

— Все тихо... все тихо... все тихо... все тихо!

— Что это такое? — испуганно спросил Джим и сильнее сжал руку Лукаса.

— Что это такое?.. Что это такое?.. Что это такое?.. — раздалось в ответ.

— Не бойся, — попытался успокоить его Лукас. — Это всего-навсего эхо.

— Всего-навсего эхо... всего-навсего эхо... всего-навсего эхо, — отозвалось в ущелье.

Друзья вернулись к паровозу и уже хотели садиться, как Джим зашептал:

— Тсс, Лукас! Послушай!

Лукас прислушался. И тут до них донеслось эхо, которое как будто бы возвращалось с другого конца ущелья. Сначала это был только тихий отголосок, но постепенно он становился все громче и громче:

— Все тихо... все тихо... все тихо!

И что удивительно, теперь слышался не один голос Джима, а несколько, словно тысячи Джимов говорили одновременно. Конечно, тысячи Джимов говорили в тысячу раз громче, чем один. Дойдя до того места, где стоял паровоз, эхо снова стало удаляться по направлению к противоположному концу ущелья.

— Ну и дела! — удивился Лукас.

— Эхо возвращается и всякий раз, по-видимому, становится еще сильнее.

В этот момент вернулось второе эхо:

— Что это такое?.. Что это такое?.. Что это такое?..

Теперь уже казалось, что говорит целая толпа Джимов. Второе эхо тоже добралось до паровоза, а потом повернулось и стало удаляться.

— Н-да, — прошептал Лукас, — веселенькая история, если так дальше пойдет.

— А что случилось? — с опаской тихонько спросил Джим.

Нельзя сказать, что ему очень нравилось наблюдать за тем, как его собственный голос носится туда-сюда как очумелый, да еще и размножается по ходу дела.

— Представь себе, — сказал Лукас, стараясь говорить совсем беззвучно, — что будет, когда наш Кристи покатится по этому ущелью. Грохоту будет, как в паровозном депо.

Тут вернулось третье эхо, которое зигзагом мчалось по ущелью, отскакивая от стенки к стенке.

— Всего-навсего эхо... всего-навсего эхо... всего-навсего эхо, — голосили на все лады тысячи Лукасов.

Как и предыдущие, это эхо тоже повернулось и понеслось в обратную сторону.

— Как так получается? — шепотом спросил Джим.

— Трудно сказать, — ответил Лукас. — Здесь много неясного.

— Ой, эхо возвращается! — в страхе заметил Джим.

Теперь вернулось первое эхо, которое тем временем уже успело изрядно размножиться.

— Все тихо... все тихо... все тихо! — вопили десять тысяч Джимов с такой невообразимой силой, что у друзей даже уши заложило.

— Что же нам делать, Лукас, ведь дальше будет только хуже? — еле слышно спросил Джим.

Лукас решил двигаться вперед.

— Боюсь, что мы тут ничего не придумаем. Делать нечего, попытаемся как-нибудь проскочить, — сказал он.

Тем временем вернулось эхо Джима: «Что это такое?» Сотни тысяч Джимов вопили как оглашенные, так, что даже земля задрожала. Другьям пришлось заткнуть уши.

Когда эхо откатилось прочь, Лукас быстро достал свечу, которая от долгого лежания рядом с паровым котлом стала совсем мягкой. Он ловко отделил от нее два кусочка, скатал два маленьких шарика и протянул их Джиму.

— На, заткни ими уши, чтобы не лопнула барабанная перепонка! Только не закрывай рот!

Джим засунул катышки в уши, и Лукас сделал то же самое. Знаками он спросил у Джима, слышно ли ему что-нибудь. Другья прислушались, но от третьего эха, которое обрушилось на ущелье с жутким грохотом, до них донеслись лишь слабые отголоски.

Лукас, довольный, подмигнул Джиму, поддал пару в топку, и они на всех парах понеслись по мрачному ущелью. Дорога была гладкой из-за отполированных красных камней, покрывавших здесь землю, так что они стремительно продвигались вперед, производя при этом невообразимый шум.

Для того чтобы понять, что ожидало бы друзей, не прими они соответствующие меры предосторожности, нужно рассказать немного о том, в чем заключался секрет Долины Сумерек.

Горы здесь стояли так, что звук отскакивал от одной стенки к другой и никак не мог выбраться из этой ловушки. Когда эхо докатывалось до конца ущелья, оно не могло выйти из него и вынуждено было возвращаться назад, откуда ему тоже было не выскочить,

и тогда оно опять устремлялось к другому концу. Вот так и сновало оно туда-сюда без передышки. Каждое эхо, в свою очередь, рождало другое эхо, а из него опять получалось новое эхо и так далее и так далее. Вот откуда происходило все это многоголосие. И чем больше становилось голосов, тем больше, соответственно, был грохот.

И все бы ничего, если бы к голосам друзей не присоединялся шум, производимый паровозом. Это значительно ухудшило и без того сложную ситуацию.

Тут можно было бы задать вопрос: а почему в ущелье было так тихо, когда Лукас и Джим только вошли в него? Ведь самый мельчайший звук, попадающий в долину, должен был бы вроде как оставаться там навеки и к тому же невероятно размножаться.

Это очень хороший вопрос, настоящий вопрос настоящего естествоиспытателя. Все верно, так оно и было каких-нибудь два дня до того, как друзья появились в ущелье. Приди они сюда два дня тому назад, они услышали бы здесь адский шум. Он возник всего-навсего из нескольких звуков, которые поначалу были совсем тихими, но потом, с течением времени, сделались очень громкими. Вот, например, мяукнула тут кошка, и еле слышное «мяу» превратилось в зычный рык, состоящий из целых ста тысяч «мяу», или пролетел воробышек, чирикнул разок, а глядишь — уже миллион «чик-чириков» понеслось по ущелью, а то вдруг «трах-тара-рах» — скатилось два крошечных камушка, и семьсот миллионов «трах-тара-рахов» загрохотало вокруг. Можно себе представить, какой невообразимый шум стоял здесь еще совсем недавно.

Но куда же подевались теперь все эти звуки?

Секрет тут прост. Все дело в том, что незадолго до того, как друзья появились в ущелье, здесь прошел дождь! Всякий раз во время дождя эхо как бы оседало

в капельках воды и вместе с ними уходило в почву. Таким образом Долина Сумерек время от времени очищалась от шума, а поскольку после дождя в долину еще не залетело ни одного звука, вот Лукас и Джим и застали здесь полную тишину.

Ну а теперь самое время вернуться к нашим друзьям, которые на всех парах неслись по ущелью.

Дорога оказалась несколько длиннее, чем это показалось друзьям сначала. Когда они были приблизительно на середине, Джим совершенно случайно посмотрел назад. И то, что он увидел, заставило его буквально похолодеть от ужаса, — тут и взрослому бы стало худо, не то что такому маленькому мальчику!

Если бы они задержались у входа в ущелье, то теперь от них бы осталось мокрое место — их просто задавило бы под гигантскими обломками скал. Слева и справа рушились горные стены. Джим видел, как разлетались вдребезги несокрушимые громады, словно их взрывала чья-то невидимая рука, как начинали качаться высоченные вершины, а потом оседали, будто они были не из камня, а из песка. Долина Сумерек на глазах исчезала под грудой камней. Еще немножко — и паровоз окажется погребен под горными обломками.

Джим закричал и потянул Лукаса за рукав. Лукас обернулся и тут же понял, какая им грозит опасность. Не тратя времени на размышления, он рванул маленький красный рычаг, на котором было написано:

**АВАРИЙНЫЙ РЫЧАГ! ПОЛЬЗОВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ!**

Много лет он не пользовался этим рычагом и теперь не мог поручиться, что старина Кристоф выдержит такую нагрузку. Но выбора не было.

Кристи понял, что нужно поднапрячься, и громко свистнул. Это означало: все ясно.

Стрелка на спидометре начала клониться вправо, она неуклонно приближалась к отметке «максимальная скорость», но Кристи мчался все быстрее и быстрее, и стрелка уже давно перешла за красную черту и застряла на белом поле, пока наконец спидометр не разлетелся вдребезги на тысячи мельчайших кусочков.

Вспоминая потом эту поездочку, Лукас и Джими сами не могли понять, каким чудом им удалось избежать смертельной опасности. Кристоф буквально пулей пронесся по ущелью и вылетел из него как пробка в тот самый момент, когда с жутким грохотом рухнула последняя вершина.

Лукас отпустил красный рычаг. Кристоф постепенно замедлил ход, а потом вдруг выпустил пар и застыл на месте. Он не пыхтел, не сопел и вообще не подавал никаких признаков жизни.

Лукас и Джими сошли с паровоза, вытащили затычки из ушей и посмотрели туда, откуда они только что выскочили как угорелые.

Перед их взором предстали могущественные горы Венец Мира, а на месте Долины Сумерек теперь клубилось лишь мутно-красное облако пыли. Это все, что осталось от мрачной долины.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой Лукас убеждается в том, что без Джима
он был бы как без рук*

— Да, ловко мы проскочили, — пробормотал Лукас, сдвигая фуражку на затылок и отирая пот со лба.

— Наверное, теперь никто никогда не сможет пройти через Долину Сумерек, — сказал Джим, который все еще не мог избавиться от дрожи в теле.

— Это точно, — откликнулся Лукас. Его голос звучал очень серьезно. — Долины Сумерек больше не существует.

Лукас набил себе трубочку, раскурил ее и задумчиво продолжал:

— Дурацкое положение, прямо скажем. Ведь и мы теперь не сможем вернуться обратно этим же путем.

Об этом Джим даже и не подумал.

— Ой, батюшки мои! — жалобно пискнул он. — Что же нам делать? Ведь нам нужно обязательно потом попасть обратно!

— Да, да, — согласился с ним Лукас. — Но ничего не поделаешь, придется нам поискать другую дорогу.

— А где же, собственно говоря, мы находимся? — робко спросил Джим.

— В пустыне, — ответил Лукас. — Я думаю, что это и есть пустыня Край Света.

Солнце зашло, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть, что они находятся уже не в горах, а на равнине, ровной-преровой, как поверхность стола.

Вокруг только песок, камни и какой-то гул. Где-то на горизонте на фоне сумеречного неба чернел силуэт гигантского кактуса, растопыренные отростки которого издали напоминали пятерню, поднятую кверху в знак приветствия.

Друзья еще раз посмотрели на красно-белые Полосатые горы. Облако уже немножко рассеялось, и теперь можно было видеть то, что осталось от Долины Сумерек.

— И отчего так все получилось? — сокрушенно спросил Джим.

— Наверное, от грохота колес образовалось такое мощное эхо, что горы не выдержали и рухнули, — объяснил Лукас.

Потом он повернулся к паровозу и, похлопав его по котлу, с нежностью сказал:

— Здорово ты нас выручил, старина Кристи!

Но Кристи не отзывался и по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

Только теперь Лукас понял, что с Кристофом что-то неладно.

— Кристи! — закричал он испуганно. — Кристи, мой милый толстяк, мой славный Кристи! Что с тобой?

Но локомотив не двигался. Не слышно было ни звука.

Лукас и Джим, ничего не понимая, переглянулись.

— Ой, батюшки мои! — запричитал Джим. — Если Кристи теперь... — Он не мог произнести все предложение до конца.

Лукас сдвинул фуражку на затылок и пробормотал:

— Да уж, только этого нам не хватало!

Они быстро достали ящик с инструментами, там у них лежали всевозможные плоскогубцы, молотки, щипцы, кусачки и все-все-все, что нужно для ремонта паровозов.

Долго-долго Лукас со всей осторожностью простукивал каждое колесико, каждый винтик и все прислушивался, не отзовется ли где какая трещина. За все время он не проронил ни звука. Джим стоял с широко раскрытыми глазами, в которых застыло выражение ужаса, и тоже молчал, боясь задать лишний вопрос. Лукас работал так сосредоточенно, что даже не заметил, как у него погасла трубка. Это было плохим знаком. Наконец он выпрямился и пробурчал сквозь зубы:

— Черт подери!

— Что, так все плохо? — спросил Джим.

Лукас нехотя кивнул.

— Я думаю, — мрачно сказал он, — что, скорее всего, разлетелся поршень. К счастью, у меня есть запасной.

Он достал свернутый клочок кожи, в котором лежал стальной поршень. По размеру он был такой же, как большой палец Джима.

— Вот он, — сказал Лукас, осторожно держа поршень двумя пальцами. — Маленькая, но очень важная деталь! С его помощью Кристоф снова заработает.

— Ты думаешь, тебе удастся починить его? — тихо спросил Джим.

Лукас пожал плечами и сказал:

— Во всяком случае, попробовать мы должны. — В его голосе слышалась озабоченность. — Я не знаю, как перенесет Кристи этот сложный ремонт. Может, вынесет, а может, и нет... Мы не имеем права допустить ни малейшей ошибки... Иначе... Тебе придется мне помочь, Джим, — одному мне ни за что не справиться!

— Конечно, о чем разговор, — решительно ответил Джим.

Он знал, что Лукас говорит это не просто из вежливости. Значит, так надо, и Джим не задавал лишних вопросов. Да и Лукас, казалось, был не слишком расположен к разговорам.

Молча они принялись за дело.

Тем временем уже настала ночь, и вокруг стояла кромешная тьма. Джим должен был светить Лукасу фонариком. Молча, стиснув зубы, друзья боролись за жизнь своего славного Кристи. Прошел уже не один час. Двигательные поршни помещаются в самой глубине механизма, а потому пришлось медленно и методично разобрать весь локомотив по частям. Прямо скажем, эта работенка не для слабонервных.

Уже давно перевалило за полночь. Взошла луна и
• скрылась в тумане. Только тусклый прозрачный свет разливался над пустыней Край Света.

— Клещи, — раздался откуда-то из-под колес голос Лукаса.

Джим подал клещи. В этот момент в небе послышался какой-то странный шум. Потом раздалось отвратительное карканье. И снова странный шум. Теперь где-то совсем рядом. Что бы это значило?

Джим изо всех сил вглядывался в темноту. Он ничего не мог различить, кроме каких-то странных фигур, которые по своим смутным очертаниям напоминали огромные кульки с горящими глазами.

Снова какое-то шуршание. Гигантская неуклюжая птица спикировала прямо на кабину машиниста и нагло уставилась своими зелеными горящими глазами на мальчика.

Джим с трудом удержался от того, чтобы не закричать во весь голос, настолько он испугался. Не спуская глаз с чудовища, Джим тихонько позвал своего друга:

— Эй, Лукас! Лукас!

— Что там такое? — отозвался Лукас из-под паровоза.

— Знаешь, здесь поналетели какие-то здоровенные птицы, — объяснил Джим. — Целая стая. Сидят тут и, кажется, чего-то хотят.

— Как они выглядят? — поинтересовался Лукас.

— Довольно противно, — ответил Джим. — Голые шеи, кривые клювы, зеленые глаза. На крыше уже сидит одна такая и не спускает с меня глаз.

— А, это всего-навсего грифы, — спокойно сказал Лукас.

— Понятно, — отозвался Джим без особой радости в голосе. Потом он немножко подумал и решил все-

таки уточнить: — Интересно, а грифы хищные птицы или нет? Как ты думаешь, Лукас?

— Они, конечно, хищные, — пояснил Лукас, — но пока человек жив, ему нечего их опасаться, потому что грифы живых не трогают, только мертвых, так как они питаются падалью.

— Ах вот оно что, — протянул Джим задумчиво. — А ты уверен в этом? — спросил он через несколько минут.

— В чем? — полюбопытствовал Лукас.

— Ты уверен в том, что эти зверюги не делают исключения для маленьких черных мальчиков? Может быть, маленьких черных мальчиков они предпочитают есть живьем? — уточнил свой вопрос Джим.

— Тебе нечего бояться, — постарался успокоить Джима Лукас. — Грифов еще называют «могильщиками пустыни» именно потому, что они питаются падалью.

— Ну, тогда ладно, — пробормотал Джим, — хорошо.

На самом-то деле ничего хорошего не было. У грифа, сидящего на паровозе, был такой хищный клюв, что Джим никак не мог отделаться от чувства, что все же грифы, пожалуй, вполне могут отказаться от своей привычки есть падаль ради удовольствия полакомиться свеженьким черненьким мальчиком.

А вдруг так и не удастся починить Кристи? Как тогда? Тогда им придется остаться здесь, в этой страшной пустыне, среди этих омерзительных могильщиков, которые уже расселись тут в ожидании своего ужина. Теперь им не может помочь ни одна душа, ведь люди остались так далеко, не говоря уже о Медландии, которая и вовсе на другом конце земли. Значит, это все! И никогда больше они не увидят Медландию, никогда!

Стоило Джиму подумать об этом, как он почувствовал себя страшно одиноким, он не мог больше сдерживаться, и из глаз у него брызнули слезы.

В этот момент Лукас как раз вылез из-под паровоза и стал обтирать тряпкой грязные руки.

— Что-нибудь стряслось, дружище? — спросил он, тактично глядя в сторону. Лукас, конечно же, сразу понял, что стряслось.

— Нет, нет, ничего не случилось, — поспешил с ответом Джим, — просто... просто... на меня... икота... напала.

— Ах вот что, — пробормотал Лукас.

— Скажи честно, Лукас, — спросил тихонько Джим, — у нас есть надежда?

Лукас задумчиво смотрел куда-то вдаль, потом перевел взгляд на Джима и серьезно сказал:

— Послушай меня, Джим Путовка! Ты мой друг, и потому я обязан говорить тебе только правду. Я в общем-то разобрался, в чем там дело, и сделал все, что мог. Осталось только открутить одну гайку. Это можно сделать только изнутри. Если забраться в котел. Но я туда не пролезу, так как я слишком большой и толстый. Вот какая дурацкая история получается.

Джим посмотрел на грифа, восседавшего на кабине машиниста, и на тех грифов, что маячили неподалеку. Видя, как они потихоньку начали подвигаться ближе, вытянув от любопытства свои тощие морщинистые шеи, Джим собрался с духом и сказал:

— Я полезу в котел.

Лукас одобрительно кивнул:

— В сущности, другого выхода у нас нет. Но это довольно опасно. Тебе придется работать под водой. Мы не можем спустить из котла воду, потому что здесь, в пустыне, нам будет больше не заправиться. И еще — тебе придется работать впотьмах. Значит,

все зависит от того, сумеешь ли ты все сделать на ощупь. Подумай как следует, готов ли ты пойти на это. Я пойму тебя, если ты скажешь «нет».

Джим подумал немножко. Плавать и нырять он умеет. К тому же ведь Лукас сказал, что другого выхода у них нет. Стало быть, делать нечего.

— Я готов, — заявил Джим.

— Ну хорошо, — помедлив, сказал Лукас. — Возьми разводной ключ, я думаю, он подойдет. Винт находится приблизительно здесь.

Лукас показал снаружи то место, где приблизительно располагался винт.

Джим постарался хорошенько все запомнить и полез в котел.

Гриф с интересом наблюдал за его перемещениями. В этот момент луна неожиданно вышла из-за туч, и стало немножко светлее.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь разбирается в локомотивах, знает, что рядом с трубой есть такая крутая блямбочка, которая выглядит тоже как труба, но только немного поуже и пониже. Эту штуку можно открыть. И тогда будет виден проход, ведущий в котел.

Джим снял башмаки и бросил их Лукасу. Затем он полез в котел через трубу-блямбочку. Труба была довольно узкой. У Джима отчаянно билось сердце. Но он, сжав зубы, упорно протискивался вниз. Когда осталось только втянуть голову, Джим напоследок помахал Лукасу и постарался поскорее спуститься в котел. Через секунду его пятки уже коснулись воды. Она была еще довольно теплой. Джим набрал побольше воздуха и нырнул вниз.

Лукас остался ждать возле локомотива. Он страшно побледнел, насколько это, конечно, было возможно при его коже, вечно вымазанной в саже и масле. Что он будет делать, если с Джимом что-нибудь случится?

Ничего. Ведь ему самому не залезть в котел. От напряжения на лбу у него выступили капельки пота.

Теперь он услышал, как Джим орудует в недрах котла. И вдруг что-то звякнуло и упало на землю.

— Это гайка! — закричал Лукас. — Джим, вылезай!

Но Джим как в воду канул — ни слуху ни духу. Секунды мучительно тянулись одна за другой.

От страха за своего маленького друга Лукас уже совершенно потерял голову. Он забрался на паровоз, заглянул в маленькую трубу и стал кричать как сумасшедший:

— Джим! Джим! Выходи! Джим, ты где?

Но вот наконец появилась совершенно мокрая черная мордашка Джима, который отчаянно хватал ртом воздух. Потом показалась одна рука. Лукас подхватил эту ручонку и вытащил своего друга из котла. Осторожно взяв Джима на руки, Лукас спустился вниз.

— Джим, старина Джим, — все твердил Лукас.

Мальчик тяжело дышал. Слабая улыбка блуждала по его лицу. Время от времени он сплевывал воду. Наконец он прошептал:

— Вот видишь, Лукас, как хорошо, что ты взял меня с собою!

— Джим Пуговка! — сказал на это Лукас. — Ты самый замечательный парень на свете, и без тебя я бы сейчас просто пропал!

— Ох, знал бы ты, как я там себя чувствовал, — со вздохом признался Джим. — Сначала все вроде шло хорошо. Гайку я нашел сразу и открутил ее довольно легко. А вот когда мне уже надо было возвращаться наверх, я никак не мог найти дыры. Но потом вроде как все обошлось благополучно.

Лукас снял с Джима мокрые вещички и закутал его получше в теплые одеяла. Потом дал ему горячего чая из императорского термоса.

— Ну вот, — сказал он, — теперь тебе нужно отдыхать. С остальным я уже сам как-нибудь справлюсь.

Тут он вдруг стукнул себя по лбу и испуганно закричал:

— Черт побери! Ведь из дыры, где была гайка, теперь вытекает вода!

Так оно и было. Но к счастью, за это время вытекло не так уж много воды, не больше чем пол-литра.

Лукас довольно быстро заменил поршень и все снова как следует свинтил-привинтил. Ту гайку, которую откручивал Джим, теперь он завинтил снаружи. Получилось ничем не хуже. Ну а после этого он методично собрал весь паровоз снова. Затянув потуже последнюю гайку, Лукас радостно воскликнул:

— Ну, Джим! Что ты на это скажешь?

— А что я должен на это сказать? — поинтересовался Джим.

— Послушай как следует! — весело сказал Лукас.

Джим прислушался. И действительно, Кристи снова дышал. Правда, еще совсем слабо, еле-еле, но ошибиться тут было невозможно — Кристи дышал!

— Лукас! — вне себя от счастья заорал Джим. — Наш Кристи в порядке! Мы спасены!

И друзья рассмеялись на радостях и пожали друг другу руки.

Зато грифы выглядели слегка разочарованными. Правда, они еще не теряли надежды. Только на всякий случай отошли немножко подальше.

— Так, — сказал Лукас довольным голосом, — теперь Кристи нужно как следует выспаться, чтобы набраться сил, да и нам, пожалуй, не помешает вздремнуть часок-другой.

Друзья забрались в кабину машиниста и закрыли поплотнее дверь. Потом они немного перекусили — поели фруктов и сладостей из корзины, приготовлен-

ной главным поваром, и запили чаем из золотого термоса. Ну а после ужина Лукас выкурил еще трубочку.

Джим к этому времени уже давно сладко спал. Во сне он улыбался, и видно было, что это улыбка гордости, так может улыбаться только человек, который, рискуя собственной жизнью, производит самый сложный ремонт и превращает груды металла в действующий паровоз.

Лукас хорошенько накрыл его одеялом и убрал со лба разметававшиеся мокрые пряди волос.

— Ты большой молодчина, мой маленький Джим, — сказал он тихонько, с нежностью глядя на своего помощника.

Потом Лукас выбил трубку и еще раз выглянул в окошко. В ярком лунном свете он увидел грифов, сидевших на почтительном расстоянии. Они сомкнулись плотным кольцом и дружно вытянули шеи, так что со стороны казалось, будто у них идет необычайно важное заседание.

— Не дождетесь, — пробормотал Лукас, — нас-то вам не видать как собственных ушей.

Потом он наконец лег, устроился поудобнее, вздохнул, зевнул и сразу же заснул.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, *в которой путешественники попадают в фантастическую местность и обнаруживают таинственные следы*

На следующее утро Джим и Лукас поднялись довольно поздно. Оно и понятно, ведь легли-то друзья далеко за полночь. Солнце уже стояло высоко и палило нещадно. В пустыне, где не найдешь ни деревца, ни кустика, под которым можно было бы укрыться от

жары, воздух довольно скоро нагревается и становится таким же горячим, как в печке.

Друзья наскоро позавтракали и не мешкая отправились в путь. Они весело катили вперед, держа курс на север. Правда, компаса у них не было, поэтому они решили, что будут ориентироваться по Полосатым горам — нужно ехать так, чтобы горы оставались все время справа.

По их расчетам, если двигаться строго на север, то рано или поздно попадетсЯ Желтая река, и тогда нужно будет идти вверх по течению до самого драконьего города. Карта им теперь все равно ничего не давала, так что приходилось полагаться только на собственную смекалку.

Кристи чувствовал себя превосходно. Тяжелый ремонт уже забылся. Несмотря на свой преклонный возраст и некоторую склонность к полноте, Кристи был еще паровозом хоть куда.

Солнце поднималось все выше и выше. Из-за жары воздух так нагрелся, что даже стал немного дрожать. Лукас и Джим наглухо закрыли все окна. Правда, и в кабине из-за топки было довольно тепло, но все равно это не шло ни в какое сравнение с тем пеклом, которое было снаружи.

На пути им попадались останки диких животных — там мелькнет торчащий из-под песка череп, там побелевшие на ветру кости или чей-то скелет. Друзья задумчиво смотрели на это грустное зрелище.

Было, наверное, что-то около полудня, когда Лукас вдруг закричал:

— Вот так штука!

— Что случилось? — ошарашенно спросил Джим, очнувшись ото сна. От жары его разморило, и он уже даже слегка задремал.

— Кажется, мы сбились с пути, — ответил Лукас.

— Ты уверен?

— Посмотри направо! Горы до сих пор были от нас по правую руку. А теперь они совсем с другой стороны.

И действительно, все было так, как говорил Лукас. Справа виднелась бескрайняя пустыня, слева — Полосатые красно-белые горы.

Конечно, тут что-то было не в порядке, но что еще удивительнее — сами горы выглядели как-то подозрительно. Казалось, что они не стоят на земле, а вроде как парят над нею.

— Что это с ними? — спросил с тревогой Джим.

— Сам не знаю, — ответил Лукас, — но как бы там ни было, нам нужно развернуться.

Но не успел он это сказать, как горы и вовсе исчезли из виду. Теперь их не было ни слева, ни справа, нигде. Зато друзья явственно различали невдалеке берег моря с высоченными пальмами, которые раскачивались на ветру.

— Ничего себе дела, ты только посмотри! — пробормотал Лукас, совершенно уже сбитый с толку. — Ты что-нибудь понимаешь, Джим?

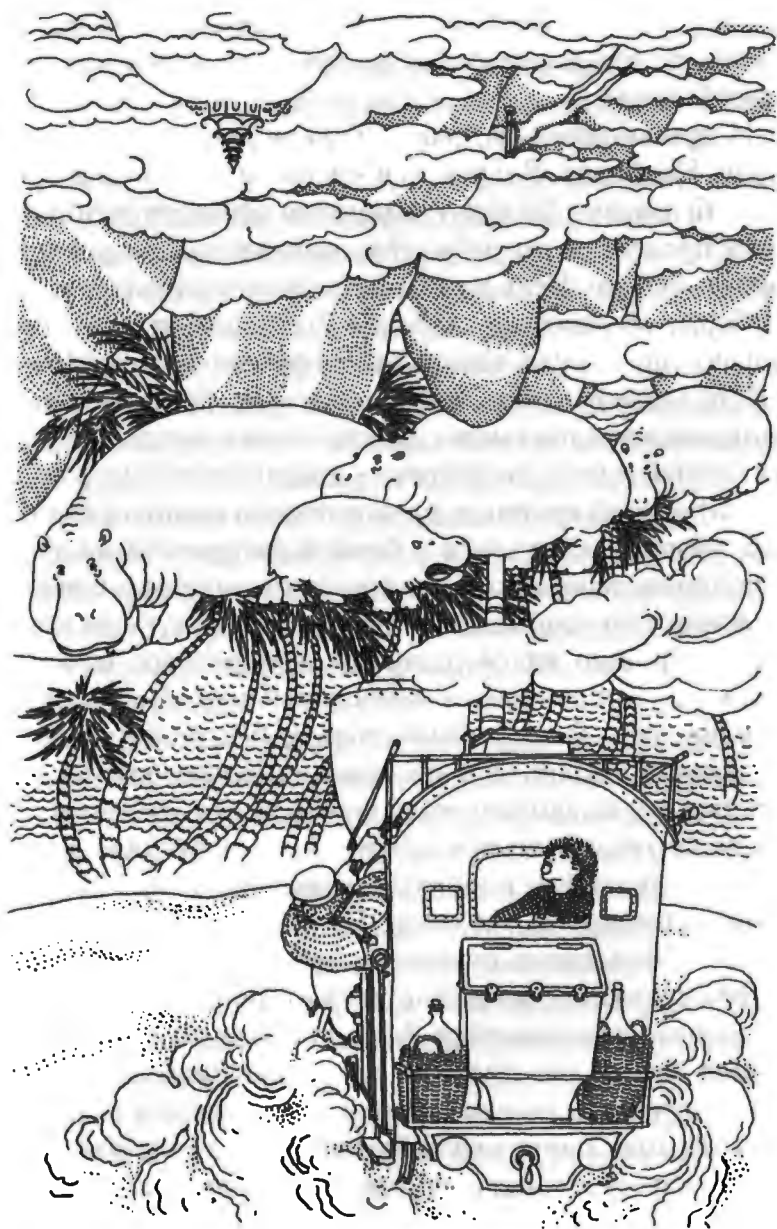
— Нет, — честно признался Джим.

— Веселенькое местечко, ничего не скажешь. Ну и влипли мы.

Джим обернулся, чтобы посмотреть, а как там обстановка сзади. К своему необычайному изумлению, он обнаружил, что Полосатые красно-белые горы преспокойно стоят себе позади паровоза, только вот почему-то вверх тормашками! Они, так сказать, выросли прямо из неба.

— Что-то тут неладно! — процедил сквозь зубы Лукас, не вынимая трубку изо рта.

— А что же нам делать? — робко спросил Джим. — Если так и дальше все тут будет кувыркаться, мы никогда не выберемся отсюда.

— Это ж черт знает что, а не пустыня. Самое разумное будет, наверное, ехать дальше, все прямо и прямо, до тех пор пока мы не выберемся из этой проклятой дыры.

И друзья поехали прямо. Только лучше от того не стало. Наоборот. Вокруг творилось что-то совершенно невообразимое. То вдруг огромные айсберги неторопливо проплыли по небу. Это выглядело совершенно дико и нелепо. Ведь на самом-то деле при такой жаре айсберги обязательно должны были растаять. Потом неизвестно откуда возникла Эйфелева башня, которой положено стоять в Париже, а не прогуливаться по неведомым пустыням. Слева как из-под земли вырос целый лагерь индейцев — посередине был разведен огромный костер, вокруг которого воины в головных уборах из перьев и с боевой раскраской на теле исполняли свои дикие воинственные пляски. Справа же почему-то возвышался Пекин с его золотыми крышами. Прошло какое-то время, и вдруг все исчезло таким же загадочным и непостижимым образом, как и появилось. Вокруг была только бескрайняя голая пустыня. Не прошло и нескольких минут, как на горизонте снова замаячили какие-то новые видения.

Лукас очень надеялся, что после полудня, когда солнце уже начнет клониться к закату, он сумеет как-нибудь определить, где север. Но не тут-то было. Солнце, как обезумевшее, скакало по небу, появляясь то слева, то справа, а то и сразу с двух сторон. Кажется, оно научилось размножаться. Мир попросту сошел с ума.

Под конец все видения настолько перемешались, что получилась полная ерунда. Ну куда это годится, если церковь вдруг оказывается вверх тормашками и где-то над нею повисает озеро, по которому мирно прогуливаются коровы, как будто это пастбище, а не гора.

— Да, такой кутерьмы я еще ни разу в жизни не видел! — озадаченно пробормотал Лукас, которого вся эта неразбериха даже немножко забавляла.

В этот момент в воздухе появилась ветряная мельница, уместившаяся на спинах двух белых слонов.

— Со стороны смотреть, так вроде как даже и весело. А подумаешь, что выбираться надо из этого дурдома, сразу же все веселье пропадает.

Теперь по небу пронесся гигантский парусник, из которого струился на землю мощный водопад.

— Я ничего не понимаю... — пробормотал Джим и потряс головой, надеясь избавиться таким образом от навязчивых картин. — Знаешь, мне это все здорово не нравится... Я хочу поскорее выбраться отсюда.

Прямо перед ними проскакала бешеным галопом половинка от чертова колеса, какое обыкновенно бывает на ярмарках и аттракционах. Эти полколеса неслись как угорелые, словно хотели догнать где-то в пустыне свою вторую половинку. Но она нигде не обнаруживалась.

— Я бы тоже не прочь поскорее отсюда выскочить, — признался Лукас, задумчиво почесывая за ухом. — Будем надеяться, что рано или поздно нам это удастся. Не век же нам болтаться в этой дурацкой пустыне. По моим подсчетам, за полдня мы сегодня отмахали добрых сто миль. Вот уж действительно глупо, что мы не взяли с собой компаса.

Некоторое время друзья молча ехали вперед, с любопытством наблюдая за разнообразными картинками, которые то появлялись, то исчезали. И только Лукас собрался было показать своему маленькому другу три солнца, которые одновременно появились на небе, как его прервал радостный крик Джима.

— Лукас! — заорал он что было сил. — Лукас, смотри! Ведь там... там... Медландия!

Действительно! Вдалеке показалась Медландия, окруженная со всех сторон морем. Отчетливо виднелись Медландские горы — одна побольше, другая поменьше, а между ними замок короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого. В лучах солнца поблескивали извилистые рельсы, и все пять туннелей благополучно стояли на месте, и домик фрау Каакс. А у причала качался на волнах почтовый корабль.

— Скорее, — закричал Джим, потеряв голову от счастья, — скорее, Лукас! Поехали туда!

Но Кристи уже и сам сообразил, куда надо ехать, потому что, видимо, и он заметил знакомые очертания родной Медландии.

Они мчали на полной скорости. Медландия становилась все ближе и ближе. Вот им уже хорошо видно, как король выглянул в окошко. А внизу стоит фрау Каакс с письмом в руке, а рядом почтальон и господин Пиджакер. Все они выглядели очень грустными. Фрау Каакс все время вытирала глаза фартуком.

— Фрау Ка-а-акс! — закричал что было мочи Джим, который, забыв обо всякой жаре, открыл окошко и высунулся настолько, насколько позволял его малый рост. — Фрау Каакс, я здесь! Вы меня видите? Это я, Джим Пуговка! Я иду к вам!

Он кричал и махал так отчаянно, что, того и гляди, вывалился бы из окна, если бы Лукас не держал его за пуговицы на штанишках.

Когда до Медландии оставалось метров десять, не больше, все вдруг исчезло — так же загадочно, как и другие видения. И снова вокруг не было ничего, кроме унылой, раскаленной от солнца пустыни.

Джим глазам своим не верил. Но как ни крути, ни верти, а Медландии и след простыл. Две крупные слезинки скатились по черным щекам. Он ничего не мог с этим поделать.

Глаза Лукаса тоже подозрительно блеснули, он поспешил раскурить свою трубку и спрятался за пеленою табачного дыма.

Молча они ехали дальше. Но на этом чудеса не кончились. Впереди их ждал еще один удивительный сюрприз. Нежданно-негаданно они увидели перед собою еще один паровоз, который как две капли воды был похож на Кристи. Ехал он параллельно, на расстоянии в метрах ста. И скорость у него была точно такая же.

Не веря собственным глазам, Лукас высунулся в окошко, и на другом паровозе машинист тоже высунулся в окошко. Лукас помахал рукой, и другой машинист помахал в ответ.

— Нет, это уж совсем белиберда какая-то! — сказал Лукас. — Может, мы спим? И нам все это снится?

— Да нет, сна ни в одном глазу, — заверил его Джим.

— Ну ладно, давай все же попробуем разглядеть получше, что там такое, — решил Лукас.

Они развернулись и поехали прямо ко второму паровозу. Но в ту же минуту этот второй паровоз тоже развернулся и поехал им навстречу.

Кристи остановился первым. Другой локомотив тоже остановился. Лукас и Джим сошли вниз. Из другого локомотива тоже вышел машинист с маленьким черным мальчиком.

— Что бы это значило? — проговорил ошарашенный Лукас.

И вот они двинулись друг к другу — первый Лукас шел навстречу второму Лукасу, а первый Джим — навстречу второму Джиму. Лукасы и Джимы уже хотели пожать друг другу руки, как подул легкий ветерок и второй Лукас, второй Джим, второй Кристи стали таять на глазах, пока окончательно не растворились в воздухе, превратившись в ничто.

Джим, ничего не понимая, уставился круглыми от удивления глазами на то место, где только что стоял другой Джим.

В эту минуту он услышал, как Лукас присвистнул и радостно сказал:

— Теперь-то я понял, в чем тут дело! Ну конечно, как же я раньше не догадался!

— О чем? — спросил Джим.

— Ты слышал когда-нибудь о том, что такое фата-моргана, и о ее проделках?

— Нет, не слышал, — признался Джим. — А при чем тут какая-то фата какого-то Моргана? И вообще зачем дяде фата?

— Да низачем, — рассмеялся Лукас, — свадебная фата здесь совершенно ни при чем. Пойдем-ка в кабину, там я тебе все объясню, а то тут можно поджариться.

Друзья снова забрались в кабину машиниста и тронулись в путь, а по дороге Лукас объяснил Джиму, что такое фата-моргана и почему она такая проказливая.

Все, кто бывал на аттракционах, знают, что такое зеркальная комната. Это особая комната, в которой все стенки сделаны из сплошных зеркал. Заходишь сюда и не знаешь, где отражение, а где реальность. Получается страшная путаница. Но на аттракционах это смешно, ведь в крайнем случае тебя всегда кто-нибудь выведет, если ты совсем запутаешься и не сумеешь выбраться из этого зеркального лабиринта. Другое дело, когда нечто подобное происходит в пустыне.

Фата-моргана, разумеется, не имеет никакого отношения к зеркалам. Сами подумайте, откуда в пустыне взяться такому количеству зеркал? Просто о зеркалах мы заговорили потому, что здесь происходит нечто

похожее. Фата-моргана — это особое явление природы. Когда солнце нагревает песчаную поверхность, то воздух становится очень горячим. И чем сильнее светит солнце, тем горячее становится воздух. В конце концов он нагревается настолько, что начинает от жары колебаться. А если он совсем уж раскалится, то тогда он вдруг начинает отражать разнообразные картины, как какое-нибудь настоящее зеркало у нас в ванной комнате. Причем этот колеблющийся раскаленный воздух отражает не только те предметы, которые находятся поблизости, но и те, что расположены где-нибудь далеко-далеко — чем дальше, тем лучше. Тогда можно увидеть какие-нибудь вещи, которые удалены на много-много-много миль. Случается, например, что путешественники, чей путь пролегает через пустыню, ни с того ни с сего видят перед собой кафе, в окошке которого выставлена табличка:

*СВЕЖИЙ ЛИМОНАД.
Стакан — 10 пфеннигов*

А когда они устремляются туда, чтобы утолить мучающую их жажду, перед самым их носом кафе растворяется в пространстве. Это совершенно сбивает с толку, отчего они, видимо, теряют дорогу.

Конечно, когда долго идешь по пустыне, то картины часто все перепутываются и получается невообразимая каша. Вроде той, которую видели наши друзья.

— И вот дошло до того, что мы столкнулись со своим собственным отражением, — сказал Лукас, заканчивая свое объяснение. — А когда подул ветер, то воздух сразу охладился и отражение исчезло.

Джим молча обдумывал сказанное, а потом восхищенно сказал:

— Наверное, нет на свете ничего такого, о чем бы ты не знал.

— Ну уж ты хватил, — рассмеялся Лукас. — Нет, есть много вещей, о которых я ничего не знаю. Например, я не знаю, что это там виднеется впереди.

Друзья стали напряженно вглядываться.

— По-моему, это какой-то след, — решил Джим.

— Точно, — откликнулся Лукас. — Похоже на след от колес.

— Если это, конечно, не проделки фаты, — озабоченно сказал Джим. — В такой пустыне никогда не знаешь, с чем имеешь дело — с природным явлением или с чем-нибудь еще.

Они подъехали поближе, но то, что они видели издалека, нигде не исчезло. Это были самые настоящие следы, следы от колес.

— Кажется, до нас тут кто-то уже побывал.

Лукас остановил Кристи, сошел вниз и стал пристально разглядывать следы.

— Вот те на! — сказал он наконец и почесал за ухом. — Здесь действительно кто-то уже побывал. И знаешь кто?

— Нет. А кто?

— Мы. Это след Кристи. Похоже, мы сделали здоровенный круг и вернулись к тому самому месту, откуда выехали утром.

— Ох, батюшки мои! — ужаснулся Джим. — Хорошо бы нам поскорее выбраться из этой жуткой пустыни!

— Хорошо-то хорошо, — согласился Лукас. — Но как?

Лукас огляделся по сторонам, пытаясь оценить обстановку.

Справа по небу неслись паровоз, из трубы которого вылетали огромные пестрые мыльные пузыри. Слева возвышался старинный маяк. На его самой верхней площадке как раз пристроился кит, приготовившийся

сделать стойку на голове. А сзади Лукас увидел универмаг, из окон и дверей которого во все стороны торчали разнообразные деревья. А прямо перед друзьями растянулись чередой телеграфные столбы с проводами, по которым неспешно прогуливалось целое семейство бегемотов.

Лукас посмотрел вверх. Три солнца аккуратно разместились на небосклоне. Поди разберись, какое из них настоящее.

Лукас потряс головой.

— Бесполезно, — буркнул он. — Надо подождать, пока фата-моргана уgomонится, и дожидаться захода солнца.

От страшной жары друзей разморило, и Лукас уже закемарил, когда Джим вдруг спросил:

— А почему у них такой грустный вид?

— У кого? — зевая, поинтересовался Лукас.

— У них у всех, — тихонько ответил Джим. — Ну, когда мы видели Медландию.

— Вполне возможно, что мы увидели их в тот самый момент, когда они получили наше письмо, — высказал свое мнение Лукас.

Джим тяжело вздохнул. Помолчав немножко, он серьезно спросил:

— Лукас, как ты думаешь, мы когда-нибудь еще увидим Медландию?

Лукас по-дружески обнял Джима и попытался утешить его:

— Я уверен, что в один прекрасный день мы непременно вернемся в Медландию, все втроем: ты, Кристи и я.

Джим посмотрел на Лукаса широко раскрытыми глазами.

— Ты правда так думаешь? — спросил он с надеждой в голосе.

— Могу даже тебе пообещать, что так оно и будет, — ответил Лукас.

У Джима сразу как-то отлегло от сердца, он повеселел, как будто они и впрямь уже отправляются домой. Он знал, что если уж Лукас даст слово, то он его никогда не нарушит.

— А как ты думаешь, это будет скоро? — решил уточнить Джим.

— Не знаю, может быть, да, а может, и нет, — уклончиво ответил Лукас. — Я точно не могу сказать. Просто у меня есть чувство, что это непременно произойдет.

Через некоторое время он добавил:

— Знаешь, попробуй-ка лучше заснуть. Вдруг нам придется ехать всю ночь, кто знает.

— Постараюсь, — ответил Джим, и уже через секунду он крепко спал.

Но Лукас не стал ложиться. Ему нужно было обдумать сложившееся положение, которое его очень тревожило. Раскуривая новую трубку, он выглянул в окошко и посмотрел на раскаленную пустыню под палящими лучами послеполуденного солнца. Тут он заметил, что грифы снова осмелели и подошли уже совсем близко. Они окружили Кристи плотным кольцом и терпеливо ждали, когда пробьет их час. Они явно были уверены в том, что путешественникам ни за что не выбраться из этой проклятой пустыни.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, *в которой Джим Пуговка делает для себя важное открытие*

Всякий, кому довелось побывать в пустыне, знает, какие там бывают закаты. Красотища неописуемая! Небо переливается невиданными красками — от яр-

ко-ярко-оранжевого до нежно-розового, светло-зеленого и фиолетового.

Лукас и Джим сидели на крыше паровоза и болтали ногами. Они доели остатки съестных припасов и допили чай из золотого термоса.

— Ну вот, теперь у нас нет никаких запасов. Кто знает, когда еще мы раздобудем себе еды, — с тревогой в голосе сказал Лукас.

Жара немного спала. Откуда-то потянуло ветерком, который принес с собой прохладу. Миражи почти все исчезли, остались только самые упрямые, которые все никак не хотели растворяться и упорно продолжали висеть в воздухе. Но это уже были не серьезные миражи, а так себе, мелочевка. Дольше всех оставалась половинка велосипеда, на котором, скукожившись, сидел еж. Минут пятнадцать этот чудо-велосипед покрутился еще по пустыне, но одному, наверное, шалить было скучно, так что скоро и он скрылся из виду.

Теперь друзья могли быть более или менее уверены в том, что то солнце, которое они видят на горизонте, всамделишное солнце, а не очередной фокус фата-морганы. Ну а поскольку всякое нормальное солнце, как известно, заходит на западе, то Лукасу не стоило особого труда определить, где находится север и куда им теперь надо ехать. По его расчетам, нужно было двигаться так, чтобы заходящее солнце светило в левое окошко.

Когда они уже проделали часть пути и солнце уже вот-вот должно было скрыться за горизонтом, Джим вдруг обратил внимание на странное явление. Все время, пока они ехали, грифы не отставали от них и всей стаей летели следом, а тут вдруг ни с того ни с сего они как по команде резко повернули в другую сторону и улетели прочь. Казалось, что они куда-то

очень торопятся. Джим поделился своим наблюдением с Лукасом.

— Может, они просто решили наконец отстать от нас, — высказал свое мнение Лукас, весьма довольный таким оборотом дела. Но не успел он закончить свою мысль, как Кристи вдруг отчаянно засвистел, будто испугался чего-то, потом сам по себе взял развернулся и помчался как угорелый в обратном направлении.

— Эй, Кристи! — закричал Лукас. — Что это за новости такие?!

Джим хотел было что-то сказать, но в этот момент он случайно обернулся, и слова застряли у него в горле.

— Там! — только и смог выдавить он из себя.

Лукас снова повернул паровоз на север. Но то, что открылось его взору, не шло ни в какое сравнение с тем, что он когда бы то ни было видел. Такого он еще не встречал в своей жизни.

На горизонте стоял огромный великан, настоящий гигант, рядом с которым Полосатые горы, которые как-никак маленькими не назовешь, казались просто жалкой кучкой спичечных коробков. Великан, очевидно, был уже в возрасте — судя по длинной седой бороде, достигающей ему до колен, почему-то заплетенной в толстую косу. Вероятно, так легче содержать ее в порядке. Ведь это немыслимо — каждый день расчесывать такие буйные заросли! На голове у великана красовалась старая соломенная шляпа. Интересно, где он откопал такую шляпищу? Могучее тело великана прикрывала потрепанная длинная рубаха, которая, наверное, была больше, чем самый большой парус в мире.

— Ой! — вырвалось у Джима. — Это все фата! Скорее бежим, Лукас! Может, он нас еще не заметил!

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Лукас и выпустил из трубки несколько колечек дыма.

Он пристально всматривался в великана.

— Знаешь, мне кажется, в нем нет ничего страшного. Вот только что рост. А так он производит вполне приятное впечатление, — сказал Лукас спокойным голосом.

— Ч-т-т-то? — запинаясь, спросил Джим с нескрываемым ужасом.

— А что тут особенного? — продолжал рассуждать Лукас. — Эка невидаль, подумаешь! Ну и что из того, что человек немножко выше обычного? Так теперь его сразу в чудище записывать?!

— Да, но... а вдруг он все-таки из этих, из чудищ? — осторожно спросил Джим.

Теперь великан поднял руку, будто хотел помахать им, но потом опустил ее и как будто даже тяжело вздохнул. Правда, на таком расстоянии различить было трудно, тяжело он вздыхает или нет. Было удивительно тихо.

— Если бы он хотел нам сделать что-нибудь плохое, он бы давно это уже сделал, — сказал Лукас, не вынимая трубки изо рта. — По-моему, он довольно мирный. Интересно только, почему он не идет к нам? Может, он нас попросту боится?

— Ох, Лукас! — жалобно простонал Джим, у которого от страха зуб на зуб не попадал. — Мы пропали!

— Не думаю, — уверенным голосом возразил Лукас. — Может, наоборот, он нам даже подскажет, как выбраться из этой чертовой пустыни.

Джим онемел от ужаса. Он не знал, что и думать.

Тут великан вдруг поднял руки и, сложив ладони рупором, прокричал удивительно тонким, писклявым голосом:

— Подождите, незнакомцы, подождите! Я прошу вас, не уходите! Я не причиню вам зла!

У такого верзилы голос мог бы быть и пострашнее. А тут вместо громовых раскатов какое-то слабенькое чириканье. Интересно, почему?

— Мне кажется, — сказал Лукас, — это совершенно безобидный великан. Он мне даже чем-то нравится. Только вот с его голосом что-то не в порядке.

— А может, он просто притворяется! — заплетаясь от страха языком проговорил Джим. — Он, наверное, хочет заманить нас и сварить живьем. Я слышал об одном таком кровожадном великане. Точно, Лукас!

— Ты его боишься только потому, что он такой большой, — попытался урезонить друга Лукас. — Но это еще не повод. Он ведь не виноват, что вымахал таким огромным.

Теперь великан опустил на колени и, умоляюще протягивая руки, снова принялся уговаривать друзей не уходить:

— Ну я прошу вас, поверьте мне! Я ничего вам не сделаю, я хочу только поговорить с вами. Я так одинок, так страшно одинок! — Его тоненький голосок звучал очень жалобно.

— Бедняга, все-таки жаль его, — сказал Лукас. — Я сейчас помашу ему рукой, пусть знает, что у нас нет никаких дурных мыслей в голове.

С затаенным дыханием наблюдал Джим за тем, как Лукас высунулся из окошка, снял фуражку, как подобает вежливому человеку, и помахал носовым платком. Сейчас страшное чудовище набросится на них и сожрет со всеми потрохами!

Великан медленно поднялся. Вид у него был настолько растерянный, как будто он не знал, что же ему теперь делать.

— Означает ли это, что я могу подойти к вам? — спросил он своим жиденьким голоском.

— Конечно! — прокричал в ответ Лукас и приветливо помахал платком.

Великан сделал шаг, но потом в нерешительности остановился.

— Он нам не доверяет, — пробормотал Лукас.

С этими словами он, не долго думая, вылез из паровоза и твердым шагом направился к великану, знаками давая ему понять, что намерения у него самые дружественные.

Джим прямо обмер от страха, все потемнело у него перед глазами. Может быть, Лукаса хватил солнечный удар?

Как бы то ни было, он не мог бросить друга в беде, и поэтому, собравшись с духом, он тоже спустился вниз и побежал следом, хотя коленки у него при этом изрядно дрожали.

— Подожди, Лукас! — срывающимся голосом кричал он на ходу. — Я с тобой!

— Вот и отлично! — сказал Лукас, хлопнув его по плечу. — Так-то оно лучше. Бояться — последнее дело. У страха, как говорится, глаза велики. На самом-то деле все не так страшно.

Когда великан увидел, что мужчина с мальчиком слезли с паровоза и теперь направляются к нему с явно миролюбивыми намерениями, он понял — бояться ему действительно нечего, все будет хорошо. Его печальное лицо сразу просветлело.

— Друзья мои, — крикнул он, обращаясь к путешественникам, — я иду к вам навстречу!

И он тоже двинулся вперед. Друзья смотрели на шагающего великана и прямо глазам своим не верили. Такого они еще никогда не видели! У Джима прямо рот открылся от изумления, а глаза чуть не выскочили из орбит. Лукас буквально остоленел и даже забыл про свою трубку, которая от этого быстро погасла.

По мере приближения великан с каждым шагом становился все меньше и меньше. Осталось пройти метров сто. С этого расстояния великан казался не выше обыкновенной колокольни. Потом он сравнялся

по высоте с домом. А когда он наконец дошел до Кристи, оказалось, что он такого же роста, как Лукас, даже, пожалуй, на полголовы ниже. Перед друзьями стоял худощавый старичок с очень славным, добрым лицом.

— Добрый день! — поприветствовал он Лукаса и Джима и снял соломенную шляпу. — Я не знаю, как мне выразить свою признательность за то, что вы не убежали от меня. Сколько лет я мечтал о том, чтобы встретить какого-нибудь храбреца, который не испугался бы меня. Но никто не отваживался приблизиться ко мне. Я ведь только издалека кажусь таким ужасно большим. Ой, я ведь забыл представиться! Меня зовут Ка Лань Ча. Или просто господин Лань.

— Добрый день, господин Ка Лань Ча, — вежливо ответил Лукас и снял фуражку. — Меня зовут Лукас, машинист.

Лукас держался очень спокойно, так, словно он всю свою жизнь только и делал, что общался с великанами. Уж кто-кто, а Лукас умеет себя держать как надо в любой ситуации!

Тут и Джим, который до сих пор стоял столбом и, открыв рот, пялился на великана, вышел из оцепенения и представился новому знакомому:

— Джим Пуговка.

— Я необычайно рад познакомиться с вами, — сказал господин Ка Лань Ча, обращаясь на этот раз к Джиму. — И особенно радует меня то обстоятельство, что, несмотря на свой юный возраст, вы, господин Пуговка, сумели проявить столько мужества и отваги. Вы оказали мне неоценимую услугу.

— Ой, да что вы... да я... на самом-то деле... — запинаясь, начал что-то лепетать Джим, покраснев до ушей, хотя из-за черной кожи это не бросилось в глаза.

Ему стало вдруг страшно стыдно, ведь на самом-то деле он не был никаким храбрецом. Про себя он ре-

шил, что впредь никого и ничего не будет бояться, прежде чем не посмотрит на этого «кого-то» или «что-то» вблизи. А то получится как с господином Ланем. Он дал себе слово никогда не забывать об этом.

— Знаете ли, — сказал господин Лань, обращаясь теперь к Лукасу, — я ведь на самом деле никакой не великан. Я, так сказать, мнимый великан. Но в этом-то и состоит мое несчастье. Вот отчего я так одинок.

— Господин Лань, не могли бы вы нам объяснить, что значит мнимый великан, — попросил Лукас, — честно говоря, вы первый мнимый великан, которого мы видим в своей жизни.

— Конечно, я постараюсь вам все объяснить, — согласился господин Лань, — но не здесь. Позвольте мне, любезные друзья, пригласить вас ко мне в гости, в мою скромную хижину.

— А вы здесь живете? — удивился Лукас. — Прямо в пустыне?

— Да, прямо в пустыне, именуемой Край Света. Точнее, у оазиса.

— А что такое оазис? — осторожно спросил Джим. Он уже боялся всяких неожиданностей.

— Оазис, — объяснил господин Ка Лань Ча, — это родник или иной источник воды, расположенный в пустыне. Я провожу вас туда.

Но Лукас решил, что лучше будет проехать на паровозе. Ведь Кристи нужно заправить водой. А это можно сделать только у оазиса. Но господин Лань наотрез отказался залезать в паровоз. Друзьям пришлось довольно долго убеждать его в том, что Кристи совершенно безопасное существо и ездить на нем не страшно. В конце концов они уговорили его рискнуть.

Великан забрался в кабину, и паровоз покати к оазису.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой мнимый великан рассказывает о том,
что представляют собой мнимые великаны,
а потом выражает свою признательность*

Оазис господина Ланя оказался крошечным прудом с прозрачной водой, посередине которого бил родничок, наподобие маленького фонтанчика. Вокруг зелена свежая сочная трава и росли высоченные пальмы и всякие фруктовые деревья. Под деревьями приютился невысокий чистенький домик белого цвета с ярко-зелеными ставенками. В саду перед домом росли цветы и овощи.

Лукас, Джим и господин Ка Лань Ча вошли в дом, сели за круглый деревянный стол и как следует подкрепились. На ужин были поданы всякие вкусные овощи, а на сладкое — чудесный фруктовый салат.

Господин Ка Лань Ча был, между прочим, еще и вегетарианцем. Так называют людей, которые совсем не едят мяса. Господин Ка Лань Ча очень любил животных и поэтому не мог ни убивать зверей, ни тем более есть их. И его огорчало то обстоятельство, что его огромный рост всегда отпугивал от него животных.

Вот так и сидели они втроем за столом, а Кристи тем временем отдыхал на улице у фонтанчика. Лукас открыл крышку, теперь прохладная вода, весело булькая, наливалась в котел, что было как нельзя кстати, поскольку Кристоф совершенно изнемог уже от жары и жажды. После ужина Лукас, как всегда, набил трубочку, сел поудобнее, а потом, поблагодарив за вкусный ужин, решил все же попросить великана продолжить прерванный рассказ.

— Я прямо сгораю от любопытства! — сказал он.

— Да, да, расскажите, пожалуйста! — подхватил Джим.

— Собственно говоря, — начал господин Лань, — здесь не о чем особенно рассказывать. Ведь у всех людей есть какие-то свои индивидуальные особенности. У господина Пуговики, например, черная кожа. Он таким родился, и в этом нет ничего странного, не правда ли? Почему бы и нет, черный так черный, какая разница? Правда, к сожалению, большинство людей так не считают. Если у них, к примеру, белая кожа, то почему-то они убеждены, что именно у них правильный цвет кожи, а у других — неправильный. Такие глупые люди встречаются, как это ни печально, довольно часто.

— Хотя в некоторых случаях иметь черную кожу очень удобно, — вставил тут Джим, — например, если ты машинист паровоза.

Господин Лань кивнул в знак согласия и продолжал:

— Видите ли, мои друзья, у каждого человека есть одно свойство. Вот, например, если кто-нибудь из вас сейчас встанет и пойдет, то он по мере удаления будет все уменьшаться и уменьшаться до тех пор, пока не превратится совсем уж в микроскопическую точку на горизонте. А если он решит вернуться, то по мере приближения он будет становиться все больше и больше, пока не дойдет до нас и не станет, как прежде, нормальным человеком нормального роста. Вы не будете при этом отрицать, что сам-то человек, который ходил туда-сюда, в действительности совершенно не менялся. Это только кажется, что он становится то больше, то меньше.

— Верно! — воскликнул Лукас.

— Ну вот, — объяснял дальше господин Лань. — А у меня все наоборот. Вот и весь секрет. Чем дальше я ухожу, тем выше я кажусь тому, кто видит меня издали. И чем ближе я подхожу, тем меньше кажется мой рост.

— Вы хотите сказать, что на самом деле вы не уменьшаетесь и не увеличиваетесь, а просто это нам кажется? — переспросил Лукас.

— Совершенно верно, — подтвердил господин Ка Лань Ча. — Поэтому я и говорю, что я мнимый великан. С таким же успехом всех людей можно было бы назвать мнимыми карликами, поскольку на большом расстоянии они ведь действительно выглядят как карлики, хотя таковыми и не являются.

— Как интересно! — пробормотал Лукас и выпустил несколько высокохудожественных колец дыма. — А скажите, пожалуйста, господин Лань, как же так получилось? Или вы таким были всегда, от рождения?

— Да, так было всегда, — грустно ответил господин Лань. — И я ничего не могу с этим поделать. В детстве это, правда, было не так заметно. То есть, конечно, заметно, но не так сильно, как сейчас. Но уже и тогда со мной никто не дружил, потому что дети просто боялись меня. Можете себе представить, как меня это огорчало. Ведь на самом-то деле я очень общительный человек, и характер у меня довольно спокойный. Но где бы я ни появлялся, люди в ужасе разбегались.

— А почему вы поселились здесь, в пустыне Край Света? — участливо спросил Джим. Ему было очень жаль старика.

— Сейчас объясню, — сказал господин Лань. — Я родился на Ларипури. Это большой остров в Нарландии. Единственными людьми, которые совершенно не боялись меня, были мои родители. И вообще мои родители были славными людьми. Но когда они умерли, я решил покинуть свою страну и отправиться на поиски нового пристанища, где люди бы не испытывали страха при виде меня. Я обошел весь свет

вдоль и поперек, но везде повторялось одно и то же. Вот почему я в конце концов укрылся в пустыне. Я не хотел больше никого пугать. Вы оба, любезные друзья, первые люди в моей жизни (не считая, конечно, родителей), которые не испугались меня. Если б вы знали, как страстно я мечтал о том, чтобы хоть раз в жизни побеседовать с кем-нибудь. И вот теперь благодаря вам моя мечта наконец исполнилась. Отныне, когда мне станет одиноко, я буду вспоминать о вас, и мысль о том, что я все же не один на этом белом свете, что у меня где-то далеко-далеко есть добрые друзья, — эта мысль будет мне великим утешением. Я вам необычайно благодарен за это и в знак моей признательности хотел бы для вас что-нибудь сделать.

Лукас немножко помолчал, обдумывая рассказ господина Ланя. Джим тоже был занят своими мыслями. Он долго про себя подбирал слова — что бы такое сказать господину Ланю ободряющее.

Наконец Лукас прервал затянувшуюся паузу:

— Дорогой господин Лань, если вы действительно решили нам сделать что-нибудь хорошее, то я знаю, как вы можете нам помочь в одном очень важном деле.

И Лукас рассказал все с начала до конца: о том, что они выходцы из Медландии и что теперь держат путь в драконий город, где хотят освободить принцессу Ли Ши и раскрыть тайну Джима.

Когда Лукас закончил свой рассказ, господин Ка Лань Ча посмотрел на друзей с нескрываемым почтением и сказал:

— Вы действительно настоящие храбрецы. Я не сомневаюсь в том, что вам удастся спасти принцессу, хотя, наверное, это очень смелая затея — попасть в драконий город.

— Так вот, — приступил Лукас к изложению своей просьбы, — не могли бы вы нам рассказать, где находится этот город и как туда быстрее добраться?

— Что там рассказывать? Я лучше сам вас выведу из пустыни, иначе вы тут заплутаете. Правда, дальше я вас уже не смогу проводить. Там начинаются Черные Скалы, оттуда вам придется идти одним.

Великан задумался на минутку, а потом продолжал:

— Есть, правда, еще одна сложность. Я живу здесь уже много-много лет и знаю всю пустыню как свои пять пальцев. Но днем даже я тут плутаю, как в диком лесу. Последние годы фата-моргана что-то уж совсем разгулялась.

— Все-таки нам здорово повезло, что мы встретили вас, господин Ка Лань Ча. Без вас мы бы наверняка пропали, — сказал Лукас.

— О да! — согласился господин Лань и нахмурился. — Одни вы бы тут определенно заблудились. И уже завтра, самое позднее послезавтра вы бы стали добычей грифов.

Джим содрогнулся при этой мысли.

— Тогда давайте не будем мешкать, — предложил Лукас.

Господин Ка Лань Ча сделал на скорую руку несколько бутербродов и налил в золотой термос свежего чая, после чего вся троица поспешила к паровозу.

Но прежде чем отправиться в путь, Джим попросил господина Ланя, если это возможно, продемонстрировать еще разочек свои поразительные уменьшительно-увеличительные способности. Господин Лань с радостью согласился выполнить просьбу Джима.

Большая луна освещала пустыню ярким светом, от которого вокруг было светло как днем. Джим и Лукас

остались стоять у паровоза, а господин Лань немного прошел в сторону, прямо на глазах у друзей становясь все выше и выше, а когда он повернул назад, то рост постепенно начал уменьшаться, пока не дошел до нормальных размеров.

Потом Лукас остался стоять у паровоза, а Джим и господин Лань пошли вместе, чтобы убедиться, действительно ли все эти фокусы с увеличением и уменьшением лишь обман зрения. Отойдя подальше, Джим прокричал Лукасу:

— Ну как? Что ты видишь?

Лукас ответил:

— Ты теперь кажешься совсем маленьким, как мой мизинец, а господин Лань — большим, ростом с телеграфный столб.

Джим теперь сам мог легко убедиться, что господин Лань, с которым он стоял рядом, ни на миллиметр не вытянулся, а остался таким, каким был всегда.

Потом друзья поменялись, и Джим остался у паровоза, а Лукас пошел вместе с господином Ланем. Теперь Джиму было хорошо видно, как уменьшается Лукас и как растет господин Лань. Когда все снова собрались у паровоза, Джим, довольный, сказал:

— Вы действительно никакой не великан. Это все обман зрения.

— Совершенно точно, — согласился Лукас. — Ну а теперь пора в путь, друзья!

Они забрались в кабину машиниста, закрыли двери и двинулись вперед. Из трубы паровоза вылетали клубы дыма, которые устремлялись в ночное небо, все выше и выше, пока не исчезали без следа в заоблачных высотах, там, где горделиво и спокойно сияла огромная серебристая луна.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,
*в которой путешественники прощаются
с мнимым великаном и застревают перед входом
в Пасть Смерти*

Пустыня, по которой ехали теперь путешественники, не отличалась большим разнообразием — куда ни кинешь взгляд, повсюду только пески, пески, сплошная гладкая поверхность, напоминающая доску для раскатывания теста.

Странно было видеть, как ловко ориентируется в этой тоскливой местности господин Лань, который будто носом чуял, когда куда надо заворачивать. Другим понадобилось не больше трех часов, чтобы добраться до северной границы пустыни.

Вокруг все было залито лунным светом, но там, где кончалась пустыня, почему-то ничего не было видно. Ни тебе земли, ни неба. Просто-напросто *н и ч е г о ш е н ь к и*.

Издалека это выглядело как сплошная беспросветно-кромешная темень, которая вставала стеной от земли до неба.

— Странно! — воскликнул Лукас. — А что это такое?

— Эта местность носит название Черные Скалы, — объяснил господин Лань.

Путешественники подъехали вплотную к тому месту, где начиналась чернота. Лукас притормозил, и все вышли.

— Город драконов, — продолжил свои объяснения господин Лань, — находится где-то в стране Тысячи Вулканов. Это мощное плоскогорье, на котором расположены сотни тысяч больших и малых гор, извергающих огонь. Более точными сведениями о том, где нужно искать город драконов, я, к сожалению, не располагаю. Но, я думаю, на месте вы как-нибудь сориентируетесь.

— С этим все ясно, — сказал Лукас. — А что это здесь за тьма-тьмушая?

— Не хотите ли вы сказать, что нам нужно туда? — осторожно поинтересовался Джим.

— К сожалению, другого пути нет, — ответил господин Лань. — Видите ли, дорогие друзья, страна Тысячи Вулканов, как я уже говорил, представляет собою плоскогорье, которое относительно уровня моря лежит на семьсот метров выше, чем пустыня Край Света. Единственный путь, по которому можно добраться туда, проходит через Черные Скалы.

— Путь? — удивился Джим. — Но я не вижу здесь никакого пути.

— Все верно, — серьезно ответил господин Лань. — Его и нельзя увидеть. В этом как раз и состоит секрет Черных Скал. Они настолько черные, что поглощают всякий свет. Туда не проникает ни один лучик света. Только в особо ясные дни, когда солнце светит уж очень сильно, темнота чуть-чуть рассеивается, да и то лишь вокруг солнца, от которого остается на небе всего-навсего сиреневатое мутное пятно. А так здесь царит беспросветная мгла.

— Да, но если тут ничегошеньки не видно, — задумчиво сказал Лукас, — то как же можно найти дорогу?

— Дорога здесь идет прямо-прямо, — пояснил господин Лань. — Длина ее метров сто, не больше. Если вы будете строго придерживаться нужного направления, то ничего с вами не случится. Но ни в коем случае нельзя ни на сантиметр сворачивать с пути. Потому что по обе стороны дороги идут сплошные пропасти. Малейшая ошибка — и вы погибли.

— Веселенькая перспективка! — пробурчал Лукас и задумчиво поскреб за ухом. Джим только выдавил из себя:

— Ой, батюшки мои!

— Когда вы доберетесь до самой высокой точки Черных Скал, дорога приведет вас к огромным скальным воротам. Это Пасть Смерти. Здесь самое темное место, даже в ясные солнечные дни в Пасти Смерти царит крошечная тьма. Вы сразу поймете, что вошли в Пасть Смерти, по жутким завываниям и стенаниям, которые раздаются там день и ночь.

— А чего она, эта пасть, воет? — спросил Джим, которому стало как-то не по себе от рассказов господина Ланя.

— Все дело в ветре, который продувает насквозь эти скальные ворота, — объяснил господин Лань. — Кстати, я советовал бы вам поплотнее закрыть окна и двери локомотива. Ведь в этой местности стоит вечная ночь, и поэтому ветер здесь настолько холодный, что капли воды превращаются в ледышки, еще не успев долететь до земли. И еще ни в коем случае не вылезайте из локомотива, иначе вы моментально окоченеете и станете как сосульки.

— Благодарим вас за добрые советы, — сказал Лукас. — Я думаю, мы подождем, пока взойдет солнце. Хотя от него и не слишком много проку, но все же это лучше, чем ничего. Как ты считаешь, Джим?

— Я думаю, ты прав, — отозвался Джим.

— Тогда, друзья мои, я полагаю, нам лучше сейчас попрощаться, — сказал господин Ка Лань Ча. — Я рассказал вам все, что знал. Мне бы хотелось добраться до дому, пока еще не рассвело. Вы ведь знаете, из-за этой фата-морганы.

Они пожали друг другу руки и пожелали всего наилучшего. Господин Лань пригласил друзей к себе в гости в случае, если им доведется еще раз проезжать через пустыню. Джим и Лукас пообещали, что непременно зайдут. На этом они расстались, и мнимый великан поспешил домой, к своему оазису. Долго смот-

рели друзья вслед. С каждым шагом его фигура становилась все выше и выше, а когда он уже был совсем далеко, то стало казаться, что голова его достает до самого неба. Где-то у горизонта он обернулся и приветливо помахал друзьям на прощание. Лукас и Джим помахали в ответ. Господин Лань пошагал дальше, и чем дальше он уходил, тем больше вытягивался; правда, при этом его очертания выглядели все более и более расплывчатыми, пока наконец и вовсе не растворились в темноте ночного неба.

— Какой славный человек! — сказал Лукас и усиленно запыхтел трубкой. — Действительно, очень жаль его.

— Да, — согласился Джим, погруженный в какие-то свои мысли. — Как грустно, что он такой одинокий.

На этом друзья пожелали друг другу спокойной ночи и пошли спать, чтобы набраться сил для предстоящей поездки в Черные Скалы.

Когда друзья проснулись, над пустыней сияло ослепительное солнышко. Джим и Лукас позавтракали, затем крепко-накрепко закрыли все окна и двери и двинулись прямехонько в кромешную тьму.

Все было так, как предсказывал господин Лань. От ослепительного солнца не осталось и следа. Только слабое фиолетовое пятно прорывалось порой сквозь густую черную пелену, которой заволокло все небо. Вокруг же было темным-темно, хоть глаз выколи.

Лукас нащупал на щитке нужную кнопку и зажег фары. Но лучше от этого не стало. Черные Скалы полностью поглощали свет, и поэтому хоть с фарами, хоть без фар — все равно ничего не было видно.

Чем дальше они продвигались в глубь Черных Скал, тем сильнее забирал мороз. Джим и Лукас завесили окна одеялами, но и это скоро перестало спасать. И хотя Лукас не жалел угля и топил как следу-

ет, мороз пробирался во все щели и с каждой минутой становился все крепче и крепче. Джим совершенно ооченел от холода, так что у него уже зуб на зуб не попадал.

Паровоз продвигался вперед очень медленно. Уже несколько часов они были в пути, а по расчетам Лукаса они одолели не больше половины — миль этак пятьдесят. Джим взялся теперь помогать Лукасу, потому что ему одному уже было не справиться. Они не успевали подбрасывать уголь в топку, ведь без хорошего жару вода в котле не будет кипеть и паровоз не сможет двигаться. Лопаты только так и мелькали. Но Кристи с каждой минутой катился все медленнее и медленнее. На трубе и клапанах уже висели толстые сосульки.

Лукас озабоченно посматривал на кучу угля, которая буквально таяла на глазах.

— Будем надеяться, что нам этого хватит, — пробормотал он.

— Сколько мы еще протянем? — спросил Джим, растирая ооченевшие пальцы.

— Минут пятнадцать, — ответил Лукас, — а может, и того меньше. Трудно сказать при таком расходе.

— А мы успеем проскочить за это время? — беспокоился Джим, которого уже прямо трясло от холода. У него даже губы посинели.

— Ну, если ничего не случится непредвиденного, наверное, успеем, — не слишком уверенно ответил Лукас, раскуривая трубку, которая хоть немножко согревала заледенелые пальцы.

Теперь уже и бледно-фиолетового пятна было не видно. Значит, они где-то на подходе к Пасти Смерти. Прошло еще несколько минут, и вдруг до них донесся душераздирающий вой:

— У-у-у-у!

Этот вой был настолько жутким, что его нельзя передать никакими словами. Тому, кто не слышал его, даже трудно себе представить, насколько чудовищно он звучал. Нельзя сказать, что вой был очень громким. Но в черной пустоте он звучал так пронзительно-уныло, так жалостливо, что ни одна человеческая душа не могла этого вынести.

— Ой, батюшки мои! — снова вырвалось у Джима. — Я, пожалуй, лучше снова заткну уши.

Но огарок свечи от холода совершенно окаменел, и из него ничего уже нельзя было сделать. Друзьям пришлось смириться с душераздирающими воплями.

— Ааааууууууу! — завывало где-то уже совсем рядом.

Лукас и Джим стиснули зубы. В этот момент Кристи остановился как вкопанный и издал протяжный гудок, в котором слышалось невыразимое отчаяние. Каким-то образом он все же сбился с пути и теперь вдруг почувствовал, что колеса его повисли прямо над пропастью.

— Чертовщина какая-то! — пробурчал Лукас и стал по очереди нажимать на все рычаги. Кристи только вздрагивал, но с места не двигался.

— Что это с ним? — спросил Джим. В его широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Понятия не имею, — ответил Лукас. — Он не хочет ехать дальше. Наверное, мы сбились с пути.

— И что теперь? — прошептал Джим.

Лукас ничего не ответил. Но Джим мог легко определить по выражению его лица, когда дело принимало серьезный оборот. Плотные сжатые губы, выступающие скулы, прищуренные глаза — все это говорило о том, что Лукасу не до шуток.

— В любом случае нужно поддерживать огонь в топке. Иначе мы пропали, — сказал он наконец.

— Что же, мы так и будем здесь стоять? — спросил Джим с тревогой.

Лукас только пожал плечами. Джим больше ни о чем не спрашивал. Если уж и Лукас не знает, что делать, значит, дело совсем плохо.

В завывании ветра слышались теперь злорадные нотки. Казалось, что Пасть Смерти разразилась неистовым смехом.

— Ох-хо-хо-хо-о-о-о-хо-хо-хо-о-о!

— Не надо вешать носа, старина! Все еще как-нибудь образуется! — постарался утешить друга Лукас. Но звучало это как-то не слишком убедительно.

Они всё ждали и ждали, лихорадочно думая при этом, что же делать. Вылезти они не могут из-за мороза, да к тому же от этого не будет никакого проку. Назад не поедешь, потому что Кристи уперся на месте — и ни туда и ни сюда. Что же делать? Ничего.

Как ни крути, как ни верти, все плохо. Но ведь нужно же что-то предпринять! Каждая секунда была дорога. Ведь чем дольше они стоят, тем быстрее исчезают запасы угля!

Но пока они напряженно думали, безуспешно ломая головы в поисках выхода из создавшегося положения, на помощь им пришло счастливое стечение обстоятельств. Дело в том, что пар, который выходил из трубы паровоза, поднимался, как и положено, вверх, но на определенной высоте от холода он превратился в настоящий снег, который тут же стал снова падать на землю. Сердитый ветер-завывала разметал повсюду снежинки — и вокруг локомотива, и дальше. Снег покрыл даже сами Черные Скалы. И вот оттого, что на склонах в некоторых местах лежал теперь снег, они перестали поглощать свет. Дорога тут же нашлась. Тоненькой полоской она белела среди зияющей черной пустоты.

Джим заметил ее первым. Он как раз продышал себе на замерзшем окошке дырочку и теперь пытался сквозь нее что-то разглядеть в темноте.

— Эй, Лукас! — закричал он. — Посмотри сюда!

Лукас выглянул в окошко. Потом как-то выпрямился, очень серьезно посмотрел на Джима и, глубоко вздохнув, сказал:

— Мы спасены.

С этими словами он зажег свою трубочку и принялся раскуривать ее.

Теперь и Кристи пришел в себя, он быстро нашел прямую линию, по которой нужно было ехать, и снова устремился в непроглядную тьму.

— Оуу-оуу-оуу-оуу-оууууууу! — застонал ветер. Казалось, что они мчатся прямехонько в разверстую пасть самой смерти.

— Уууаааааааааааа! — раздалось откуда-то из недр, как будто кто-то устрашающе зевнул. И вот уже паровоз выскочил с другой стороны ворот. Пасть Смерти осталась позади.

— Уууууууууууууу! — послышался тяжелый вздох, который отозвался гулким эхом в глубине ворот. Но теперь это звучало не слишком страшно. А потом жуткие стоны и вовсе затихли где-то далеко-далеко.

Запасы угля стремительно подходили к концу, оставалось всего лопат десять. Но, к счастью, дорога теперь шла под гору — ведь Пасть Смерти находилась на самой высокой точке Черных Скал. Лукас бросал в топку по одной лопате в минуту: минута — две — три — четыре — пять — шесть — семь минут — восемь — девять — и — десять. Всё. Последняя лопата угля. Но вокруг по-прежнему стояла чернота. Локомотив катился все медленнее и медленнее. Еще минута — и он остановился...

И вот, в самый последний момент, словно чья-то невидимая рука стремительно подняла черный занавес, ослепительный свет ударил им в лицо, проникая сквозь заледеневшие окошки. Это было настоящее солнце. Кристи остановился.

— Так, Джим, — сказал Лукас. — Как насчет того, чтобы немножко передохнуть?

— Отлично! — воскликнул Джим и облегченно вздохнул.

С трудом они отколупали лед с задвижек и открыли дверцы. Теплый воздух ворвался в кабину. Они сошли вниз, чтобы подставить солнышку свои заледеневшие конечности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Лукас и Джим ремонтируют маленький вулкан, а Кристи изменяет свой облик

Друзья не спешили обследовать новую местность, они стояли у паровоза, оба в одинаковых позах — широко расставленные ноги, руки в карманах, взгляд устремлен вдаль.

Перед ними простиралась Страна Тысячи Вулканов. На много миль вокруг раскинулись огнедышащие горы. Одни из них имели вполне внушительные размеры и были высотой с многоэтажный дом, другие же, наоборот, были совсем маленькими и по виду ничем не отличались от норки сурка. У некоторых гор наблюдалась повышенная активность — то и дело из них вырывались мощные языки пламени, другие же вели себя довольно тихо, и только слабенькие струйки дыма говорили о том, что и они не дремлют. Попадались, правда, и такие, из которых вылезала раскаленная лава, — издалека они напоминали кастрюли с убегающей манной кашей.

Земля беспрерывно сотрясалась от подземных толчков, и воздух дрожал от неумолкающего грома и грохота. Неожиданно раздался страшный треск, и на поверхности земли образовалась громадная трещина. Из

близлежащих вулканов начала стекать кипящая лава, которая медленно заполняла расщелину. Но тут и в другом месте пошла трещина. Где-то вдалеке виднелась гигантская вершина, которая намного превосходила по высоте все остальные горы. Наверное, в ней было тысяча метров или даже больше. Над ней тоже поднимался дым.

Лукас и Джим задумчиво созерцали этот не слишком привлекательный пейзаж.

— Хотел бы я знать, — промолвил наконец Джим, — что будет, если и эта горища начнет плеваться лавой? Наверное, тогда тут все зальет? Как ты думаешь, Лукас?

— Вполне возможно, — ответил рассеянно Лукас, занятый в это время совершенно другими мыслями. — Меня гораздо больше интересует, где же нам искать драконий город. Он должен быть где-то тут. Но весь вопрос — где? — пробормотал он.

— Действительно, хорошо бы знать где? — поддакнул Джим.

— Но даже если мы будем знать, где он находится, — продолжал Лукас, — легче нам от этого не станет. Важнее знать, как к туда попасть.

— Действительно, как? — снова согласился Джим. — Нам тут не проехать. Либо застрянем в лаве, либо провалимся в трещину. Ведь никогда не угадаешь, где она образуется в следующий раз.

— Но даже если бы мы все знали, — сказал Лукас, — нас бы все равно это не спасло, потому что у нас кончился уголь, а без угля мы не можем сдвинуться с места.

— Ой! — растерянно ойкнул Джим. — Об этом я как-то и не подумал. Скверная история.

— Чертовски скверная, — пробурчал Лукас. — Дров тут, судя по всему, тоже нет. Во всяком случае, я не

вижу здесь ничего, что хотя бы отдаленно напоминало дерево или куст.

Так ничего и не придумав, друзья решили перекусить. Они достали бутерброды и золотой термос китайского императора. Было как раз часа четыре дня. Самое время пить чай. К тому же они успели изрядно проголодаться, так как с утра и маковой росинки во рту не держали.

Когда с едой было покончено и Лукас достал свою трубочку, а Джим принялся собирать посуду, вдруг раздался какой-то подозрительный шум.

— Тсс! — прошептал Джим. — Послушай!

Друзья насторожились. Странный звук повторился снова. Казалось, что поблизости жалобно хрюкает маленький поросенок.

— Похоже на чей-то голос! — тихонько сказал Джим.

— Верно, — согласился Лукас. — Вроде как поросенок. Давай посмотрим, что там такое.

Друзья встали и пошли туда, откуда доносился голос. Хрюканье шло из недр небольшого вулкана рядом с паровозом. Судя по всему, вулкан не действовал. Не видно было ни огня, ни лавы, ни дымка. Лукас и Джим взобрались на вулкан, который был не выше небольшого домика, и заглянули в кратер. Плакал кто-то внутри. Никакого сомнения. Можно было даже разобрать отдельные слова:

— Все кончено, все кончено! О-о-о-о! Жалкий я червь!

Как друзья ни старались, они ничего не увидели в крошечной тьме, которая царила в недрах вулкана.

— Эй! — прокричал Лукас. — Есть тут кто живой?!

Все стихло. Не слышно было ни плача, ни причитаний.

— Эге-гей! — позвал Джим звонким голоском. — Кто здесь? Кто сказал «жалкий я червь»?

Сначала никто не откликнулся, но потом вдруг раздался жуткий трам-тарарам. В недрах вулкана поднялся невообразимый грохот — кто-то там орудовал со страшной силой. Друзья даже слегка попятились, а то вдруг сейчас как вырвется пламя или выплеснется кипящая лава.

Но ничего подобного не произошло, вместо этого показалась довольно упитанная физиономия, которая уставилась на друзей большими круглыми глазами. Эта физиономия чем-то смахивала на морду бегемота, только она была еще в желтую и синюю крапушку. Дальше шла довольно длинная шея, которая переходила в щуплое тельце, заканчивавшееся тощим хвостом, какие бывают у детенышей крокодилов. Это странное существо с грехом пополам выбралось из своего вулкана, встало, растопылив ноги, лихо подбоченилось и пронзительно закричало что было мочи:

— Я — дракон! Фррррр!

— Очень приятно, — ответил на это Лукас, — меня зовут Лукас, я машинист.

— А я Джим Пуговка, — представился Джим.

Совершенно сбитый с толку, дракон в растерянности смотрел то на Лукаса, то на Джима, а потом спросил своим хрюкающим голоском:

— А вы что, не боитесь меня?

— Нет, — ответил Лукас, — а чего нам бояться?

Тут дракон разразился безудержными рыданиями, и слезы ручьями потекли из его больших круглых глаз.

— Уууууууу! — завывало маленькое чудовище. — Этого мне только не хватало! Даже люди не считают меня за настоящего дракона! Ну что за день сегодня! Одни несчастья! Ууууууу!

— Ну что ты, что ты. Никто не сомневается в том, что ты настоящий дракон, — попытался успокоить его

Лукас. — Мы вообще-то не робкого десятка, но страшнее тебя мы, пожалуй, ничего не видели на свете, правда, Джим?

При этом Лукас слегка подмигнул Джиму.

— Конечно, конечно, — подтвердил Джим. — Но понимаешь, мы просто вообще никогда ничего не боимся. А так мы бы обязательно тебя испугались, да еще как!

— Ах, — жалобно простонал дракон, глотая слезы. — Вы просто хотите меня утешить.

— Нет, нет, точно тебе говорю, — продолжал убеждать его Лукас. — Ты выглядишь очень устрашающе.

— Что верно, то верно, — добавил Джим. — Вид у тебя просто омерзительный и жуткий.

— Правда? — все еще не веря своим ушам, спросил дракон, и его толстая физиономия расплылась в довольной улыбке.

— Истинная правда! — подтвердил Джим. — А разве кто-нибудь сомневается в том, что ты настоящий дракон?

— О да-а-а-а! Ууууууууу! — ответил дракон и снова принялся горько плакать. — Чистокровные драконы не пускают меня в драконий город. Они говорят, что я полукровка, всего-навсего полудракон. И только потому, что моя мама была из бегемотов. Но ведь папа-то был настоящим драконом!

Лукас и Джим многозначительно переглянулись, как будто говоря друг другу: «Ага! Этот полудракон наверняка подскажет нам, куда нужно ехать дальше».

— И потому ты такой несчастный? — спросил Лукас.

— Да нет, — всхлипнув, ответил полудракон. — Просто у меня сегодня день невезучий. Мой вулкан погас. И мне никак его не раскочегарить. Уж я и так, и этак, а он все равно не хочет гореть.

— Ну, это невелика беда. Давай-ка посмотрим, что там у тебя стряслось, — предложил Лукас. — Мы все-таки машинисты паровозов и кое-что понимаем в таких вещах.

Полудракон сразу же смахнул слезы и снова устоялся на друзей.

— Ах, как это было бы чудесно! — прохрюкал он. — Я был бы вам страшно признателен. Для нас, драконов, нет более страшного позора, чем потухший вулкан.

— Понятное дело, — сказал Лукас.

— Кстати, — добавил тут дракон, — ведь я даже вам не представился. Меня зовут Непомук.

— Красивое имя, — любезно сказал Лукас.

— Но оно почему-то похоже на человеческое, — вмешался тут Джим. — Подходит ли оно дракону?

— Это имя дала мне моя мама, бегемотиха, — объяснил Непомук. — Она жила в зоопарке и там все время вращалась среди людей. Вот ей и пришлось в голову окрестить меня Непомуком. У драконов обычно другие имена.

— Ах вот оно что! — сказал Джим.

После этого они все втроем полезли в кратер. Там Лукас достал спичку, зажег ее и осмотрелся. Оказалось, что внутри вулкан представляет собою просторную пещеру. Одну половину занимала громадная куча угля, другую — большая плита, над которой болтался на толстых цепях увесистый котел. Все вокруг было покрыто слоем сажки, к тому же здесь изрядно воняло серой и какой-то еще гадостью.

— Славно тут у тебя, Непомук, — вежливо сказал Лукас, задумчиво посматривая при этом на кучу угля.

— Ой, а где же ты спишь? — удивился Джим.

— Знаете, я предпочитаю спать прямо на угле, — признался Непомук. — Так приятно: встаешь уже чер-

ный-пречерный и не надо каждое утро специально пачкаться.

У драконов, надо сказать, все не как у людей. Люди, например, моются утром и вечером, чтобы ходить всегда чистыми и опрятными, а драконы, наоборот, по утрам и вечерам вываливаются в грязи, чтобы ходить всегда грязными и чумазыми. Так уж у них, у драконов, заведено.

Лукас тем временем занялся плитой. Не прошло и пяти минут, как он уже разобрался, в чем тут загвоздка.

— Ага, — сказал он, — тут просто отвалился кусок решетки и закрыл тебе дымоход.

— А долго это чинить? — спросил Непомук, который уже снова скуксился и приготовился пустить слезу.

Лукас хотел было успокоить полудракона — пустяки, мол, сейчас вмиг починим, но потом вдруг почему-то передумал.

— Посмотрим, что тут можно сделать, — серьезно сказал он. — Честно говоря, ремонт тут мало что даст. Нужно было бы полностью заменить плиту. Но попробую что-нибудь сделать. Тебе здорово повезло, что мы оба машинисты.

У Лукаса был явно какой-то план, и поэтому он слегка все преувеличил.

— Джим, — продолжал он с важной миной, — ну-ка слетай наверх да принеси ящик со специальными инструментами и не забудь прихватить операционную лампу!

— Понял, — ответил Джим, стараясь держаться тоже очень деловито.

В одну секунду Джим выбрался из кратера и скоро вернулся, нагруженный инструментами. Карманный фонарик тоже был на месте.

— Так, дорогой Непомук, — сказал Лукас, наморщив лоб. — Теперь тебе придется оставить нас нена-

долго одних. Мы с моим ассистентом не можем работать в присутствии посторонних.

Непомук с уважением поглядел на ящик с таинственно поблескивающими инструментами и выбрался наверх. Он терпеливо сидел и ждал, пока друзья справятся с ремонтом. Из пещеры доносился непрерывный стук, скрежет, звяканье, лязганье. «Да, эти машинисты действительно толковые ребята», — подумал Непомук.

На самом-то деле Лукас за одну секунду водрузил решетку на место и еще успел прочистить дымоход. Теперь все было в порядке, и друзья преспокойно уселись рядком, взяли в руки молотки, плоскогубцы и давай колотить изо всех сил по котлу и по плите, а снаружи казалось, будто работа так и кипит, прямо как в настоящей кузнице.

Через некоторое время Непомук засунул голову в кратер и спросил:

— Ну как? Дело движется?

— Поломка оказалась серьезнее, чем я думал! — прокричал Лукас. — Но думаю, как-нибудь справимся.

И они принялись колошматить дальше. Джим прямо давился от смеха.

Непомук продолжал смиренненько сидеть снаружи, размышляя над тем, как вовремя ему подвернулись эти машинисты.

Через некоторое время Лукас шепнул Джиму:

— Ну, наверное, уже хватит.

Они перестали колотить, и Лукас развел в печке огонь. Пламя ярко вспыхнуло, и из дыры повалил дым. Все было в порядке.

Увидев дым, Непомук страшно обрадовался. В душе он все же боялся, а вдруг машинисты не справятся с такой ужасно сложной поломкой. Теперь же он на радостях пустился в пляс и, пританцовывая вокруг своего вулкана, распевал на все лады:

— Работает! Работает! Мой вулканчик! Ура! Ура! Все в порядке!

Джим и Лукас выбрались наверх.

— Большое спасибо! — воскликнул Непомук, когда друзья вылезли наконец из кратера.

— Не стоит благодарности, — великодушно сказал Лукас. — У меня к тебе есть тоже маленькая просьба.

— Да? Что такое? — спросил Непомук.

— Знаешь, — сказал Лукас, — у нас вышел весь уголь. А у тебя там его целая куча. Нельзя ли набрать у тебя немного угля для паровоза?

— Ну конечно! — воскликнул Непомук, расплываясь в дружелюбной улыбке, насколько, конечно, может быть дружелюбной улыбка при такой огромной морде. — Я сейчас же все сам сделаю.

Джим и Лукас хотели ему помочь, но Непомук настоял на том, чтобы они теперь отдыхали.

— Вы уже достаточно потрудились, теперь моя очередь, — сказал он и скрылся в недрах вулкана.

Скоро он появился с полным ведром угля и пошел во всю прыть к паровозу. Высыпав уголь в тендер, Непомук помчался за следующей порцией. И так он сновал туда-сюда, пока наконец тендер не был заполнен до самого верха. Друзья наблюдали за его бурной деятельностью и чувствовали угрызения совести.

Справившись с заданием, полудракон обтер пот со лба и сказал:

— Уф, больше не влезает!

— Большое спасибо, Непомук, — сказал Лукас смущенно. — Это было очень-очень мило с твоей стороны. Может быть, ты составишь нам компанию и мы вместе поужинаем?

День уже клонился к вечеру, и солнце стояло совсем низко.

— А что у вас есть вкусенького? — с живостью откликнулся Непомук, и глаза его загорелись от любопытства.

— Чай и бутерброды, — ответил Джим.

На физиономии Непомука отразилось разочарование.

— О нет, спасибо, — сказал он. — Это не по мне. Я уж лучше закушу хорошенькой порцией лавы.

— А что такое лава? — поинтересовался Джим. — Это вкусно?

— Лава — любимое блюдо всех драконов, — объяснил Непомук, надуваясь от гордости. — Это раскаленная каша из расплавленного железа и серы с примесью всяких прочих хороших вещей. У меня там целый котел. Хотите попробовать?

— Пожалуй, не стоит, — поспешили отказаться друзья в один голос.

Друзья достали свои припасы из локомотива, а Непомук сгонял за своим котлом с лавой. Потом они уселись поуютнее и как следует поели. Нельзя сказать, что Непомук был приятным сотрапезником. Он отчаянно чавкал и смачно хрумкал, разбрызгивая вокруг шипящую лаву, так что Джиму и Лукасу приходилось быть все время начеку, чтобы вовремя увернуться от летящих горячих брызг и не оказаться обляпанными с ног до головы грязью. Непомук, хотя и был полудраконом, изо всех сил старался вести себя как настоящий чистокровный дракон.

Наевшись до отвала, Непомук, не долго думая, вывалил остатки лавы из котла прямо в трещину, которая проходила поблизости. Потом он облизнулся, хлопал себя по туго набитому брюшку и громко икнул. При этом у него из ушей выскочило два желтых серных облачка.

Друзья тем временем тоже справились со своим ужином. Джим отнес корзину и термос в локомотив, а Лукас достал свою трубочку. Завязалась неторопливая беседа. Разговор шел о всяких пустяках. По ходу дела Лукас как бы между прочим сказал:

— Мы бы хотели попасть в драконий город. Ты не знаешь случайно, как туда добраться?

— Конечно знаю, — ответил Непомук. — А что вам там надо?

В общих чертах друзья обрисовали ситуацию, после чего Непомук сказал:

— По-настоящему драконы должны держаться вместе, и я не имею права ничего рассказывать. Но вы мне помогли, а бедландские драконы обращаются с нами, полудраконами, очень скверно и даже не пускают к себе в город. Так что уж лучше я присоединюсь к вам, чтобы позлить этих глупых драконов. Это будет моя месть. Вы видите там высокую гору?

Он указал лапой на гигантский вулкан, который возвышался в центре страны.

— В этой горе, — продолжал он свое объяснение, — и находится драконий город. Гора-то с дыркой, она внутри пустая. Потому что на самом деле это кратер.

— А что такое кратер? — поинтересовался Джим.

— Кратер — это... как это... кратер это кратер, — сказал Непомук, совершенно сбитый с толку. — Это когда гора внутри пустая и сверху дырка, ну, как большая миска или что-нибудь в таком роде.

— Ага, понятно, — удовлетворился таким объяснением Джим.

— В самом низу кратера, то есть на самом дне, — рассказывал Непомук дальше, — и расположен драконий город Бедландия. Он очень большой, прямо-таки огромный, и драконов там — тьма-тьмушая. Они так спрятались, потому что на земле стало для них слиш-

ком опасно. Редко-редко кто-нибудь из них выбирается в другие страны.

— А откуда идет этот дым, который стоит над горой? — спросил Джим. — У них что, такие же печки, как у тебя?

— Ну конечно, — ответил Непомук. — Хотя в основном-то дым идет от самих драконов. Ведь они все-таки огнедышащие животные. Вот и получается столько дыму.

Как будто в доказательство сказанному Непомук еще раз громко икнул, и из ушей у него снова повалил дым, а из ноздрей вылетело несколько искорок. Это было, прямо скажем, не слишком вдохновляющее зрелище.

— Ага, вот оно что! — сказал Джим, дослушав Непомука до конца.

— Ну а как можно попасть в драконий город? — спросил Лукас и выпустил несколько клубов дыма из трубки.

— В том-то вся и завыка! — вздохнул Непомук и задумчиво поскреб лапой за ухом. — Никак туда не попадешь, даже я не могу.

— Но ведь вход все-таки должен быть? — допытывался Джим.

— Вход-то есть, — ответил Непомук. — Через пещеру, которая ведет именно в город. Но пещеру день и ночь охраняет стража. А она не пропускает никого, кроме настоящих драконов.

— А нет ли другого входа в город? — не отставал от Непомука Лукас.

— Нет, — ответил Непомук. — Во всяком случае, я об этом ничего не знаю.

— Может, есть какая-нибудь река, которая течет через город? — задал Лукас наводящий вопрос.

— Нет, нет, — заверил друзей полудракон, — ни разу в жизни ни о какой речке я ничего не слышал. Ведь

река должна была бы тогда протекать через всю Страну Тысячи Вулканов, и уж мы, полудраконы, знали бы об этом. Нет. Второго входа нет, и реки тоже нет.

— Странно, — пробормотал Лукас, — мы почему-то думали, что Желтая река берет свое начало где-то в драконьем городе.

Но Непомук решительно покачал головой и со всей ответственностью заявил:

— Нет. Этого не может быть!

— А какие же они, собственно говоря, эти чистокровные драконы? — вдруг спросил Джим, как будто занятый своими мыслями.

— Да всякие, — ответил Непомук. — Главное, чтобы не похоже было на других животных. А так в них больше ничего нет чистокровного. Вот я, например, похож, к сожалению, на мою маму бегемотиху. А еще драконы должны уметь плевать огнем и выпускать дым.

Все трое задумались на некоторое время. Джим первым прервал молчание:

— А может, нам из Кристи сделать дракона? На животное он не похож. С огнем и дымом у него все в порядке.

— Джим! — восхищенно воскликнул Лукас. — Блестящая идея!

— Действительно, — согласился Непомук. — Можно попробовать. Я знаю некоторых драконов, которые выглядят почти что как ваш паровоз.

— Остается еще один вопрос, — сказал Лукас. — А как нам добраться до этой горы? Нам не очень бы хотелось провалиться в какую-нибудь трещину или застрять в лаве.

— Ну это-то проще простого, — тут же отозвался Непомук. — Я вас провожу, и с вами ничего не случится. Я точно знаю, когда и в каком месте образуется

трещина и когда какой вулкан начнет извергаться. Да, да, мы, полудраконы, составили строгое расписание. Иначе была бы сплошная неразбериха.

— Отлично! — сказал обрадованный Лукас. — Ну что ж, не будем откладывать дела в долгий ящик. Займемся маскировкой Кристи.

Непомук слазил к себе в вулкан и притащил целый горшок красной ржавчины, попутно он еще поставил котел с лавой на огонь.

Джим и Лукас тем временем достали всевозможные одеяла, сделали из них что-то вроде чехла для кабины.

Когда они справились с этим, Непомук принес расплавленную лаву. Поскольку он все-таки был полудраконом, то мог запросто брать горячую лаву лапами. Непомук старательно облепил весь паровоз кусками лавы, сверху соорудил огромный горб, спереди вылепил довольно страшный длинный нос, а по бокам сделал что-то вроде чешуи и колючек. Лава мгновенно застывала и становилась крепкой-крепкой, как бетон. Под конец они разрисовали красной краской весь паровоз, стараясь сделать его как можно страшнее, да еще намалевали жуткую драконью рожу. Кристи, с его милой добродушной физиономией, терпеливо все сносил и только смотрел своими большими глупыми глазами по сторонам, силясь понять, что же означает вся эта кутерьма.

К ночи все было сделано. Лукас спрятался в кабине и решил немного порепетировать — он проехался туда-сюда, выпуская дым из трубы и высекая искры. Выглядело действительно очень по-драконьи.

Договорившись встретиться утром, все разошлись спать — Непомук отправился на свою угольную постель, а друзья исчезли в чреве паровозного дракона.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,
*в которой чистокровный дракон принимает
Кристи за даму и приглашает на прогулку*

На следующее утро путешественники поднялись ни свет ни заря и сразу же тронулись в путь, так как Непомук уверял, что до драконьего города еще довольно далеко, гораздо дальше, чем это кажется с первого взгляда. Скоро друзья сами убедились, что Непомук был прав: из-за трещин и потоков лавы они не могли ехать напрямую, им приходилось постоянно куда-то сворачивать, что-то объезжать, делать большие круги — получалось как в настоящем лабиринте.

Непомук сидел верхом на паровозе и кончиком хвоста указывал дорогу. Он вертел им то вправо, то влево, так что Лукасу не надо было ни о чем думать.

По пути им встретилось несколько полудраконов, которые с любопытством выглядывали из своих вулканов. Некоторые из них были совсем крошечными и напоминали сурков или кузнечиков, другие чем-то смахивали на кенгуру или даже на жирафов — в зависимости от того, у кого какие были родственники. При виде размалеванного Кристи они испуганно прятались в свои норы: Они явно приняли его за чистокровного дракона, который решил тут немножко прогуляться. Лукас и Джим были очень довольны произведенным эффектом.

Не доезжая ворот, ведущих в драконий город, Непомук дал знак остановиться. Лукас притормозил, и полудракон сошел на землю.

— Ну вот, — сказал он, — здесь вы уже сами разберетесь. Я лучше пойду домой. А то, чего доброго, еще натолкнусь на какого-нибудь чистокровного дракона. Честно говоря, не имею ни малейшего желания!

Друзья от всей души поблагодарили Непомука за помощь, а Непомук, в свою очередь, пожелал им удачи. На этом они распрощались.

Лукас и Джим покатали дальше, а полудракон махал им вслед до тех пор, пока они не скрылись за поворотом.

Проводив своих новых друзей, Непомук поскакал обратно.

А Лукас и Джим тем временем подъехали к главным воротам драконьего города.

Это была огромная дыра, которая вела в просторную пещеру, почерневшую от сажи и копоти.

Над входом в драконий город виднелась увесистая каменная плита с такой надписью:

ВНИМАНИЕ!
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!
ТОЛЬКО ДЛЯ ЧИСТОКРОВНЫХ ДРАКОНОВ!
НАРУШИТЕЛИ КАРАЮТСЯ
СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ!

— Ну вот, старина, мы и приехали! — сказал Лукас, обращаясь к Джиму. — Теперь начинается самое интересное!

— Порядок! — откликнулся Джим.

И друзья бесстрашно въехали под своды пещеры. Там было темным-темно, и Лукас зажег фары, чтобы освещать дорогу.

Когда они проделали приблизительно полпути, откуда ни возьмись из темноты вынырнули два красных горящих глаза величиною с футбольные мячи. Лукас и Джим тут же задернули одеяла, оставив лишь маленькую щелочку.

Теперь им предстояло убедиться самим, насколько хороша маскировка Кристи. Если Кристи не поверят, то все пропало!

Медленно-медленно локомотив приближался к горящим глазам, которые принадлежали весьма упитанному верзиле-дракону. Он был раза в три толще и выше, чем Кристи. Кроме всего прочего, у него была отвратительно длинная тощая шея, которая почему-то лежала на плечах как кучка неаппетитных колбасок. Эта дряблая шея увенчивалась довольно крупной головой, которая по форме и размерам отчаянно смахивала на комод. Красавчик невозмутимо расселся прямо посреди дороги. Ясно было, что его ни на какой козе не объедешь. Свой длинный хвостище, утыканный колючками, он элегантно перебросил через левое плечо, правой лапой он как бы между прочим почесывал свое жирное желто-зеленое пузо, из которого шишкой выпирал красный пупок, напоминавший аварийную красную кнопку.

Когда Кристи притормозил перед самым его носом, он резким движением раскрутил свою шею и, вытянув ее вперед, принялся обследовать локомотив со всех сторон. Шлангоподобная конструкция шеи позволяла ему это делать без лишней суеты. К чему вставать да бегать, когда у тебя есть такая удобная часть тела. Тщательно изучив Кристи, дракон расплылся в довольной улыбке, которая придавала и без того не слишком симпатичной его физиономии довольно мерзкое выражение.

— Ах-ах-ах! — радостно завопил он своим жутким голосом, который напоминал визг пилы или даже целой тысячи пил. — Ах, какие у вас глазззки! Какие блестящщщщие глазззки-глаззенапочки! — И давай хохотать, дико взвизгивая и всхрюкивая при этом.

— Кажется, он принял Кристи за даму, — прошептал Лукас. — Вот и отлично, пусть считает, что это драконша.

Дракон принялся напропалую заигрывать с Кристи — то глазки состроит, то подмигнет лукаво, то скри-

вится в любезной гримасе — и при этом все норовит заманить ее (то есть его) в уголок. Кристи со страху отчаянно засвистел.

— Ах-ах-ах! — расхохотался дракон во всю глотку так, что его жирное желто-зеленое брюхо заколыхалось, как студень, а красная кнопка запрыгала вверх-вниз, вверх-вниз. — Как ты мне нррравиишшсь! Ах, какие у тебя глазззки! А как чудненько ты воняешшшь! Сажж-жа! Копоть! Какой аррромат!

Кристи стыдливо потупил фары. Он страшно смущался и не знал, куда деться от стыда, слушая комплименты, которые расточал ему распалившийся дракон.

Джим и Лукас тем временем обозревали сквозь щелочку окрестность. В темноте они разглядели, что рядом с главной пещерой есть еще боковая пещера, в недрах которой сидело несколько других драконов из той же породы, что и их кавалер. По-видимому, скоро они должны были сменить на посту своего игривого коллегу. А тот уже разошелся настолько, что даже попытался пощекотать Кристи под подбородком, при этом он прямо-таки не сводил с него своих дурацких маслянистых глаз, продолжая все время кокетливо подмигивать и гримасничать.

— Где ты жжживешшшь, моя крррошшшка? Ска-жжжи, я зззайду ззза тобой вечерррком, прррошшшвырррнемся немножжжко! Я скорррро освобожжжусссь!

Кристи уставился на дракона, ровным счетом не понимая, чего добивается от него этот болван.

— Пахнет жареным! — прошептал Лукас. — Будем надеяться, что он не раскусит, в чем тут дело.

— Ффффу, какая ты прррротивная! — рассердился дракон. — Ты что, язык проглотила, толстая копченая сарделька?

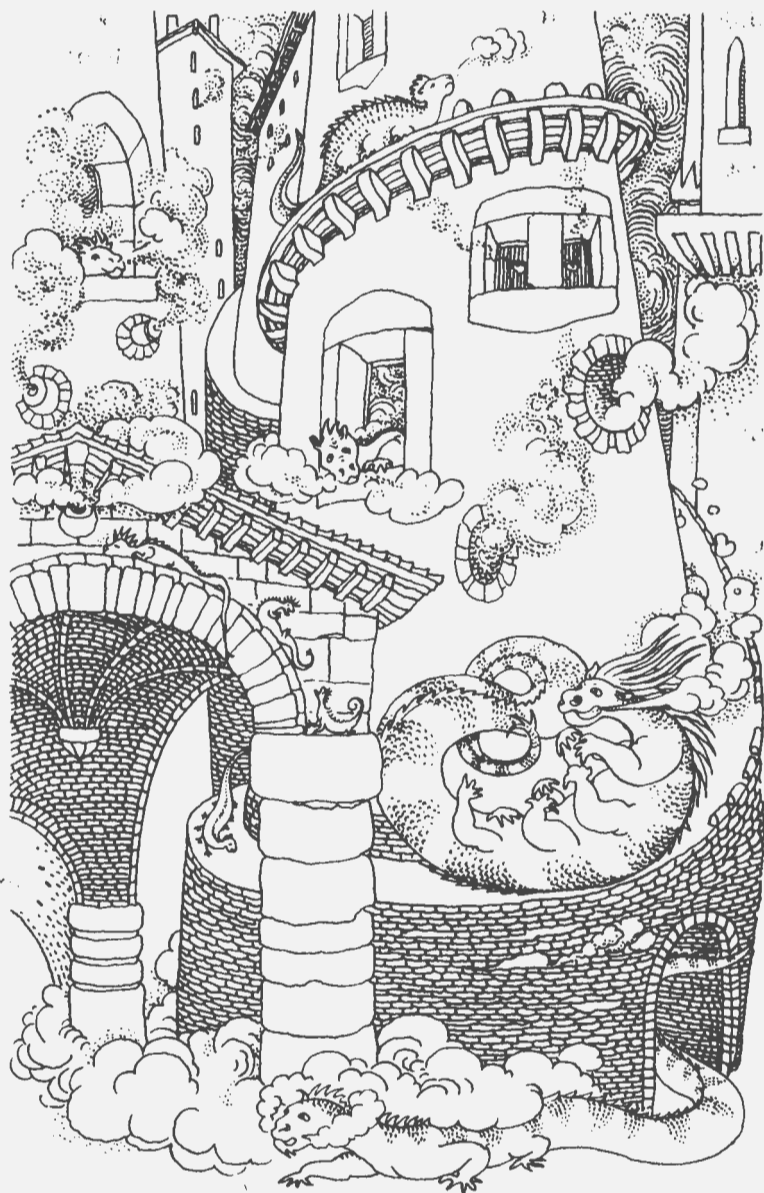
Джим и Лукас насторожились. Но, к счастью, в этот самый момент один из дежурных драконов прокричал из караульной пещеры:

— Ну чего ррразззоррался, сопляк?! Оссстаффф малышку ф покое! Не видишшшь, што ли, неохота ей с тобой ррразззговаррривать!

— Слава Богу, — облегченно вздохнув, сказал Джим.

— Хрррр! — захрипел дракон и злобно плюнул, так что из пасти вырвалось зеленое пламя и повалил лиловый дым. — Ладно, убиррайся, да пожжживее! Кх-кх-кх!

С этими словами он нехотя уступил дорогу. Лукас нажал на рычаг, и Кристи рванул что было мочи вперед, стараясь поскорее унести колеса. Для пущей убедительности Лукас уж постарался напустить побольше дыму да искр, демонстрируя возмущение оскорбленной дамы, чтобы дракон под конец ничего не заподозрил. Скоро пещера была уже позади, и друзья въехали в драконий город. С первого взгляда было ясно, что это настоящий крупный город. Здесь возвышались тысячэтажные дома, сложенные из гигантских серых валунов, улицы напоминали узкие мрачные ущелья. Если встать на такой улице, задрать голову и посмотреть наверх, то где-то там, высоко-высоко, можно было еще различить крошечный кусочек неба. Но и этот клочок неба был почти что не виден из-за густой пелены дыма, копоти и удушливых испарений газа. Как рассказывал уже Непомук, сей газ производили сами драконы, которые тысячами сновали по городу, беспрестанно выпуская дым — он прямо-таки валом валил из всех щелей — из пасти, из носа, из ушей. А у некоторых драконов, ко всему прочему, было устроено еще нечто вроде выхлопной трубы на кончике хвоста, откуда время от времени вырывался целый шлейф зеленого и желтого дыма.

На улицах стоял невообразимый гвалт. Драконы визжали, урчали, рычали, грохотали, обзывались, орали, горлопанили, кашляли, истошно вопили, были, смеялись, свистели, ругались, чихали, пыхтели, сопели, вздыхали, топали, гудели, шипели и бог знает что еще они там делали.

Надо сказать, что драконы здесь попадались самых разных сортов. Одни были маленькими, не больше такс, другие, наоборот, — огромными и длинными, как целый товарный состав. Многие из них ходили вразвалочку, неуклюже переваливаясь с боку на бок, чем-то напоминая кротов, если бы, конечно, крот мог быть ростом со среднюю машину. На другого посмотришь и думаешь — ну и жердь, а выглядит он при этом, как гигантская гусеница. Были тут драконы-тысяченожки, но были и такие, что обходились одной-единственной ногой, правда, на одной ноге далеко не убежишь, но одноногие драконы как-то приноровились и довольно ловко скакали, как мячики. Ну а тем драконам, у которых и вовсе не было ног, ничего не оставалось делать, как просто катиться по улицам наподобие бочки или цистерны. Можно себе представить, какой от этого стоял трам-тарарам. А еще здесь встречались крылатые драконы. Одни из них походили чем-то на летучих мышей, другие легко порхали туда-сюда, как какие-нибудь жучки или стрекозы. В прокопченном насквозь воздухе стоял их неумолкаемый гул — жужжа и гудя, они стремительно носились по этажам. Глядя на всю эту сутолоку, можно было подумать, что драконы жутко занятые существа, которые ни минуты не теряют даром.

Обитатели драконьего города носились как оголтелые, не разбирая дороги, — им ничего не стоило отпихнуть кого-нибудь в сторону, сбить с ног, отдавить кому-нибудь хвост, а то и просто без всякого стеснения

пройтись по чьей-нибудь голове, — в общем, особым дружелюбием и приветливостью они не отличались.

Проезжая по городу, Джим и Лукас не упустили случая, чтобы заглянуть в окна драконьих пещер и посмотреть, чем же занимаются дома жители этого города. Одни драконы варили себе кофе, другие пекли блины, используя при этом огонь, который извергался у них из ноздрей. Кофе, конечно, был особый, драконий, и блины тоже готовились по особому рецепту — из смолы и костной муки, с добавлением яда и желчи, осколков стекла и ржавых канцелярских кнопок.

Много всякой всячины повидали здесь друзья. Только одного они нигде не обнаруживали — детей. Ни маленьких дракончиков, ни нормальных детей. У настоящих драконов, надо сказать, детей не бывает. Да и зачем им дети, если они не умирают, разве что кто-нибудь посторонний возьмет да ненароком убьет одного-другого дракона. А так они живут себе поживают и только неторопливо стареют. То, что другие дети тоже не попадались, было даже в какой-то степени хорошо. Ведь где бы они тут играли? На улицах их сразу же затоптали бы насмерть, а садики и лужаек здесь и в помине не было. Равно как и деревьев, кустиков, травки и тому подобного. И над всеми этими бесчисленными вонючими шумными улицами, напоминающими ущелья, нависали мрачные стены кратера. Да, лучшего названия, чем Бедландия, такому городу и не придумать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, *в которой Джим и Лукас знакомятся с бедландской школой*

Покружив немного по городу, друзья решили, что пора бы поискать Старую улицу. Но тут-то возникло

одно непредвиденное обстоятельство: как, спрашивается, найти в таком огромном городе Старую улицу? Ведь не выйдешь из паровоза и не спросишь у прохожего?! Оставалось только одно — кататься по городу до тех пор, пока случайно не обнаружится эта самая Старая улица. Так можно было проездить целую вечность, но ничего другого не оставалось, и друзья отправились на поиски. К счастью, им повезло. Доехав до ближайшего перекрестка, Лукас осторожно посмотрел в щелку и увидел на углу каменный столб с указателем: Старая улица.

Теперь нужно было только внимательно следить за номерами, которые были высечены на стенах домов.

Довольно скоро он обнаружил нужный номер — 133.

— Ты боишься, Джим? — спросил тихонько Лукас.

Джим на секунду задумался и вспомнил о мнимом великане, а также о том, что многое лишь издалека кажется страшным.

— Нет, Лукас, не боюсь, — решительно сказал он. — Может, только самую капельку, — добавил он, чтобы быть уж совсем честным.

— Ну ладно, тогда вперед! — скомандовал Лукас.

— Вперед! — отозвался Джим.

Лукас осторожно зарулил в гигантские ворота. Они очутились в очень просторном подъезде, который по своим размерам чем-то напоминал вокзал. Мощная винтовая лестница уходила в какие-то заоблачные выси. Было совершенно непонятно, где она кончается. Призрачный свет слабо освещал этот громадный зал. И что удивительно, у лестницы не было ни одной ступеньки, она плавно поднималась вверх наподобие улицы, идущей в гору. Надо сказать, что во всей Бедландии ступеньки были отменены. По вполне понятной причине: ведь если ступеньки большие, то они не подходят маленьким драконам (тем,

что вроде сурков), а маленькие ступеньки, наоборот, никак не годятся большим драконам (тем, что вроде товарных составов). Вот почему в Бедландии отказались от ступенек. К тому же лестницы без ступенек оказывались очень удобными в одном отношении. По ним можно было легко съезжать вниз, как с горки. Что и продемонстрировал друзьям один дракон, который уселся на свой покрытый чешуей хвост, будто на салазки, и со свистом пронесся по гладкой спирали лестницы.

Отсутствие ступенек пришлось как нельзя кстати нашим путешественникам. Потому что обыкновенные ступеньки Кристофу было бы нипочем не одолеть. А так они могли спокойно себе катить как по рельсам.

Так они катились и катились без каких бы то ни было помех, пока наконец не добрались до третьего этажа.

Перед первой дверью с левой стороны они притормозили. Дверь эта была такой огромной, что в нее мог запросто въехать двухэтажный автобус. Но, к сожалению, дверь, представлявшая собою мощную каменную плиту, была плотно закрыта. Посередине красовалась надпись:

ФРАУ ЗУБПЕР
СТУЧАТЬ ТРИ РАЗА
ПОСЕТИТЕЛЕЙ НЕ ПРИНИМАЕМ

А ниже была приделана специальная каменная ручка, чтобы стучать, — череп с зажатым в зубах кольцом.

Лукас тихонько прочитал Джиму надпись.

— Постучим? — неуверенно спросил Джим.

Лукас покачал головой. Соблюдая осторожность, он выглянул из окошка, чтобы оценить ситуацию. Убедившись, что поблизости никого нет, Лукас вы-

скочил из паровоза и со всей силой уперся в каменную дверь. Ему пришлось изрядно попотеть, чтобы сдвинуть ее с места. Получилась довольно большая щель. Справившись с дверью, Лукас быстро запрыгнул обратно.

— Лучше не оставлять здесь Кристи одного, — шепотом объяснил он Джиму и, нажав на рычаг, зарулил прямо в квартиру, стараясь производить как можно меньше шума. Проехав немножко, он снова вылез из кабины, поставил плиту на место и махнул Джиму, чтобы тот тоже спускался вниз.

— А разве можно без разрешения входить в чужую квартиру, да еще с паровозом? — робко спросил Джим.

— К сожалению, другого выхода у нас нет, — тихо ответил Лукас. — Надо сначала разобраться в обстановке.

Они загнали Кристи в угол и велели ему стоять тут тише воды, ниже травы. А сами крадучись пошли по длинному темному коридору. У каждой двери они останавливались и осторожно заглядывали в комнаты. Нигде ни души. Ни людей, ни драконов. Вся мебель в комнатах была сделана из камня — каменные столы, кресла, диваны с каменными подушками. А на одной стене даже висели каменные часы, жуткое тиканье которых гулким эхом отзывалось в зловещей тишине. Окон в комнатах не было, только высоко под потолком виднелись дыры, сквозь которые проникал слабый дневной свет.

Когда друзья уже добрались почти до самого конца коридора, они вдруг услышали чей-то противный визгливый голос, который доносился из последней комнаты. Там явно кто-то отчаянно ругался. Потом все стихло. Джим и Лукас напряженно прислушивались. В какой-то момент им даже показалось, будто они ясно различают детский голосок, который что-то, запи-

наясь, говорит. Друзья многозначительно переглянулись и устремились к таинственной двери.

Когда они заглянули в щелку, то увидели огромный зал, в котором стояли ряды каменных парт. За партами сидело человек двадцать детей со всего света — индейцы и белокожие малыши, эскимосы и смуглолицые карапузы в тюрбанах, в центре же сидела прелестная маленькая девочка с двумя черными косичками и нежным личиком, какие бывают у фарфоровых китайских куколок. Не было никакого сомнения, что это и есть принцесса Ли Ши, дочь императора китайского. Все дети были прикованы к партам железными цепями, и хотя кое-как двигаться они еще могли, далеко убежать уже было невозможно. В конце зала на стене висела огромная каменная доска, а рядом стояла большая кафедра, величиной с платяной шкаф, вырезанная из целого куска гранита. За кафедрой восседал дракон весьма мерзкого вида. Он был, пожалуй, побольше Кристи, но зато не такой упитанный, даже, можно сказать, тощий. Его вытянутая морда, заросшая густой щетиной, была к тому же вся усыпана бородавками.

Сквозь поблескивающие стекла очков смотрели маленькие колючие глазки. В лапе дракон держал бамбуковую палку, которой он размахивал в разные стороны, со свистом рассекая воздух. На длинной тощейшее отчаянно выпирал кадык, а из хищной пасти торчал единственный зуб, который придавал драконьей морде совершенно гнусное выражение. Сомнений не оставалось: этот дракон не дракон, а драконша — госпожа Зубпер собственной персоной.

Дети сидели присмиревшие и боялись пошевелиться. Послушно сложив руки на партах, они смотрели испуганными глазенками на драконшу.

— Похоже на школу! — зашептал Лукас Джиму на ухо.

— Ой, батюшки мои! — тихонько воскликнул Джим, ни разу в жизни не видевший школу. — Это так всегда в школах?

— Упаси Боже! — попытался успокоить его Лукас. — Некоторые школы бывают даже очень ничего. К тому же учителями там работают не драконы, а вполне нормальные люди, среди которых попадаются иногда и не очень глупые.

— Молчать! — завопила вдруг драконша и как стукнет палкой по своей кафедре. — Это кто там еще шепчется?

Лукас и Джим притихли и втянули головы в плечи. В классе воцарилась гнетущая тишина.

Джим не мог оторвать глаз от маленькой принцессы. Взглянет на нее, и прямо сердце ёкает — так она ему приглянулась. Еще ни разу в жизни у него не было такого, чтобы кто-нибудь ему так сильно нравился. Лукас, конечно, не в счет. Да и вообще он совсем другое дело. При всей любви к нему красавцем его назвать было трудно. А вот Ли Ши — настоящая красавица. Такая милая и такая нежная, хрупкая, что Джиму сразу же захотелось взять ее под свою защиту. От страха не осталось и следа. Джим твердо решил во что бы то ни стало освободить Ли Ши!

Сверкая очками, драконша смотрела на детей испепеляющим взглядом и в ярости вопила своим визгливым противным голосом:

— Аххх таак! Вы не жжелаете мне отвеччать! Ну погодите! Дожжддетесь вы у меня!

Кадык снова заплесал по тощей шее. И вдруг чудище как завизжит:

— Сколько будет сссемью воссемь? Ты, отвеччай!

С места тут же вскочил маленький индеец, в сторону которого драконша ткнула палкой. Он был совсем еще крохой, лет четырех-пяти, не больше. Но он

уже носил национальный индейский убор из перьев — целых три пера красовались на его черной макушке. Наверное, он был сыном вождя какого-нибудь племени. Он растерянно смотрел на госпожу Зубпер и, заикаясь, бормотал:

— Семью восемь будет... будет... Семью восемь это...

— Будет-будет, это-это! Заладил! — перебила его драконша. — Ну говори же!

— Семью восемь будет двадцать, — выпалил маленький индеец.

— Да что ты говоришшшшь! — зашипела драконша с издевкой в голосе. — Значит, у тебя получается двадцать?!

— Ой, нет! То есть, я хотел сказать... будет пятнадцать! — совсем уж запутался малыш.

— Хххххватит! — завопила драконша, злобно сверля глазами ученика. — Ззначит, не ззнаешшшь? Ты самый глупый и ленивый ребенок на свете! А глупость и лень должны быть наказаны.

С этими словами драконша вышла из-за кафедры и направилась к мальчику. Она велела ему лечь на скамейку и с нескрываемым наслаждением высекла его. Закончив экзекуцию, довольная драконша, сопя и пыхтя, снова взобралась на кафедру. Глаза у маленького индейца были полны слез. Но он не плакал. Ведь индейцы, как известно, очень мужественный народ.

Глядя на бесчинства драконши, Джим прямо побелел от ярости (насколько это, конечно, было возможно при его черной коже).

— Какая низость! — сказал он сквозь зубы.

Лукас только кивнул в ответ. Он не мог говорить и молча стоял, крепко сжав кулаки.

Драконша обвела взглядом класс и снова зашипела:

— Ссколько будет сс семью восемь? Ли Шшши!

У Джима сердце сжалось от страха. Нельзя допустить, чтобы драконша выпорола Ли Ши! Но ведь вопрос такой сложный! Она ни за что на него не ответит. Надо что-то делать!

Но Джим забыл, что Ли Ши все-таки китайская девочка, а дети в Китае уже с четырех лет задачки щелкают как орешки.

Принцесса поднялась.

— Семью восемь будет пятьдесят шесть, — ответила она нежным голосом, напоминающим щебет крошечной птички.

— Ффффу! — злобно фыркнула драконша. Ответ был верным. — А сколько будет тринадцать минус шшшшесть?

— Тринадцать минус шесть будет семь, — звонко ответила Ли Ши.

— Посмотрите-ка на нее! — задыхаясь от ярости, принялась орать драконша. — Ты что, воображаешь, будто ты самая умная? Противная, нахальная девчонка! Строит тут из себя неизвестно кого! Ну погоди, сейчас я тебе покажу! А ну-ка, скажи мне таблицу умножения на семь, да поживее!

— Семью один — семь, — спокойно начала Ли Ши, и ее певучий голос напоминал соловьиные трели. — Семью два — четырнадцать, семью три — двадцать один... — И так она сказала всю таблицу до конца, ни разу не сбившись.

Джим ушам своим не верил. Кто бы мог подумать, что такая противная вещь, как таблица умножения, может звучать так красиво. Драконша тоже слушала с большим вниманием — уж больно ей хотелось поймать какую-нибудь ошибку. При этом она нервно постукивала своей палкой.

В этот момент Лукас тихонько позвал Джима:

— Джим!

- Что?
- Ты не боишься?
- Нет.

— Тогда ладно. Слушай меня. Я знаю, что мы должны делать. Мы предоставим драконше последний шанс добровольно отпустить всех детей. Если же она не согласится, то придется применять силу, хотя я и не люблю никакого насилия.

— Как же мы будем действовать? — спросил Джим.

— Ты пойдешь в класс и попробуешь с ней договориться. Что говорить, сообразишь на месте. Я тебе доверяю, но главное, ни звука обо мне и о Кристи! Мы будем ждать за дверью и, если понадобится, придем на помощь. Понял?

— Понял, — решительно ответил Джим.

— Ну счастливо! — тихонько сказал Лукас и поспешил за паровозом, стараясь производить как можно меньше шума.

Тем временем Ли Ши успела дойти до конца таблицы умножения. Она ни разу не сбилась. Но именно это совершенно вывело из себя драконшу. Она подскочила к Ли Ши, ткнула ее лапой в грудь и завизжала:

— Ишшшь чего выдумала, гадкая девчонка! Ни одной ошшшибки! Это специально, чтобы меня позззлить! Воображжжала! Наххалюга! Штоооо? Кааааак? Отвечай, когда тебя ссспрашшшивают!

Принцесса молчала. А что она могла на это ответить?

— Штоооооо? — зашипела драконша. — Какие мы горрррые! Не хотим отвечать! Ну, это мы тебя быстро отучим! погоди у меня! Ты высокомерна и тщеславна. А высокомерие и тщеславие должны быть наказаны!

Драконша как раз собралась выпороть принцессу, как вдруг раздался чей-то звонкий сердитый голос:

— Минуточку, фрау Зублер!

Драконша удивленно обернулась и увидела маленького чернокожего мальчика, который стоял на пороге и бесстрашно смотрел на нее своими блестящими глазами.

— Не смейте трогать Ли Ши, — твердым голосом сказал Джим.

— Ты, маленький черный вонючий червяк, — прохрюкала драконша, совершенно огорошенная неожиданным появлением Джима. — Откуда ты вообще взялся и кто ты такой?

— Я Джим Пуговка, — спокойно ответил Джим. — Я прибыл из Медландии, чтобы освободить принцессу Ли Ши и других детей тоже.

По рядам прошел восхищенный шепот. Все смотрели на Джима большими глазами. Особенно сильное впечатление Джим произвел на принцессу Ли Ши, которой очень понравилось, что маленький черный мальчик не побоялся выступить против такого огромного чудища и разговаривал при этом очень спокойно и сдержанно.

От возмущения драконша тут же надавала детям тумачков и завизжала как резаная:

— Тихо! Что это вы себе позволяете, невоспитанные хулиганы!

Потом драконша вновь повернулась к Джиму и спросила его таким елейным голоском, который звучал совершенно неискренне:

— Тебя что, Чертова Дюжина ко мне прислала, бузотер ты мой маленький?

— Нет, — ответил Джим. — Меня никто не прислал.

Колющий взгляд драконши впился в Джима. Небольшие огоньки вспыхивали в ее глазах.

— Шшшш это значит? — прошипела драконша. — Ты шшшш, сссам по ссссебе ко мне пришшшел?

— Ну а шшшто будет, если я не отдам тебе детей? — поинтересовалась драконша своим все еще медоточивым голосом.

— Вам придется это сделать, фрау Зубпер! — ответил Джим и украдкой посмотрел на Ли Ши, которая не сводила с него глаз.

Тут уж драконша не выдержала и разразилась диким хохотом.

— Хи-хи-хи-хи! Хо-хо-хо-хо! — смеялась она своим визгливым, хрюкающим смехом. — Ну умора! Видели такого болвана! Ха-ха-ха-ха! Вот ведь пришел ко мне сам, никто его не заставлял! Теперь ты попался, голубчик! Уж я тебя не выпущу! Кха-кха-кха!

— И чего вы тут гогочете! — сердито прервал ее Джим. — Отдадите детей по-хорошему или нет? Говорите!

Драконша уже прямо чуть не лопалась от смеха.

— Нет, — едва справляясь с приступами хохота, сказала драконша. — Нет, клоп вонючий! Ни за какие коврижки я не отдам тебе детей!

Тут драконша резко перестала смеяться. Она посмотрела на Джима холодным, жестким взглядом и прорычала:

— Все эти дети мои, только мои, понимаешь? Никто на них не имеет права! Только я! Это я купила их у Чертовой Дюжины! Я заплатила за них! И теперь они моя собственность.

— Но откуда Чертова Дюжина берет всех этих детей, которых вы купили? — спросил Джим, твердо глядя прямо в глаза драконше.

— А мне-то что за дело? — сердито отвечала драконша.

— Зато мне есть до этого дело, фрау Зубпер, — смело продолжал Джим. — Вот, например, принцессу Ли Ши просто украли!

Драконша уже прямо задыхалась от ярости. Она колотила хвостом по полу и визжала:

— Меня это не касается! Она моя! И ты мой! И никогда ты не увидишь своей родины, болван несчастный! Я тебя никогда не отпускаю!

С этими словами она стала медленно наступать на Джима.

— Фрррр! Фрррр! Фрррр! — зафыркала она. — Для начала я тебя хорошенько выпоррррю, зззолотко мое! Чтобы ты попррридеррржал свой поганый язззык за ззззубами!

И драконша бросилась на Джима, но тот оказался проворней. Драконша колошматила своей палкой куда ни попадя, но Джим всякий раз ловко увертывался. Джим вихрем носился по классу — по партам, по стульям, по кафедре. Драконша преследовала его по пятам, но все же ей никак не удавалось поймать шустрого мальчишку. Это страшно злило драконшу, и от ярости она даже пошла красно-зелеными пятнами, а на теле выскочили шишки и бородавки. Прямо скажем, видок у драконши был не самый аппетитный.

От быстрого бега Джим в конце концов изрядно запыхался. Он кашлял и хватал воздух ртом, потому что драконша беспрестанно изрыгала огонь и дым. Ну где же Лукас? Куда он запропастился? Ведь он же обещал вместе с Кристи прийти на помощь. В классе уже дышать было нечем от дыма, и Джим с трудом различал дорогу, пробираясь сквозь густую завесу. В этот самый момент раздался пронзительный свисток — это был Кристи. Драконша обернулась и увидела сквозь непроницаемую пелену страшное чудище, которое с горящими глазами надвигалось на нее. Это самое чудище было, правда, не слишком уж большое, но зато довольно толстое и крепкое.

— Шшшто вам угодно? — взвизгнула драконша, демонстрируя крайнюю степень раздражения. — Кто позволил вам?..

Договорить до конца драконше не удалось, потому что Кристи как ураган налетел на нее и со всего размаху ткнул буфером. Драконша не осталась в долгу и пустила в ход свои могучие лапы и крепкий чешуйчатый хвост. Завязалась беспощадная схватка не на жизнь, а на смерть.

Драконша неистовствовала — она выла, визжала, фыркала, плевалась огнем и дымом и так здорово наседала на Кристи, что даже трудно было с уверенностью сказать, в чью пользу закончится поединок. Но Кристи держался молодцом. Бесстрашно кидался он на чудовище, не забывая напускать побольше огня и дыма. От маскировочного костюма Кристи остались только жалкие лохмотья. И теперь было видно, что это никакой не дракон, а самый обыкновенный локомотив.

Дети, которые были прикованы цепями к своим партам и потому не могли убежать прочь, с ужасом следили за разворачивающейся на их глазах схваткой. Когда же они разобрались, в чем дело, ликование и радости не было границ!

— Локомотив! — кричали они на все лады. — Да здравствует локомотив! Ура локомотиву!

Тут Кристи изготовился для нанесения последнего, решающего удара. Он разогнался и со всей силы как дал драконше в бок, так что она полетела кувырком и брякнулась на пол. Лежит бездыханная и лапки кверху.

Лукас выскочил из кабины и закричал:

— Скорее, Джим! Нужно ее связать, прежде чем она очухается!

— Но чем? — спросил Джим, который все еще не пришел в себя от беготни по партам.

— Можно нашими цепями! — закричал маленький индеец срывающимся от волнения голосом. — Возьмите у нее ключ. Она носит его на шее!

Джим подскочил к драконше и перекусил шнурок зубами. Потом он быстро отомкнул замки на цепях у тех детей, что сидели поближе к нему. Подойдя к принцессе, он заметил, что она покраснела и смущенно отвернулась.

— Эта мымра уже приходит в себя! — закричал Лукас. — Давай скорее!

Одну цепь они затащили потуже на морде драконши, чтобы она уже не могла открыть свою пасть. Потом связали ей лапы.

— Все! — выдохнул Лукас и, довольный, стер пот со лба. Джим тем временем освободил остальных детей.

— Самое страшное теперь позади! — сказал Лукас.

Почувствовав себя свободными, дети в один голос прокричали громкое «ура». Все были вне себя от радости. Дети смеялись, веселились, кричали все сразу, а самые маленькие прыгали и хлопали в ладоши.

Лукас и Джим с улыбкой смотрели на всю эту ораву галдящих, хохочущих, скачущих детей. Потом ребята столпились вокруг своих спасителей и наперебой принялись благодарить их. Кристи тоже не был обойден вниманием — дети и его благодарили за смелость и трогательно хлопали его по толстым бокам. Нашлись даже такие прыткие мальчишки, которые, не долго думая, забрались на паровоз и стали самостоятельно обследовать его. Растроганная физиономия Кристофа, несмотря на многочисленные ссадины и вмятины, излучала полное блаженство.

Лукас вышел в коридор и закрыл входную каменную дверь на задвижку.

— Значит, так, друзья мои, — сказал он, вернувшись в класс. — Пока нам ничто больше не угрожает.

Мы в безопасности. Время у нас еще есть. Давайте обсудим, как нам лучше всего выбраться из этого мрачного драконьего города. Через главные ворота, боюсь, мы не проскочим. Это слишком опасно. Во-первых, от маскировочного костюма Кристи остались рожки да ножки. Во-вторых, мы просто все не поместимся в кабине. Стражники сразу нас всех заметят. Надо придумать что-нибудь другое.

Все стали усиленно думать, как же быть. Но сколько они ни думали, так ничего никто придумать и не смог. Первым заговорил Джим.

— Ли Ши, а куда ты, интересно, бросила тогда бутылку с запиской? — спросил он, наморщив лоб от напряжения.

— В речку, которая начинается во дворе нашего дома, — ответила принцесса.

Лукас и Джим удивленно переглянулись, и Лукас воскликнул:

— Значит, все-таки есть река! Что же нам Непомук морочил голову?

— А можно посмотреть на эту реку? — поинтересовался Джим.

— Конечно, — ответила принцесса, — пойдемте, я покажу вам, где это.

Она провела друзей в другую комнату, которая располагалась в противоположном конце коридора. Там стояло двадцать маленьких каменных кроваток. Это была спальня, в которой драконша каждый вечер запирала детей. Если пододвинуть какую-нибудь из кроватей к стене и взобраться на нее, то можно даже дотянуться до дыры в стенке и выглянуть наружу. И действительно, там, посреди двора, имевшего странную треугольную форму, виднелся огромный круглый колодец с родником. Этот самый родник бил так сильно, что вода, которая была уди-

вительного золотисто-желтого цвета, выплескивалась через край каменного колодца и текла рекой дальше, скрываясь где-то в мрачных подземельях дома.

Задумчиво смотрели Лукас и Джим на источник, из которого брала свое начало Желтая река, — то, что это была именно Желтая река, ни у кого не вызывало ни малейшего сомнения. Дети тем временем тоже перебрались в спальню и теперь стояли молча, окружив друзей плотным кольцом.

— Если бутылочка с запиской от Ли Ши благополучно доплыла до Китая, то, значит, и мы могли бы попробовать воспользоваться этим путем, — нерешительно сказал Джим.

Лукас вынул трубку из рта.

— Черт побери, Джим! — пробормотал он. — Это идея! Нет, это даже не идея, а уже готовый план, причем очень смелый план! Это будет путешествие в неизведанное!

Лукас зажмурился и, довольный, запыхтел своей трубкой: его явно привлекала перспектива такого увлекательного путешествия.

— Но я не умею плавать, — жалобно протянула какая-то маленькая девочка.

Лукас задумался на секунду, а потом сказал:

— Ничего, милая барышня. У нас зато есть отличный пароход. Наш толстяк Кристи плавает как лебедь. Правда, нам еще нужно раздобыть смолу или деготь, чтобы задрать все щели.

Но это оказалось проще простого — уж чего-чего, а дегтя у драконши было более чем достаточно. Кладовка прямо ломилась от бочек с дегтем. Друзья смогли убедиться в этом собственными глазами. Ведь деготь и смола — главные продукты питания жителей Бедландии.

— Значит, так, ребята, — сказал Лукас, — лучше всего будет дожждаться наступления ночи. Под покровом темноты мы поплывем вниз по течению, а завтра мы уже будем далеко, и — поминай как звали!

Дети радостно согласились на такой план.

— Хорошо, — продолжал Лукас. — Теперь будет самым разумным немножко соснуть, надо поспать про запас. Согласны?

Возражающих не было. Для надежности Джим запер еще классную комнату, в которой Кристи сторожил связанную драконшу. Потом все устроились поудобнее, насколько это, конечно, было возможно, на своих каменных постелях и стали засыпать. Только Лукас остался сидеть в углу спальни на огромном каменном кресле. Он курил свою трубку и охранял сон детей.

Маленькому индейцу снился его родной вигвам и его дедушка, вождь Белый Орел, который даст ему новые перья. А маленькому эскимосу снился круглый дом из снега, над которым играет всеми цветами радуги северное сияние, а еще ему снилась его седовласая тетушка Улуболо, которая протягивает ему чашку горячего рыбьего жира. А маленькая девочка из Голландии видела во сне бесконечные тюльпановые поля, а посередине маленький беленький домик своих родителей, во дворе которого высилась целая гора сыра. Ну а маленькая принцесса гуляла во сне вместе со своим папой по фарфоровым мостикам.

Джим Пуговка унесся мысленно в родную Медландию. Он сидел на кухне в домике фрау Каакс. Солнце светило в окошко, а он рассказывал ей о своих приключениях. Рядом сидела принцесса Ли Ши и тоже слушала с восхищением обо всех опасностях, которые повстречались им на пути.

Всем снилось что-то свое, родное. Уже начало смеркаться. Час отплытия приближался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,
*в которой путешественники оказываются
под землей и видят удивительные вещи*

Стемнело. Каменные часы в соседней комнате пробили десять. Пора было отправляться в путь.

Лукас разбудил детей. Они зажгли несколько факелов, чтобы хоть что-то видеть в темноте. Из кладовки принесли бочку со смолою, совместными усилиями разлили ее по котлам, а котлы водрузили на печку в драконьей кухне, затем развели огонь. Когда смола закипела, Лукас перегнал паровоз из класса в кухню, и они вместе с Джимом заделали все щели на окнах и дверях, тщательно промазывая их смолою, чтобы они не пропускали воду. Дети удивленно наблюдали за их работой.

— Что мы будем делать с драконшей? — спросил Джим, не отрываясь от работы. — Оставим ее тут лежать?

Лукас подумал немного и потом покачал головой.

— Нет, тогда она умрет с голоду. Мы ее победили, и было бы не слишком благородно с нашей стороны так жестоко мстить беззащитному существу. Хотя она, конечно, и заслуживает этого.

— Но если мы ее освободим, — забеспокоился тут Джим, — то она наверняка поднимет шум и вообще не выпустит нас отсюда.

Лукас кивнул в знак согласия.

— Значит, ничего не остается делать, как взять ее с собою, — сказал Лукас. — Мне еще хотелось бы ее кое о чем порасспросить. Кроме всего прочего, наказание должно быть справедливым.

— Но драконша-то увесистая! — воскликнул Джим. — Кристи пойдет ко дну от такой тяжести. Да и вообще тогда ни для кого места в кабине не останется.

— Это верно, — согласился Лукас и нахмурился. — Придется тогда нашей красотке довольствоваться тем, что она просто поплывет за нами!

— Но тогда нужно будет снять с нее цепи, — возразил на это Джим, почесывая в затылке. — А ведь она тварь сильная и наверняка так просто не дастся.

— Не думаю, — усмехнулся Лукас. — Мы сделаем проще. Один конец прицепим к Кристофу сзади, а другой — к зубу драконши. У нее такой здоровенный торчащий клык, что пасть можно даже и не развязывать. Перед тем как отчаливать, мы развяжем ей только лапы. Ну а если ей вздумается немножко побрыкаться, то ее собственный зуб напомнит ей, что делать этого, пожалуй, не стоит. Увидишь, она пойдет за нами, как кроткая овечка.

На том и порешили. Покончив со щелями, друзья закатали Кристи снова в классную комнату. Когда драконша увидела их, она тут же подняла голову. Вид у нее был весьма бодрый. Теперь она уже была не страшна, потому что связали ее как следует. Единственное, что ей оставалось делать, — сердито зыркать на всех и пускать дым из ушей и ноздрей. Когда же Лукас разъяснил драконше, что ей придется плыть за ними на прицепе, она подпрыгнула как ужаленная, стараясь из последних сил избавиться от ненавистных цепей.

— Хватит! — строго приказал ей Лукас. — Зря стараешься! Успокойся.

Драконша, кажется, смирилась со своим положением. Во всяком случае, она безжизненно повалилась на пол, прикрыла глаза и притворилась, будто сейчас испустит дух. Но эта эффектная сцена, задуманная, видимо, для того, чтобы разжалобить противника, не произвела ни на кого ни малейшего впечатления.

При свете факелов Лукас достал кусачки и соединил все цепи, которые до сих пор еще валялись на

партах, в одну длинную-предлинную цепь. Ее-то он и прикрепил одним концом к паровозу, другим — к драконьему зубу. С этим концом он возился подольше, стараясь приладить его как можно крепче, чтобы драконша не скинула его по дороге.

Справившись с этой работой, Лукас велел детям забираться на паровоз и занимать места. После того как все расселись, Лукас пристроился рядом с кабиной, чтобы рулить через окошко, потому что внутри ему уже не было места. Потом он махнул рукой Джиму, который тут же развязал лапы драконше и поскорее отпрыгнул в сторону.

— Ну, поехали, Кристи!

Паровоз двинулся вперед, и цепь натянулась. Драконша открыла глаза и тяжело поднялась. Едва только она осознала, что лапы ее не связаны, она, как это и предвидел Джим, тут же попыталась избавиться от железного поводка. Но в ту же минуту из ее груди вырвался стон, потому что зуб был ее самым чувствительным местом, и теперь от сильного рывка ее пронзила страшная боль. Ей ничего не оставалось делать, как покориться и плыть следом за Кристи. При этом она прямо-таки готова была, видно, лопнуть от ярости, а в ее маленьких глазках то и дело вспыхивали яркие огоньки ненависти.

Когда компания добралась до лестницы, Лукас дал команду:

— Погасите факелы! Иначе нас заметят!

После этого они вместе с Джимом отодвинули каменную дверь, и странный поезд под покровом ночи скатился по винтовой лестнице вниз, до самого первого этажа, и выехал на улицу.

Несколько драконов толклись как раз на противоположной стороне улицы. Дети затаили дыхание, но, к счастью, страшилища не заметили ничего, во-пер-

вых, из-за того, что было темно, а во-вторых, из-за того, что они, как обычно, настолько увлеченно ругались друг с другом и были настолько раздражены, что не видели ничего вокруг.

Лукас осторожно объехал дом, и скоро они уже были у реки. Вода отливала удивительным золотистым цветом. Она вся светилась, так что видно было, как в ночной темноте поблескивают ее быстрые волны.

Лукас притормозил и пошел обследовать берег. Берег оказался здесь совершенно пологим. Довольный результатом разведки, Лукас вернулся к паровозу и бодрым голосом крикнул детям:

— Сидите спокойно! А ты, мой славный спаситель, — сказал он, обращаясь теперь к Кристи, — снова будешь у нас пароходом. Ну, смотри, чтобы все было хорошо. Я надеюсь на тебя!

С этими словами он отвернул кран на котле, и вода с бульканьем стала вытекать из него. Когда вся вода вылилась, Лукас закрутил кран и вместе с Джимом подтолкнул Кристофа к самой реке, так что теперь он мог спокойно скатиться прямо в воду. Друзья запрыгнули на ходу и заняли места на крыше паровоза вместе с другими детьми.

— Держитесь как следует! — приказал Лукас негромким строгим голосом, когда Кристи мягко соскользнул в воду. Течение здесь было довольно бурным, оно почти тотчас же подхватило локомотив и понесло его вперед.

Драконша, как и все ее соплеменники, не слишком большая любительница воды, все еще стояла на берегу как вкопанная и изображала на физиономии неподдельный ужас. Да и было от чего. Ведь она знала, что от соприкосновения с водой ее огонь загаснет, да к тому же еще смоемся вся грязь, а что может быть для

дракона хуже, чем ходить чистым? Сначала она еще предприняла несколько слабых попыток оттянуть цепь на себя, потом некоторое время бежала следом за локомотивом по берегу. Но тут, на беду, попался мост. Спасения не было. Она немножко поскулила, как какая-нибудь собачонка, ведь больше-то она все равно ничего не могла сказать из-за перевязанной пасти, и, отдавшись на волю судьбы, плюхнулась со всего размаху в воду и понеслась по бурным волнам, увлекаемая вперед паровозом. Поначалу все шипело вокруг нее и дымилось, но потом, когда пар рассеялся, стало видно, что драконы, когда надо, могут быть на самом-то деле отличными пловцами. Итак, они плыли себе по драконьему городу, сохраняя абсолютную тишину.

Куда же, интересно, течет река? Неужели Непомук наплел друзьям с три короба и река все же течет именно по Стране Тысячи Вулканов?

Или, быть может, с этой рекой все не так просто, а Непомук мог этого даже не знать?

Река на глазах становилась все шире и шире, и волны неслись все быстрее. Насколько можно было разглядеть в темноте, путешественники приближались к окраине драконьего города и, следовательно, к стене кратера, которая наподобие крепостной стены опоясывала город.

— Осторожно! — закричал вдруг Лукас, сидевший вместе с Джимом верхом на котле.

Все пригнулись, и паровоз заплыл в пещеру с низкими сводами, где царила крошечная тьма. Течение становилось все быстрее и быстрее. Из-за темноты совершенно ничего нельзя было понять — где они и куда несут их бурные волны.

В ушах стоял только гул и свист разбушевавшейся стихии.

Лукас очень беспокоился за детей. Если бы они с Джимом были одни, то он, конечно, не так бы волно-

вался. Они уже побывали в стольких переделках, что их уже ничем не испугаешь, но вот дети! Как они перенесут это путешествие? Ведь среди них есть совсем еще крохи. Не говоря уже о девочках. Наверное, они сейчас умирают от страха. Но назад пути не было. И утешить, ободрить их Лукас тоже не мог — неистовый рокот волн заглушал все слова. Лукасу ничего не оставалось делать, как смириться и ждать.

Паровоз как безумный летел вперед все дальше и дальше, все круче и круче вниз. Дети зажмурили глаза и крепко держались друг за дружку, стараясь при этом еще и уцепиться за паровоз. Они сидели ни живы ни мертвы. Казалось, что озверевшая река стремительно несется куда-то в пропасть, в недра земли, увлекая за собою маленький паровозик с детьми. Они уже думали, что это никогда не кончится.

Но тут вдруг течение стало как-то поспокойней, пенящиеся волны почти что улеглись, и уже скоро река текла себе мирно и плавно, как в самом начале путешествия, только теперь она была где-то глубоко-глубоко под землей.

Теперь можно было смело открывать глаза. Оглядевшись вокруг, путешественники увидели, что в подземелье разливается какой-то удивительный волшебный свет, распадающийся на множество цветов. Но свет этот был не ярким, и потому они ничего толком не могли разглядеть.

Лукас повернулся к детям и спросил:

— Мы никого не потеряли? Все на месте?

Дети еще не совсем пришли в себя и потому не скоро сумели пересчитать друг друга. Но в конце концов они все же справились с этой задачей и доложили Лукасу, что, мол, все в порядке.

— Ну, а как там наша драконша? — спросил Лукас через плечо. — Не сорвалась еще с цепи? Жива?

Нет, с драконшей ничего не приключилось, только вот она здорово нахлебалась воды.

— А где мы, собственно говоря, находимся? — решил узнать маленький мальчик в тюрбане.

— Понятия не имею, — сказал Лукас. — Думаю, что скоро станет посветлее, тогда и увидим.

С этими словами он зажег свою трубку, которая успела погаснуть, пока они кувыркались в волнах.

— Одно ясно, рано или поздно мы обязательно попадем в Пекин! — как можно более уверенным голосом сказал Джим, чтобы подбодрить малышей, которые уже готовы были расплакаться.

Дети быстро успокоились и начали с интересом озираться по сторонам. Тот волшебный свет, который поначалу лишь слабо мерцал, стал теперь более ярким. В пурпурных сумерках отчетливо обозначились очертания высокой сводчатой пещеры. Свет исходил от сотен тысяч красивых драгоценных камней кристаллической формы, которыми были сплошь усыпаны все стены.

Эти рубины сверкали, сияли, искрились, как целое море фонарей.

Неописуемая красота!

Спустя некоторое время свет переменялся. Теперь он стал ярко-зеленым, потому что в этом месте стены были усеяны огромными изумрудами, которые кое-где свисали гигантскими сосульками, достававшими до самой воды. А потом река вынесла пароход с детьми в низкий вытянутый грот, где все было фиолетовым от бесчисленного множества аметистовых камней, которые, словно мох, покрывали сплошным ковром скалистые стены.

Дальше путешественники очутились в просторном зале. Здесь все было озарено таким ослепительным светом, что детям даже пришлось зажмуриться. Под

самым потолком висели целые грозди чистейших бриллиантов, которые горели так ярко, как тысячи хрустальных люстр.

Прекраснейшие картины сменялись одна за другой. Дети уже давно перестали болтать. Если поначалу они еще перешептывались, то потом все притихли, зачарованные великолепием этого волшебного подземного мира.

Иногда из-за течения пароход шел по самой стенке, так что дети могли отколупать себе по камешку на память.

Вряд ли кто-нибудь из путешественников мог бы указать наверняка, сколько часов они так плыли, но в какой-то момент Лукас вдруг заметил, что течение снова начало набирать силу. Подземные своды стали постепенно сдвигаться, русло реки становилось все уже и уже, стены теперь были красного цвета, а кое-где по ним шли широкие белые полосы — прямые, извилистые, зигзагом. Сказочные переливы постепенно сошли на нет, потому что драгоценные камни кончились и больше не попадались. Скоро стало совсем темно, так же темно, как в самом начале путешествия. Только изредка сверкнет в темноте яркий луч какого-нибудь одинокого кристалла. Но потом и они перестали встречаться. Вокруг все снова забулькало, заклокотало, и путешественники внутренне уже приготовились к тому, что их опять понесет куда-то вниз, в неведомые глубины.

Но на этот раз все обошлось. Компанию ожидал приятный сюрприз. Пароход подплыл к скальным воротам, и вдруг огромная пенящаяся волна подхватила Кристи со всеми его пассажирами на борту и драконшей на буксире и выплеснула из подземного царства на волю!

Была ясная звездная ночь. Река, вырвавшаяся теперь из теснин на просторы, спокойно и величествен-

но катила свои воды. По берегам тянулись дремучие леса. Но их стволы были прозрачными, как будто сделанными из цветного стекла! Ночной ветерок тихонько играл в кронах деревьев, и отовсюду доносились нежные звуки, как будто где-то звенели тысячи крошечных колокольчиков. Вот паровоз проскочил под мостом, который изящно изогнулся над водой. И этот мост был сделан из блестящего фарфора!

Открыв рты от изумления, путешественники озирались по сторонам. Первой обрела дар речи принцесса Ли Ши.

— Уррра! — закричала она. — Мы в Китае! Приехали! Мы спасены!

— Но этого не может быть! — воскликнул Джим. — От Китая до Бедландии мы добирались целых четыре дня, а теперь мы проехали каких-нибудь пять часов!

— Да, как-то не верится, — в растерянности пробормотал Лукас, — хотя, может, это еще и ошибка!

Джим залез на трубу, чтобы оттуда лучше осмотреть окрестности. Изучив все внимательнейшим образом, Джим обернулся. Ворота, откуда они только что выплыли, располагались у самого подножия мощного горного массива, который растянулся по всей округе. Все горы были раскрашены в красно-белую полоску. Сомнений не оставалось. Это Венец Мира.

Джим спустился вниз и, обращаясь к детям, которые выжидающе смотрели на него, медленно, с расстановкой, почти что торжественно произнес:

— Да, мы действительно в Китае!

— Джим, — задыхаясь от восторга, воскликнула маленькая принцесса. — О Джим! Как я счастлива! Как я счастлива! Как я счастлива!

А так как она стояла рядом с Джимом, то на радостях наградила его звонким поцелуем прямо в губы. Джим стоял как громом пораженный.

Дети смеялись, кричали, обнимали друг друга — короче говоря, они так разошлись, что Кристи уже с трудом удерживал равновесие и в любой момент мог запросто перевернуться, и это непременно произошло бы, если бы Лукас не утихомирил разбушевавшихся ребятишек.

— Я могу это объяснить только так, — сказал Лукас Джиму, когда Кристи вернулся в свое нормальное положение и смог спокойно плыть дальше. — По-видимому, подземный туннель связывает Китай и Бедландию напрямую, благодаря этому мы здорово сократили путь. Как ты думаешь, Джим?

— А? Что? — переспросил Джим. — Ты что-то сказал?

Джим очень старался сделать вид, что внимательно слушает друга, но ему было трудно привести себя в чувство и вернуться с небес на землю.

— Да нет, ничего, все в порядке, старина, — сказал Лукас с лукавой усмешкой.

Он, конечно же, все видел и теперь прекрасно понимал, почему его друг ничего вокруг не видит и не слышит, кроме маленькой принцессы. Оставив Джима в покое, он обратился к детям и предложил, чтобы каждый рассказал свою историю. Все равно до Пекина им еще плыть и плыть, а ему, дескать, не терпится узнать, как каждый из них очутился в Бедландии у драконши.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой китайская принцесса рассказывает свою историю, а Джим неожиданно сердится на нее

— Это было на больших каникулах, — так начала Ли Ши свой рассказ, — и меня, как всегда, отправили

на море, куда я обычно езжу раз в году. Папенька разрешил мне даже пригласить семь моих подружек, чтобы я там не скучала. А еще вместе с нами поехали семь придворных дам, которые должны были присматривать за нами.

Ну вот, там мы жили все вместе в маленьком дворце, сделанном из фарфора небесно-голубого цвета. Прямо под окнами у нас желтел золотистый песок и шумело море.

Придворные дамы целыми днями твердили нам одно и то же — не ходите, мол, далеко, играйте только перед дворцом, а то может что-нибудь случиться. Поначалу я делала все, как они велели, и не уходила далеко, но потом они мне так надоели со своими бесконечными нотациями: играйте тут, играйте тут, а мы и так играем тут, — вот во мне и проснулся дух противоречия. Этот дух во мне, к сожалению, сидит очень глубоко. Короче говоря, в один прекрасный день я удрала от всех и отправилась гулять по берегу сама по себе. Через какое-то время я заметила, что придворные дамы и подружки уже хватились меня и начали искать. Но вместо того чтобы покричать им, я спряталась в камышах. Оттуда я видела, как придворные дамы и подружки прошли совсем близко от меня. Они все звали меня по имени и выглядели очень перепуганными и встревоженными. Но я затаилась в своем укрытии и сидела как мышь.

Прошло какое-то время, и все вернулись назад. Когда они снова поравнялись со мною, я поняла по их разговорам, что теперь они собираются искать в другой стороне, — ведь не могла же она убежать так далеко, рассуждали они. Я только потешалась над ними, и, едва компания прошла мимо, я выскочила из камышей и преспокойно отправилась гулять себе дальше.

Я шла по берегу, все время вперед и вперед, оставляя далеко за собою фарфоровый дворец. Я собирала красивые ракушки и складывала их в фартук. А по дороге я еще сочинила песенку, так, от нечего делать. Песенка такая:

Как чудесно утром ясным
Берегом идти прекрасным,
Я принцесса, я Ли Ши,
Мои песни хороши!
Тра-ля-ля, тра-ля-ли,
Я принцесса, я — Ли Ши!

Я сама все сочинила, хотя с рифмой на Ли Ши мне пришлось изрядно помучиться. И вот я так себе все шла и шла, напевая свою песенку, и даже не заметила, как кончился золотой пляж, а вместо него потянулись скалистые обрывистые берега. Мне стало немножко страшно, но признаться себе в этом мне совершенно не хотелось. И потому я упрямо продолжала идти дальше. Вдруг я заметила, как на море, неизвестно откуда, появился парусник, который стремительно несясь именно к тому месту, где я стояла. У него были кроваво-красные паруса, и на самом большом парусе виднелась огромная черная цифра тринадцать.

Ли Ши даже передернуло при одном воспоминании об этом, и она на минуту прервала свой рассказ.

— Интересные дела! — пробормотал Лукас, многозначительно переглянувшись с Джимом. — Что же дальше?

— Корабль причалил у того самого места, где я остановилась, — продолжала побледневшая принцесса. — Я так перепугалась, что прямо не могла шагнуть и стояла как вкопанная. А корабль, между прочим, был такой огромный, что его борта были намного выше той скалы, на которой я застыла. И тут с корабля

спрыгнул какой-то высоченный дядька жуткого вида. На голове у него была нахлобучена шляпа очень странного фасона, с нарисованным черепом и скрещенными костями под ним. Одет он был в пеструю куртку, шаровары и высокие сапоги с отворотами. Из-под куртки торчали заткнутые за пояс ножи, кинжалы, пистолеты. А еще у него был здоровенный нос крючком и длинные висючие усищи, которые доставали ему до самого пояса. В ушах болтались большие золотые серьги. Маленькие пороссячьи глазки у него как-то сбились в кучку, так что казалось, будто у него врожденное косоглазие.

Увидев меня, он как заорет: «Ага! Девчонка! Вот так находка!»

Он говорил таким хриплым басом, что я с перепугу хотела уже броситься бежать. Но он поймал меня за косички и расхохотался. Когда он смеялся, видны были его большие желтые зубы, как у лошадей.

Потом он сказал: «Ты подвернулась нам как нельзя кстати, мышь хвостатая!»

Я кричала и сопротивлялась изо всех сил, но теперь мне уже никто, конечно, помочь не мог. Дядька сгреб меня в охапку и — вжить! — швырнул на корабль.

Пролетая в воздухе, я еще успела подумать: «Ах, если бы я... Ах, если бы я не убежала от подруг!» — вот что пронеслось у меня в голове, но до конца додумать эту мысль я просто не успела, потому что угодила в лапы к другому верзиле, который поймал меня прямо на лету. Он был как две капли воды похож на первого, так что я сначала даже решила, что это он и есть. Но ведь такого быть не могло. Когда меня поставили на палубу и я смогла оглядеться, то я увидела, что на корабле толпится целая куча дядек, и все на одно лицо, будто вылупились из одного яйца. Я даже не могла их сначала как следует сосчитать, потому

что они ведь не стояли на месте, а сновали туда-сюда, а я их совершенно еще не различала.

Сперва пираты посадили меня в клетку. Она напоминала обыкновенную клетку для птиц, которую разбойники повесили на толстом крючке прямо на мачте. Тут мне уже совсем стало плохо, я уже не могла больше сдерживаться и расплакалась, как настоящая рева. Я плакала так сильно, что мой фартучек промок до нитки. Я просила пиратов отпустить меня, но они и думать забыли обо мне. Корабль на всех парусах мчался в неведомые дали. Скоро родной берег уже совершенно скрылся из виду, вокруг была только вода.

Так прошел первый день. Вечером появился один из пиратов и сунул мне в клетку несколько сухарей да плошку воды. Но мне не хотелось есть, так что я даже ни к чему не притронулась. Только отхлебнула немножко воды, потому что от жары и слез все-таки хотелось пить.

Когда стемнело, разбойники зажгли фонари, выкатили на палубу огромную бочку и расселись вокруг нее. Каждый держал в руках кружку. В эти кружки они наливали себе что-то из бочки, и все пили и пили, и распевали при этом жуткими голосами свои лихие бандитские песни. Одну из них я даже запомнила, потому что они ее все время повторяли. Наверное, это была их любимая песня. Там были такие слова:

Тринадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пока они пели, я наконец-то смогла их пересчитать. Их действительно было, как в песне, тринадцать,

то есть чертова дюжина. Тут я поняла, почему они нарисовали на парусе цифру тринадцать.

— Теперь я тоже понимаю, почему на моей посылке вместо отправителя было написано тринадцать, — вставил тут Джим.

— Какой отправитель? На какой посылке? — удивилась Ли Ши. — Ты уже что-то такое говорил, когда беседовал с драконшей, только я ничего не поняла и давно хотела тебя расспросить.

— Если вы ничего не имеете против, — вмешался в их разговор Лукас, — то пусть сначала Ли Ши расскажет свою историю до конца, чтобы нам уже не сбиваться, а потом Джим объяснит, что же произошло с ним. А то получится одна неразбериха.

Все согласились, и Ли Ши продолжала свой рассказ:

— Наблюдая за пиратами, которые сидели вкруг на палубе и распивали свой ром, я заметила, что они сами точно не знают, кто из них кто, и называют друг друга все время разными именами. Впрочем, им было явно все равно, кого как зовут, для них это не играло никакой роли. Они отличали только капитана, да и то потому, что у него на шляпе была приколотая рубиновая звезда. Этим он и отличался от прочих. Ему все беспрекословно подчинялись.

На второй день я все-таки немножко поела, так как все же голод давал о себе знать. В остальном этот день прошел точно так же, как первый.

Когда наступил вечер и пираты снова уселись на палубе пить свой ром, я услышала, как капитан сказал своей банде:

«Братцы! Завтра в полночь мы снова встречаемся в условленном месте с драконшей. Нам есть чем ее порадовать!»

При этом он задрал голову, посмотрел на меня и ухмыльнулся.

«Отлично! — услышала я голос одного из пиратов. — Значит, у нас снова будет выпивка! Очень кстати. А то бочонок уже почти пуст».

Мне было ясно, что все сказанное имеет какое-то отношение ко мне, хотя я, конечно, поняла далеко не все. Можете себе представить мое состояние.

На следующую ночь задул резкий ветер и нагнал черные тучи, которые неслись по небу, закрывая время от времени луну. Я страшно замерзла в своей клетке. Около полуночи среди крошечной тьмы я вдруг заметила, как на горизонте что-то блеснуло. Именно туда направлялся пиратский корабль. В тот момент, когда мы подошли поближе, из-за туч как раз вышла луна, и я увидела несколько голых скалистых утесов из блестящего железа, которые торчали прямо посреди моря. На одном из утесов сидел огромный дракон — точнее, драконша. Она явно кого-то ждала. Ее черный силуэт был хорошо виден на фоне вздымающихся белопенных волн и темного неба, освещенного слабым светом луны.

«Фрррр! — фыркнула драконша при виде причалившего корабля, выпуская из ноздрей ядовито-зеленые и фиолетовые языки пламени. — Шшшто хорошшшшенького вы мне привеззззли, брррратцы-ррразззз-бойнички?!»

«Кое-что привезли! — ответил капитан. — Отличную девчонку!»

«Ахххх, — зашипела драконша, злорадно ухмыляясь. — А шшшто вы за это хотите, мошшшенники?»

«То же, что всегда, — ответил капитан, — бочку бедландского рома „Драконья глотка“. Это единственная в мире марка рома, которая подходит мне и моим братьям по градусам. Но мы тебя не заставляем. Не хочешь — не надо. Мы отвезем девчонку обратно».

Они еще поторговались немного, но в конце концов драконша выдала пиратам бочонок рома, на котором, как оказалось, она все время сидела, пока шли переговоры. За это разбойники отдали ей клетку, в которой сидела я. Уговорившись о следующей встрече, они распрощались. Еще какое-то время ветер доносил обрывки лихой пиратской песни, но скоро корабль скрылся из виду и уже ничего не было ни видно, ни слышно, кроме завывания ветра и разбушевавшегося моря. Теперь драконша взяла клетку и поднесла ее к самому носу, чтобы как следует разглядеть со всех сторон.

«Нусссс, моя крошшшшка! — прошипела она, внимательно изучив меня. — Со всякими игрушками-погремушками, с бездельничаньем, гуляньями, каникулами и прочими трали-вали теперь покончено рррраз и навссссегда! Ты у меня уззнаешшшь, почем фунт лиххххха!»

С этими словами она завернула клетку в какую-то толстую тряпку, так что я оказалась в полной темноте и совершенно ничего не видела и не слышала из того, что происходило снаружи.

Но поначалу вроде как ничего особенного и не происходило. Я все ждала, ждала и уже даже подумала, что драконша просто оставила мою клетку здесь. Но зачем же она тогда меня покупала? Сколько времени продолжалось это томительное ожидание, я не знаю, потому что я не выдержала и заснула. Наверное, вы удивитесь: как это можно заснуть в такой ситуации? Но на самом деле тут нет ничего странного, если вспомнить о том, что с того момента, как меня похитили пираты, я ведь глаз не смыкала, настолько мне было страшно и холодно. А тут в одеяле мне было темно и тепло, — короче говоря, я заснула.

Прошло какое-то время, и я очнулась ото сна. Я услышала какой-то чудовищный шум. Как все грохо-

тало, скрипело, трещало! Вы не можете себе представить. К тому же клетку мою шатало и болтало в разные стороны, вверх, вниз, так что у меня даже в животе стало как-то странно, — так бывает, когда катаешься, например, на американских горах. Это продолжалось, наверное, полчаса. Потом все неожиданно прекратилось. Какое-то время не слышно было ни звука, и тут я почувствовала, что мою клетку куда-то поставили. Затем сняли с клетки тряпку, и я наконец смогла оглядеться. Не буду вам описывать, что я увидела, потому что вы и сами представляете, как выглядит жилище фрау Зубпер. Единственным утешением мне служило то, что я была все-таки не одна, а вместе с другими детьми, которые находились в таком же положении, что и я.

Ну вот, больше в общем-то нечего рассказывать. Новая жизнь была ужасно скучной и грустной. Целыми днями мы сидели за партами, прикованные цепями, и нас заставляли читать, писать, считать и все такое прочее. Мне-то еще было легче всех, потому что я все-таки уже умела читать, писать и считать, как все дети моего возраста в Китае. Но моим одноклассникам пришлось этому учиться, и драконша страшно измывалась над ними. Если она была не в духе, а не в духе она была почти всегда, то тогда уже не имело никакого значения, отвечаем ли мы правильно или неправильно, драконша все равно ругалась на нас и отчаянно колотила.

Когда наступала ночь, драконша отвязывала нас от парт, чтобы тумаками да тычками загнать нас в спальную комнату. Ужина нам не давали, потому что фрау Зубпер всегда находила повод, чтобы наказать нас и оставить вечером без еды. Разговаривать нам не разрешалось, даже шепотом. Это было строго-настрого запрещено. Драконша каждый вечер караулила нас до тех пор, пока не убеждалась в том, что мы все спим.

Но как-то раз мне все же удалось обмануть ее. Только она вышла за дверь, как я тут же поднялась и встала на кровати — моя кровать находилась у самой стенки. Когда я выглянула в окошко, точнее, в дыру, я сразу поняла, что бежать через нее невозможно, так как там было слишком высоко, но зато я обнаружила реку, которая текла прямо во дворе. Я стала думать, что же тут можно предпринять, пока наконец не вспомнила о маленькой игрушечной бутылочке, которую я как-то случайно обнаружила у себя в фартуке и сохранила как память о доме. У меня тотчас же созрел план. Я быстро разбудила детей и, стараясь не шуметь, рассказала им о своей затее. У кого-то нашелся огрызок карандаша, у кого-то клочок бумаги. Я написала письмо, засунула записку в бутылочку, заткнула ее кусочком воска, который тут же нашелся у кого-то из детей, а потом один из мальчиков, который считался мастером по броскам на большое расстояние, залез на мою кровать и швырнул бутылочку через окошко в реку.

С того самого дня в нас поселилась надежда, что, может быть, когда-нибудь эта бутылочка попадет в руки какому-нибудь хорошему человеку и он отнесет ее моему отцу. Так мы ждали и ждали, пока наконец не появились вы и не освободили нас. Ну вот, теперь мы здесь.

На этом принцесса закончила свой рассказ. Затем другие дети по очереди рассказывали о том, как они очутились у драконши. Среди похищенных пиратами детей были, например, пять смуглолицых мальчиков в тюрбанах, которых пираты поймали, когда они однажды вечером вывели своих слонов купаться. А мальчик-индеец попался в руки пиратам, когда отправился как-то раз на своем каноэ рыбачить и неосторожно заплыл слишком далеко в море. Маленького эскимоса

разбойники сцапали в тот момент, когда тот, сидя на айсберге, направлялся в сторону Северного полюса, чтобы навестить свою бабушку. Другие же дети стали жертвами бандитского нападения во время морского путешествия — пираты разграбили весь корабль, перетащили к себе все деньги, драгоценности и маленьких детей, а сам пароход со всей командой на борту безжалостно пустили ко дну.

Да уж, бессовестные и жестокие типы эти пираты. Вот уж действительно Чертова Дюжина.

Какими бы путями дети ни попадали в руки к разбойникам, в конечном счете они все оказывались на железных скалах, и с ними происходило все то же самое, что произошло с принцессой Ли Ши. Никто из них не мог сказать, каким образом они попадали в каменную квартиру фрау Зубпер.

В конце концов настал черед Лукаса и Джима рассказать о своих приключениях, предшествовавших их появлению в драконьем городе. Все дети, а особенно принцесса Ли Ши, прямо-таки сгорали от любопытства, так им хотелось узнать, что же произошло с их освободителями.

— Одно я теперь знаю точно, — заканчивая свой рассказ, сказал Джим, у которого никак не выходила из головы бедландская школа, — ни за что я не буду учиться читать и писать. И считать тоже не имею ни малейшего желания.

Ли Ши тут же искоса взглянула на него и, вскинув брови, спросила:

— Так ты, оказывается, не умеешь читать, писать и считать?

— Не умею, — ответил Джим. — Мне это ни к чему.

— Но ты ведь чуть ли не на год старше меня! — изумилась Ли Ши. — Если хочешь, я тебя научу, подумай, — добавила она.

Джим покачал головой:

— Я считаю все это лишними и бесполезными вещами. Вся эта учеба только отвлекает от более важных дел. До сих пор я прекрасно обходился без всякого этого чтения и письма.

— Верно! — поддержал Джима мальчик-индеец.

— А вот и нет, — твердо сказала принцесса. — Это очень даже полезные вещи. Если бы, например, я не умела писать, я не смогла бы отправить письмо папе, и так бы мы и остались на веки вечные у драконши.

— Но от твоей почты не было бы никакого проку, если бы мы не пришли вас спасать, — возразил ей Джим.

— Точно! — снова поддакнул индеец.

— Неужели?! Что ты говоришь?! — В голосе принцессы слышалась легкая издевка. — Но тебе-то помогал Лукас. А что бы с вами было и что было бы с нами, если бы Лукас тоже не умел читать, вроде тебя?

На это Джим не знал, что ответить. В глубине души он понимал, что в словах Ли Ши есть, конечно, доля истины, но именно это его раздражало больше всего. И с чего это маленькая принцесса взялась тут его поучать? Тоже мне, нашлась учительница! Ведь это он ее совсем недавно спас от смертельной опасности. Храбрость и отвага тогда оказались нужнее, чем вся ее ученость. Все равно у него нет никакого желания учиться, и кончено!

Джим надулся. Лукас же только рассмеялся на это, а потом, хлопнув его по плечу, радостно закричал:

— Джим, старина! Гляди-ка, что там!

Он показал на восток — туда, куда несли их волны Желтой реки. Там из-за горизонта поднималось во всем своем великолепии утреннее солнце, окрасившее золотые воды Желтой реки в багряный цвет. А вскоре путешественники увидели вдалеке тысячи золотых бликов — это были крыши Пекина.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,
*в которой Кристи получает удивительную награду,
а путешественники наедаются до отвала*

Вскоре Лукас и Джим уже выталкивали паровоз на берег. Все дети дружно помогали им. Дракониша тоже вылезла из воды и лежала теперь ни жива ни мертва. По всему было видно, что у нее отпало теперь всякое желание вести себя плохо.

Уже через полчаса Лукас и Джим снова приспособили Кристи к сухопутным перевозкам. Они раздраили все двери и окна, залили в котел воды и развели под ним веселый огонь.

Все так были поглощены работой, что никто не заметил, как поблизости появился китайский жандарм, который приехал откуда-то на велосипеде. Завидев группу путешественников, он притормозил и стал думать, а не высадился ли здесь какой-нибудь вражеский десант. А когда он пригляделся и понял, что десант большей частью состоит из маленьких детей, то версия о нападении неприятеля отпала сама собой. Тогда жандарм подъехал поближе. Правда, объезжая последний куст, он чуть со всего размаху не наехал на драконий хвост. Насмерть перепуганный, он развернул свой велосипед и задал такого стрекача, будто за ним гналась целая тысяча чертей. С высунутым языком, едва живой добрался он до города, где доложил своему начальству обо всем виденном.

— Дружище! — закричал он. — Вот это новость так новость! Да за такие известия император вас сразу же в генералы произведет. Везет же некоторым!

— Чч-что-ч-ч-т-о? — запинаясь, переспросил жандарм.

— Да то! Неужели вы не поняли, что вы видели? — завопил начальник, выходя из себя от волнения. — То,

что вы видели, означает только одно: это означает, что достопочтенные машинисты и их локомотив благополучно вернулись назад. А если верно и то, что они привезли с собой дракона, следовательно, вместе с ними находится и наша принцесса Ли Ши. Нужно немедленно сообщить об этом императору!

И жандармы побежали со всех ног к императорскому дворцу. Правда, по дороге они сообщали новость всякому встречному и поперечному.

Трудно себе представить, какой переполох вызвало это сообщение в городе. С быстротою молнии радостное известие распространилось по всему Пекину, и скоро уже не было ни одного жителя, вплоть до самого последнего грудного младенца, который бы не знал, какое счастливое событие произошло сегодня утром. Ну а поскольку во всем городе не нашлось такого человека, который не хотел бы помочь в подготовке к торжественной встрече путешественников, то в мгновение ока столица совершенно преобразилась: все улицы, по которым должен был проехать локомотив, были украшены цветами, лентами, флагами, гирляндами, транспарантами. Все обитатели Пекина высыпали на улицы. Густая толпа растянулась по всему пути следования паровоза. Люди стояли и ждали прибытия высокочтимых героев.

И вот наконец они появились. Их еще не было видно, но уже издали доносилось тысячекратное «ура», которым народ приветствовал высоких гостей.

Кристофу пришлось ехать очень медленно, потому что драконша, привязанная к нему, настолько ослабела, что едва передвигала лапы. В кабине машиниста стояли Лукас и Джим и приветливо махали всем проходящим налево и направо. На крыше сидели ребяташки, в самом центре стояла Ли Ши, маленькая принцесса.

Ее было почти не видно в этом море цветов, которые китайцы беспрерывно бросали из окошек своих многоэтажных домов, осыпая ими путешественников, а те китайцы, что заполонили собой все улицы, махали бумажными флажками, бросали в воздух свои круглые шляпы и кричали без остановки: «Ура!», «Браво!», «Виват!» и прочие громкие слова, какие принято в Китае произносить по таким торжественным случаям.

Ко всему прочему, в этот день все магазины и лавки торговали бесплатно. Потому что ни у кого не было желания в такой большой праздник думать еще о деньгах. Всем хотелось друг другу делать подарки. Когда китайцы чувствуют себя счастливыми, они всегда поступают так.

Позади дракона — разумеется, на почтительном расстоянии — двигалась целая процессия китайцев. Все они смеялись и при этом так лихо отплясывали, что их черные косички мелькали в воздухе, как настоящие пропеллеры. По мере приближения локомотива ко дворцу этот хвост становился все длиннее и длиннее.

Вся площадь перед дворцом была запружена ликующей толпой. Когда же наконец Кристи остановился перед серебряной лестницей из девяти ступенек, большие эбеновые ворота распахнулись, и все увидели императора, который в развевающихся одеждах стремительно спускался по лестнице вниз. Следом за ним поспешал Пинг Понг, которому даже пришлось уцепиться за краешек императорской мантии, чтобы не отстать.

— Ли Ши! — кричал император. — Моя маленькая Ли Ши!

— Папа! — воскликнула Ли Ши и просто спрыгнула с крыши локомотива, а император подхватил ее на лету, прижал к груди и крепко расцеловал. Все китайцы, собравшиеся на площади, не могли от уми-

ления удержаться от слез и теперь все дружно принялись сморкаться и утирать глаза.

Тем временем Лукас и Джим поздоровались со своим маленьким другом Пинг Понгом. Они обратили внимание на его новый халат, который весь был расшит золотом. Пинг Понг объяснил, что император назначил его верховным бонзой вместо господина Пи Па По. Лукас и Джим от всей души поздравили его с таким высоким постом.

Налюбовавшись на свою дочь, император наконец обратился к Лукасу и Джиму и крепко обнял обоих. От радости он не мог произнести ни слова. Затем он поздоровался за руку с каждым из приехавших детей в отдельности и сказал:

— Ну теперь, мои дорогие, добро пожаловать во дворец! Вам нужно подкрепиться хорошим завтраком. Вы наверняка страшно проголодались и устали с дороги. Каждый из вас может заказать себе что только его душе угодно.

Он уже хотел было повернуться, чтобы проводить своих гостей во дворец, но в этот момент Пинг Понг дернул его за рукав, что-то зашептал ему на ухо, тихонько показывая рукой на Кристи.

— Верно! — смущенно воскликнул император. — Как я мог об этом забыть!

Он сделал знак рукой, и на пороге появились двое телохранителей. Один из них нес в руках большую звезду из чистого золота, размером с суповую тарелку. Другой нес длинную-предлинную ленту, которая наподобие шлейфа тянулась за звездой. Лента была сделана из голубого шелка, а на ней серебряными буквами было вышито:

*КРИСТОФУ,
ЛУЧШЕМУ ЛОКОМОТИВУ В МИРЕ*

А на золотой звезде были высечены такие слова:
С ВОСХИЩЕНИЕМ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ

На обратной стороне стояло:

*ОТ ПУНГ ГИНГА
ИМПЕРАТОРА КИТАЙСКОГО*

После этого император произнес небольшую речь:

— Дорогой Кристи! Нет на земле сегодня человека счастливее меня, ведь сегодня ко мне вернулась моя любимая дочь. По твоему израненному лицу я вижу, что ты не раз рисковал собою и выдержал не один бой. В знак моей величайшей признательности я хотел бы вручить тебе мой скромный дар — этот орден. Я велел моему придворному ювелиру изготовить его на случай вашего счастливого возвращения. Я, правда, не знаю, насколько значимы ордена для локомотивов. Но мне бы очень хотелось, чтобы люди впредь видели, какой ты замечательный локомотив. Поэтому возьми его и носи!

Пока телохранители прикрепляли Кристи орден, толпа на площади снова стала кричать: «Ура!», «Браво!», «Виват!».

Тем временем Пинг Понг, который от возбуждения все время скакал и прыгал как мячик и ни секунды не мог устоять на месте без дела, послал за верховным смотрителем парка (в его обязанности входило следить за животными) и велел ему незамедлительно явиться со своими помощниками и забрать дракона. Не успела еще закончиться церемония награждения, а верховный смотритель уже был тут как тут. Вместе с ним пришли шестеро крепких парней, которые вели под уздцы четверку лошадей, тащивших за собой повозку с гигантской клеткой. Драконша была такой тихой и смирной, что ее удалось без особых хлопот за-

гнать в клетку после того, как Лукас отцепил ее от паровоза. Когда повозка укатила, Лукас поинтересовался:

— А где вы ее разместите? Мне нужно еще с ней кое о чем побеседовать.

— Для начала мы запрем ее в старом павильоне для слонов, — с важным видом ответил Пинг Понг. — Ты можешь в любой момент навестить дракона, достопочтенный машинист орденоносного локомотива.

Лукас, довольный, кивнул и поспешил вместе с Джимом за другими детьми, которые тем временем уже направились в сопровождении императора и принцессы Ли Ши во дворец, где они собирались спокойно поужинать в тронном зале.

К сожалению, Кристи не мог присоединиться к ним, так что ему пришлось остаться на площади. Целый день вокруг него толпились китайцы, которые теперь, разумеется, ни чуточки его не боялись. Они угощали его маслом и чистили его, смывали с него грязь, полировали его мягкими тряпочками, так что в конце концов он сверкал и сиял как новенький.

А тем временем император, Ли Ши и все гости расселись на террасе перед тронным залом и приступили к завтраку, греясь в лучах утреннего солнышка. Как и было обещано, каждый ребенок получил то, что он любил больше всего на свете. Маленький эскимос получил китовую отбивную и чашку рыбьего жира. Мальчику-индейцу принесли рисовую лепешку и мясо буйвола, поджаренные прямо на костре, а потом он раскурил свою трубку мира, сделал ровно четыре затяжки и выпустил дым по очереди на все четыре стороны света. Короче говоря, все дети ели то, что они привыкли есть у себя дома. Это были для них, конечно, давно забытые лакомства! Джим и Лукас удовлетворились свежими медовыми плюшками и хоро-

шей порцией какао! И впервые за долгое время император тоже поел как следует.

Когда на террасе появился главный повар Шу Фу Лу Пи Плу, чтобы узнать, все ли понравилось достойным гостям, Джим и Лукас радостно поприветствовали его как старого доброго друга. Главный повар, между прочим, по случаю большого праздника снова нацепил свой самый большой колпак, который по размерам мог сравниться разве что с пуховой периной.

Император спросил его, не хочет ли он немножко посидеть с ними и послушать истории, которые расскажут им дети и Лукас с Джимом. Господин Шу Фу Лу Пи Плу как раз был ничем не занят, и потому он с удовольствием подсел к веселому обществу.

Дети еще раз по очереди рассказали о своих приключениях, а император слушал с большим интересом. Когда все было рассказано и все было съедено, Лукас сказал:

— Ребятки, я предлагаю всем нам пойти вздремнуть часок-другой. Ведь мы всю ночь не спали. Кто как, а я прямо с ног валюсь от усталости.

Многие дети уже давно потихоньку зевали, а самый маленький ребенок уже давно уснул, свернувшись калачиком на своей подушке. Так что все с радостью приняли предложение Лукаса.

— Еще один вопрос, друзья мои! — остановил их император. — Не хотите ли вы у нас погостить несколько недель, чтобы как следует отдохнуть? Я был бы очень рад этому. Или, быть может, вам не терпится поскорее оказаться дома? — с улыбкой спросил он.

— Ой, пожалуйста, если можно, отправьте меня поскорее домой! Чем скорее, тем лучше! — жалобно попросил мальчик-индеец.

— И меня! И меня! — в один голос закричали дети.

— Ну хорошо, — сказал император, которому, конечно, было понятно нетерпение детей, — мне было

бы, разумеется, очень приятно, если бы вы у нас немножко погостили. Но я могу себе представить, как вам хочется поскорее попасть домой. Мой верховный министр Пинг Понг позаботится о том, чтобы как можно скорее снарядить для вас корабль.

— Спасибо! — со вздохом облегчения поблагодарил мальчик-индеец.

Тем временем для детей приготовили отдельные комнаты, в каждой из которых стояла кровать под чудесным балдахином. Как приятно было поспать на мягких шелковых подушках после жестких каменных кроватей!

Друзья получили, конечно, комнату на двоих, где стояла двухэтажная кровать. Джим скинул башмаки и залез по маленькой лестнице наверх. Он растянулся на шелковых простынях и мгновенно заснул.

А Лукас сидел на краешке своей постели, задумчиво подперев голову руками. Множество сложных вопросов крутилось у него в голове. Маленькая принцесса благополучно вернулась к своему отцу, думал он. Остальные дети тоже скоро разъедутся по домам. С этим все в порядке. Но что будет с ним и с Джимом? Они не могут отправиться к себе в Медландию, потому что король Альфонс Без Четверти Двенадцатый наверняка очень сердит на них, ведь они, ни слова никому не сказав, покинули остров вместе с Кристи, вместо того чтобы выполнять его распоряжение. Конечно, надежды на то, что он вот так просто возьмет и разрешит им вернуться, было мало, поскольку с тех пор, когда они решили все втроем уехать, ситуация нисколько не изменилась. Медландия-то больше не стала. А может быть, все же оставить Кристи здесь, в Китае, и вернуться домой вдвоем? Лукас попытался себе представить, что он будет делать в Медландии без Кристи. Нет, ничего не выйдет, решил он про себя

и покачал головой. Теперь, после всех приключений, которые выпали на их долю, когда Кристи показал себя таким верным и надежным другом, и вовсе невозможно. Это не выход из положения. А может быть, достопочтенный император согласится оставить их в Китае, чтобы они занялись здесь прокладкой железной дороги? Конечно, это немножко грустно, все же Китай, несмотря ни на что, чужая страна, но другой возможности не было, ведь где-то им нужно жить, не могут же они вечно болтаться по свету.

Лукас вздохнул, встал и тихонько вышел из комнаты, чтобы обсудить этот вопрос с императором. Он застал его на террасе перед тронным залом, где император сидел под зонтиком от солнца и читал какую-то книгу.

— Извините меня за беспокойство, ваше величество! — сказал Лукас, выйдя на террасу.

Император закрыл книгу и радостно воскликнул:

— Дорогой мой Лукас! Как хорошо, что мы можем побеседовать с глазу на глаз. Мне хотелось бы еще с вами уладить одно необычайно важное дело.

— Мне бы тоже хотелось этого, — серьезно ответил Лукас, сядясь против императора. — Но скажите сначала, что вас тревожит?

— Как вы, наверное, помните, — начал император, — в свое время я публично объявил, что отдам в жены мою дочь тому, кто спасет ее.

— Да, вы говорили это, — подтвердил Лукас.

— Но вас-то двое, — продолжал император. — Как же тут быть? Кому из вас она должна достаться в жены?

— Это очень просто, — спокойно ответил Лукас. — Тому, кто ей самой больше по нраву и кому она дала свой первый поцелуй.

— И кто же это? — с интересом спросил император.

— Разумеется, Джим Пуговка, — сказал Лукас. — Если я правильно все понимаю, они очень нравятся друг

другу. Хотя, конечно, они не во всем сходятся во взглядах, — с улыбкой добавил он. — Например, они никак не могут договориться, нужно ли учиться писать и читать. Мне кажется, они очень подходят друг другу. И кроме того, ведь это именно Джим освободил Ли Ши. Тут нет никакого сомнения. Я и Кристи только помогали ему.

— Ах, как я рад! — довольный, воскликнул император. — Я, кстати сказать, совершенно с вами согласен, любезный Лукас. Дети очень подходят друг другу. Правда, они еще немножко маловаты для того, чтобы жениться, но для начала они могут просто помолвиться.

— Это уже они сами должны решить, — предложил Лукас.

— Верно, — согласился император, — не будем вмешиваться в их дела. Но скажите мне, пожалуйста, дорогой друг, как я могу отблагодарить вас? К сожалению, у меня только одна дочь, иначе я бы с удовольствием отдал вам в жены другую принцессу. Но так не получается. Может быть, у вас есть какое-нибудь желание, которое я мог бы выполнить? Пожалуйста, не стесняйтесь, скажите мне! Но это должно быть настоящее желание, самое заветное.

— К сожалению, мое заветное желание вы не можете выполнить, ваше величество, — сказал Лукас и грустно покачал головой. — Потому что больше всего на свете мне бы хотелось вместе с Джимом и Кристи вернуться в Медландию. Но вы ведь знаете, почему мы уехали оттуда. Остров слишком мал для всех нас. Только благодаря какому-нибудь чуду это желание сможет когда-нибудь исполниться. Но у меня есть к вам другая просьба, ваше величество. Позвольте, пожалуйста, проложить в Китае железную дорогу. Это принесло бы пользу вам и вашим подданным, а моему толстяку Кристи снова бы представилась возможность ездить по нормальным рельсам.

— Мой достопочтенный друг, — сказал император, и глаза его засияли, — я очень благодарен вам за то, что вы хотите остаться у нас. Вы доставите мне тем самым огромную радость. Я немедленно распоряжусь проложить для вас самую длинную в мире железную дорогу и построить самые чудесные вокзалы, каких еще свет не видывал. Я надеюсь, что этим хоть как-то смогу помочь вам постепенно забыть вашу родину.

— Большое спасибо, ваше величество, — поблагодарил Лукас. — Вы хорошо все придумали. Очень любезно с вашей стороны.

В этот момент на террасе появился малыш Пинг Понг, который, поклонившись императору и его гостю, пропищал своим тоненьким голоском:

— Достопочтенный император, корабль для детей стоит в гавани. Сегодня вечером перед заходом солнца он будет готов выйти в море.

— Очень хорошо, — сказал император и кивнул, — ты действительно чрезвычайно расторопный министр, Пинг Понг.

Лукас встал:

— Я думаю, что в общих чертах мы все обсудили, ваше величество. Если вы не возражаете, я пойду теперь спать, потому что я смертельно устал.

Император пожелал ему спокойной ночи, и Лукас пошел в свою комнату с двухэтажной кроватью. Джим даже не заметил отсутствия друга и мирно спал, сладко посапывая. Лукас растянулся на своем «этаже» и уже в полусне подумал: «Интересно, а что Джим скажет о перспективе остаться здесь, вместо того чтобы возвращаться в Медландию? А может, он захочет один поехать домой, а меня и Кристи оставит здесь? Ну что ж, он будет по-своему прав».

Лукас тяжело вздохнул, но потом усталость взяла свое, и он крепко заснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

*в которой фрау Зубнер прощается со всеми,
а Лукас и Джим получают письмо из Медландии*

Было уже что-то около полудня, когда громкий стук в дверь разбудил Лукаса и Джима.

— Откройте! Откройте! Важные новости! — пищал кто-то за дверью.

— Это Пинг Понг, — сказал Джим, спустился вниз и открыл дверь.

В комнату как вихрь влетел запыхавшийся верховный бонза и зататорил прямо с порога:

— Простите, достопочтенные друзья, что мне пришлось нарушить ваш покой, но я должен передать вам привет от драконши, которая убедительно просит вас немедленно прийти к ней, иначе будет поздно.

— Что это за штучки! — довольно сердито буркнул Лукас. — Почему такая спешка? Могла бы немножко и потерпеть!

— Она сказала, — зашептал Пинг Понг, — что хочет с вами попрощаться, но до этого ей нужно сообщить вам что-то очень важное.

— Попрощаться? — удивленно переспросил Лукас. — Что за причуды?!

— Мне кажется, дело очень серьезное, — сказал Пинг Понг, выглядевший весьма озабоченным. — Драконша производит довольно странное впечатление, как будто она... как будто она...

— Как будто она что? — нетерпеливо спросил Лукас. — Говори все как есть.

— Я точно не знаю, — ответил Пинг Понг, наконец собравшись с духом, — но я думаю, что она при смерти.

— При смерти? — закричал Лукас и в растерянности посмотрел на Джима. Этого им только не хва-

тало. Как бы то ни было они вовсе не желали дракону смерти. — Н-да, веселенькая получается история!

Друзья быстро оделись и поспешили за Пинг Понгом в парк. Там они обнаружили драконшу, которую поместили в большой полуразрушенный павильон, где долгие годы содержались боевые императорские слоны.

Здесь в огромной клетке с толстыми прутьями лежала она с закрытыми глазами, положив голову на лапы. Казалось, что она спит.

Когда Лукас и Джим подошли совсем близко к клетке, Пинг Понг предпочел не рисковать и остановился на почтительном расстоянии от зверя.

— Ну, что такое у тебя стряслось? — спросил Лукас, и в его голосе даже прозвучали нотки сочувствия, хотя он вроде как и не собирался сочувствовать драконше.

Драконша ничего не отвечала и только молча лежала, совершенно недвижимая. С ней происходило что-то странное. Было такое впечатление, будто от нее начало исходить какое-то свечение. Волны золотого света пробегали по всему телу, от кончика хвоста до самой макушки.

— Ты видел? — прошептал Лукас.

— Видел. А что это с ней? — тоже шепотом спросил Джим.

В этот момент драконша медленно подняла веки. Куда девались недобрые огоньки, которые раньше то и дело вспыхивали в ее маленьких глазках? Теперь в ее потухшем взоре светилась только усталость.

— Спасибо за то, что вы пришли, — еле слышно пролепетала драконша. — Простите, но я не могу говорить громче. Я так ужасно устала, так устала...

— Ты заметил, она больше не свистит и не шипит? — снова зашептал Джим.

Лукас кивнул, а потом обратился к драконше с таким вопросом:

— Скажите, пожалуйста, фрау Зубпер, вы ведь не собираетесь умирать?

— Нет, не собираюсь, — ответила драконша и даже как будто слабо улыбнулась. — Со мною все в порядке, не беспокойтесь. Я позвала вас только для того, чтобы поблагодарить вас...

— Поблагодарить? За что? — изумился Лукас, совершенно ошарашенный таким поворотом событий. А Джим даже рот раскрыл от удивления.

— За то, что вы меня победили, но сохранили мне жизнь. Кто победит дракона, но при этом не убивает его, тот помогает ему перевоплотиться. Ведь быть злым, скажу вам по правде, не очень-то приятно. Радости от этого никакой. А мы, злые драконы, как раз и существуем для того, чтобы кто-нибудь пришел и победил нас. К сожалению, как правило, во время поединков драконы погибают. Но если этого не происходит, как у нас с вами, то тогда начинаются настоящие чудеса...

Драконша закрыла глаза и некоторое время молчала. И снова по ее телу пробежало золотое сияние. Лукас и Джим терпеливо ждали, пока она придет в себя. Вскоре драконша снова очнулась и заговорила. Только голос ее теперь звучал совсем еле слышно.

— Мы, драконы, очень много знаем. Но до тех пор, пока нас кто-нибудь не победит, мы наши знания обращаем во зло. Мы норовим найти себе подходящие жертвы, которых можно было бы мучить и терзать своими знаниями. Вот, например, дети для этого очень хорошо подходят. Вы ведь видели, как это делается. Но если дракон доживает до перевоплощения, то он становится Золотым Драконом Мудрости, и тогда его можно спросить о чем угодно, он способен открыть любую тайну и разгадать любую загадку. Такое происходит только

раз в тысячелетие, потому что, как я уже говорила, большинство драконов не дотягивают до перевоплощения.

И снова драконша умолкла. И снова золотые переливы прошли по ее телу. На этот раз казалось, будто легкая золотистая пыль осела на чешуйчатой коже, напоминая поблескивающую пыльцу, которой бывают покрыты крылышки бабочек. Долго молчала драконша, но потом все-таки собралась с силами и на последнем издыхании сказала:

— Воды Желтой реки, по которой мне пришлось плыть, загасили мой огонь. Теперь я смертельно устала. Когда в следующий раз золотой свет пробежит по моему телу, я погружусь в глубокий сон. Со стороны будет казаться, что я умерла. Целый год я пролежу тут без движения. Ровно через год, в тот же самый день и час, я проснусь, но тогда я уже буду Золотым Драконом Мудрости. Придите ко мне, и я отвечу на все ваши вопросы. Отныне вы мои повелители, и все, что вы мне прикажете, то я и буду делать. Но для того чтобы выразить вам мою признательность, мне бы хотелось сделать вам что-нибудь приятное. У меня уже есть немножко той мудрости, которой я буду обладать вполне через год. Это видно по золотой пыльце. Если у вас есть ко мне вопросы, то спрашивайте скорее. Времени осталось мало.

Лукас почесал за ухом. Джим дернул его за рукав и прошептал:

— Медландия!

Лукас сразу же понял его и спросил:

— Паровоз Кристи, Джим Пуговка и я покинули Медландию, потому что мы не могли все там разместиться. Что нам нужно сделать для того, чтобы можно было вернуться? Ведь Медландия очень маленькая страна и нам всем там просто тесно.

Драконша молчала. Она молчала так долго, что Джиму уже показалось, будто она заснула. Но через

какое-то время драконша снова очнулась и уже словно в полусне прошелестела:

— Отправляйтесь завтра на восходе солнца в путь. Возьмите курс на Медландию. На второй день вашего пути в двенадцать часов пополудни вы достигнете $321^{\circ}21'1''$ западной долготы и $123^{\circ}23'3''$ северной широты. В этой самой точке должен попасться плавучий остров. Только смотрите не опоздайте, иначе остров уплывет и вы его больше ни за что не найдете. Это очень редкий вид островов. Прихватите с собою несколько веток коралловых деревьев, которые поднимаются со дна моря, и посадите их в воде рядом с Медландией, в том месте, где вы пристроите плавучий остров. Из этих коралловых отростков со временем вырастут деревья, которые будут снизу подпирать остров, и к тому моменту, когда Джим станет настоящим подданным, плавучий остров превратится в настоящий полноценный остров, не хуже Медландии... не забудьте...

— Ой, подождите! — закричал Джим, увидев, что драконша уже собирается закрыть глаза. — Скажите, откуда похитили меня пираты из Чертовой Дюжины? Где я жил до того, как они засунули меня в посылку?

— Я не могу... — прошептала драконша. — Простите... Это долгая... история... не... теперь...

Она замолчала, и золотой свет в последний раз пробежал по ее телу.

— Будьте здоровы... будьте... здоровы... — пролепетала она напоследок и окончательно сникла. И действительно, если не знать, то можно было подумать, что она умерла. Только золотое сияние, которое стало теперь совершенно отчетливым, свидетельствовало о том, что она жива.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, — стараясь не шуметь, сказал Лукас. — Придется ждать до следу-

ющего года. А с этим островом — неплохой совет. Конечно, если только все так и есть, как она говорит.

— Все, что произошло с этой дамой, не отличавшейся слишком большой любезностью, — вмешался тут Пинг Понг, который наконец перестал бояться и теперь, осмелев, подошел к друзьям, — представляется весьма загадочным и таинственным. Если вы не возражаете, то я предлагаю всем нам пойти к императору и обо всем ему рассказать.

С этими словами он подобрал полы своего золотого халата и поспешил прочь. Лукас и Джим последовали за ним...

Четверть часа спустя они уже сидели у императора в тронном зале и обсуждали все происшедшее.

— Скажу по правде, дорогие друзья, — молвил император, выслушав рассказ своих друзей, — много повидал я на своем веку, о чем только не доводилось мне слышать, но, пожалуй, впервые в жизни я сталкиваюсь с таким странным явлением. Само собой разумеется, я распоряжусь, чтобы никто и ничто не мешало перевоплощению дракона.

— Ну а мы тогда на заре двинемся в путь, в Медландию. Посмотрим, попадетсЯ ли нам на самом деле плавучий остров, — сказал Лукас с надеждой в голосе и выпустил несколько клубов дыма. — Это было бы, конечно, очень кстати.

— Ты думаешь, что король Альфонс Без Четверти Двенадцатый позволит нам «посадить» остров у берегов Медландии? — опросил Джим.

— А почему бы и нет? — удивился император. — Он будет этому очень рад!

— К сожалению, ваше величество, не все так просто, — возразил на это Лукас. — Вы ведь еще не знаете, что тогда мы — то есть Джим, Кристи и я — покинули Медландию, не сказав никому ни единого

слова. Мы просто смылись, так сказать, под покровом ночи. Никто ничего не знал. И наверное, король и фрау Каакс очень сердятся на нас. Они скажут, что Джим удрал без спросу, а я в этом виноват. И они будут по-своему правы. Так что, может, они вовсе и не хотят, чтобы мы возвращались.

— Я поеду с вами и все объясню вашему королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому, — предложил император.

Но в этот самый момент вдруг раздался плаксивый голосок Пинг Понга, который, стукнув себя по лбу, кричал:

— Ах ты батюшки мои! Вот балда! Нижайше прошу меня простить, достопочтенные господа машинисты! Тысяча извинений!

— Да что такое стряслось? — спросил Джим.

— Произошло нечто страшное и ужасное! — пропищал огорченный Пинг Понг. — За всей этой кутерьмой — тут вы приехали, потом корабль детям готовили, да еще теперь история с драконом, — короче говоря, из-за всего этого я забыл сказать вам самое важное! Ах я болван безмозглый! Ослище беспамятный!

— Да успокойся же ты, Пинг Понг, — попросил его император. — Скажи толком: что случилось?

— Еще три дня тому назад пришло письмо достопочтенным господам машинистам! Вот что, — жалобным голоском проговорил Пинг Понг. — Письмо, из Медландии!

— Что? Давай его сюда! — закричали в один голос Лукас и Джим.

Пинг Понг унесся как вихрь за письмом. Только раз в жизни бежал он так быстро — когда ему нужно было спасти друзей от дворцовой стражи.

— Интересно, откуда они узнали, что мы здесь? — спросил взволнованный Джим.

— Ты что, не помнишь? Мы ведь им написали, прежде чем отправиться в драконий город, — ответил ему Лукас. — Очевидно, это пришел ответ. Сейчас все и выяснится. Ну куда же запропастился Пинг Понг?..

Но не успел Лукас до конца договорить это предложение, как на пороге уже появился верховный бонза с толстым письмом в руках. Письмо было запечатано красной сургучной печатью с гербом короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого. На письме стоял следующий адрес:

*Машинисту Лукасу и
Джиму Пуговке,
временно проживающим
в Пекине (столица Китая)
Королевский дворец.*

А на другой стороне было написано:
Отправитель:

*Король Альфонс Без Четверти Двенадцатый
фрау Каакс
господин Пиджакер
Медландия.*

Лукас разорвал конверт, но толстые пальцы немножко дрожали, когда он разворачивал письмо. Письмо было на трех листах. Сначала Лукас прочитал то, что было написано на первом листе:

*«Дорогой машинист Лукас!
Дорогой Джим Пуговка!*

Благодаря вашему письму мы наконец-то узнали, слава богу, ваше местонахождение. Поверьте мне, когда мы заметили, что вас больше нет на острове, весь народ — точнее, не весь народ, а ту его часть, которая еще никуда не сбегала, — охватила великая скорбь. Я тоже скорбел пуще всех. На всех флагах, что реют над моим замком, я велел привязать траурные ленты. Тихо и пустынно стало теперь

на нашем острове. Никто не поет песенки на два голоса, как это любили делать Кристи и Лукас, проезжая через туннели, и никто теперь не съезжает на попе с горы, как это делал Джим Пуговка. И когда я по воскресеньям и по праздникам выглядываю в окошко, как всегда без четверти двенадцать, не слышно никакого народного ликования. Оставшиеся подданные пребывают от всего этого в невероятной печали, так что сердце мое готово разорваться на куски от жалости к ним. И никого из нас не тянет полакомиться знаменитым земляничным мороженым фрау Каакс. Мы совершенно потеряли к нему всякий интерес.

Я, конечно же, не предполагал, что мое решение избавиться от Кристи может вызвать такие тяжелые последствия. За это время я еще подумал и понял, что для нас это неприемлемое решение.

Ввиду всего вышесказанного, убедительно прошу вас всех скорее возвращаться домой. Мы на вас нисколько не сердимся и очень надеемся, что и вы не держите на нас зла. Я, правда, еще ничего не придумал, как мы будем выходить из положения, когда Джим вырастет большой и захочет обзавестись собственным локомотивом и собственной железной дорогой. Но что-нибудь мы непременно придумаем. Так что ждем вас домой! До скорой встречи.

С выражением особого благорасположения
написано рукою его королевского величества
Альфонса Без Четверти Двенадцатого».

— Лукас! — запинаясь от волнения, воскликнул Джим, и глаза его округлились от неподдельного удивления. — Ведь это значит...

— Минутку! — перебил его Лукас. — Здесь есть что-то еще.

Он развернул второй листок и прочитал:

«Мой маленький Джим!
Дорогой Лукас!

Мы все страшно грустим и не знаем, что нам без вас всех делать. Ах, Джим! Ну почему ты мне ни словечком не

обмолвился о том, что тебе обязательно нужно ехать. Я бы по крайней мере дала тебе в дорогу пару теплых вещей и побольше носовых платков, ведь они так быстро у тебя становятся грязными. Теперь, наверное, тебе приходится мерзнуть, и ты обязательно простудишься. Я страшно беспокоюсь за тебя. Это не очень опасно — ездить в драконий город? Смотри, будь осторожен, чтобы с тобой ничего не случилось, держись молодцом, мой маленький Джим! И не забывай как следует мыть шею и уши, слышишь? Я не знаю, что за люди драконы, но в любом случае будь с ними вежливым. А когда вы уже привезете принцессу домой, то поскорее возвращайся к своей

фрау Каакс.

Дорогой Лукас! Теперь Джим знает о том, что я не его мама. Вероятнее всего, это фрау Зубнер, которой была адресована тогда посылка. Мне очень грустно, но, с другой стороны, я рада за моего маленького Джима, что он нашел наконец свою настоящую мать. Надеюсь, что она не будет очень сердиться на меня за то, что я так долго держала Джима у себя. Попросите, пожалуйста, фрау Зубнер позволить мальчику навестить нас в Медландии, чтобы мы могли еще разочек повидаться. Или, может быть, ей захочется тоже приехать к нам? Тогда бы мы и познакомились. Это было бы очень хорошо. Я надеюсь, что Вы там присматриваете за Джимом, чтобы он не попал в какую-нибудь беду? Он ведь такой озорной мальчишка!

Всего доброго.

Фрау Каакс».

Лукас задумчиво свернул листок. У Джима на глазах выступили слезы. Да, такое письмо могла написать только фрау Каакс! Сколько в нем доброты и любви! Теперь осталось прочитать третье письмо.

«Высокоуважаемый господин машинист! Мой дорогой Джим Пуговка! Я самым искренним образом присоединяюсь ко всему тому, что написали Его Величество и фрау Каакс.

С тех пор как Джим исчез, меня никто не дразнит, со мной никто не играет, и я чувствую свою полную ненужность. А Вы, господин машинист, всегда были и остаетесь для нас совершенно незаменимым человеком, чье отсутствие тяжело сказывается на жизни каждого отдельного гражданина Медландии. У меня протекает на кухне труба, и я никак не могу справиться с нею.

Возвращайтесь все поскорее домой!

*С выражением глубочайшего почтения
уважающий Вас господин Пиджакер».*

Джим невольно рассмеялся, и от радости у него даже слезы потекли из глаз.

— Значит, завтра утром мы уже можем ехать? — спросил он, смахивая слезы.

— Только, спрашивается, на чем? — усмехнулся Лукас. — Опять Кристи перестраивать в корабль, или, быть может, вы одолжите нам какое-нибудь подходящее судно, ваше величество?

— Мне кажется, нам лучше будет взять мой государственный корабль, — ответил император.

— Нам? — спросил удивленно Лукас. — Вы сказали «нам»?

— Ну да, — ответил император, — нам — это значит вам, Ли Ши и мне. Мне бы так хотелось познакомиться с фрау Каакс. Судя по всему, она очень милая, почтенная женщина. Кроме того, мне все-таки необходимо нанести визит королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому, ведь, вполне возможно, в весьма обозримое время между нашими странами будут установлены дипломатические отношения.

При этом император с улыбкой взглянул на Джима.

— Черт подери! — воскликнул Лукас. — Веселенькая толчая будет у нас в Медландии! Наш остров, ваше величество, действительно невелик по размерам.

Затем он повернулся к Пинг Понгу и спросил:

— Можем ли мы завтра утром отправиться в путь?
— Я сейчас же отдам все необходимые распоряжения, — пропищал верховный бонза, — и к восходу солнца корабль будет готов.

— Отлично! — воскликнул Лукас. — Тогда займемся этим, не откладывая.

Пинг Понг подпрыгнул, как мячик, и скрылся из виду. Честно говоря, для такого крохи у него было слишком много забот, которые свалились на его плечи в эти дни, но зато он считался самым уважаемым человеком в Китае и мог носить почетный золотой халат. Но, как говорится, без труда не выловишь и рыбку из пруда. Положение обязывало, и Пинг Понгу приходилось крутиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

в которой все дети покидают Китай, а медландские путешественники ловят плавучий остров

К полднику пришлось разбудить всех детей. Их пригласили на террасу, где уже сидели император, Лукас и Джим. Они все вместе поели, а справившись с едой, спустились вниз на площадь перед императорским дворцом. Там собралось множество китайских ребятшек. Они чинно выстроились в ряд, и каждый держал под уздцы маленькую белую лошадку, запряженную в изящную китайскую коляску. Все экипажи были разрисованы пестрыми красками, и на каждом был сделан шелковый балдахин от солнца. Первая коляска выглядела особенно роскошно — ее приготовили для императора и его дочери. Дети заняли места в остальных экипажах по двое, по трое в каждом. Само собой разумеется, им разрешили править лошадьми. И только Лукас и Джим предпочли ехать на своем Кристи.

Процессия тронулась в путь. Во главе ехали император и Ли Ши, заключали колонну Кристи с Лукасом и Джимом. Под бурное ликование толпы торжественный поезд продвигался вперед, никуда не сворачивая, все прямо и прямо, по той самой дороге, по которой совсем еще недавно ехали в Пекин наши друзья. К вечеру компания добралась наконец до устья Желтой реки, где находилась Главная гавань.

У пирса стояли на якоре два парусника. Одни матросы карабкались на мачты, другие внизу дружно тянули за канат. «Па-шла! Па-шла!» — раздавался дружный хор голосов, и огромные паруса медленно поднимались вверх. Один из кораблей уже был совершенно готов к отплытию, оставалось только дожидаться попутного ветра. С наступлением ночи он должен был выйти в море, приняв на борт всех детей, которых ему предстояло развезти по разным странам. Другой корабль еще стоял без парусов. Там матросы занимались загрузкой продовольствия. Этот парусник был намного больше и красивее, чем первый. Его гигантский ростр был украшен золотой фигурой единорога, а слева и справа виднелась надпись:

ПУНГ ГИНГ

Так звали императора китайского. Это и был, очевидно, государственный корабль, который завтра утром должен был взять курс на Медландию.

Когда солнце зашло, с берега неожиданно задул легкий ветерок. Капитан первого корабля, старый морской волк, у которого был веселый нрав и красный нос картофелиной, сошел по трапу вниз и доложил о полной готовности.

Император подозвал к себе всех своих маленьких гостей и сказал:

— Дорогие мои друзья! К моему глубочайшему сожалению, я вынужден сказать, что пробил час разлуки.

Для меня было большой радостью познакомиться с вами. Как мечтал я о том, чтобы вы погостили у меня подольше, но вы хотите домой, и это понятно, ведь подумать только, как долго вы уже не видели своей родины! Передайте от меня привет вашим родителям, родственникам и друзьям и напишите мне, как вы доехали. А если у вас появится желание, приезжайте ко мне в другой раз. Может быть, на следующих каникулах. Хорошо? Вы всегда для нас желанные гости. Ну а что касается Чертовой Дюжины, которая похитила вас, то тут вам беспокоиться нечего. В самое ближайшее время я снаряжу военный корабль, который непременно поймает их. Будьте здоровы, мои дорогие!

После этого взял слово Лукас.

— Н-да, братцы-кролики, — начал он, усиленно попыхивая трубкой, — я не мастер говорить. Мне правда жаль, что мы так скоро должны расстаться, но ведь это не навсегда.

— Конечно же нет! — не удержался тут мальчик-индеец.

— Напишите мне и Джиму хотя бы открыточку, хорошо бы с каким-нибудь видом, чтобы мы могли представить, что как выглядит. Ну а если надумаете приехать к нам, то всегда добро пожаловать в Медландию. Мы будем очень рады. Ну а теперь — счастливого плавания и до скорой встречи!

Тут все бросились прощаться друг с другом, начались рукопожатия, объятия, поцелуи, и каждый ребенок не забыл поблагодарить еще раз Джима, Лукаса и, конечно же, Кристи за спасение, а императора за гостеприимство. Затем все дети под предводительством капитана взошли на палубу корабля. Когда все уже было готово к отплытию, на берегу начался невиданный фейерверк. Это был сюрприз, который придумал Пинг Понг. Ракеты взлетали высоко-высоко в ночное

небо и там расцветали гигантскими букетами сказочных цветов. Ко всему прочему, вдруг заиграл оркестр, который исполнил китайскую прощальную песню, и шум морского прибоя звучал ей чудесным аккомпанементом. Подняли якорь, и корабль медленно и величественно вышел из гавани. Все кричали: «До свидания!» — и махали платками. Здесь не было равнодушных, отъезжающие и провожающие были взволнованы, и на глазах у них наворачивались слезы. Громче всех, конечно же, рыдал Кристи, хотя он обычно не слишком хорошо разбирался в том, что происходит. Но у него было очень чувствительное сердце, и он страшно распереживался, просто так, за компанию.

Медленно скользил корабль по волнам ночного моря и скоро уже скрылся из виду. Неожиданно гавань стала какой-то безлюдной и немой.

— Мне кажется, — сказал император, — лучше всего нам переночевать прямо на корабле. Мы выходим в море до восхода солнца. И раз уж мы останемся здесь, то нам не надо рано вставать. К завтраку мы уже будем далеко в открытом море.

Друзья и маленькая принцесса приняли это предложение без всяких возражений.

— Тогда нам нужно сейчас попрощаться с Пинг Понгом, — решил император.

— А разве он не едет с нами? — спросил Джим.

— К сожалению, это невозможно, — ответил император. — Кто-то ведь должен меня заменять на время моего отсутствия. Лучше Пинг Понга с этим никто не справится. Он хоть и маленький, но зато очень толковый, как вы сами могли убедиться. Правда, я не думаю, что за время моего путешествия здесь произойдет что-нибудь особенное. Пинг Понг ведь сможет поехать в Медландию в другой раз. А пока пусть немножко поуправляет страной вместо меня.

Но верховного бонзы нигде не было видно. Они обшарили всю гавань и в конце концов все-таки обнаружили пропажу. Оказывается, он забрался в самую маленькую повозку, где и заснул крепчайшим сном, устав от суеты и суматохи прошедшего дня.

— Эй, Пинг Понг! — тихонько позвал его император.

Верховный бонза тут же вскочил как ошпаренный, протер глаза и спросил плаксивым голосом:

— Да, слушаю вас. Что-нибудь не в порядке?

— Мне очень жаль, что пришлось потревожить тебя, — с улыбкой сказал император, — но мы хотели бы попрощаться с тобой. Ты будешь меня заменять, пока я путешествую. Я знаю, что могу на тебя положиться.

Пинг Понг склонился перед императором и принцессой в глубоком поклоне. При этом он был настолько заспанным, что прямо чуть с ног не валился. Джим едва успел его подхватить, а то он и вправду шмякнулся бы на землю. Джим крепко пожал крошечную лапку министра и сказал:

— Приезжай к нам в гости, Пинг Понг!

— И передай от нас привет господину Шу Фу Лу Пи Плун! — добавил Лукас.

— Обязательно, — пробормотал Пинг Понг с закрывающимися глазами. — Конечно, я передам... Я все сделаю... Все... Мой долг... О, достойные машинисты, всего вам самого доброго... И-и-и. — Пинг Понг отчаянно раззевался. — Простите, пожалуйста, но вы ведь знаете, что дети в моем возрасте... — пропищал он и, не договорив предложение до конца, снова заснул. Его легкое похрапывание напоминало стрекотание сверчка.

Когда вся компания вернулась на борт корабля, Лукас спросил:

— Вы думаете, что Пинг Понг уже дорос до выполнения такой ответственной задачи?

Император с улыбкой кивнул:

— Я обо всем позаботился. Ничего страшного. Это награда маленькому министру за его расторопность.

Потом они пошли посмотреть, хорошо ли устроили Кристи, которого матросы тем временем уже затащили наверх. Он стоял на задней палубе, крепко-накрепко привязанный канатами, чтобы никуда не скатился, когда начнется качка. Кристи уже тоже спал и мирно посапывал во сне.

Все было в наилучшем порядке. Друзья пожелали императору и Ли Ши доброй ночи, и все разошлись по своим каютам спать.

Когда же на следующее утро они проснулись, корабль уже давно был в открытом море. Стояла чудесная погода. Крепкий ветер надувал огромные тугие паруса. Если так пойдет и дальше, то все путешествие займет вполовину меньше того времени, какое понадобилось Лукасу и Джиму на путь от Медландии до Китая.

Позавтракав вместе с императором и маленькой принцессой, друзья отправились к капитану, который стоял на своем капитанском мостике, и объяснили ему все про плавучий остров. Они сказали ему, что на второй день ровно в двенадцать часов пополудни они должны достигнуть 321°21'1" западной долготы и 123°23'3" северной широты.

Услышав это, капитан, физиономия которого от долгих путешествий настолько обветрилась, что кожа стала похожей на дедушкину перчатку, открыл от изумления рот и выпучил глаза.

— Пусть меня покусает пьяная акула, — прогудел он густым басом, — вот уж полвека я мотаюсь по морям, но плавучего острова ни разу в глаза не видывал! И откуда это вам известно, что завтра в полдень именно там появится такой остров?

Друзья все рассказали ему. Капитан прищурился и недоверчиво спросил:

— Вы меня разыгрываете?

Но Джим и Лукас постарались заверить его, что они и в мыслях этого не имели.

— Ну ладно, — сказал в конце концов капитан и почесал за ухом. — Мы так и так завтра в полдень будем в том месте. Если, конечно, погода не подкачает.

Друзья вернулись к императору и принцессе. Они устроились на верхней палубе, в уголке, где не так дуло, и начали вчетвером играть в «мельницу». Ли Ши еще не знала правил, и Джим ей все объяснил. Сыграв две партии, Ли Ши так наострилась, что уже играла лучше всех и все время ловко обставляла своих противников. Джиму, конечно, хотелось, чтобы она проявила бы меньше прыти. Тогда он мог бы ей помочь. А так теперь она ему давала советы и постоянно выигрывала. Это ему было, конечно, не очень приятно.

Когда потом они пошли обедать, император вдруг задал совершенно неожиданный вопрос:

— Скажите-ка мне, пожалуйста. Ли Ши и Джим, а когда нам лучше отпраздновать вашу помолвку?

Маленькая принцесса покраснела и пропела своим нежным голоском:

— Это должен решать Джим.

— Ага, — сказал Джим, у которого снова сделались совершенно круглые глаза, — но я тоже не знаю. Я как ты, Ли Ши.

Но она потупила глазки и покачала головой:

— Нет, ты должен сам решить!

— Ну, тогда мы отпразднуем нашу помолвку, когда доберемся до Медландии, — объявил Джим после некоторого размышления.

Все согласились с таким предложением. А император добавил:

— Свадьбу вы можете сыграть уже потом, когда подрастете.

— Да, сыграем, — согласилась принцесса, — только если Джим научится читать и писать.

— А я не собираюсь заниматься такими глупостями! — воскликнул Джим.

— Ну пожалуйста, Джим! — попыталась убедить его Ли Ши. — Тебе обязательно нужно научиться читать, писать и считать! Сделай это ради меня!

— Зачем? — спросил Джим. — Ты и сама прекрасно с этим справляешься. Зачем мне-то еще учиться?

Маленькая принцесса опустила головку и тихонько сказала, запинаясь от смущения:

— Джим, я ведь не могу... Дело в том... так нельзя... Знаешь, просто мне хотелось бы, чтобы мой жених был не только храбрее меня, он должен быть намного умнее меня, и тогда я смогу восхищаться им.

-- Ах так, — протянул Джим с обиженным видом.

— Я полагаю, что сейчас не стоит об этом спорить, — попытался примирить спорщиков Лукас. — Быть может, настанет день, когда Джим сам захочет научиться читать, писать и считать. И тогда он обязательно освоит всю эту премудрость. Ну а если он не захочет, то тоже ничего страшного. Пусть делает как знает. Верно?

На этом спор закончился, но Джим время от времени все же возвращался мысленно к тому, что сказала ему принцесса в конце того разговора.

Было около полудня — друзья как раз сели обедать, — когда матрос, сидевший в корзине на мачте, закричал:

— Земляяяя! Земляяяя!

Все повскакивали со своих мест и устремились на нос корабля, чтобы посмотреть, что там такое происходит. Джим, сумевший немножко подняться на мачту, увидел все первым.

— Остров! — взволнованно закричал он. — Там крошечный остров!

А когда они подошли поближе, остальные тоже разглядели маленький остров, который бодро катил по волнам.

— Эй! — закричал Лукас, обращаясь к капитану на мостике. — Ну, что вы теперь скажете?

— Пусть меня задавит простуженный кит! — отозвался капитан. — Если бы я сейчас не видел это своими собственными глазами, я бы ни за что не поверил. А как же мы будем ловить эту штуку?

— Может быть, у вас на борту есть рыболовная сеть? — поинтересовался Лукас.

— Есть! — откликнулся капитан.

Он отдал команду достать сеть. Тем временем корабль стал обходить остров. Один конец сети матросы закрепили на палубе, а другой забросили в воду. Когда корабль сделал круг, матросы снова выловили этот конец и тоже закрепили его на палубе. Получился настоящий сачок, в который и угодил плавучий остров. Теперь он никуда не мог деться, корабль тащил его за собой на буксире, только матросы подтянули сеть поближе, чтобы можно было как следует все рассмотреть.

Да уж, действительно, за такую находку драконша заслуживала всяческих похвал. Лучшего подарка друзьям нельзя было и придумать. Правда, остров оказался довольно маленьким — меньше, чем сама Медландия, — но зато он был даже красивее. Три аккуратные террасы, покрытые сплошным ковром зелени, ступеньками поднимались одна над другой. И повсюду росли деревья, самых разных видов и форм. Были здесь, например, и прозрачные деревья, как в Китае. Друзья насчитали их целых три. Особенно обрадовалась этому принцесса Ли Ши. Вокруг всего острова тянулся гладкий песчаный пляж, как будто специально созданный только для загорания и купания. А на самой верхней террасе бил родничок, из которого вы-

текал небольшой ручей, сбегавший по зеленым уступам к морю, — получался настоящий водопад, и, конечно же, здесь было множество чудесных цветов и пестрых птичек, которые вили себе гнезда на деревьях.

— Ну, как тебе остров, Ли Ши? — спросил Джим.

— О Джим! Это чудо! — воскликнула восхищенная принцесса.

— А не слишком ли он мал? — вдруг забеспокоился Джим. — Я имею в виду по сравнению с Китаем?

— О нет! — ответила Ли Ши. — Маленькая страна нравится мне гораздо больше! Особенно если это остров.

— Ну, тогда все в порядке, — успокоился Джим.

— Здесь можно будет проложить несколько туннелей, — вставил тут Лукас. — Прямо насквозь, через террасы. Как ты думаешь, Джим? Ведь это будет твой остров.

— Туннели? — задумался Джим. — Это было бы прекрасно. Но у меня нет даже своего локомотива!

— А ты не передумал еще стать машинистом?

— Конечно нет, — серьезно ответил Джим. — Кем же мне еще, по-твоему, быть?

— Гм, — только и сказал на это Лукас и весело подмигнул. — Кажется, у меня есть кое-что для тебя на примете.

— Локомотив? — взволнованно спросил Джим.

Но Лукас не захотел дальше развивать эту тему, как Джим его ни просил, ни умолял.

— Подожди, пока мы доберемся до Медландии, — твердил Лукас, и больше из него ничего не удалось вытянуть.

— Да, кстати, Джим, ты уже придумал название новому острову? — вмешался тут в разговор император китайский. — Как ты его окрестишь?

Джим задумался на минутку, а потом сказал:

— А что, если назвать его Ново-Медландия?

Всем понравилась эта идея, на том и порешили.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,
*в которой состоится помолвка,
Джим получает неожиданный подарок
и которой заканчивается эта книга*

Несколько дней спустя, ясным солнечным утром, что-то около семи утра, фрау Каакс вышла на порог своей лавочки, каковую она только что открыла. Господин Пиджакер в этот момент как раз высунулся в окошко, чтобы посмотреть, брать ли ему с собой сегодня зонтик или нет.

И вдруг они оба увидели огромный красивый корабль, который покачивался на волнах в Медландской гавани.

— Что это за странный корабль? — поинтересовалась фрау Каакс. — Почтовый корабль ведь намного меньше, и потом, у почтового на носу рожок, а у этого золотой единорог. Что бы это значило?

— К сожалению, я не могу вам ничего объяснить, дражайшая фрау Каакс, потому что и сам ничего не понимаю, — ответил господин Пиджакер. — Посмотрите-ка, у них целый остров на буксире! О ужас! Наверное, это охотники за островами! Сейчас они стянут нашу Медландию!

— Вы думаете? — неуверенно спросила фрау Каакс. — И что же нам делать?

Но не успел господин Пиджакер ответить на этот вопрос, как с корабля донесся чей-то радостный крик, и вот уже Джим, рискуя сломать себе шею, спрыгивает прямо на берег, не дожидаясь, пока матросы спустят трап.

— Фрау Каааакс! — кричал он.

— Джим! — воскликнула фрау Каакс.

Они бросились друг к другу в объятия и расцеловались. Вполне понятно, что на радостях они никак не могли оторваться друг от друга.

Тем временем Лукас, Ли Ши и император тоже сошли на берег, а следом за ними матросы осторожно спустили Кристи и поставили на рельсы, которые уже успели зарости травой и мохом. На груди у Кристи по-прежнему красовался его большой золотой орден с голубой лентой, а сам Кристи от волнения тихонько посвистывал.

Когда господин Пиджакер, который буквально остолбенел от неожиданности, наконец осознал, кто к ним приехал, он стремглав помчался во дворец и стал бешено колотить в дверь.

— Ну иду, иду! Что там случилось? — слышался голос короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого, который еще явно не очнулся ото сна и теперь, недовольно бурча себе что-то под нос, спускался по лестнице открывать дверь.

— Ваше величество! — завопил как очумелый господин Пиджакер, запыхавшийся от быстрого бега. — Прошу милостивейше меня извинить, но дело необычайной важности! Машинист Лукас только что вернулся, и Джим Пуговка, а с ними маленькая девочка, и почтенный господин, очень благородного вида, а еще там... там корабль, на буксире — остров...

Но договорить господин Пиджакер не успел, потому что в этот момент двери дворца с треском распахнулись, и король пулей вылетел на улицу. Он бежал прямо как был, в ночной рубаше, пытаясь на ходу натянуть на себя красный бархатный халат. Правда, корону, несмотря на спешку, он все же успел кое-как нахлобучить на голову.

— Где они? — взволнованно спросил король, который впопыхах забыл свои очки.

— Минутку, ваше величество! — прошептал господин Пиджакер. — Вы ведь не можете встречать людей в таком виде!

И он помог королю как следует надеть халат, после чего они вместе помчались в гавань. По дороге король умудрился потерять свою клетчатую тапочку, так что вниз он спустился, подпрыгивая на одной ножке, потому что одна нога у него была в тапочке, а другая босая.

Что тут началось! Приветствия, рукопожатия, объятия без конца! Лукас представил друг другу императора китайского и короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого, Джим познакомил короля с Ли Ши, ну а когда с приветствиями, представлениями и прочим было покончено, все отправились завтракать к фрау Каакс. Конечно, в маленькой кухне было немножко тесновато, все сидели как селетки в бочке. Но когда все счастливы — а в Медландии в это утро не было ни одного несчастного или грустного человека, — то теснота, как говорится, не помеха.

— Где же вы пропадали? — спросила фрау Каакс, разливая кофе по чашкам. — Я просто сгораю от любопытства! Вы, наверное, повидали много всего! Кто такая фрау Зубпер? Она хорошая? А почему она не приехала с вами? Ну рассказывайте!

— Да, да, расскажите! — подхватили господин Пиджакер и король Альфонс Без Четверти Двенадцатый.

— Не торопитесь! — попытался защититься от града вопросов Лукас. — Всеу свое время. Мы все вам расскажем.

— Да, — сказал Джим, — после завтрака мы вам лучше сначала покажем остров, который мы притащили с собой.

Завтрак продолжался недолго, потому что от волнения никто не хотел особенно есть. По пути в гавань фрау Каакс наклонилась к Лукасу и тихонько сказала:

— У меня такое чувство, что Джим за это время здорово повзрослел.

— Да уж, наверное, — ответил Лукас, попыхивая трубкой. — От таких приключений повзрослеешь.

Матросы тем временем поставили новый остров на якорь и укрепили его стальными тросами, так что он теперь вплотную примыкал к Медландии и можно было без особого труда перепрыгивать с одного берега на другой. Конечно же, они не забыли выполнить задание, которое дал им Лукас, — прежде чем укреплять остров, посадить на дне под ним отростки коралловых деревьев, как велела сделать драконша. Через несколько лет, объяснил им Лукас, из этих отростков вырастут настоящие высокие коралловые деревья, которые будут снизу подпирают остров, благодаря чему он станет таким же прочным, как и Медландия.

Предводительствуемое Джимом, все общество ступило на новую землю и немножко погуляло здесь. Места тут было не слишком много, но зато все выглядело очень симпатично.

— Отличное решение проблемы! — воскликнул король Альфонс Без Четверти Двенадцатый. — Кто бы мог подумать! Теперь мне не нужно ломать себе голову! Первый раз за долгое время я наконец смогу спать спокойно.

А когда Джим сообщил, что он решил назвать остров Ново-Медландией, радости короля не было границ. Покраснев от гордости, он сказал:

— В будущем меня будут называть «король Соединенного королевства Медландии и Ново-Медландии».

По дороге к дому фрау Каакс король Альфонс Без Четверти Двенадцатый отвел в сторону императора китайского и предложил ему установить телефонную связь между Пекином, столицей Китая, и Медландией. Императору очень понравилась эта идея, потому что они смогут запросто болтать по телефону сколько душе угодно. Он отправился к капитану корабля и велел ему от-

правляться в Китай, а на обратном пути в Медландию проложить по морю телефонный кабель. Корабль тотчас же отправился в море, а император вернулся на кухню фрау Каакс, где все общество собралось вокруг Джима и Лукаса и с интересом слушало рассказ об их приключениях. Друзья подробно рассказали все по порядку, начиная с той самой ночи, когда они на Кристи вышли в море, и кончая тем, как они плыли обратно в Медландию.

Всякий раз, когда дело доходило до каких-нибудь особо опасных моментов, фрау Каакс бледнела и только все тихонько повторяла: «Ах ты Боже мой!» или «Батюшки мои!» Даже теперь, когда уже все, казалось, было позади, она продолжала волноваться и беспокоиться за своего маленького Джима. Единственным утешением служило то, что Джим в конце концов вернулся домой жив и здоров и теперь сидел цел и невредим против нее.

Прошло что-то около недели, и корабль вернулся обратно. Матросы, как им было велено, протянули по дну телефонный кабель. Один конец подсоединялся к бриллиантовому телефону в тронном зале императорского дворца, другой — к золотому телефону короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого. Император решил проверить, как работает связь, и для начала позвонил Пинг Понгу, чтобы справиться, все ли в порядке в Китае. Да, все в порядке, успокоил его Пинг Понг.

Потом все обсудили день помолвки принцессы Ли Ши и Джима. Решено было отпраздновать ее через месяц. А пока фрау Каакс вечерами все что-то кроила и шила, готовила детям какой-то сюрприз. Ведь шитье было ее страстью.

Император и Ли Ши поселились на это время в королевском дворце. Конечно, им там было всем тесновато, но они нисколько не страдали от этого, потому что им очень нравилось жить в Медландии. Да-

же маленький дворец из голубого фарфора, в котором принцесса проводила каникулы, не мог, пожалуй, сравниться с этим островом.

Но вот пролетел и месяц. Настал день помолвки. Сначала они получили подарки, которые приготовила им фрау Каакс. Джиму она сшила голубой комбинезон машиниста — точно такой же, как у Лукаса, только поменьше. Ну и, конечно, к нему прилагалась настоящая фуражка. Для маленькой принцессы она сшила чудесное свадебное платье с длинным шелковым шлейфом и фатой. Само собой разумеется, и тот и другая тут же натянули свои обновки.

А Ли Ши подарила Джиму трубочку — точно такую же, как у Лукаса, только это была совсем новая и размером поменьше. Джим в свою очередь подарил Ли Ши изящную маленькую стиральную доску. Принцесса необычайно обрадовалась такому подарку, потому что до сих пор она ни разу в жизни ничего подобного в руках не держала — такой высокой особе это просто не полагалось, а ведь она, как и все китайцы, очень любила стирать.

Потом дети поцеловались, а король Альфонс Без Четверти Двенадцатый от имени всего Соединенного королевства Медландии и Ново-Медландии объявил помолвку Джима Пуговки и принцессы Ли Ши состоявшейся. Подданные начали бросать в воздух шляпы, а император китайский закричал во все горло:

— Ура молодым! Ура! Ура!

А матросы зарядили большую пушку, которую они привезли из Китая, и дали оглушительный залп. Вся команда высыпала на борт поприветствовать жениха и невесту. Они радостно кричали, махали им руками, смеялись. Джим и Ли Ши, взявшись за руки, торжественно прохаживались тем временем по Соединенному королевству.

Когда стемнело, вся Медландия и Ново-Медландия озарились светом тысячи фонариков. А потом взошла луна. Море в этот день было спокойным, и потому все пестрые огоньки отражались на его поверхности. Незабываемое, сказочное зрелище.

Фрау Каакс ради этого случая постаралась на славу и кроме обычного ванильного мороженого да праздничного земляничного приготовила еще и шоколадное. Все признали, что мороженое фрау Каакс самое вкусное на свете. Даже капитан, который все же много где бывал на своем веку, согласился с этим. А он просто так говорить не будет.

Джим как раз вышел на берег, чтобы в тиши полюбоваться иллюминацией. Он стоял, погруженный в созерцание этой великолепной картины, как вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся.

Это был Лукас, который молча поманил его пальцем.

— Пойдем-ка со мной, Джим, — с видом заговорщика сказал Лукас.

— А что такое? — спросил Джим.

— Ты давно уже мечтал иметь свой локомотив, старина. Подходящий костюм у тебя как раз есть, — усмехнулся Лукас.

У Джима забилось сердце.

— Локомотив? — переспросил он, сделав большие глаза. — Настоящий локомотив?

Лукас приложил палец к губам и загадочно подмигнул. Затем он взял Джима за руку и повел его к небольшой железнодорожной станции, где уже стоял Кристи, радостно выпуская пар.

— Слышишь? — спросил Лукас.

Джим прислушался. Он мог различить только пыхтение Кристи. Но что это там еще? Или ему только почудилось? Нет, точно! Чье это тихое посапыва-

ние? А вот теперь раздался какой-то робкий, довольно писклявый свисток!

Джим удивленно посмотрел на Лукаса. Тот, продолжая улыбаться, кивнул и подвел Джима к тендеру Кристи. Джим заглянул внутрь и увидел крошечный локомотивчик, который смотрел на него огромными глупыми дитячьими глазами. Он старательно выпускал пар, так что у него получались настоящие маленькие клубы. По всему было видно, что это очень хороший локомотивчик, потому что он изо всех сил старался как следует держаться на колесах и даже самостоятельно подъехать к Джиму, хотя по дороге он все время падал. Но это совершенно не портило его настроения.

Джим погладил карапуза.

— Это сыночек нашего Кристи? — спросил он тихо. Он был глубоко тронут.

— Да, — ответил Лукас. — Я хотел тебе сделать сюрприз, вот и не говорил тебе ничего.

— Это что, теперь мой локомотив? — задыхаясь от счастья, закричал Джим.

— Ну а чей же еще? — ответил Лукас, попыхивая трубкой. — За ним нужно хорошо ухаживать, чтобы он как следует рос. Года через два он уже будет такой, как Кристи. Как же назвать малыша?

Джим взял паровозик на руки и погладил его. Подумав некоторое время, он сказал:

— Может быть, Максик?

— Ну что ж, это хорошее имя для паровоза, — согласился Лукас и шепнул: — Знаешь, давай пока его оставим в тендере. С Кристи ему будет покуда лучше.

Джим осторожно поставил Максика обратно в тендер, а потом вместе с Лукасом вернулся к обществу и рассказал, что он сейчас получил в подарок. Джим пригласил всех пойти и посмотреть на его Макса. Ма-

лыш вызвал бурю восторга. Но на него это не произвело ни малейшего впечатления, потому что он в этот момент уже давно спал и сладко сосал свою соску.

Прошло несколько дней, и император китайский вместе с принцессой Ли Ши отправились в обратный путь, потому что принцесса, само собой разумеется, пока оставалась жить у отца. К тому же принцесса мечтала о занятиях в школе, — конечно, в нормальной, настоящей школе, а не в драконьей. А в Медландии, как известно, школы не было. Но детям ничто не мешает видаться достаточно часто, потому что корабль будет совершать регулярные рейсы между Китаем и Медландией. Ну и, кроме всего прочего, они смогут разговаривать по телефону, если только, конечно, король Альфонс Без Четверти Двенадцатый не будет в этот момент болтать сам. Вполне понятно, что телефон ему будет нужен довольно часто, ведь как-никак между двумя странами будут установлены дипломатические отношения.

Так в Медландии скоро потекла обычная мирная жизнь. Господин Пиджакер в котелке и с зонтиком под мышкой прогуливался по острову. Он по-прежнему оставался исключительно подданным и радовался тому, что королю есть кем править.

Лукас разъезжал на своем паровозе по извилистым путям с одного конца острова на другой. И время от времени он принимался петь на два голоса, особенно хорошо это получалось в туннелях, ведь там такое эхо.

Джим большей частью занимался своим Максимом, и у него уже просто не хватало времени на то, чтобы дразнить господина Пиджакера или кататься с горы на попе. Потихоньку он становился взрослым.

По вечерам Лукас и Джим любили посидеть на бережку. Заходящее солнце отражалось в водах бескрайнего океана, а его свет ложился блестящей золо-

тистой дорожкой, которая тянулась, искрясь и сверкая, от самого горизонта к тому месту, где сидели друзья. И они уносились взглядом по этой дорожке туда, в неведомые дали, к загадочным странам и землям, в бесконечное никуда.

Изредка кто-нибудь из них вдруг говорил:

— Помнишь, тогда у господина Ланя? Как он там сейчас, интересно?

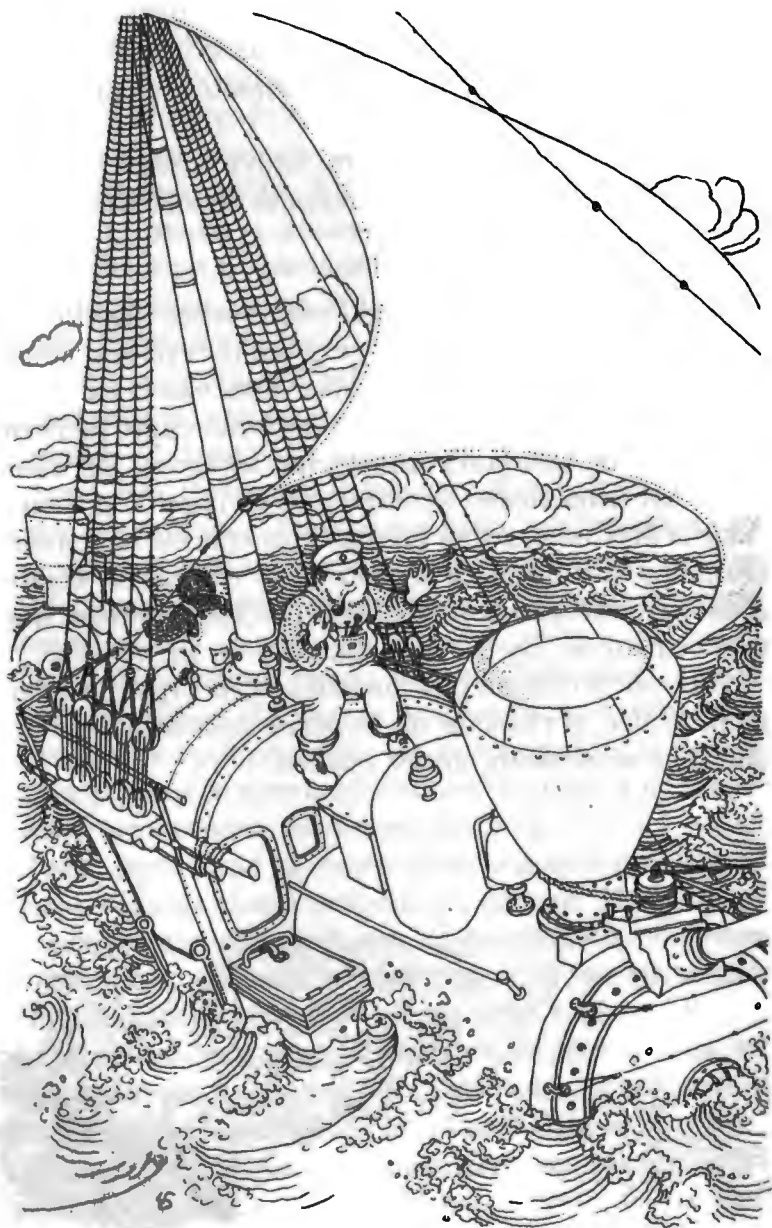
А другой подхватывал:

— А помнишь еще, как мы ехали через Черные Скалы и Пасть Смерти, когда уж думали, что все, конец?

И они всерьез подумывали о том, что пора бы им, пожалуй, снова отправиться в путешествие. Ведь они должны еще разгадать множество загадок... Когда-нибудь они непременно узнают, откуда пираты похитили Джима Пуговку, когда он был еще совсем маленьким. Но для этого друзьям нужно было отыскать Чертову Дюжину, которая по-прежнему разбойничает на море, и победить ее. Ну а это — задачка не из легких.

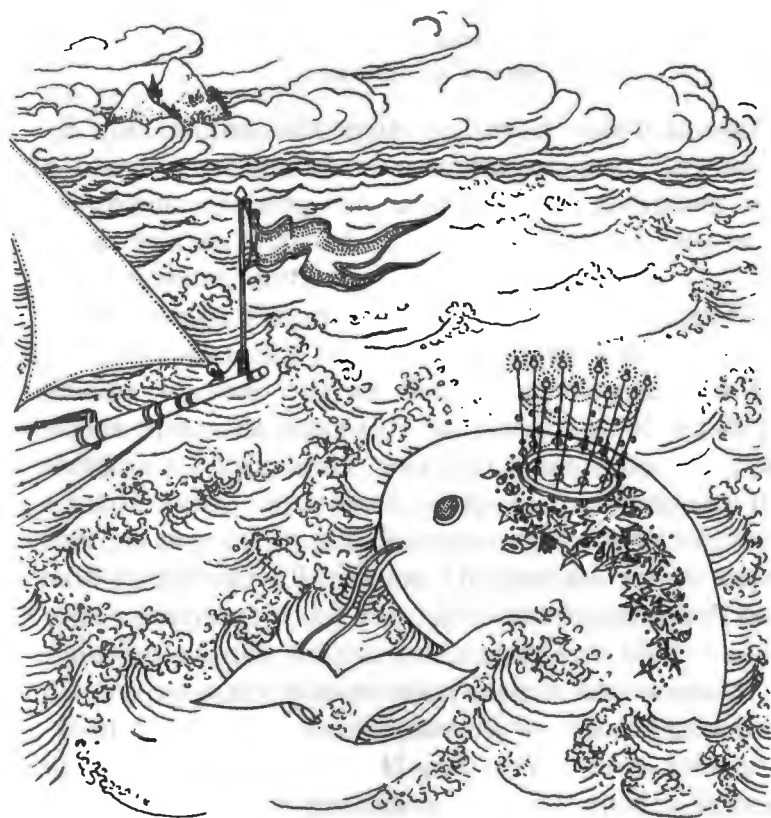
Вот так и сидели они рядышком, и строили планы на будущее, и глядели на морские просторы, прислушиваясь к мерному шуму прибоя.

КНИГА ВТОРАЯ

Джим Путовка
и Чертова Дюжина

КНИГА ВТОРА
ЖИТТЯ ПИЛОТ
В ПЕРШОМУ ДІВІЗІОНІ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, *в которой все начинается с загадочного толчка*

В Медландии, как правило, стоит хорошая погода. Но бывают, конечно, и дождливые дни. Случаются они, правда, нечасто, но зато уж если начинает лить, то льет как из ведра. Вот именно в такой день и начинается наша история.

Шел дождь. Он шел, и шел, и шел, не переставая. Джим Пуговка сидел на кухне у фрау Каакс в ее маленьком домике. Тут же была и принцесса Ли Ши, которая приехала погостить на каникулы. Каждый раз, приезжая в Медландию, она старалась привезти Джиму какой-нибудь красивый подарок. Однажды она преподнесла ему стеклянный шарик, в котором виднелся какой-то китайский пейзаж. Потрясешь такой шарик, и в нем начинает идти снег. А то она подарила Джиму яркий бумажный зонтик от солнца или еще — очень удобную точилку в виде маленького локомотива.

В этот раз принцесса привезла чудесный китайский ящичек для рисования. И вот теперь дети сидели за столом на кухне и рисовали. Тут же пристроилась и

фрау Каакс. Водрузив очки на нос, она читала вслух какую-то толстую детскую книжку и при этом еще умудрялась очень ловко щелкать спицами — она вязала Джиму шарф.

Рассказ, который как раз начала читать фрау Каакс, был очень увлекательным и интересным, но Джим все никак не мог сосредоточиться и время от времени поглядывал в окошко, по которому сбегали струйки дождя. Дождь лил так сильно, что сквозь пелену воды даже не видно было железнодорожной станции Лукаса, где под навесом, надежно укрытый от сырости и холода, под надзором Кристи стоял маленький Максик.

Но только не подумайте, что это был тоскливый дождь, какой частенько случается у нас. Нет, совсем наоборот. Потому что в Медландии плохая погода на самом-то деле никогда не бывает плохой, настолько в ней много всего радостного и веселого. Дожди в Медландии создавали впечатление своеобразных водных концертов. Капли лихо тарабанили по жестяным наличникам, выбивая сложные дробы, по желобкам на крыше, булькая, неслись говорливые ручейки, которые, попадая в гулкие водосточные трубы, звучали как целый оркестр, бурные потоки с веселым клекотанием стекали по мостовым, собираясь в необъятные лужи, чей шуршащий плеск напоминал аплодисменты восторженной публики.

Джим увидел, как Лукас вышел из здания станции, посмотрел с интересом на небо, забрался на свой паровоз и устремился под дождь. Максик остался стоять на станции. За это время он здорово подрос и доходил уже Кристи до котла. По размерам он запросто мог сойти за паровоз для узкоколеек, во всяком случае Джима, который все-таки был еще только половинкой подданного, он вполне устраивал, и в небольшой кабинке машиниста он чувствовал себя очень уютно.

Лукас сделал несколько кругов по острову, просто для того, чтобы никто не говорил потом, будто в Медландии поезда в плохую погоду не ходят. Затем он поставил Кристи под навес рядом с Максиком, поднял воротник, надвинул поглубже фуражку и зашагал в сторону домика фрау Каакс. Джим вскочил с места и открыл дверь своему другу.

— Брр, ну и погодка! — сказал Лукас, входя в дом и отряхивая с фуражки капли воды.

— Добрый день, Лукас! — сияя во всю физиономию, поздоровался Джим.

— Добрый день, коллега! — ответил Лукас.

Правда, Джим не знал, что значит это слово. Он только понимал, что, наверное, так должны приветствовать друг друга машинисты паровозов. Он посмотрел украдкой на Ли Ши. Интересно, обратила ли она внимание на это. Но принцесса, казалось, не увидела здесь ничего особенного.

Лукас поздоровался с дамами, потом уселся в кресло и спросил:

— Может быть, вы угостите меня чашечкой чая с хорошей порцией рома?

— Ну конечно, Лукас, — отозвалась тут же фрау Каакс. — В такую погоду самое подходящее дело пить чай. Тогда не простудишься. Ли Ши как раз привезла целую пачку отборнейшего китайского чая. Глоточек рома у нас, разумеется, тоже найдется для вас.

Пока фрау Каакс разливала чай, от которого шел удивительно вкусный запах, Лукас с интересом разглядывал рисунки детей. Потом они убрали со стола все рисовальные принадлежности, потому что все уже было готово к чаю. Фрау Каакс приготовила небольшой сюрприз — она испекла большую ром-бабу, золотистого цвета, посыпанную толстым слоем сахарной пудры. О том, что эта ром-баба буквально таяла во рту, лиш-

ний раз и говорить нечего, ведь всем известно, что фрау Каакс была непревзойденной мастерицей по этой части.

Когда от угощения не осталось и крошки, Лукас откинулся в кресле и достал свою трубку, а Джим последовал его примеру — он вынул ту трубочку, которую подарила ему на помолвку Ли Ши. По-настоящему-то Джим, конечно, не курил. Лукас отговорил его, объяснив, что если рано начать курить, то тогда замедляется рост. Взрослым-то ничего не делается, ведь они уже стали большие, но Джим еще был все-таки половинкой подданного, и в его планы не входило застревать на этой стадии. На улице уже опускались сумерки, дождь поутих, на кухне было тепло и уютно.

— Ли Ши, я давно уже хотел спросить у тебя, — сказал Лукас, раскуривая трубку, — а как там поживает фрау Зубпер?

— Она все еще погружена в глубокий сон, — ответила маленькая принцесса своим певучим голоском. — Но у нее теперь такой сказочный вид! Она вся сверкает от кончика хвоста до самой макушки, как будто сделана из чистого золота. Папа велел приставить к ней круглосуточную охрану, чтобы ничто не потревожило ее волшебного сна. Он приказал сразу же сообщить ему, когда драконша начнет просыпаться. Он тотчас же даст вам знать об этом.

— Отлично, — сказал Лукас. — Уже недолго осталось. Она ведь говорила, что будет спать один год.

— По расчетам нашего Цвета Учености это важное событие должно произойти через три недели и один день, — уточнила Ли Ши.

— Тогда я первым делом спрошу у драконши, откуда меня похитили пираты из Чертовой Дюжины и кто я такой, — сказал Джим.

— Да, да, это важно узнать, — вздохнула фрау Каакс, и голос ее звучал очень печально.

Она боялась, что Джим тогда навсегда уедет из Медландии, а значит, она снова останется одна. С другой стороны, она, конечно, понимала, что Джиму обязательно нужно выяснить тайну своего рождения. Поэтому она ничего больше не сказала, только еще раз тяжело-тяжело вздохнула.

Потом Джим достал коробку с играми, и вся компания принялась играть — в «мельницу», и в «колпачки», и в разные другие игры.

Как всегда, чаще всех выигрывала принцесса. Тут не было ничего нового, но Джим в душе никак не мог с этим до конца примириться. Ли Ши, конечно, ему очень нравилась, но она нравилась бы ему еще больше, если была бы не всегда такой ловкой и смекалистой. Он даже согласился бы ей иногда поддаваться, но куда там поддаваться, коли она и так все время выходила победительницей.

На улице уже совсем стемнело, дождь прекратился. Неожиданно в дверь кто-то постучал.

Фрау Каакс открыла дверь. На пороге стоял господин Пиджакер. Он закрыл свой зонтик, поставил его в угол, снял шляпу и поклонился.

— Добрый вечер, добрый вечер всем присутствующим! Я вижу, вы посвятили сегодняшний вечер играм — несомненно, это весьма полезное времяпрепровождение. Знаете ли, любезные друзья, я сидел у себя дома, и мне стало как-то одиноко, и тогда я подумал: а не будет ли с моей стороны слишком невежливо, если я попрошу у вас разрешения присоединиться к вашему обществу?

— Очень даже вежливо, мы вам всегда рады, господин Пиджакер, — сказала приветливо фрау Каакс и поставила на стол еще одну чашку.

— Присаживайтесь, господин Пиджакер, — пригласила она гостя к столу, наливая ему чай из большого пузатого чайника.

— Спасибо! — поблагодарил господин Пиджакер, садясь за стол. — Я должен вам признаться, что последнее время меня очень мучает одна мысль, и мне бы хотелось узнать ваше мнение по этому вопросу. Дело заключается в следующем. Каждый житель Медландии чем-то занят, а я — нет. Я только гуляю и существую в качестве подданного. Больше ничего. Вы, конечно, согласитесь со мною, что так не может продолжаться вечно, это никуда не годится.

— Ну что вы! — перебила его фрау Каакс. — Мы все вас очень любим таким, какой вы есть.

— Именно за это мы вас и любим, — уточнила принцесса.

— Благодарю вас, друзья, — сказал господин Пиджакер, — но такое существование, без всякой цели и смысла, — это в конечном счете не может называться нормальной жизнью. А между тем я могу о себе сказать, что человек я очень даже образованный, у меня довольно хороший запас знаний, так что порой я и сам удивляюсь: чего только нет в моей голове! Но, к сожалению, мои знания никому не нужны.

Лукас откинулся в кресле и задумчиво выпустил в потолок несколько больших клубов дыма. Помолчав некоторое время, он сказал:

— Я думаю, господин Пиджакер, ваши знания обязательно еще понадобятся.

В этот самый момент раздался страшный треск, и все ощутили сильный толчок, как будто что-то наскочило на остров.

— Ой, Боже праведный! — воскликнула фрау Каакс и от страха чуть не выронила чайник. — Вы слышали?

Лукас уже вскочил на ноги и, на ходу натягивая фуражку, бросил Джиму:

— Пошли, дружок! Надо посмотреть, что там такое!

Друзья побежали в сторону Ново-Медландии, откуда происходил, как им показалось, толчок. Дождь хотя и кончился, но на улице стояла непроглядная тьма, так что прошло какое-то время, пока глаза привыкли к темноте и стали хоть что-то различать. С трудом они разглядели, что к берегу прибилося нечто очень большое.

— Может, это кит? — высказал свое предположение Джим.

— Нет, смотри, оно не двигается, — сказал Лукас. — Скорее похоже на маленький корабль.

— Эй! Эге-гей! — раздался вдруг чей-то голос. — Есть тут кто-нибудь дома?

— Есть! — откликнулся Лукас. — А кого вам надо?

— Это случайно не Медландия? — спросил тот же голос.

— Это Ново-Медландия, — уточнил Лукас. — А вы кто?

— Я почтальон, — жалобно отозвался голос с корабля. — Из-за дождя я совершенно потерял ориентацию. Да еще темнотища такая, что дальше своего носа ничего не видать, вот я и наскочил на ваш остров. Мне очень жаль, вы уж извините меня, пожалуйста!

— Ничего страшного, — успокоил его Лукас, — все нормально. Поднимайтесь к нам, господин почтальон!

— Да я бы с удовольствием, — ответил почтальон, — но у меня целый мешок писем для машиниста Лукаса и Джима Пуговки. Он такой тяжелый, что мне одному его ни за что не дотащить.

Друзья вышли на берег, поднялись на борт корабля и помогли почтальону спустить мешок. Совместными усилиями они кое-как дотащили его до домика фрау Каакс.

Мешок прямо лопался от многочисленных писем. И каких тут только не было форм, размеров, цветов, какие только экзотические марки не мелькали на

конвертах, ведь эти письма прислали друзьям из Индии, из тундры, Китая, Штутгарта, с Северного полюса и экватора, — короче говоря, со всего света! Написали их дети, а те, кто, вроде Джима, не умел сам писать, продиктовали текст взрослым или просто рисовали.

Все они были наслышаны о приключениях двух друзей и теперь, желая узнать какую-нибудь подробность, приглашали Джима и Лукаса в гости, а некоторые писали просто так, в знак уважения к мужественным путешественникам.

Наверняка кто-нибудь из моих дорогих читателей захочет тут узнать: а дошло ли его письмо? Конечно, дошло. Я могу это засвидетельствовать со всей определенностью.

А еще в мешке были письма от тех детей, которых тогда Джим и Лукас освободили вместе с Ли Ши из драконьего города.

— Нам нужно будет обязательно всем ответить, — сказал Лукас.

— Но ведь я... я не умею писать! — испуганно воскликнул Джим.

— Да, я и забыл, — пробормотал Лукас. — Придется, значит, заняться этим мне одному.

Джим молчал. Впервые в жизни он по-настоящему пожалел, что не умеет читать, писать и считать, и он готов был уже сказать об этом вслух, но в этот момент раздался голосок Ли Ши.

— Вот видишь! — с некоторым ехидством сказала она.

Больше она, правда, ничего не добавила, но уже одного этого хватило, чтобы у Джима пропало всякое желание делиться своими мыслями.

— Ну ладно, сегодня все равно уже поздно, — сказал Лукас, — отложим это дело до завтра.

— Тогда я, пожалуй, останусь здесь и подожду, пока вы напишете ответы, — решил почтальон, — чтобы забрать все письма с собой.

— Это очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил его Лукас.

— Если вы ничего не имеете против, — вмешался тут в разговор господин Пиджакер, — то я могу вам предложить переночевать у меня. Нам будет о чем поговорить. Вы, как почтальон, наверное, хорошо разбираетесь в географии, а эта наука меня всегда необычайно занимала.

— С удовольствием, — радостно согласился почтальон и поднялся, готовый следовать за господином Пиджакером. — Желаю всему обществу доброй ночи! Наверное, очень приятно иметь столько друзей, — сказал он еще напоследок, обращаясь к Лукасу и Джиму.

— Да, — согласился Лукас. — Ведь правда приятно, Джим? — спросил он, ласково улыбаясь.

Джим кивнул в ответ.

— Это более чем приятно! — воскликнул тут господин Пиджакер. — Это просто чудесно! Доброй ночи, дамы и господа!

С этими словами он вышел на улицу и направился к своему дому. Почтальон поспешил за ним, но на пороге еще раз обернулся и сказал:

— Да, относительно сегодняшнего происшествия, когда мой корабль наскочил на ваш остров. Завтра утром я непременно принесу свои извинения королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому за причиненное беспокойство.

После этого он побежал догонять господина Пиджакера. Лукас тоже пожелал всем спокойной ночи и пошагал, оставляя за собой целый шлейф дыма, к своей железнодорожной станции, где под навесом ря-

дом с большим толстым Кристи мирно спал малыш Макс.

Скоро во всей Медландии погасли огни. Ее обитатели тихо посапывали в своих постелях, ночной ветер шелестел в кронах деревьев, и где-то рядом глухо шумел морской прибой.

ГЛАВА ВТОРАЯ, *в которой Джим изобретает хитроумный безразмерный маяк*

На следующее утро небо было все обложено низкими тучами. Джим только что проснулся и тут же вспомнил свой странный сон, который приснился ему этой ночью. Будто он стоит под высоким-превысоким деревом. И дерево это совершенно зачахло, без единого листочка. Даже кора отвалилась, и виден только голый высохший ствол, по которому идут сплошные трещины, как бывает от молний. А на самой верхушке этого высоченного мертвого дерева сидит на ветке невероятно огромная птица. Вся она какая-то общипанная и вид имеет жалкий. Птица не произносила ни звука, только из глаз у нее без остановки катились крупные слезы, размером с воздухоплавательный шар. Джим хотел уже было убежать: он боялся, что, когда слезы докапают до него, то будет настоящее наводнение.

Но тут большая птица закричала:

— Джим Пуговка! Не убегай!

Джим, удивленный, остановился и спросил:

— Слушай, птица, а откуда ты меня знаешь?

— Но ты ведь мой друг! — ответила птица.

— Бедняга, чем я могу тебе помочь? — совсем уже осмелел Джим.

— Помоги мне слезть с этого мертвого дерева, Джим! — ответила птица. — Иначе я погибну здесь. Я так одинока, страшно одинока.

— А ты разве не можешь летать? — удивился Джим. — Ты ведь все-таки птица.

— Джим, ты совсем не узнаешь меня?! — жалобно воскликнула птица. — Как же я могу летать?

— Знаешь, давай-ка ты перестанешь плакать, — не зная, что делать, сказал Джим, — а то у тебя такие огромные слезы, что я могу в них просто захлебнуться. И тогда не смогу тебе помочь.

— Ах, что ты говоришь, мои слезы не больше твоих, — возразила ему птица. — Посмотри как следует!

Джим действительно присмотрелся получше и, к своему удивлению, обнаружил, что слезы, приближаясь к земле, становились все меньше и меньше. А когда он подставил ладонку, то почти ничего не почувствовал, настолько крошечной была слезинка, которая как раз долетела до него.

— А кто ты, птица? Скажи! — попросил Джим.

— Да присмотришься повнимательнее! — ответила птица.

И тут Джиму показалось, будто он и впрямь стал видеть как-то яснее, и тогда он понял, что перед ним плакала не птица, а господин Ка Лань Ча.

На этом самом месте Джим проснулся.

Сон не шел у него из головы. Даже когда он сидел вместе с Ли Ши и фрау Каакс за завтраком, он все время вспоминал о нем.

— Ты на меня не сердишься за вчерашнее? — спросила наконец маленькая принцесса, которая уже сама жалела, что начала поддразнивать Джима.

— За вчерашнее? — рассеянно спросил Джим. — А что такое?

-- Но ведь я вчера сказала тебе «вот видишь», — напомнила ему Ли Ши.

— Ах это! — сказал Джим. — Ерунда, пустяки.

Только когда к ним пришел Лукас и спросил, хорошо ли они спали ночью, Джим рассказал свой странный сон.

Лукас почему-то никак не реагировал на его рассказ, а все сидел и пыхтел своей трубкой.

— Н-да, господин Лань, господин Лань, — в задумчивости произнес он. — Я частенько о нем вспоминаю. Ведь без него нам бы ни за что не выбраться из пустыни.

— Интересно, как у него там дела? — пробормотал Джим.

— Кто знает, — ответил Лукас, — скорее всего, он по-прежнему живет себе в одиночестве у своего оазиса.

Завтрак закончился, и фрау Каакс убрала все со стола. Пока они с Ли Ши мыли посуду, Лукас и Джим занимались письмами. Лукас писал, а Джим как мог помогал. На каждом листке он рисовал черную рожицу — это вместо подписи, — потом еще рассовывал письма по конвертам и наклепывал марки. Когда друзья заклеили последнее письмо, у Лукаса, который все же как-никак был машинистом и, следовательно, человеком достаточно сильным, рука прямо-таки отваливалась от перенапряжения. А Джим, которому пришлось изрядно поработать языком на заклейке и наклейке (заклейка многочисленных конвертов и наклейка многочисленных марок), только что со стула не валился от усталости.

— Дядюшки дои! Ду и дабодка! — сказал он, откидываясь на стуле, хотя на самом-то деле он хотел сказать: «Батюшки мои! Ну и работка!» Но из-за того, что у него язык прилип к небу, он произнес какую-то

несусветицу. Ему пришлось еще раз как следует вычистить зубы и прополоскать рот, иначе он не смог бы обедать вместе со всеми.

После обеда появился почтальон вместе с господином Пиджакером. Они нанесли визит королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому, который поручил им призвать всех подданных во дворец на высочайшую аудиенцию. Услышав это, вся компания отправилась во дворец.

Король, в неизменном халате красного бархата, с короной на голове и в клетчатых тапочках на ногах, восседал на своем троне. Рядом с ним на специальном столике, как всегда, красовался большой золотой телефон.

— Мои дорогие подданные! — сказал он и помахал рукой каждому в отдельности. — Приветствую вас и желаю всем всего самого хорошего!

От подданных взялся выступать господин Пиджакер.

— Мы все приветствуем вас, ваше величество, и желаем вам всего наилучшего! Позвольте доложить вам, что ваши подданные прибыли в полном составе и нижайше просят вас сказать ваше королевское слово.

— Значит, так, — начал король и закашлялся, чтобы немножко собраться с мыслями. — Действительно, мои дорогие подданные, мне очень жаль, но я должен признаться, что повод, который заставил меня собрать вас всех здесь, весьма серьезный. В известном смысле он даже...

Тут король снова принялся отчаянно кхекать, растерянно переводя взгляд с одного подданного на другого.

— Вы хотите нам сообщить какое-нибудь решение, ваше величество? — пришла на помощь фрау Каакс.

— Ну разумеется, хочу, — ответил король. — Но это не так-то просто. Потому что я, между прочим, принял целую кучу решений — точнее, целых два. Первое решение касалось того, что я решил сообщить вам о своем решении. Это я, слава Богу, уже сделал. С первым решением покончено.

Король стащил с головы корону, дыхнул на нее пару раз и принялся старательно начищать ее рукавом халата, как это он обычно делал, когда совершенно запутывался в своих сложных мыслях и тянул время, чтобы выпутаться обратно. Наконец он решительным движением нахлобучил корону на голову и заявил:

— Мои драгоценные подданные! Вчерашний инцидент с почтовым кораблем показал, что так дальше продолжаться не может. Это становится слишком опасным. На правительственном языке это называется «серьезным положением» и обозначает именно то, что не может так дальше продолжаться.

— А что не может так дальше продолжаться, ваше величество? — поинтересовался Лукас.

— Я ведь вам только что все растолковал! — вздохнул король Альфонс и достал шелковый носовой платок, чтобы стереть пот со лба, — давать аудиенции все-таки дело нешуточное.

Подданные терпеливо ждали, пока король Альфонс снова соберется с мыслями.

— Вам все равно не разобраться в этом сложном деле, — продолжал он через некоторое время, — слишком уж оно непростое. Но, в конце концов, главное, чтобы я разбирался во всем, на то я все-таки и король. Значит, так, первое мое решение я вам уже сообщил, ну а второе будет таково: что-то нужно делать.

— А что нужно делать? — осторожно попытался уточнить Лукас.

— Сейчас я все объясню, — сказал король. — Эс Ка Эм Эн в опасности!

— Простите, что в опасности?

— Эс Ка Эм Эн, — ответил король. — Это такое сокращение. В правительственных сообщениях обязательно нужно пользоваться сокращениями. Оно означает: Соединенное королевство Медландии и Ново-Медландии.

— Ага, — отозвался Лукас, — и почему же оно в опасности?

— Вчера, как известно, небольшой почтовый корабль врезался в берег Ново-Медландии, нарушив тем самым государственную границу, — продолжил свое разъяснение король. — А врезался он потому, что было темно. Раньше, случалось, к нам заходили время от времени почтовые корабли, но с тех пор, как мы установили дипломатические отношения с Китаем, у нас наладилось и регулярное пароходное сообщение. Почти каждый месяц к нам прибывает большой государственный корабль моего уважаемого друга Пунг Гинга, императора китайского. Страшно подумать, что будет, если он в темноте наскочит на государственную границу. Именно поэтому я принял второе решение: нужно что-то делать.

— Верно! — воскликнул господин Пиджакер. — Это очень мудрое решение! Да здравствует наш высокочтимый король! Ура! Ура!

— Минуточку, — прервал его излишняя рассудительный Лукас. — Ваше величество, но вы ведь еще ничего не сказали: а что, собственно говоря, нужно делать?

— Дорогой мой Лукас, — с укоризной в голосе сказал король. — Именно для этого я вас всех и собрал. Мы должны вместе что-то придумать. Я ведь не могу, в конце концов, тянуть все на своих плечах. Я и так

по горло завален работой, — думаешь, это просто — принять сразу целых два решения? Это же все-таки понимать надо.

Лукас задумался на секундочку, а потом спросил:

— А как вы смотрите на то, чтобы соорудить у нас маяк?

— Отличная мысль! — воскликнул господин Пиджакер. — Только нужно его сделать очень высоким, чтобы корабли уже издалека видели его.

— Весь вопрос только в том, — озабоченно сказал король, — куда нам поставить такой высокий маяк? Ведь он должен быть внизу довольно толстым, иначе он просто свалится. А для такого высокого и толстого маяка у нас просто-напросто нет места.

— Это верно, — задумчиво пробормотал Лукас. — Значит, нам нужно придумать такой маяк, чтобы он был достаточно большим и вместе с тем занимал как можно меньше места.

Молча стояли подданные и в растерянности глядели друг на друга.

— Так не бывает, — прервал всеобщее молчание господин Пиджакер. — Всякий предмет может быть либо большим, либо маленьким. Сочетание подобных двух свойств не представляется возможным. Это доказано наукой.

Король Альфонс Без Четверти Двенадцатый тяжело вздохнул.

— Но ведь я принял решение, — с тревогой в голосе сказал он. — Я ведь не могу вот так просто взять и отменить его. Это никуда не годится! Решение есть решение, и я не могу допустить, чтобы оно осталось невыполненным!

— Однако если ничего не получается, — попыталась урезонить короля фрау Каакс, — то, может быть, разумнее все-таки отменить такое решение?

— О, это ужасно! — в отчаянии закричал король. — На правительственном языке это называется кризис, а кризис — это почти то же самое, что революция!

— Кош-кош-мар! — запинаясь от страха, пробормотал господин Пиджакер и побледнел. — Ваше величество! Позвольте мне от имени всех ваших подданных заверить вас, что в этой революции мы все, как один, на вашей стороне!

— Благодарю вас, благодарю! — ответил король Альфонс и устало махнул рукой. — К сожалению, это ничего не меняет. Кризис остается кризисом. О! Что же мне теперь делать?!

— Я знаю, что нужно делать! — воскликнул тут Джим.

Все взоры обратились к нему, и складки на озабоченном лице короля тут же разгладились.

— Вы слышали?! — с надеждой в голосе закричал он. — Вы слышали?! Он знает, что нужно делать! Слово предоставляется Джиму Пуговке.

— А нельзя ли, — взволнованно затараторил Джим, — а нельзя ли пригласить к нам господина Ланя и попросить его поработать маяком? Он занимает мало места, но издалека он выглядит как огромная башня. Если бы он ночью выходил с фонарем и стоял на самой вершине горы, то его бы видно было уже издалека. А жить он мог бы в Ново-Медландии, если ему построить небольшой домик. И тогда он не будет больше таким одиноким.

На минуту все застыли как громом пораженные. Первым заговорил Лукас.

— Джим, старина! Это превосходная идея! — сказал он.

— Это больше чем превосходная идея, — уточнил господин Пиджакер, поднимая вверх указательный палец, — это просто гениальная идея!

— В любом случае план, прямо скажем, хоть куда! — воскликнул Лукас и протянул Джиму свою большую черную пятерню.

Друзья хлопнули по рукам и радостно рассмеялись. Принцесса бросилась Джиму на шею и в приливе чувств наградила его звонким поцелуем, а фрау Каакс все повторяла:

— Нет, вы только подумайте, что за мальчик! Вот выдумщик какой! — И в ее голосе слышалась гордость за своего Джима.

Король Альфонс поднял руку, призывая всех к спокойствию, и, когда первая буря восторга улеглась, он торжественно провозгласил:

— Правительственный кризис миновал.

— Ура! Ура! Ура! — возликовал господин Пиджакер, подбрасывая в воздух свой котелок.

— Прежде чем я приму окончательное решение, — продолжил свою речь король, — мне нужно еще кое-что у вас уточнить. Судя по тому, что нам рассказывали Лукас и Джим, этот самый господин Ка Лань Ча — мнимый великан.

— Совершенно верно, — подтвердил Джим. — Мы сами убедились в этом.

— Хорошо, — сказал король. — Значит, он скрывается в пустыне, именуемой Край Света, для того, чтобы никого не пугать.

— Именно так, — снова подтвердил Джим и добавил: — Но он очень милый и приветливый человек.

— Охотно верю, — продолжал король. — Но если он поселится у вас, мы сами не будем его пугаться? Как вы понимаете, я забочусь прежде всего не о себе, а о благополучии своих подданных.

Тут слово взял Лукас.

— Ваше величество, — сказал он, — тут вам совершенно не о чем беспокоиться. К счастью, Медландия

настолько мала, что мы просто физически не сможем видеть господина Ланя издалека. А вблизи он выглядит совершенно нормальным человеком, как вы и я. Издалека он будет виден только кораблям, и это как раз очень удобно, что с большого расстояния он кажется большим, особенно ночью, ведь мы приглашаем его работать маяком.

— Ну ладно, если так, — молвил король Альфонс Без Четверти Двенадцатый, — то я повелеваю доставить господина Ланя сюда.

— А это значит, старина, — сказал Лукас, обращаясь к Джиму, — пора нам снова собираться в путь.

— Порядок! — отозвался Джим, улыбаясь во весь рот.

— Ах ты Боже мой! — ахнула фрау Каакс, всплеснув руками. Только теперь она осознала, к чему все это привело. — Неужели вы снова надумали отправиться в очередное опасное путешествие?! Опять искать приключений?!

— Дорогая фрау Каакс, — с легкой усмешкой сказал Лукас, — другого выхода у нас нет. Ведь господин Лань не придет к нам сам.

— Объявляю аудиенцию законченной, — провозгласил король.

Он пожал всем подданным руки, и почтальону тоже, после чего благородное собрание покинуло дворец. Оставшись один, король Альфонс Без Четверти Двенадцатый со вздохом облегчения откинулся на мягких подушках трона. Многочисленные решения, принятые им, а также правительственный кризис здорово измотали его. Но когда он прикрыл глаза, чтобы соснуть часок-другой после праведных трудов, его лицо выражало необычайное удовлетворение и на устах застыла блаженная улыбка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
*в которой снова начинается
путешествие в неизведанное*

Когда вся компания уже сидела на маленькой кухоньке фрау Каакс, почтальон сказал:

— Я вижу, с письмами вы уже справились. Вопрос с маяком тоже решился. Значит, я могу уже ехать.

— А в каком направлении вы намерены сейчас плыть? — спросила фрау Каакс. — Не собираетесь ли вы случайно сначала в Китай, тогда вы могли бы захватить с собой Джима, Лукаса и Ли Ши. Мне было бы так гораздо спокойнее.

— Я бы с большим удовольствием взял всех с собой, — ответил почтальон, — но, к сожалению, в ближайшее время я не буду у берегов Китая. Мне нужно сначала на Канарские острова отвезти письма и забрать несколько канареек, которые ждут, чтобы я отвез их к родственникам в Гарц.

— А что такого, Лукас! — вмешался в разговор Джим. — Почему бы нам снова не поплыть на Кристи?

— Гм, — задумчиво хмыкнул Лукас, — я ничего не имею против. Только вот не знаю, подходящее ли это средство передвижения для Ли Ши?

— Да, действительно, — согласился Джим и вопросительно посмотрел на Ли Ши.

Маленькая принцесса не знала, как быть. Конечно, ей очень хотелось разочек прокатиться на Кристи по морю, но, с другой стороны, она страшно боялась отправляться в такое рискованное путешествие. А что, если начнется шторм? И у нее будет морская болезнь? А вдруг какой-нибудь здоровенный кит возьмет и проглотит локомотив со всеми пассажирами? Или еще хуже, вдруг Кристи по дороге получит пробоину и пойдет ко дну?

Тысячи страшных картин обрушились на принцессу, как только она стала думать о том, что с ними может приключиться в пути. Поэтому она благоразумно сказала:

— Собственно говоря, мне совершенно не хочется возвращаться в Китай. У меня ведь еще много дней до конца каникул.

— Правильно, Ли Ши! — поддержала ее фрау Каакс. — Оставайся-ка ты лучше здесь! По крайней мере я тогда не буду одна, а ты поможешь мне управляться с лавкой.

Почтальон тем временем засунул все письма в мешок. Джим и Лукас проводили его до причала. Там они попрощались, и почтальон поплыл по своим делам.

Когда почтовый корабль скрылся из виду, друзья отправились на железнодорожную станцию, чтобы посмотреть, как там Кристи и Максик.

Джим с нежностью похлопал свой паровозик по котлу и, повернувшись к Лукасу, который смотрел на них с ласковой улыбкой, спросил:

— По-моему, с позавчерашнего дня он еще немножко подрос, как ты считаешь?

— Н-да, — отозвался Лукас, не выпуская трубку изо рта. — Он здорово вымахал. А как мы поступим с Максимом? Ведь нас все-таки долго не будет.

— Ты думаешь, мы можем взять его с собой? — спросил Джим.

— Как хочешь, — ответил Лукас. — В конце концов, это твой паровоз. Ты ведь знаешь, что путешествие может быть очень опасным. А Максик все же еще малыш.

Джим вздохнул. Ему трудно было на что-то решиться.

Подумав немножко, он неуверенно сказал:

— А может, это и неплохо, если он уже в таком возрасте привыкнет к приключениям.

— Хорошо, — не стал с ним спорить Лукас, — тогда бери его с собой.

— Когда мы отправляемся? — спросил Джим.

Лукас посмотрел на небо. Уже со среды дул устойчивый ветер, который постепенно разгонял плотные черные тучи. Кое-где даже виднелись кусочки голубого неба.

— Ночь будет ясной, — решил Лукас, который знал толк в таких вещах. — Ветер подходящий — не слишком сильный и не слишком слабый. Думаю, что нам не стоит терять времени даром, двинемся сегодня вечером. Не возражаешь?

— Порядок! — отозвался Джим.

— Отлично, — сказал Лукас. — Тогда давай собираться.

И они принялись за дело. Пока Лукас готовил паклю и смолу для заделки щелей, Джим сбегал к фрау Каакс, чтобы предупредить ее об отъезде. Тяжело вздыхая, фрау Каакс вместе с Ли Ши укладывала Джиму в рюкзачок теплые вещи, чтобы тот не простудился, а еще она засунула туда десять носовых платков, чтобы ему было во что сморкаться; кроме того, сверху она положила мыло, мочалку, щетку и палочки с ваткой, чтобы ее мальчик не забывал по утрам и вечерам умываться, чистить зубы и уши. А вот коробку с играми, без которых так плохо во время долгого путешествия, она едва не забыла уложить. Хорошо еще Ли Ши вовремя спохватилась.

Джим тем временем вернулся на станцию и, пока Лукас задраивал щели у Кристи, взялся за своего Максима. Так же, как тогда, когда они первый раз плавали в Китай, друзья закрыли крепко-накрепко все двери и окна, заткнули все щели паклей и замазали их смолой, чтобы ни одна капелька не просочилась. Затем они спустили всю воду из котлов, потому что только

пустые локомотивы могут хорошо держаться на плаву, наподобие пустых бутылок. Под конец Лукас при помощи Джима установил на кабинке машиниста мачту, а когда с этим было покончено, натянул паруса. Максику они не стали делать мачту, решив, что лучше будет, если Кристи просто возьмет его на буксир. Прицепить его прочным канатом — и тогда он никуда не денется.

Когда друзья закончили последние приготовления, на улице уже смеркалось. Они как следует вымыли руки, потому что от работы со смолой они стали довольно чумазыми. Тут уж пришлось взять специальное машинистское мыло Лукаса. Затем они пошли к фрау Каакс, где собирались напоследок уютненько поужинать. Пока накрывали на стол, Джим сбегал к себе в комнату, быстро натянул свой голубой комбинезон и достал фуражку. Когда все сели ужинать, Джим от нетерпения едва мог усидеть на месте, не говоря уже о том, чтобы толком поесть.

— Джим, не вертись, ешь как следует, а то все остынет и ты испортишь еще себе желудок, — не уставала повторять фрау Каакс.

В этот вечер фрау Каакс была молчаливее, чем обычно, она сидела какая-то притихшая, и с ее лица не сходило выражение озабоченности. Предстоящее путешествие очень беспокоило ее, и тысячи всевозможных страхов наполнили ее доброе сердце.

Маленькая принцесса за все время тоже не проронила ни звука, только становилась все бледнее и бледнее. Она смотрела на Джима большими глазами, в которых застыла тревога, и с трудом сдерживала слезы. А вдруг она больше никогда не увидит Джима? Что же с ней будет, если с ним что-нибудь случится? Ведь она уже имела случай убедиться еще тогда, когда он пришел освобождать ее и других детей из дра-

коньего города, что Джим ничего не боится и смело идет навстречу любой, даже самой страшной опасности.

После ужина все пошли к железнодорожной станции, где стояли оба локомотива с задраенными щелями, готовые к отправке. Ветер уже надул большой парус на Кристи, к которому длинным прочным канатом был прикреплен Максик. Лукас нырнул в тендер, который теперь снова служил входом в кабину машиниста, и затащил все вещи — рюкзак Джима, теплые одеяла, коробку с играми и всякое другое. На сей раз он решил прихватить с собой еще и весла, так, на всякий случай. Само собой разумеется, фрау Каакс приготовила им в дорогу большой пакет бутербродов, дюжину крутых яиц и прочие съестные припасы, — все это Лукас тоже сложил в кабине. Справившись с этим, друзья подтянули Кристи к берегу и спустили его на воду, Максик плюхнулся следом за ним. Затем они пришвартовали временно свои паровозы-пароходы к пирсу.

Тут на причале появился король Альфонс Без Четверти Двенадцатый, сопровождаемый господином Пиджакером. Он пожал руку сначала Лукасу, потом Джиму и сказал:

— Мои глубокоуважаемые подданные! Я необычайно взволнован! Я даже не могу вам выразить то, насколько я взволнован. Я взволнован настолько, что не в состоянии продолжать говорить. Простите меня, но я лучше буду молчать. Только еще одно слово я хотел бы вам сказать на прощание: Соединенное королевство Медландии и Ново-Медландии с гордостью взирает на вас! Помните об этом и не ударьте в грязь лицом!

Закончив свое прощальное напутствие, король снял очки и стал протирать стекла носовым платком, потому что они подозрительно запотели.

Фрау Каакс обняла Джима, крепко расцеловала его и сказала:

— Джим, мой дорогой мальчик! Будь осторожен, слышишь? И не забывай следить за собой, хорошо?! Обещай мне.

Тут она принялась плакать, и, глядя на нее, Ли Ши не выдержала и, рыдая, бросилась Джиму на шею.

— Джим, дорогой Джим! Возвращайся скорее! Возвращайтесь скорее! Я так боюсь за вас! — громко всхлипывая, говорила она.

Последним взял слово господин Пиджакер:

— Я хотел бы самым решительным образом поддержать эту просьбу — возвращайтесь скорее!

Сказав это, он тоже достал носовой платок и основательно высморкался. Он сморкался долго и старательно, чтобы, не дай Бог, никто не заметил, как горько ему расставаться с друзьями.

Лукас выпустил несколько клубов дыма и пробасил:

— Не надо волноваться, братцы, мы же все-таки люди бывалые, всякое видывали, и ничего с нами не стряслось. Ладно, Джим, старина, нам пора!

И он зашел в воду, чтобы оттуда забраться на Кристи. Джим последовал его примеру и уже через минуту был на крыше кабины машиниста. Путешественники отдали швартовы, ветер надул паруса, скрипнула мачта, и удивительный корабль с локомотивчиком на буксире тронулся в путь.

Провожающие махали им вслед носовыми платками и дружно кричали:

— До свидания! Всего хорошего! Будьте здоровы! Доброго пути! Возвращайтесь скорее!

Джим и Лукас тоже махали им в ответ; они махали до тех пор, пока Медландия вместе с ее двумя разнокалиберными вершинами на горизонте совершенно не скрылась из виду.

Заходящее солнце отражалось в бескрайних водах океана, распростершегося перед ними, и от этих золотистых лучей закатного солнца протянулась с запада на восток сверкающая дорожка, посреди которой двигались, разрезая морскую гладь, сцепленные локомотивы.

Лукас положил руку Джиму на плечо, и друзья смотрели на мерцающую световую дорожку, что влекла их за собою куда-то вперед, в неведомые дали, быть может, опять к новым землям и странам — ни одна душа не знала, куда приведет их этот путь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой друзья заводят новое удивительное знакомство, заставившее их отклониться от избранного курса и зайти в Варварское море

Уже давно на небе вышли звезды, а друзья всё сидели на крыше своего паровоза-пароходика и болтали.

— Интересно, что скажет господин Ка Лань Ча, когда увидит нас снова? — размышлял вслух Джим. — Обрадуется он или нет?

— Конечно, обрадуется, я нисколько не сомневаюсь в этом, — сказал Лукас, улыбаясь, — но только хотел бы я знать, как нам попасть к нему?!

— Ах да, верно! — воскликнул Джим. — Мы ведь не можем теперь ехать через Долину Сумерек, там теперь завал. Я и забыл об этом.

Вид у Джима был довольно испуганный.

— Н-да, — пробурчал Лукас и в задумчивости выпустил несколько клубов дыма. — В этом-то и загвоздка. Но все равно, пока мы в море, нам ничего не решить. Так что давай сначала доберемся до места, а там посмотрим. Что-нибудь придумаем. Как-нибудь выкрутимся.

— Да уж, наверное, выкрутимся, — согласился Джим.

Молча сидели они и смотрели, как взошла на небе полная луна и серебристый свет разлился по морской поверхности. В легкой дымке над волнами кружился нежный ветерок, играя туманными тенями, которые он перегонял с места на место и заставлял менять свои причудливые очертания.

— Добрый день! — послышался вдруг чей-то певучий голосок, напоминавший тихий плеск волн. — Доброй ночи! Это как-то лучше подходит.

Лукас и Джим удивленно стали озираться, но никого не обнаружили.

— Кто это? Никого не видать! — сказал Лукас.

— Да тут я, тут, — пропел голосок где-то совсем рядом. — Ну, приглядитесь, я машу вам рукой.

Друзья смотрели во все глаза. Сантиметр за сантиметром обшаривали они взглядом морскую поверхность. Вдруг Джим заметил маленькую ладошку, которая торчала из воды. Он показал ее Лукасу. И тут друзья увидели совершенно ясно, отчетливо крошечную девочку, которая была не больше, чем рука Джима. У нее было хорошенькое личико, только глаза немножко большеваты, да рот, пожалуй, великоват, да и нос малость подкачал — одни дырки, — так что все вместе это придавало ей сходство с рыбой. Серебряные волосы беспорядочно торчали в разные стороны, словно на голове у нее росли не волосы, а настоящий бурьян. Ко всему прочему, вместо ног у девочки был рыбий хвост. Но больше всего Лукаса и Джима поразило тело русалки (а в том, что перед ними русалка, путешественники ни минуты не сомневались). Ее тело было почти что прозрачным, и создавалось впечатление, будто она вся состоит из зеленоватого студенистого вещества. Вот почему русалку так трудно было различить в воде.

— Добрый вечер, — приветливо сказал ей Лукас. — Какой у вас прелестный хвост, чудесная незнакомка!

— Вам правда нравится? — польщенная, спросила русалка.

— Еще как! — вежливо подтвердил Лукас. — Поистине это самый красивый хвост, какой мне доводилось видеть у юных дев!

Русалка залилась веселым смехом, который напоминал плеск маленьких волн на пляже в Медландии.

— А позвольте вас спросить, куда это вы направляетесь? Может быть, вы бедные жертвы кораблекрушения? — с нескрываемым любопытством спросила русалка.

— О нет, нет, милая дама, — с улыбкой успокоил ее Лукас, — мы совершаем путешествие в Китай и дальше.

— Ах вот оно что! — сказала русалка. — А позвольте мне спросить: что это у вас за странный корабль?

— Этот корабль зовут Кристи, — ответил Лукас, попыхивая трубкой, — хотя на самом деле он вовсе не корабль.

— А маленький корабль, который плывет за нами, зовут Максик, — добавил Джим, — хотя он тоже на самом деле не корабль.

— Совсем ничего не понимаю, — призналась совершенно сбита с толку русалка. — Что это за корабли такие, которые на самом деле не корабли? Такого я еще не видела.

— Эти корабли, которые на самом деле не корабли, — продолжил свое объяснение Лукас, подмигивая Джиму, — являются не чем иным, как локомотивами.

— Ах вот оно что! — сказала русалка. — Значит, это воломо... нет, молово... как вы сказали?

— Локомотивы! — повторил Джим.

— Да, именно так! — воскликнула русалка и пододвинулась чуть поближе — ей было очень любопыт-

но. — А позвольте вас спросить: что это такое, толомокивы?

— Вы можете спрашивать сколько вам угодно, — отозвался Лукас с приветливой улыбкой. — Локомотив, стало быть, представляет собою нечто, что имеет колеса и передвигается по земле при помощи огня и пара, понимаете?

— Ага, понятно! — обрадовалась русалка. — Значит, миколо... то есть я хочу сказать: эта самая ваша вотиколодинжа — что-то вроде парохода, только уже сухого, да?

— Неплохо! — ответил развеселившийся Лукас, не выпуская трубки изо рта. — Можно и так сказать. Вы необыкновенно смышленная барышня!

Русалочка снова рассмеялась, услышав очередной комплимент, а потом добавила:

— Значит, этот корабль, который на самом деле не корабль, все же можно считать чем-то вроде корабля?!

И она радостно захлопала в ладоши. Морские жители, надо сказать, смотрят на мир только под одним углом зрения — имеет или не имеет данный предмет, данное явление или событие хоть какое-нибудь отношение к воде. Они очень нервничают, если нельзя что-нибудь истолковать с водной точки зрения. Но когда им удастся нащупать хоть какую-нибудь связь с водой и найти подходящее объяснение (которое лучше назвать обводнением), они чувствуют необычайное облегчение. Но за это на них не стоит сердиться, потому что в целом они очень милые и симпатичные существа. В конце концов, ведь и люди очень часто о многих вещах судят, так сказать, со своей колокольни.

— А кто вы такие? — продолжала неугомонная русалка.

— Я — Лукас, машинист локомотива, а это мой друг, Джим Пуговка, тоже машинист локомотива. Ему при-

надлежит вот тот паровозик, который у нас на буксире.

— Простите мое любопытство, — вежливо извинилась русалка, — но нас, морских жителей, волнует еще один вопрос. А может быть, вы разбираетесь в электричестве, магнитах и прочих таких вещах?

— Наша специальность — паровозы, — ответил Лукас, — но кое-что в электричестве и прочих таких вещах мы, конечно, понимаем.

— Вот как чудесно! — радостно воскликнула русалка. — Нужно срочно рассказать об этом папеньке! Прошу вас, подождите минуточку, я сейчас! — сказала она и тут же исчезла.

Друзья еще как следует ничего не поняли, как русалка уже снова вынырнула откуда-то из глубины океана.

— Не бойтесь! Сейчас появится мой папочка! — закричала она.

И тут все вокруг заклокотало, забурило, море вздыбилось так, что Кристи страшно накренился — того и гляди перевернется. Через секунду из воды выглянула физиономия — огромная, как морда кашалота. Физиономия была такой же зеленой и прозрачной, как и у русалки. На лысой макушке красовалась гигантская стеклянная корона, а вокруг вся голова была покрыта слоем ракушек и водорослей. Круглые глаза, напоминавшие шары, только что не вываливались из орбит, но зато в них мерцал таинственный золотистый огонек, какой можно видеть обыкновенно у кротов. Ко всему прочему, физиономия имела невообразимо широкий рот, который не скрывали даже длинные усы, свисавшие сосульками, как у сома, из-под самого носа.

Короче говоря, когда Джим увидел все это, он со страху не знал, то ли ему плакать, то ли смеяться.

Лукас же ничем не выдал своего удивления и, как обычно, сохранял полную невозмутимость.

— Разрешите представить, — сказала русалка. — Это, дорогой папа, господин Лукас, машинист викомолитива, и его друг Джим Пуговка. А это, — продолжала русалка, обращаясь теперь к путешественникам, — это мой папа, Лормораль, владыка этого моря.

Лукас вежливо снял фуражку.

— Очень рад с вами познакомиться, король Лормораль, — сказал он.

— Папа, — сказала русалка, — эти чужеземцы разбираются немного в электричестве и магнитах и прочих вещах. Они ведь машинисты кикимотивов.

— Хорошооооо! — с силой выдохнул из себя морской король, будто собираясь то ли икнуть, то ли рыгнуть. — Тогда пошли скорее на дно, и там посмотрите сами, что там не в порядке, — продолжал он kloкочущим басом.

— Так не получится, — ответил Лукас задумчиво, — нам очень жаль, но это невозможно, уважаемый Лормораль.

Морской владыка сдвинул брови, ну а поскольку брови его по величине напоминали садовые грабли, можно себе представить, какой суровый у него получился вид.

— Почему нет? — проклокотал он грозно. Это звучало так, как будто гигантского кита вдруг одолела икота.

— Потому что мы сразу же утонем, ваше величество, — спокойно объяснил Лукас, — от этого вам не будет никакого прока.

— Верно! — пробублькала король.

— А в чем, собственно говоря, дело? — поинтересовался Лукас.

Тут в разговор снова вмешалась русалка:

— Мы никак не можем включить морскую иллюминацию. Она всегда работала, а теперь почему-то нет. Вот уже год как сломалась.

— Дааа, — пробулькал морской король. — Чертовски неприятная история! Сегодня, например, назначена праздничная иллюминация в честь моего прапрапрадедушки Гурумуша. Во времена его правления и была построена специальная установка, посредством которой устраивались иллюминации.

— Мне нужно для начала задать вам несколько вопросов, — сказал Лукас. — А откуда раньше поступал свет для морской иллюминации?

— Такие глупости меня никогда не волновали, — недовольно пробурчал король. Слышно было, как икота снова подкатила ему под горло. — Просто раньше у нас был свет, а теперь его нет. Вот и все.

Но тут в разговор снова встряла русалочка:

— Родная сестра моей прабабушки, тетушка Гургуна, лично знала великого короля Гурумуша, моего прапрапрапрадедушку. Так вот, она часто рассказывала мне о том, что свет исходит из глубины моря и идет от гигантского магнита.

— А где находится этот самый магнит, милая барышня? — допытывался Лукас.

— В Варварском море, — с неохотой ответила, помедлив, русалка. — Мы не очень-то любим об этом говорить и стараемся не заплывать туда. Места там, надо сказать, довольно мрачные.

— Это очень далеко отсюда? — поинтересовался Лукас. — Если мы сможем как-то помочь вам и сделать тем самым приятное, мы готовы изменить курс и немедленно отправиться в Варварское море.

— Хорошооооо! — проурчал король Лормораль глухим голосом, как будто снова собираясь рыгнуть, и, не попрощавшись, скрылся под водой.

Снова море все забурлило, заклокотало, и Кристи опять завалился на бок.

— Не сердитесь на него, — пропела нежным голосом русалочка, защищаясь ладошками от брызг набегавших волн. — Мой папа иногда бывает не слишком вежлив. Ему ведь как-никак шестьдесят тысяч лет, и к тому же последнее время его мучает изжога. Знаете, как горло жжет. А морские жители очень не любят, когда им где-то что-то жжет.

— Да уж, конечно, — посочувствовал Лукас. — Шестьдесят тысяч лет, прямо скажем, возраст немалый.

— Раньше, до своей болезни, он был самым обаятельным обитателем моря, других таких не было! — попыталась заглядить не слишком вежливое поведение своего папы русалочка.

— Ну а теперь его место заняли вы, очаровательная барышня! — успокоил ее Лукас, на что русалочка снова залилась звонким смехом, напоминающим легкий плеск волн, и даже немножко позеленела от смущения, то есть как бы покраснела по-нашему.

ГЛАВА ПЯТАЯ, *в которой Джим и Лукас узнают о Кристалле Вечности*

Тем временем неподалеку от Кристи всплыло некое морское существо, чья физиономия с вытаращенными глазами имела довольно глупый вид, какой бывает, например, у карпов. Это существо вело под уздцы шестерку белых моржей, которые при виде принцессы радостно зафыркали и захлопали лапами по воде.

— Вот, принцесса Сурсулапичи, — прочавкало существо каким-то квакающим голосом. — Я привел вам ваших рысаков.

— Спасибо, Лягушандр! — поблагодарила принцесса. — Будь так любезен, запряги-ка их в этот странный корабль!

Затем она повернулась к друзьям и объяснила:

— Лягушандр, кстати, королевский шталмейстер и заведует всеми конюшнями нашего двора. В его подчинении скакуны всех мастей и видов, от самого крошечного морского конька до вот таких крупных рысаков, как мои моржи.

Пока королевский шталмейстер запрягал моржей, Джим и Лукас, последовав совету принцессы, спустили паруса и аккуратно убрали их в каюту.

Когда все приготовления были закончены, Лягушандр спросил:

— Кто будет править, принцесса Сурсулапичи? Позвольте мне?

— Нет, я сама! — сказала принцесса. — Спасибо, дорогой Лягушандр.

— Пожалуйста! — квакнул шталмейстер и исчез под водой.

Принцесса Сурсулапичи уселась на паровоз и подхватила вожжи.

— Ну, держитесь! — крикнула она через плечо друзьям, щелкнула тихонько языком, и шестеро моржей рванулись вперед.

Кристи неслась вперед с невообразимой скоростью, прямо дух захватывало. Паровоз стремительно рассекал воду, и белые брызги летели во все стороны. Максик как бешеный только успевал перескакивать с волны на волну.

Немного погодя русалочка отпустила вожжи, перебралась к друзьям на крышу каюты и доверчиво уселась между ними. Ее моржи были настолько послушны и настолько хорошо обучены, что сами знали, куда им надо двигаться, и при этом выдерживали нужную скорость.

— Вы, очевидно, удивляетесь, — сказала морская принцесса, — как это во всем океане нет никого, кто мог бы наладить морскую иллюминацию.

— Да, действительно, как же так получилось? — спросил Лукас. — Ведь раньше, наверное, у вас был специалист, который занимался такими вещами?

— Разумеется, у нас был специалист, — вздохнула принцесса Сурсулапичи. — Но вы не забывайте, какое у нас огромное хозяйство: все светящиеся рыбки, фосфоресцирующие цветы, сверкающие слюдяные скалы, благодаря которым освещаются морские глубины, куда никогда не проникает ни один луч солнца. Но, к сожалению, этого специалиста сейчас нет на месте. Между прочим, его зовут Ушауришуум. Может быть, знаете такого?

— К сожалению, нет, — честно признался Лукас.

— Ах, это такой очаровательный черепахусий, — мечтательно протянула принцесса, — он приблизительно моего возраста, ему что-то около десяти тысяч лет.

— Да что вы говорите?! Совсем еще юноша! — воскликнул Лукас, усердно поддерживавший беседу.

— А еще какая умница при этом! Он у нас голова! — продолжала щебетать принцесса.

— Скажите, — осторожно вмешался тут Джим, — а кто такой этот черепахусий? Я о нем ничего не слышал.

— Неужели вы не знаете? — изумилась принцесса. — Черепахусий — это очень просто. Он вроде черепахи, только гораздо лучше. Ведь обыкновенные черепахи они какие? Панцирь да сморщенная физиономия, и все. А у черепахусия лицо гладкое-прегладкое, да еще есть замечательные усы. Длинные-предлинные. Они так красиво болтаются в воде, прямо как водоросли. Он потому так и называется — черепахусий. В общем-то он выглядит как нормальный мор-

ской житель, только без хвоста. Но зато с усами и панцирем.

— Наверное, усы — это очень привлекательно! — понимающе заметил Лукас.

— Ведь правда же — очень мило! — радостно затараторила принцесса, вся сияя от счастья. — Мне так нравится! Он такой элегантный! А его недюжинный ум — это, наверное, передалось от предков. Все-таки, что ни говори, он черепахам прямой родственник, а черепахи — существа древние и, стало быть, необычайно мудрые. Вот и ему кое-что от них досталось.

— И куда же запропастился теперь сей великий муж?

— Видите ли, — со вздохом начала объяснять русалка, как-то неожиданно сникнув. — Вот тут начинается самое грустное. Во всем, по правде говоря, виноват папенька. Дело в том, что Ушауришуум — мой жених, и папа дал ему задание, которое он непременно должен выполнить. Ну а как только Ушауришуум выполнит его, мы можем пожениться. Так сказал папа. Но задание такое сложное, что ни одной душе на свете не справиться с ним. Когда мы прощались, мой жених обещал мне вернуться лет через двести—триста, не позже, но вот уже прошло четыреста лет, а он все не возвращается и даже весточки никакой не прислал. Может, его и в живых давным-давно нет.

Тут принцесса разрыдалась, и плакала она так горько, что у любого человека сердце выскочило бы из груди от жалости к ней. Ну а уж если русалка начинает плакать, то у нее не так, как у какой-нибудь нормальной девочки, выкатится одна-другая слезинка, нет, она ведь все-таки как-никак существо водяное. Вот почему у малышки Сурсулапичи слезы прямо текли ручьями, как будто кто-то решил отжать как следует

губку после мытья. Друзья, видя ее безутешное горе, прямо не знали, что и сказать.

— Ну, не горюй, он обязательно вернется, — попытался ее утешить Лукас. — А что это за такое сложное задание, которое придумал для него король Лормораль?

— Мой жених должен сделать Кристалл Вечности, — объяснила принцесса, громко всхлипнув.

— Что, простите? — переспросил Джим.

— Кристалл Вечности, — повторила Сурсулапи-чи. — Это такое особое стекло, которое невозможно разбить. Его можно плавить, ковать, как металл, но его нельзя разбить. При этом оно прозрачное, как чистейшая вода. Вы видели корону на голове у моего папы? Вот она сделана из Кристалла Вечности, и она существует с тех пор, как существуют морские обитатели. В незапамятные времена ее сделал один великий мастер, тоже из морских обитателей, и она до сих пор сохраняет свою красоту и первозданную чистоту.

— Вот это да! — изумился Джим и раскрыл от удивления глаза. — А из чего делается это стекло?

— Тот, кто владеет секретом, — ответила принцесса, может изготовить Кристалл Вечности из любого металла — хоть из железа, хоть из свинца или серебра. Но этим секретом всегда владеет только одно существо, и, когда это существо умирает, оно должно выбрать себе преемника и потихоньку рассказать ему, как делается чудесное стекло.

Вysłушав это, Лукас задумчиво сказал:

— Да, тогда, пожалуй, твоему Ушауришууму придется долго ждать, если вообще он найдет то самое существо, которое владеет тайной.

— Да не в этом дело, — возразила русалка. — Ведь мой жених сам и есть последний хранитель тайны. Ушауришуум получил ее от своего старого учителя.

Теперь друзья уже совсем ничего не понимали.

— Ну, тогда все в порядке! — воскликнул Лукас.

— Ах, — вздохнула русалка, — если бы все было так просто. Ведь мало просто знать тайну. Вон сколько у нас было людей, которые прекрасно знали, как нужно делать Кристалл Вечности, но за последние сто тысяч лет почему-то не нашлось ни одного, кто бы действительно сделал его. Я вам еще не сказала главного. Морские обитатели сами по себе не могут сделать Кристалл, для этого им нужен кое-кто еще. И этот кое-кто еще должен быть непременно огнедышащим существом. Когда-то, в былые времена, мы действительно дружили с некими огнедышащими существами. Теперь уже, конечно, никто толком не помнит, с чего началась распря между нами и этими огнедышащими, но, как бы то ни было, пошла настоящая война, и с тех пор мы злейшие враги. Вот тогда-то и перестали делать Кристалл Вечности.

— Понятно, — сказал Лукас. — Значит, теперь Ушауришуум ищет какое-нибудь огнедышащее существо, готовое пойти на мировую?

— Да, — кивнула принцесса. — Вот уже четыреста лет он ищет его, и, может быть, ему понадобится на это еще десять тысяч лет. Ведь очень трудно примирить заклятых врагов.

— Это уж точно, — согласился Лукас, — особенно если все уже привыкли к этой вражде.

Пока они так беседовали, море и небо постепенно приняли совершенно другой вид. Вода становилась все темнее и темнее, на небе сгущались мрачные косматые тучи, из-за которых лишь изредка выглядывала тусклая луна или какая-нибудь звездочка. Волны вздымались все выше и выше, рокочущими массами они взлетали ввысь, чтобы затем с неистовым грохотом низвергнуться в разверзшуюся пропасть.

— Ну вот, мы уже и в Варварском море, — сказала русалочка дрогнувшим голосом. — Скоро доберемся до большого магнита.

— А это не опасно для Кристи и Максика? — встревоженно спросил Джим. — Ведь они из железа, и большой магнит их может притянуть к себе.

— Нет, — ответила принцесса, покачав головой. — Если бы он работал, то мы бы давно это уже почувствовали. Раньше сюда заходили корабли, которые почему-либо сбивались с курса. Тогда им не было никакого спасения. Отсюда никогда никто не выбирался. Магнит притягивал их к себе с невероятной силой, и они просто разбивались в щепки. Даже если они пытались быстро повернуть назад, чтобы выскочить из опасной зоны, все равно и на большом расстоянии магнит не терял своей силы — он вытягивал все гвозди, заклепки и прочие железные детали, и корабль рассыпался на части, а все пассажиры вместе с командой шли ко дну. Правда, сегодня уже нет такого морехода, который бы не знал о коварстве этого моря, поэтому корабли предпочитают держаться от него подальше и обходить стороной.

— Но ведь может же случиться так, что какой-нибудь корабль все-таки собьется с курса и попадет сюда, — сказал Джим.

— Конечно, может, — согласилась русалка, — но теперь это не опасно, ведь магнит сломался.

— Хорошо, но если мы его починим, то он снова начнет притягивать металлические предметы! — не отставал от принцессы Джим.

— Начнет, это точно, — вынуждена была признать русалка. — Если он заработает, то кораблям опять будет несладко.

— Зачем же мы тогда будем его чинить? — разволновался Джим. — Оставим все как есть и поплывем себе дальше.

Морская принцесса испуганно посмотрела на него широко раскрытыми глазами и пролепетала:

— Но тогда на море никогда не будет иллюминации, и под водой навеки воцарится непроглядная тьма!

Все трое замолчали, не зная, как же быть, и погрузились в раздумья. Что делать? Нужно было сделать выбор. Но как ни крути, как ни верти, все равно получалось плохо. В конце концов Лукас решил, что нечего просто так ломать голову, лучше сначала разобраться, в чем там дело. И тогда, может быть, найдется какой-нибудь выход из положения, устраивающий обе стороны.

Очень скоро они заметили на горизонте какие-то смутные очертания, которые можно было едва различить во тьме. Когда они подошли поближе, на секунду из-за лохматых туч выглянула луна и осветила два могучих скалистых утеса из чистого железа, возвышавшихся посреди черных волн. Мрачными громадинами вырисовывались они на фоне ночного неба.

Путешественники сделали несколько кругов вокруг скал, пока наконец не нашли маленькую бухту с пологим берегом, куда можно было бы причалить.

Вытащив Кристи и Макса на берег, друзья помогли принцессе распрячь моржей, чтобы они могли на свободе немножко отдохнуть и подкрепиться после долгой дороги. Принцесса тоже поспешила окунуться в воду; она устроилась на мелководе, поближе к берегу, а Лукас тем временем достал свою трубочку, раскурил ее и, выпустив несколько кудрявых клубов дыма, сказал, обращаясь к Джиму:

— Ну что, дружище, пойдём-ка посмотрим на эту их хитрую систему иллюминации.

— Пойдем, — откликнулся Джим.

Друзья достали из паровоза ящик с инструментами и большой фонарь, который сослужил им уже добрую

службу во время первого путешествия, а когда все было готово, Лукас крикнул русалке:

— Не беспокойся за нас, мы скоро вернемся!

Потом они повернулись и пошли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой друзья узнают тайну
первого морского короля Гурумуша*

Долго карабкались Джим и Лукас по острым скалистым уступам железной громадины. Они взбирались все выше и выше, надеясь хоть что-нибудь найти. Что именно?

Этого они и сами толком не знали, просто им нужна была хотя бы маленькая ниточка, за которую можно было бы зацепиться.

Джим уже залез на самый последний уступ, луч фонаря скользил по площадке, заглядывая во все щели.

— Эй, Лукас! — сдавленным голосом позвал друга Джим. — Я, кажется, тут кое-что нашел.

Не теряя ни минуты, Лукас поднялся к Джиму. В свете фонаря было видно отверстие в форме пятиугольника, от которого начинался колодец, уходящий куда-то в недра скалы.

Лукас тщательно обследовал площадку вокруг отверстия.

— Здесь выцарапаны какие-то буквы, — сообщил он через некоторое время, — но они совершенно стерлись от дождей и ветров и к тому же здорово изъедены ржавчиной.

Лукас достал кусочек наждачной бумаги и начал осторожно снимать налет. Постепенно из-под слоя ржавчины и грязи стала проступать какая-то надпись.

Сначала можно было различить только две выпарапанные молнии.

— Скорее всего, здесь говорится о высоком напряжении, — пробормотал Лукас, — вероятно, о магнитном напряжении.

— А это опасно? — поинтересовался Джим.

— Думаю, что скоро мы все узнаем, — ответил Лукас, продолжая осторожно снимать ржавчину.

Так постепенно он добрался до последней буквы, и друзья увидели перед собой следующую надпись:

ВНИМАНИЕ!
ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!
БОЛЬШОЙ МАГНИТ КОРОЛЯ ГУРУМУША!
КТО ВОЗНАМЕРИТСЯ
РАЗГАДАТЬ МОЮ ТАЙНУ
И ЗАХОЧЕТ СПУСТИТЬСЯ В НЕДРА СКАЛЫ,
ТОТ СНАЧАЛА ДОЛЖЕН
ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЖЕЛЕЗА,
ИНАЧЕ ПРИРАСТЕТ ОН К ЗЕМЛЕ
И ОСТАНЕТСЯ ТАМ НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ.

— Ага, мы на верном пути! — довольно сказал Лукас и прочитал текст Джиму.

— Ты думаешь, нам лучше оставить ящик с инструментами здесь?

— Конечно, — ответил Лукас, — знаешь, такое зря не пишут!

— Но как же мы будем чинить магнит без инструментов? — возразил ему Джим.

— Посмотрим, разберемся на месте, — сказал Лукас.

— А фонарь?

— Тоже оставим здесь. В ящике с инструментами должно быть несколько свечей, возьми их с собой.

Лукас выложил свой перочинный ножичек, а Джим снял ремень с железной пряжкой. Кроме того, Лукасу пришлось еще и разуться, потому что у него на башмаках были железные набойки. Джим-то носил парусиновые тапочки, так что ему повезло.

— А дыра глубокая, как ты считаешь? — с опаской спросил Джим.

Лукас взял гайку из ящика с инструментами и бросил ее в колодец. Спустя некоторое время до них донесся слабый стук — это, видимо, гайка ударилась о дно колодца.

— Довольно глубоко, — сказал Лукас, не вынимая трубки изо рта.

Он зажег две свечи, одну дал Джиму, другую взял себе. Потом они заглянули в туннель и осветили стенки. На противоположной стороне они заметили несколько стершихся ступенек — очевидно, это была винтовая лестница.

— Я полез вниз, — сказал Лукас.

— Я с тобой, — тут же откликнулся Джим.

— Хорошо, — согласился Лукас и начал спускаться в колодец. — Только смотри осторожней! Не поскользись! Ступеньки довольно скользкие.

Они зажгли свечи и, осторожно нащупывая в полумраке стену, медленно начали спускаться по ступенькам вниз.

Казалось, винтовая лестница никогда не кончится. Со дна колодца тянуло тяжелой затхлостью. Было душно, и чем ниже спускались друзья, тем жарче становился воздух. Свечи горели неровным пламенем.

Молча отсчитывали путешественники ступеньки, которые неуклонно вели их в недра железной скалы.

— Глубоко же мы забрались! Наверное, мы сейчас значительно ниже уровня моря, — бросил как бы невзначай Лукас, хотя лучше бы он воздержался от по-

добных замечаний. Потому что Джим тут же живо представил себе необъятное море, которое давит на него со всех сторон, и ему сразу сделалось дурно. В какой-то момент он даже готов был помчаться назад, вверх, только бы выбраться отсюда, только бы глотнуть свежего воздуха! Но Джим стиснул зубы и удержал себя от такого порыва. Он просто опустился на ступеньку, там, где стоял, и прислонился спиной к стене.

— Эй! — вдруг услышал он голос Лукаса откуда-то из глубины. — Кажется, дальше идти некуда.

Джим собрался с силами и поспешил к Лукасу, который уже стоял на дне колодца с высоко поднятой свечой и внимательно осматривал стены. Вскоре он обнаружил в стене большую дыру, которая вела в узкий проход, уходивший куда-то вдаль наподобие туннеля. Прикурив от свечи, Лукас сделал пару крепких затяжек и сказал:

— Пошли, Джим!

Они вступили в туннель и пошли вперед, следуя его замысловатым изгибам и поворотам. Жара между тем все усиливалась.

— Хотел бы я знать, — заинтересовался Джим, — а почему это здесь так жарко?

— Так всегда бывает под землей, — объяснил ему Лукас. — Чем глубже, тем выше поднимается температура, потому что в самых недрах земли находится раскаленная лава.

— Понятно, — пробормотал Джим. — Значит, теперь мы уже ниже морского дна?

— Похоже на то, — ответил Лукас.

Молча двигались они по туннелю, защищая рукой пламя своих свечей.

Неожиданно туннель кончился, и друзья очутились на воздухе. Во всяком случае, так им показалось

сначала. Но, приглядевшись, они поняли, что стоят посреди огромной сталактитовой пещеры. Куда ни кинешь взгляд, повсюду поблескивающие в темноте колонны, стены, разбегающиеся во все стороны. А в глубине виднелась гигантская железная башня, уходящая куда-то под самые своды пещеры. Книзу она расширялась, а от самого ее основания отходили бесчисленные узловатые отростки, напоминавшие могучие корни деревьев, которые железными когтями впились в недра скалы.

Какое-то время друзья стояли ошарашенные этим зрелищем и только молча озирались по сторонам.

— Вот так штука! — сказал наконец Лукас приглушенным голосом. — Это, наверное, второй утес, точнее, его основание.

Они оглянулись, и теперь им стало ясно, что они вышли из «отростка», который тянулся от точно такой же железной башни. Длинное железное щупальце доходило до самой середины пещеры, от другой башни к центру шло такое же щупальце.

Дойдя до центра пещеры, Джим и Лукас увидели, что концы этих отростков не соприкасаются. Они неожиданно обрывались, как будто их кто-то обрубил. А между ними на светлом полу пещеры отчетливо выделялось углубление размером с обыкновенную ванну или чуть меньше.

— Такое впечатление, будто здесь что-то лежало, а теперь кто-то вынул это, — задумчиво сказал Лукас.

Он поднес поближе свечу, чтобы получше разглядеть концы железных обрубков, и увидел, что и там нацарапаны какие-то значки. Разобрать было почти ничего нельзя. К тому же, как выяснилось, вместо обычных букв здесь были использованы старинные иероглифы. С большим трудом Лукас сумел разга-

дать некоторые из них. Видя, что так ничего не получается, он покачал головой, дал Джиму поддержать свою свечу, а сам достал из кармана блокнот и карандаш, чтобы перерисовать хотя бы уже известные буквы и попробовать из них сложить текст. С благоговейным почтением Джим молча наблюдал за его действиями.

Несколько раз Лукас прерывал свою работу, чтобы набить себе новую трубку. В конце концов у него получилось две записи.

Первая:

Т Й А М ДР ТИ
ЕР ОГО КО ЛЯ РЯ УМУШ
К О ЕЕ РА КР Т СТАН УДРЫМ
ТО ЕЮ ВОС ОЛЬЗ Е Я АНЕТ Г УЧИМ

И вторая:

ЕСЛ НОЧ И ДЕ Ъ СО Д НЯЮТСЯ
ВМ СТЕ С ИМИ СИ ПР БУЖ СЯ
Е ЛИ НЕ КАС ТЬ ИХ УДРОЮ Р ОЙ
ТО ИЧТО НА ЕТЕ НЕ ШИТ ИХ ПО ОЙ

Лукас прочитал подряд все эти буквы, но на Джима они не произвели ни малейшего впечатления.

— Мне кажется, это никакой не текст, — высказался он. — Просто обыкновенные каракули.

Лукас покачал головой:

— Нет, дружок, это не каракули. Готов биться об заклад, что тут даются какие-то указания!

— Хорошо, но что все это тут значит?

— Ну вот, посмотри, в первой записи последнее слово на первой строчке вполне может значить «мудрости», а слово перед ним похоже на «тайна». А вот еще последнее слово на второй строчке — это явно «Гурумуш». Значит, «ко...ля м...ря» может быть не чем

иным, как «короля моря». И следовательно, «ер...ого» нужно читать как «первого». Смотри, все вместе получается:

ТАЙНА МУДРОСТИ
ПЕРВОГО КОРОЛЯ МОРЯ ГУРУМУША

— Вот это да! — восхищенно прошептал Джим, у которого от удивления глаза чуть на лоб не выскочили. — Я бы никогда не сумел это разгадать!

— Ну, давай смотреть дальше, — предложил Лукас. — Третья строчка вроде полегче, — очевидно, ее можно прочитать так: КТО ЕЕ РАСКРОЕТ, СТАНЕТ МУДРЫМ. Ну а четвертая — тут и делать уже нечего:

КТО ЕЮ ВОСПОЛЬЗУЕТСЯ,
СТАНЕТ МОГУЧИМ.

— Лукас! — задыхаясь от восторга, закричал Джим. — Ты действительно...

— Ладно, ладно, — прервал его излишняя Лукас. — Дальше совсем плохо. Я ничего не понимаю из того, что написано на другой стороне. Разве что вот посрединке первой строчки явно «ночь и день».

И снова Лукас набил себе новую трубку и погрузился в глубокие раздумья. Джим как мог помогал ему, подсказывая всевозможные варианты. Лукас подставлял разные кусочки слов, крутил и так и этак. И вот в конце концов их пытливость и долготерпение были вознаграждены: с невероятным трудом им все же удалось восстановить загадочный текст. Свечи уже почти догорели до конца, когда Лукас наконец сказал:

— Ну вот, теперь все сошлось. — По его голосу было ясно, что он очень доволен. Он взял блокнот и прочитал Джиму целиком весь текст:

ТАЙНА МУДРОСТИ
ПЕРВОГО КОРОЛЯ МОРЯ ГУРУМУША.
КТО ЕЕ РАСКРОЕТ, СТАНЕТ МУДРЫМ,
КТО ЕЮ ВОСПОЛЬЗУЕТСЯ,
СТАНЕТ МОГУЧИМ.

ЕСЛИ НОЧЬ И ДЕНЬ СОЕДИНЯЮТСЯ,
ВМЕСТЕ С НИМИ СИЛА ПРОБУЖДАЕТСЯ.
ЕСЛИ НЕ КАСАТЬСЯ ИХ МУДРОЮ РУКОЙ,
ТО НИЧТО НА СВЕТЕ
НЕ НАРУШИТ ИХ ПОКОЙ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
*в которой Джим спотыкается
о разгадку, а свечи догорают*

— Ты понимаешь, что все это значит? — растерянно спросил Джим.

— Надо подумать, — сказал Лукас. — Ты видел когда-нибудь магнит?

— Да, — ответил Джим, загораясь от любопытства. — Видел. У фрау Каакс есть один в лавке. Он выглядит как подкова.

— Верно, — подтвердил Лукас. — В каждом магните заключены две полярные силы, у него есть, так сказать, дневная сторона и ночная; вот оттого, что они соединены в одном куске, и получается магнетическое действие. Но мы имеем дело здесь не с обычным магнитом.

Лукас задумчиво сделал несколько затяжек.

— У магнита Гурумуша, — продолжал он, — сила как бы разъединена, в каждом из утесов по отдельности заключена магнитная сила, но пока они не со-

единены, сила как бы дремлет, если же их замкнуть, то сила начнет ПРОБУЖДАТЬСЯ. Джим! Ты понял? Вот какой необычный магнит нам попался!

— Ага, — сказал Джим, — он необычный потому, что его можно как бы включать и выключать.

— Вот именно! — воскликнул Лукас и кивнул головой. — Значит, кто-то просто вынул соединительную деталь между двумя «отростками»! Стало быть, мы должны ее найти.

И друзья принялись искать. Но в такой огромной сталактитовой пещере с ее бесчисленными углами и закоулками, углублениями и ответвлениями не так-то просто было что-нибудь найти, особенно если еще толком не знаешь, что именно ищешь, — ведь друзья не имели ни малейшего представления о том, как выглядела соединительная деталь. Ко всему прочему, они в любую минуту могли оказаться без света, потому что от свечей уже оставались лишь маленькие огарочки.

— Мы не можем здесь оставаться долго, — с тревогой в голосе сказал Лукас. — Свечи скоро погаснут.

Джим прямо похолодел при этой мысли, и у него по спине пробежали мурашки, хотя вообще-то на дне колодца было жарко, как в печке. Друзья довольно далеко ушли от входа, углубившись в недра железной ноги. Как два крошечных светлячка двигались они в этой кромешной тьме фантастического подводного царства. Если сейчас погаснут свечи, то им ни за что будет не найти обратной дороги.

— Может, лучше прямо сейчас пойдем назад? — предложил Джим и вдруг грохнулся на пол, налетев со всего размаху на какую-то штуковину. Свеча погасла.

— Ушибся? — спросил Лукас и поспешил к нему на помощь.

— Нет, — сказал Джим, поднимаясь на ноги.

Лукас помог ему снова зажечь свою свечу, и друзья принялись обшаривать пол, чтобы все-таки найти то, обо что споткнулся Джим. И тут они увидели какой-то странный предмет. Это была здоровенная колобашка из прозрачного стекла, которая по форме чем-то напоминала толкушку для пюре, только во много раз больше. Внутри колобашки проходил железный стержень.

Несколько секунд друзья смотрели друг на друга, вытаращив глаза.

— Черт побери, старина! — пробасил Лукас, приходя в себя. — Если бы ты не налетел на прозрачную штуковину, мы б еще сто лет тут ползали! Ведь это же соединительная деталь!

Джим был страшно горд, что это он нашел деталь, хотя в известной степени и случайно.

Лукас наклонился, чтобы как следует изучить стеклянную колобашку.

— Кажется, все на месте, — сказал он наконец после тщательного осмотра.

— Хотел бы я знать, кто ее оттуда вытащил и бросил тут? — спросил Джим.

Они аккуратно прилепили свои огарки на ближайший уступ и, взявшись с двух сторон за колобашку, осторожно потащили ее к впадине между двумя щупальцами в центре пещеры. Им приходилось все время останавливаться, чтобы отдышаться, — пот лил с них градом и застилал глаза. Транспортировка такого тяжелого предмета — дело нешуточное, и понятно, что за одну минуту тут не управиться.

Пока Лукас и Джим возились с деталью, свечи тем временем тихонько догорали. Поглощенные работой, они совершенно забыли следить за ними.

И вот когда до того места, где сходятся щупальца, оставалось пройти лишь метр, друзья сделали последнюю передышку и тут вдруг заметили, что свет от

свечи, который и без того был достаточно слабым, стал совсем тусклым и к тому же еще начал подозрительно мигать.

— Сейчас погаснут! — в ужасе закричал Джим и рванулся было назад, к выходу.

— Пстой! — удержал его Лукас. — Свечи все равно уже догорели. Тут уж ничего не поделаешь. Если ты сейчас побежишь, мы обязательно потеряемся в темноте. Нужно в любом случае держаться вместе.

Еще несколько секунд они видели, как вспыхивают танцующие язычки пламени в дальнем углу пещеры, потом пламя стало уменьшаться, пока наконец и вовсе не исчезло. Друзья затаили дыхание — какое-то мгновение они слышали еще, как тихонько потрескивает догорающий фитиль, а потом наступила гробовая тишина — и непроглядная вечная тьма подводного грота окутала их со всех сторон.

— Черт побери! — чертыхнулся сквозь зубы Лукас, и каменные своды отозвались гулким эхом.

— Что же нам теперь делать? — спросил Джим, обмирая от страха.

— Без паники, старина! — успокоил его Лукас. — У меня завалялось еще несколько спичек в кармане. Так что не пропадем. Только их не так много, не будем транжирить, оставим на крайний случай. Ну а теперь давай-ка положим деталь на место. Это можно сделать и без света.

Друзья снова взялись за колобашку и совместными усилиями подтащили ее к углублению в центре пещеры.

— Ну вот и порядок! — раздался из темноты голос Лукаса. — Теперь хорошо бы нам поскорее выбраться на свежий воздух.

— Тсс! — зашептал Джим. — Слышишь, Лукас? Что это?

Друзья насторожились. Раздался странный металлический звук — низкий, густой, словно идущий из глубины земли, он постепенно набирал силу, так что все вокруг задрожало, как бывает, когда гудит какой-нибудь могучий чугунный колокол.

— Лукас! — произвольно вскрикнул Джим и попытался в темноте найти руку друга.

— Не бойся, Джим! — пробасил Лукас, голос которого едва был различим в шуме и грохоте, сотрясавшем своды пещеры.

Лукас обнял крепче своего маленького друга, и так и стояли они, ожидая, что же произойдет дальше.

Неожиданно гул, ставший уже невыносимо громким, оборвался. В воздухе разливались теперь нежнейшие звуки, чистые и прозрачные, и чем дальше, тем звонче и певучей становилась мелодия. В ту же минуту стеклянная колобашка, лежащая между двумя «отростками», начала излучать чудесный голубоватый свет, который заполнил собою всю гигантскую пещеру.

Друзья удивленно стали оглядываться по сторонам. Все стены и колонны сталактитовой пещеры искрились и переливались голубоватым светом, словно сотни тысяч миниатюрных зеркал отражали волшебное сияние, исходившее из центра пещеры. Казалось, что темные мрачные своды превратились в настоящий дворец снежной королевы.

Теперь друзья легко нашли вход в туннель. Они снова пошли по извилистому проходу, который вел к колодцу с винтовой лестницей. И здесь Лукасу не пришлось тратить свои спички, потому что все железные стены излучали мерцающий голубой свет. Этот неровный свет словно волнами пробегал то снизу вверх, то сверху вниз, волны сливались друг с другом и снова устремлялись в разные стороны, чтобы потом исчезнуть где-то вдали.

Поначалу Джим с некоторой опаской смотрел на эти чудесные переливы: он боялся, что его может дернуть током. Но Лукас успокоил его.

— Тут нет ничего опасного, — объяснил он, — ведь это же не электрический ток, а магнитное излучение, оно не может причинить никакого вреда. Его называют еще огнем Святого Эльма.

Когда они подошли к винтовой лестнице, то увидели, что и здесь все залито волшебным голубоватым светом. С каким-то приятным чувством они стали подниматься вверх. Впереди Лукас, за ним Джим.

Они шли и шли, молча отсчитывая ступеньки, а огонь Эльма освещал им путь, при этом он несколько не становился меньше, скорее наоборот — чем выше, тем ярче светились стены.

— Да, все-таки это очень мощный магнит, — заметил Лукас.

— Ага, — откликнулся Джим. — Интересно, как ты думаешь, морская иллюминация уже заработала?

— Думаю, что да, — сказал Лукас.

Они продолжали подниматься по винтовой лестнице, чувствуя, как по мере приближения к выходу воздух становится все холоднее. Жар, исходивший из недр земли, не забирался так высоко.

Наконец друзья, одолев последний виток, выбрались наружу, целые и невредимые, хотя и усталые.

То, что они увидели перед собою, не поддавалось никакому описанию — перед ними открылась невиданная красота, и очарованные всем этим великолепием друзья буквально застыли в благоговейном созерцании.

Все море, которое совсем еще недавно выглядело мрачной, зловещей стихией, теперь светилось мягким зеленым мерцающим светом. Он шел из самых глубин и разливался по всей поверхности до самого горизонта.

Причем это был очень красивый зеленый цвет, какой встречается только в радуге или у некоторых очень редких драгоценных камней. Мирно катились волны, большие и маленькие, и у каждой на гребне искрилось бесчисленное множество сверкающих огоньков.

Лукас обнял своего маленького друга.

— Посмотри, Джим, — взволнованно сказал он, как бы обводя рукой бескрайние просторы. — Это и есть морская иллюминация.

— Морская иллюминация! — повторил Джим, замирая от восторга.

Друзья очень гордились тем, что им все-таки удалось наладить иллюминацию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой разнообразные вещи становятся
неподвижными, а друзья проводят
не слишком спокойную ночь*

Налюбовавшись вдоволь сказочным видом, друзья решили спуститься к бухте, где они оставили русалку. Интересно, что она скажет по поводу их работы? Лукас влез в свои башмаки, зашнуровал их и уже хотел было идти, но, к своему собственному удивлению, почему-то не мог сдвинуться с места — ноги словно приросли к земле. Джим тем временем безуспешно пытался отодрать от скал ящик с инструментами. Было такое впечатление, будто все железные инструменты весят теперь пудов сто. Когда же он захотел поднять свой ремень, то оказалось, что и пряжка крепко-накрепко прилепилась к скале, словно ее кто-то припаял.

Минуту друзья в недоумении смотрели друг на друга.

— Черт подери! — расхохотался вдруг Лукас. Джим, какие мы с тобой недотепы! Ведь совсем забыли

ли, что если мы починим магнит, то он начнет все-таки действовать!

— Да уж! Действует он что надо, — сказал Джим и еще раз попробовал отцепить свой ремень от земли. — Что же нам теперь делать? Не можем же мы здесь оставить свои вещи!

— Н-да, — озабоченно пробормотал Лукас и почесал за ухом. — Ты прав, дружище. Мне тоже не слишком нравится перспектива прогуливаться тут босиком.

В этот момент он вдруг стукнул себя по лбу.

— Проклятие! Наши локомотивы! — испуганно закричал Лукас.

Он выскочил из своих застывших башмаков и стал быстро спускаться вниз, хотя, конечно, босиком это было не так-то легко.

Джим поспешил за ним.

Кристи и Максик стояли прижавшись к магнитному утесу. Паровозы не качались, не двигались, будто намертво приросли к скале. Даже ни одно самое маленькое колесико не крутилось. Они словно окаменели.

Стоя на берегу, Джим и Лукас как раз обсуждали, что же им делать дальше, как тут из воды вынырнула русалка.

— Как чудесно у вас все получилось! — воскликнула она, радостно захлопав в ладоши. — Я вам так благодарна! От имени всех морских обитателей выражаю вам нашу глубочайшую признательность! Вы уже видели, как светится море? Правда, это великолепно?! Я уже успела здесь немножко поплавать. Ах, как будет рад мой папочка! Теперь он может устроить праздник в честь первого короля моря Гурумуша. Сегодня как раз его день. У вас есть какое-нибудь желание? Я уверена, папенька будет очень рад выполнить ваше желание.

— Да, да, милая барышня, — перебил ее щебечущую болтовню Лукас. — У нас есть желание. Мы хотели бы поскорее убраться отсюда.

— Само собой разумеется! — тут же затараторила русалка дальше. — Сейчас я вмиг позову своих скакунов и отвезу вас, куда вы только пожелаете. Хоть за тридевять земель.

Она уже махнула хвостом, собираясь не медля ни секунды отправиться за своими моржами, но Лукас успел остановить ее:

— Минутку, милая барышня! Тут есть одна загвоздка. Мы не можем теперь сдвинуть с места наши локомотивы, потому что большой магнит притягивает их к себе. А без локомотивов нам и ни туда и ни сюда.

— Ах ты владыка морской! — воскликнула принцесса. — Ничего себе подарочек! Что же теперь делать?!

— Вот именно, — пробурчал Лукас. — Это и мы сами хотели бы знать. Мы сможем уйти отсюда только после того, как снова выключим магнит.

— А как же морская иллюминация?! — чуть не плача спросила принцесса Сурсулапичи и даже позеленела от ужаса.

— Придется пока обойтись без нее, — ответил Лукас. — Иначе нам придется торчать здесь всю жизнь.

— А это как-то не входит в наши планы, — добавил Джим.

— Да, да, конечно, — согласилась принцесса. — Я вас хорошо понимаю. Что же мы теперь будем делать?

— Вообще-то, честно говоря, есть один выход, — сказал наконец после долгого молчания Лукас, успевший за это время выкурить почти целую трубку.

— И какой же? — с надеждой в голосе спросила русалка.

— Нужно попробовать найти кого-нибудь, кто бы остался тут вместо нас и включил магнит, после того как мы отойдем достаточно далеко отсюда.

— А может быть, я справлюсь с этим? — предложила русалка.

Друзья не смогли удержаться и разулыбались.

— Нет, милая барышня, — возразил Лукас. — Там внизу стоит страшная жара. Не думаю, что для вас это самая подходящая температура.

— Мой жених Ушауришуум мог бы, наверное, попробовать, — не слишком уверенно сказала русалка. — Он менее чувствителен. Все-таки он как-никак состоит в родстве с черепахами, хотя и в отдаленном.

— Наверное, мог бы, — согласился Лукас, — только где его взять?

— Это верно, — совсем уже сникшим голосом проговорила принцесса и всхлипнула.

— Ну неужели во всем океане не найдется кого-нибудь, кто справился бы с этим делом? Ведь мы все покажем, все расскажем! — вмешался в разговор Джим.

— Может, и найдется, надо спрашивать, — помедлив, сказала русалка.

— Отлично! — обрадовался Лукас. — А сколько понадобится времени, чтобы спрашивать?

— Да недолго! — успокоила его русалка. — Лет семьдесят, ну сто, не больше.

— Милая барышня, — с некоторой грустью в голосе ответил на это Лукас, — к сожалению, таким временем мы не располагаем. Но у меня есть другое предложение. Мы с Джимом выключаем магнит и едем по своим делам. А вы тем временем поищите кого-нибудь, кто справился бы с этой задачей. Пока вы найдете подходящую кандидатуру, мы сто раз успеем вернуться домой. Вы нам скажете, и мы в любой момент поможем вам тут все наладить.

— Неужели вы хотите прямо сейчас отключить магнит? — в ужасе воскликнула принцесса. — Но ведь сегодня праздник, и назначена торжественная иллюминация. У папы во дворце уже наверняка начался бал, а мне бы так хотелось немножко потанцевать! Может быть, вы подождете до завтра? Ну одну ночь! Пожалуйста! Я прошу вас!

Друзья переглянулись, и Лукас, кивнув головой, сказал:

— Ну хорошо, мы подождем до завтра. Все равно мы так устали, что нам лучше сначала как следует выспаться. Но мы действительно можем остаться только до завтра, потом нам нужно уже ехать дальше. Скажите это, пожалуйста, вашему папеньке.

— Непременно скажу, — со вздохом облегчения промолвила русалка. — Да, и не забудьте подумать о вашем желании. Папа обязательно его выполнит. А пока еще раз огромное спасибо и до свидания!

— До свидания! — попрощались с русалкой Джим и Лукас и помахали ей вслед.

Морская принцесса кликнула своих скакунов, и они тут же приплыли на ее зов. Упряжь лежала, брошенная на берегу, там, где принцесса распрягала моржей.

— Это я все оставлю здесь, я ведь скоро вернусь! — крикнула напоследок Сурсулапичи, вспрыгнула на спину большому моржу, щелкнула язычком и понеслась по волнам, поднимая фонтаны брызг, а следом за ней устремились остальные моржи.

— Торопится малышка! — усмехнулся Лукас. — Будем надеяться, что она так же быстро вернется назад.

— Конечно, вернется, ведь она оставила тут всю упряжь, — сказал Джим и поднял великолепные кожаные поводья, украшенные жемчугом и переливчатыми рыбьими чешуйками.

— Хорошо, если так, — ответил Лукас, забираясь на крышу паровоза. — Мне просто кажется, что у морских обитателей несколько иное представление о времени, чем у нас. Они могут себе позволить не мелочиться — сотня лет туда, сотня лет сюда, какие пустяки! Ох, черт побери! — чертыхнулся тут Лукас, который тем временем попытался снять крышку с тендера. — Крышка не открывается! Придется ночевать на свежем воздухе. Давай уж тогда заберемся под локомотив, пусть хоть крыша над головой будет.

Друзья устроились кое-как под локомотивом, Лукас еще какое-то время ворочался с боку на бок, а Джим почти сразу заснул. «Видела бы меня сейчас фрау Каакс!» — только и успел подумать он, и глаза его закрылись сами собой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой Джим пытается найти различие,
а кое-какие вещи начинают летать*

Когда на следующее утро продрогшие друзья вылезли из-под локомотива, настроение у них было, прямо скажем, не слишком бодрое — ночь выдалась не из приятных. Да и сейчас еще небо было обложено тучами, ветер трепал косматые волны, которые с грохотом разбивались о железные громадины. При свете дня Варварское море выглядело не намного приветливее, чем ночью, хотя, конечно, смотреть на него уже было не так жутко.

Джим и Лукас решили без лишних проволочек заняться магнитом, поскольку они изрядно проголодались и, пожалуй, не отказались бы от хорошего завтрака, но пакет с бутербродами и крутыми яйцами, а также какао, приготовленные фрау Каакс, из-за маг-

нита были теперь накрепко заперты в кабине. Днем море все равно не светилося, вода выглядела совершенно обыкновенной.

Друзья снова забрались на самую верхушку утеса, где возле пятиугольного входа в колодец они обнаружили оставленные здесь вчера ящик с инструментами, башмаки Лукаса, фонарь, перочинный ножичек и ремень Джима. С ночи ничего не изменилось, вещи по-прежнему были прочно приклеены к скале.

К сожалению, в ящике с инструментами остался только один небольшой огарок свечи. Но Лукас подумал, что, наверное, этого хватит, ведь свет им понадобится только на обратном пути, когда они уже разомкнут магнит, а пока им будет освещать дорогу огонь Святого Эльма.

Так оно и было. Все стены бездонного колодца светились голубоватыми огоньками, и друзья без труда могли спуститься вниз по винтовой лестнице.

— Честно говоря, даже немножко жаль, что нам придется теперь разомкнуть магнит, ведь все-таки нам пришлось здорово повозиться, прежде чем мы наладили его, — сказал Джим.

— Главное, в конце концов, что мы разобрались, как функционирует магнитная система. Знаешь, это даже неплохо, если мы сейчас проверим, действительно ли так легко включать и выключать магнит, — высказал свое мнение Лукас.

— Ну и что это нам даст? — спросил Джим.

— А то, что, если это действительно нетрудно, можно будет взять кого-нибудь смотрителем, который, например, отключал бы систему в случае приближения корабля. Тогда не было бы здесь кораблекрушений, а в то же время морские жители любовались бы своей иллюминацией, — ответил Лукас.

— Да, прекрасная идея, — согласился Джим. — Но захочет ли кто-нибудь из здешних обитателей стать зрителем?

— Ну а почему бы и нет? — возразил Лукас. — Только нужно найти подходящую кандидатуру. Я думаю, как раз морские жители не слишком хороши для такой роли.

— Это верно, — сказал Джим, — им все-таки нужна вода.

Больше друзья так ничего и не придумали и потому молча продолжали спускаться вниз, пока наконец не добрались до самого дна колодца, откуда они перешли в извилистый туннель, соединявший оба утеса, а выйдя из него, они снова очутились в сверкающем царстве сталактитовой пещеры. Здесь ничего не изменилось и выглядело так же, как вчера.

Когда Лукас склонился над стеклянной деталью, излучавшей такой слепящий голубой свет, что на него нельзя было долго смотреть, Джим спросил его:

— А может быть, эта штуковина сделана из Кристалла Вечности?

— Вполне возможно, — согласился Лукас. — Другое стекло, пожалуй, не выдержало бы подобной нагрузки.

Лукас осторожно тронул деталь рукой, чтобы проверить, не раскалилась ли она от железного стержня, который проходил внутри. Но колобашка была едва теплой.

— Превосходный материал, — со знанием дела сказал Лукас. — Вот уж действительно жаль, что его теперь не делают.

Затем друзья зажгли свой огарок, укрепили его недалеко от центра и осторожно вынули деталь. В ту же секунду стало темно. На этот раз все прошло тихо, обошлось без шума и грохота. Пещера окунулась во

мрак. Только от догорающей свечи шел еще слабый свет.

— Так, Джим! — пробасил Лукас. — Теперь пошли вверх.

— Сейчас, — отозвался Джим, который со свечой в руке обследовал тем временем стенку второго утеса.

— Что ты там ищешь? — поинтересовался Лукас.

— Ничего, — сказал Джим. — Просто хочу посмотреть, отличается ли чем-нибудь металл на этой дневной стороне от ночной.

По виду стенка ничем не отличалась. Но Джим все же не мог поверить до конца, что это так. Ну хоть какое-нибудь различие должно быть! Может быть, если бы здесь все как следует обследовать, оно бы и нашлось, но теперь для этого не хватало света, да к тому же и времени было маловато.

— Как ты думаешь, Лукас, ничего, если я возьму кусочек на память? — спросил Джим.

— Бери, я не возражаю, — улыбаясь, ответил Лукас.

Джим поднял с земли обломок. Он был размером с его голову, но меньше здесь просто не нашлось.

Лукас взял у Джима свечу, и друзья тронулись в путь. Они прошли по изогнутому туннелю, в котором было теперь снова темно. Скоро они добрались уже до колодца с бесконечной винтовой лестницей и молча пошагали по скользким ступенькам вверх. Сгибаясь под тяжестью огромного обломка, Джим сопел и пытался, пока наконец Лукас, видя, что друг совсем уже упарился, не взял у него груз, передав ему, в свою очередь, свечу.

Наконец друзья выбрались на свет, и Лукас поспешил отдать Джиму его сувенир, чтобы надеть наконец башмаки.

— Ну вот, — сказал он, довольный, попробовав сделать несколько шагов туда-сюда, — теперь все в порядке, они опять двигаются!

Джим тем временем уселся в сторонке и, положив на колени железный кусок, тщательно обследовал его со всех сторон. Достав из ящика молоток, он обстучал обломок сверху донизу, но ничего особенного не обнаружил. Потом он решил взять другой кусок железа такого же размера, который лежал поблизости, чтобы сравнить со своим. Ворочая обломками, Джим не заметил, как молоток оказался зажатым между ними.

И в тот момент Лукас, который как раз только что уложил инструменты и фонарь в ящик и успел закрыть крышку, вдруг почувствовал, что почва уходит у него из-под ног и какая-то неведомая сила тянет его к Джиму. Ящик с инструментами, который он еще держал в руках, тоже устремился в сторону Джима. Туда же отправился и ремень, до сих пор смирно лежавший возле Лукаса. Он взвился змеею и полетел пряжкой вперед к своему хозяину. Лукас со всего размаху плюхнулся на землю и, увлекаемый неизвестной силой, которая вцепилась ему в подметки и в ящик с инструментами, все еще остававшийся у него в руках, неуклонно заскользил вперед. Но между Джимом и Лукасом был колодец! Еще минута — и Лукас полетит вниз! Не успел он оглянуться, как дыра уже промелькнула где-то под ним, а сам он аккуратно спикировал прямо на Джима.

— Ой! — испуганно вскрикнул юный исследователь природы. — Чего это ты пихаешься?

К счастью, во время мягкой посадки Лукаса Джим уронил образцы изучаемой породы, и молоток, зажатый между ними, благополучно выскочил при падении. В ту же секунду действие магнитной силы прекратилось.

— Прошу прощения, старина, — смущенно извинился Лукас, — но я не пихаюсь. Просто что-то случилось с моими ногами. Их куда-то понесло не туда.

Лукас поднялся, потирая ушибленное место, — он здорово ударился ногой.

— А что тут у тебя за эксперименты? — поинтересовался он.

— Да просто у меня молоток попал между вот этими двумя кусками. Видишь, вот так, — объяснил Джим, демонстрируя приятелю, как именно был засунут молоток.

И в ту же секунду Лукас снова шмякнулся на землю, а его ноги сами по себе задрались кверху и тут же приклеились к обломкам железа, которые Джим в тот момент как раз держал на коленях. Ящик с инструментами и ремень поспешили составить Лукасу компанию.

— Тьфу ты, черт! — простонал Лукас, приземляясь рядом с Джимом.

Видя, какой неожиданный эффект произвел его эксперимент, Джим немедленно вытащил молоток и, запинаясь, сказал:

— Ох, прости, ради Бога, Лукас... я... не знал...

— Ладно, ладно, — пробурчал Лукас, в очередной раз поднимаясь на ноги. — Все обошлось. Слушай, какие все-таки сильные эти твои магниты! А ведь всего-то два куска!

Тут он вдруг хлопнул себя по лбу и закричал:

— Джим! Черт побери! Да ты понимаешь, какое ты сделал открытие?! Ведь получается, что не только эти два утеса обладают фантастической притягивающей силой. Достаточно взять с каждой стороны по куску, и будет тот же самый эффект.

— Правда?! — радостно воскликнул Джим. — И это я сделал такое открытие?

— Конечно, — ответил Лукас. — Надо теперь разобратся как следует.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
*в которой Джим и Лукас
изобретают перпетуум-мобиле*

Прежде чем приступить к дальнейшим экспериментам, Лукас предусмотрительно снял башмаки. Он быстро спустился вниз к паровозам и положил в кабину все летучие предметы — башмаки, ящик с инструментами, ремень. Крышка тендера открывалась теперь очень легко.

Кристи и Максик выглядели очень довольными, они явно почувствовали облегчение, когда неведомая сила, сковавшая их по частям, наконец ослабила свою хватку.

Лукас наскоро осмотрел их, не повредилось ли что, но, к счастью, все было в порядке.

Убедившись, что все хорошо, Лукас взял вместо молотка кочергу и поспешил снова наверх к Джиму.

— Ну вот, — сказал он, — теперь давай проверим, какой силой обладает наш магнит.

Джим взял один кусок, Лукас — другой, и друзья приставили их к концам кочерги.

Магнит сразу же заработал, это было видно по тому, с какой скоростью оба куска оказались облепленными со всех сторон мелкими обломками породы, которые еще недавно спокойно лежали себе на земле. Правда, тут не было ничего особенного, во всяком случае по этой мелочи нельзя было еще судить о том, насколько велика сила магнита.

— Нам нужно взять куски побольше, — решил Лукас, — тогда можно будет понять, какая у него сила.

Но в этот момент снизу вдруг послышался скрип колес и какой-то подозрительный шум. Немало удивившись, друзья переглянулись и подошли к самому краю обрыва, чтобы посмотреть, что там случилось внизу.

То, что увидели великие экспериментаторы, заставило их похолодеть от ужаса: Кристи, толстяк Кристи, стоял на задних колесах, упираясь передними в скалу.

А Максик, который был все же полегче, полз по отвесной стене вверх, при этом он двигался то прямо, то как-то боком, то носом, а то и просто перекувыркивался через голову. И чем ближе он был к вершине, где стояли друзья, тем стремительнее он набирал скорость своего незапланированного восхождения.

— Лукас! — в ужасе закричал Джим. — Выключи магнит! Иначе будет плохо!

Но Лукасу сразу стало ясно, что этого делать нельзя.

— Нет, — проговорил он, не вынимая трубки из рта, — тогда Максик упадет и разобьется. Придется ждать, пока он вскарабкается наверх.

С замиранием сердца друзья следили, как маленький паровозик взбирается на головокружительную высоту. Джим даже закрыл глаза, он не мог больше смотреть.

— Ну вот, он уже почти здесь! — воскликнул Лукас.

Джим снова открыл глаза и увидел, как Максик, перекувырнувшись, преодолел последний уступ и вверх тормашками въехал на площадку, где его поджидали друзья. В ту же минуту Лукас выключил магнит, отцепив от кочерги один из железных кусков. Притяжение сразу же исчезло.

Джим бросился к своему локомотиву, который лежал перевернутый колесами кверху, как какой-нибудь беспомощный жучок. Нужно было проверить, не повредился ли он. Но, к счастью, обошлось. Максик отделался лишь несколькими царапинами. Только вот от такой головокружительной прогулочки вид у него был слегка обалделый.

Совместными усилиями друзья перевернули Максика. Лукас достал свой большой носовой платок и вытер пот со лба.

— Ну ладно, хорошо, что все так кончилось. Могло быть и хуже, — пробормотал он. — Ведь кто бы мог подумать, что эти чертовы обломки обладают такой силой! Ни разу в жизни я ничего подобного не видел. Это же надо, на таком расстоянии! Даже Кристи досталось от него! Ну теперь я могу себе вообразить, с какой силой притягивают эти две огромные скалы.

Лукас почесал за ухом, — было видно, что ему еще никак не прийти в себя.

— Это же надо! Черт побери! — сокрушался он.

Джим не отходил от своего Максика, он хотел тщательно еще раз проверить, не повредилась ли какая деталь. Он с головой ушел в это занятие и даже не обратил никакого внимания на Лукаса, который вдруг многозначительно поднял указательный палец и что-то бессвязное забормотал себе под нос:

— Ага, это значит... раз он потащил Кристи вперед... можно просто... Ну конечно, тогда получится... Точно!

И он принялся расхаживать взад и вперед, задумчиво наморщив лоб. Он все ходил и ходил, пока наконец не остановился с криком:

— Есть!

— Что есть? — поинтересовался Джим.

Лукас загадочно улыбнулся:

— Сейчас ты все увидишь, старина. Если все получится, как я это себе представляю, то можно будет считать, что мы с тобой сделали важное открытие. Пойдем вниз к толстяку Кристи. Мне нужно там немножко поколдовать.

С величайшей предосторожностью друзья начали спускаться вниз — ведь у них на руках был малыш Макс.

Добравшись благополучно до бухты, они увидели, что Кристи снова принял свое нормальное положение и теперь стоял, как всегда, на своих колесах, правда выглядел он при этом несколько обиженным. Если бы он сейчас был на ходу, то тогда мог бы как следует погудеть, посвистеть и по крайней мере хоть немножко разрядиться.

— Ну, чего ты надулся, дружок?! — обратился к нему Лукас, миролюбиво похлопывая по котлу. — Сейчас посмотрим, сможет ли наш магнит и тебя сдвинуть с места.

— Я думаю, что нет, — высказал свое мнение Джим, — иначе он тоже залез бы наверх.

— Понимаешь, он слишком тяжелый, и потому на таком большом расстоянии, как тогда, магнит на него действовал очень слабо, — объяснил Лукас. — Но мне интересно, что будет, если мы уменьшим расстояние до двух метров. По моим расчетам магнит должен притянуть Кристи со страшной силой.

Лукас снова прицепил к кочерге второй кусок, и конструкция тут же начала действовать.

Толстый Кристи буквально подскочил на месте и рванул вперед, точно какой-нибудь заяц, чуть не сбив Лукаса с ног. Максик, стоявший позади Кристи, тоже взлетел и со всего размаху врезался в его тендер.

— Великолепно! — воскликнул Лукас, потирая ушибленный бок. — Система функционирует отлично! Даже лучше, чем я предполагал.

— Это и есть выдающееся открытие, которое мы с тобой сделали? — спросил Джим.

— Не совсем, — ответил с улыбкой Лукас. — Но почти.

Джим удивился.

Для начала Лукас вытащил ящик с инструментами. Потом они сняли с Кристи мачту, и Лукас принялся

ее перестраивать. Он все что-то колотил, приколачивал, привинчивал, пытаясь вмонтировать что-то вроде шарнира, который он нашел среди запасных деталей в ящике.

Когда наконец мачта была переделана, Лукас вставил в нее специальный шаровой шарнир, так что теперь ее можно было поворачивать — вперед, назад, вбок, куда угодно.

— Отлично! — пробасил Лукас, потирая мозолистые руки. — Теперь нам еще нужна перекладина. Там у нас в каюте, где лежат паруса, должна быть такая деревяшка, которую мы еще приделывали, чтобы полотнище лучше натягивалось. Тащи-ка ее сюда, Джим!

— А что ты с ней будешь делать? — поинтересовался Джим после того, как принес требуемую деталь.

— Сейчас увидишь! — только и ответил Лукас.

На самой верхушке мачты была проделана дыра, через которую продевался канат для парусов. Вот в эту самую дыру Лукас вставил перекладину. Получилась большая буква Т.

— Ну вот, с этим покончено, — довольный, сказал Лукас. — Осталось самое главное.

Он взял кусок магнита и тщательно примотал его веревкой к одному концу перекладины. То же самое он проделал со вторым куском магнита, прикрепив его на другом конце перекладины. Теперь буква Т выглядела иначе: казалось, что под шляпкой с обеих сторон у нее повисли две жирнющие кляксы.

Тут только до Джима стало понемногу доходить, что затеял Лукас.

— Магнит будет притягивать Кристи! — радостно закричал он.

— Угадал! — ответил Лукас. — А мы можем управлять, сидя на крыше, понимаешь? Если наклонить мачту вперед, то магнит будет висеть перед Кристи и

потащит его за собой. Если же нам нужно будет сделать поворот, то достаточно наклонить мачту вбок, и магнит потянет Кристи в сторону.

— О! — воскликнул Джим, не находя других слов от восхищения. — Вот это да! — вымолвил он через некоторое время. — Нет, правда здорово! — И так далее все в том же духе, пока он наконец не пришел в себя от изумления, а придя в себя, не вспомнил об одной важной вещи. — Да, но ведь перекаладина-то из дерева, — сказал он. — А дерево не проводит магнитную энергию.

— Верно, — согласился Лукас. — Для этого нам понадобится кочерга. Но я хочу ее установить так, чтобы мы в любой момент могли отключить магнит. Иначе мы никогда не остановимся и будем вечно ехать вперед.

Наверное, кое-кто из моих любезных читателей еще помнит о том, что Лукас, наделенный множеством талантов, среди прочего запросто мог завязать бантиком любую самую толстенную железяку. Однажды он уже снискал себе заслуженную славу, когда демонстрировал этот номер во время циркового представления, устроенного друзьями в Китае. Ну а на этот раз его талант нашел практическое применение. Он так ловко скрутил кочергу, что посередине образовалось нечто вроде небольшой петельки, в эту самую петельку он и вбил гвоздь, которым прикрепил кочергу прямо по центру перекаладины. При этом Лукас, конечно, следил за тем, чтобы концы кочерги пока не касались магнитов, иначе бы локомотив немедленно понесся вперед. Приделав кочергу, он привязал к обоим концам по веревке, достаточно длинной, чтобы можно было свободно держать их в руках наподобие вожжей, если сидеть на крыше локомотива. Потянешь за правую веревочку — кочерга примет гори-

зонтальное положение, соединяя собою магниты, и они тут же начинают действовать. Потянешь за левую веревочку — и кочерга отрывается от магнитов, и действие магнитов прекращается. Кто хочет себе представить, как это выглядело на самом деле, может посмотреть на картинку в следующей главе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой старый толстый паровоз Кристи
взлетает на воздух, а великие изобретатели
наконец находят время позавтракать*

Закончив все приготовления, изобретатели спустили локомотив на воду, а сами запрыгнули на крышу кабины.

Кристи мягко покачивался на волнах, медленно разворачиваясь кормой в сторону открытого моря. Мачту друзья наклонили вперед, так что ее верхушка с переключателем, оснащенной магнитами, теперь была метрах в двух от носа корабля.

— Нужно немножко отплыть, — сказал Лукас, — иначе сила притяжения подействует на Максика, и он, того и гляди, полетит следом за нами. Хорошо, что я захватил с собою вёсла.

Отплыв на достаточное расстояние, Лукас решился начать эксперимент. Взяв в руки вожжи, он сказал:

— Ну вот, Джим, настал решающий момент!

Он потянул за правую веревку, и кочерга улеглась на переключатель, замкнув магниты. И в ту же минуту они начали действовать с невероятной силой, увлекая за собой Кристи. Локомотив помчался за магнитом, но поскольку он висел на мачте, удаленной на расстояние двух метров, то догнать его было, конечно, невозможно. Магнит висел, так сказать, прямо перед но-

сом локомотива, заставляя его своей фантастической силой нестись на всех парусах.

— О-го-го! — закричал Джим в восторге. — Получилось! И еще как! Ура!

Брызги веером разлетались во все стороны. Кристи разрезал волны почти с той же скоростью, как тогда, когда его тащила за собой упряжка моржей. Но только теперь с каждой минутой он плыл все быстрее и быстрее.

— Держись крепче! — закричал Лукас во весь голос, стараясь перекрыть свист ветра и шум разбегающихся волн. — Теперь я попробую, можно ли им управлять!

Он взял мачту и слегка повернул ее вправо. И в ту же минуту корабль описал ровную плавную дугу.

— Отлично! — ликовал Джим. — А мы можем остановиться? — вдруг спросил он.

Лукас потянул за левую веревку, кочерга оторвалась от магнитов, Кристи замедлил ход, но все же никак не мог сразу остановиться, уж больно он разогнался. Лукас откинул мачту назад, потянул за правую веревку, магнит снова заработал, и локомотив потащило назад. От неожиданности он так резко дернулся, что Джим не удержался и со всего размаху плюхнулся в воду.

Лукас немедленно отключил магнит и помог своему другу выбраться из воды.

— Отлично работает! — воскликнул Джим, громко отфыркиваясь. — Особенно тормоз.

— Да уж, действительно неплохо, — согласился Лукас. — Лучше, пожалуй, не бывает.

— А как мы назовем наше открытие? — спросил Джим. — Я думаю, мы обязательно должны его как-нибудь назвать.

— Ты прав, — ответил Лукас, — ему обязательно нужно имя.

Лукас раскурил свою трубку и задумался.

— А как ты находишь такое название — «Джиммобиль» или «Джимотив»?

— Нет, — скромно отказался Джим, — это звучит так, будто я один сделал наше открытие.

— Но так оно и есть, — убеждал его Лукас, — во всяком случае, ты положил начало.

— Но главное-то сделал ты, — настаивал на своем Джим. — Поэтому мне кажется, что лучше назвать его «Лукомобиль» или, еще лучше, «Лукомотив».

— Нет, — возразил Лукас, — это похоже на исковерканный «локомотив». Нужно подобрать какое-нибудь более толковое название. Большинство изобретателей называют свои творения по какому-нибудь основному, самому существенному признаку. Ага! Я придумал. Мы назовем наше открытие словом «перпетуум-мобиле».

— А что это значит? — поинтересовался Джим, сгорая от любопытства.

— Это значит, — объяснил Лукас, — что наша система функционирует сама по себе, без участия бензина или какого-нибудь другого топлива. Многие изобретатели ломали себе голову над тем, как бы придумать такую штуку. Но так они ничего и не придумали. Если мы наше изобретение назовем «перпетуум-мобиле», то все будут знать, что мы решили наконец эту проблему. Как ты думаешь?

— Ну, если так, — серьезно сказал Джим, — то я не возражаю, чтобы назвали его «перпетуум-мобиле».

— Отлично, — с улыбкой сказал Лукас. — С этим мы все выяснили. Но теперь мне бы хотелось провести еще один эксперимент с нашим перпетуум-мобиле. Как раз самый главный. Держись, Джим! Поехали!

С этими словами Лукас приподнял мачту так, что магнит висел теперь прямо над паровозом. Лукас потянул за правую веревку, и — произошло чудо!

Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее Кристи стал подниматься из воды, и вот уже он оторвался от морской поверхности и начал подниматься вверх... метр, два... три... Получалось, как в лифте. Джим со страху вцепился в своего старшего друга и ошалелыми глазами смотрел вниз на море.

Лукас, в общем-то, тоже был удивлен. Он не был уверен, что этот эксперимент удастся. Но все получилось. Перпетуум-мобиле мог не только сам двигаться, он мог еще и взлетать!

— Это важное событие в нашей жизни! — торжественно сказал Лукас.

— Да, я тоже так думаю, — согласился Джим.

Когда друзья пролетели уже метров двадцать, вдруг неожиданный порыв ветра подхватил перпетуум-мобиле и увлек его за собой. Ну а поскольку у локомотива теперь не было твердой почвы под колесами и он свободно парил в воздухе, то ветры для него теперь были столь же опасны, как подводные течения для кораблей.

Лукас попробовал немножко порулить мачтой. Он наклонил ее чуть-чуть вправо, и перпетуум-мобиле, подчиняясь силе притяжения, вернулся на то место, откуда его только что снесло ветром. Кристи неуклонно продолжал подниматься вверх. Теперь они были приблизительно на высоте пятидесяти метров над водой. Джим уже не осмеливался глядеть вниз, потому что от этого у него начинала кружиться голова.

Лукас, воодушевленный тем, что эксперимент удался, принялся выписывать в воздухе головокружительные фигуры, ловко поворачивая мачту то влево, то вправо. Если он держал мачту горизонтально, Кристи с бешеной скоростью устремлялся вперед, но зато переставал подниматься. Это не мешало Лукасу через какое-то время заставить Кристи резко спикировать вниз.

От всех этих смелых летательных упражнений Джиму стало как-то не по себе, особенно неудобно было у него в животе, а бедный Кристи вообще перестал понимать, что происходит. Ну, плавать по морям еще куда ни шло. Он уже как-то привык. Но летать, словно птичка в небесах, это уж, извините, ни в какие ворота! Всякое довелось ему, конечно, испытать на своем веку — но такое! Полеты никак не укладывались в голове почтенного паровоза.

В конце концов Лукас посадил перпетуум-мобиле снова на воду. Предприняв несколько удачных маневров, он довольно быстро сбросил скорость и сел без особых приключений. Разрезая носом морскую поверхность, Кристи поднимал целые вихри брызг, которые разлетались, словно снег под гигантским плугом.

Затем Лукас предосторожности ради отключил магнит и погреб в сторону скал, от которых они ушли довольно далеко.

— Русалки так и не видно, — сказал Джим, когда они бросили якорь в своей бухте. — Вожжи лежат там, где и лежали раньше.

— Этого следовало ожидать, — пробурчал Лукас. — У этих морских жителей свои представления о времени.

— Но мы же не можем ждать сто лет, — забеспокоился Джим. — Нам ведь нужно привезти господина Ланя.

— Это точно! — согласился Лукас. — Мы и не будем ее ждать. Сегодня же вечером отправляемся к господину Ланю. По воздуху, на нашем перпетуум-мобиле.

— Вот здорово! — закричал Джим в восторге. — Теперь мы просто можем перелететь через горы Венец Мира.

— Решено! — сказал Лукас и запыхтел трубкой, явно мечтая поскорее отправиться в путь. — Так мы сократим путь и сэкономим уйму времени.

— Получается, это даже хорошо, что мы сделали крюк и столько провозились с ремонтом, — высказал свое мнение Джим.

— Конечно, — ответил Лукас, — лучше и придумать было нельзя, как сократить путь!

— Но что скажет принцесса, когда она вернется, да еще, быть может, не одна, а со зрителем для Большого Магнита? Приплывет, а нас и след простыл! — спохватился тут Джим.

— Да, это верно, — озадачился Лукас. — Надо ей оставить какой-нибудь знак.

— А что мы будем делать с Максиком? — спросил Джим. — Из него тоже будем делать перпетуум-мобиле?

— Нет, из этого ничего не выйдет, — ответил Лукас. — Они будут только притягиваться друг к другу и толкаться. Слишком опасно.

— А может быть, лучше всего оставить Максика здесь и забрать его на обратном пути? — предложил Джим. — Как ты считаешь?

Лукас кивнул.

— Я думаю, это самое лучшее, — сказал он. — Мы найдем ему хорошее место, защищенное от ветра, а чтобы с ним ничего не приключилось, посадим его, так сказать, на поводок. А в качестве поводка используем моржиные вожжи. Если в наше отсутствие русалка все-таки объявится, она первым делом примется искать вожжи, и тогда она наткнется на Максика и скажет себе: ага, они наверняка скоро вернутся, чтобы забрать его.

— Давай так и сделаем, — согласился Джим. — Пусть Максик останется здесь, все спокойнее будет.

Друзья закатали Максика в небольшую пещеру, где он мог надежно укрыться от ветра и дождя. Джим соорудил из упряжи прочный поводок. Один конец

он прикрепил к паровозу, а другой — к острому выступу, торчавшему из стены наподобие крючка, на который Джим навертел для прочности целых семь двойных узлов.

— Ну вот, дружище, — сказал Лукас, — теперь Максику не страшно даже землетрясение. А знаешь, я, между прочим, чертовски проголодался. Неплохо бы нам перед дорогой как следует перекусить. У меня прямо слюнки текут при мысли, что уже сегодня вечером мы будем есть чудесные овощи господина Ланя.

— Ты думаешь, сегодня вечером мы уже будем там? — спросил Джим.

— Почему бы и нет? С нашим перпетуум-мобиле это пара пустяков! — ответил Лукас.

Затем друзья достали из кабины машиниста съестные припасы, которые собрала им в дорогу фрау Каакс, и умяли все подчистую, до самой последней крошки. Это, кстати сказать, общеизвестный факт — как сделаешь великое открытие, так сразу страшно хочется есть. Кто не верит, тот может сам проверить.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*в которой перпетуум-мобиле чуть не расшибается
в лепешку из-за красно-белых Полосатых гор*

Джим попрощался с Максиком, после чего друзья забрались на крышу Кристи, взялись за весла и снова отплыли подальше. Только тогда Лукас включил магнит и установил мачту под углом. Перпетуум-мобиле легко и бесшумно поднялся из воды и взмыл вверх.

Поднявшись метров на сто, Лукас опять придал мачте горизонтальное положение. Паровоз перестал подниматься и летел теперь все прямо и прямо. Скоро

уже от магнитных скал осталась на горизонте только крошечная точка, а затем и она исчезла из виду.

Небо все еще было затянуто облаками.

— Самое главное, — сказал Лукас спустя некоторое время, — разобраться, в каком направлении нам теперь нужно лететь.

— Хорошо бы, — согласился Джим. — А как мы будем разбираться? Куда ни посмотришь, одно только море, и везде одинаковое.

— Мы можем сориентироваться по солнцу, — объяснил Лукас. Джим посмотрел на небо, но сквозь густую пелену облаков пробивался серый свет, и никакого солнца даже не было и в помине.

— Туда-то нам и нужно, мы должны подняться выше облаков, — сказал Лукас. — Но долго там оставаться нельзя, потому что на такой высоте воздух настолько разрежен, что очень трудно дышать. Держись, Джим!

С этими словами Лукас снова приподнял мачту, так что теперь она стояла почти под прямым углом. Кристи взмыл ввысь. Облака становились все ближе и ближе. Джим с некоторым беспокойством посматривал на эти воздушные громады, напоминавшие могучие горы со снежными вершинами, которые кто-то перевернул вверх тормашками.

— Ты думаешь, это ничего, если мы сейчас врежемся в них? — не слишком уверенно спросил Джим.

— Ничего, — успокоил его Лукас. — Разве что промокнем немножко, когда будем пролетать через дождевое облако. Приготовься! Пошли!

Друзья как раз долетели до той черты, откуда начинался слой облаков. Миновав эту черту, они сразу же погрузились в густой-густой туман. Было такое ощущение, будто они попали в баню, только что в бане — тепло, а здесь — наоборот, сыро и холодно.

Так они всё летели и летели, хотя из-за тумана казалось, что на самом-то деле они стоят на месте. Но вдруг туман расступился, и друзья увидели перед собою чистое голубое небо, озаренное лучами яркого солнца, которое во всем своем великолепии блистало в вышине, освещая пронзительным светом раскинувшиеся внизу ослепительно белые облака. Они растянулись на много миль вокруг, и Джим, застыв от изумления, смотрел во все глаза на это сказочное царство, не смея оторваться от такой красоты. Вот озеро, будто залитое молоком, а вокруг него громоздятся заснеженные вершины, за ними поднимаются замки и башни, словно выстроенные из сахара; они утопают в белизне деревьев, которые, кажется, сделаны из нежнейшего пуха. И всё здесь в движении. Медленно перемещаются воздушные массы, создавая всё новые и новые образы. Только что ты видел подушку великана, но через минуту она уже превращается в гигантский белый тюльпан: а то, что секунду назад выглядело как алебастровый мостик, соединяющий две вершины, теперь уже кажется маленьким челноком, который несется куда-то вперед по пенным волнам бушующего моря; там, где еще недавно можно было разглядеть загадочную пещеру, теперь бил огромный фонтан, словно вырубленный из льда и запорошенный снегом.

Лукас определил по солнцу, куда им нужно лететь, и поспешил спуститься пониже, потому что в таком разреженном воздухе дышать было очень трудно.

Пролетев какое-то время над морем, друзья увидели на горизонте светлую полоску. Там уже не было туч, и море освещалось солнцем. А на границе хорошей и плохой погоды, там, где повисло последнее пышное облако, показалась большущая радуга, переливающаяся всевозможными цветами.

Перпетуум-мобиле с двумя пассажирами на борту бесшумно устремился к этим сказочным пестрым воротам из света. Машина пролетела под самой аркой, так что Джим даже успел засунуть руку в этот сверкающий, сияющий поток. Разумеется, он ничего не почувствовал, потому что свет нельзя пощупать, если только, конечно, ты сам не состоишь из света и воздуха.

Миновав радужные ворота, друзья оказались в зоне хорошей погоды. Когда вечернее солнце медленно стало склоняться к горизонту, окрашивая небосклон в легкие нежно-розовые тона, Джим заметил вдалеке узкую полосу земли. И скоро уже море сменилось сушей, так что Лукас даже сбавил высоту, чтобы разобратся, куда это они залетели.

Джим растянулся на крыше кабины и так, лежа на животе, принялся обозревать окрестности. То, что он увидел, показалось ему до боли знакомым: повсюду вились узкие ленты ручейков, через которые были перекинuty изящные мостики с необычными островершинами крышами. Тут и там мелькали разнообразные деревья самых невероятных пород, у которых, однако, было одно общее свойство — все они были прозрачными, будто сделанными из цветного стекла. А в долине, на горизонте, возвышались гигантские горы с зубчатыми вершинами, раскрашенными в красно-белую полосу. Сомнений не оставалось. Джим сразу узнал, что это за страна.

Он вскочил и закричал:

— Это Китай!

Лукас, довольный, кивнул.

— Я так и думал. Значит, мы на правильном пути — скоро будем у господина Ланя, — сказал он.

— Посмотри! — снова закричал Джим и показал куда-то вниз, где все сверкало и сияло, как в сказке. — Это ведь золотые крыши Пекина! Ой, Лукас, милень-

кий! Давай приземлимся и только поздороваемся с императором!

Но Лукас с серьезным видом покачал головой.

— Давай лучше не будем, Джим, — сказал он. — Ты только представь себе, что если мы с нашим магнитом приблизимся к городу, то он притянет все железные предметы, и они полетят к нам. Лучше отложить наш визит. Я даже думаю, что во избежание всяких неприятностей нам стоит подняться повыше.

Лукас направил мачту с магнитами вверх, и в тот же миг паровоз начал подниматься все выше и выше. С такой высоты Пекин, столица Китая, выглядел как игрушечный городок, почти деревенька, которая стремительно исчезала из виду.

Солнце тем временем уже зашло, и над землею разлились мягкие сумерки, когда друзья на своем перпетуум-мобиле добрались наконец до красно-белых Полосатых гор.

Направив свой летательный аппарат в сторону гор, рядом с которыми машина казалась просто жалкой мухой, Лукас сказал:

— Главное теперь — решить, стоит ли нам рискнуть и прямо сегодня лететь через горы или лучше спуститься и дождаться утра, когда будет посветлее. Сейчас-то уже темновато, а скоро и вовсе станет темно.

— Это верно, — согласился Джим, — но, с другой стороны, — продолжал он, — нам осталось совсем немного, считай, что мы уже почти на месте.

— Ну хорошо, — сказал Лукас, ставя мачту в вертикальное положение.

Локомотив начал быстро набирать высоту. Где-то совсем рядом в темноте вырисовывался силуэт горного хребта. Луна еще не взошла.

Сдвинув фуражку на затылок, Лукас пристально всматривался в мрачные вершины, растянувшиеся

под черным куполом неба, усыпанного яркими звездами.

— Черт, — пробормотал он тихонько, — только бы все было хорошо! По моим расчетам мы добрались уже до слоя облаков.

А локомотив все поднимался и поднимался. И с каждой минутой воздух становился все более и более разреженным — друзья это чувствовали на себе. Джиму приходилось все время сглатывать слюну, чтобы не так закладывало уши. Насколько они удалились от земли, понять уже было нельзя.

Наконец путешественники добрались до вершины первой гряды. Лукас сразу же опустил мачту, и локомотив, перестав подниматься, устремился вперед. Среди безмолвной тишины перпетуум-мобиле парил над величественными громадами, которые уходили куда-то вниз, совершенно теряясь в беспросветной тьме.

— Осторожно! — вдруг закричал Джим.

Нежданно-негаданно из темноты вынырнула вторая гряда, которая была немного выше, чем первая. Но Лукас вовремя успел заметить опасность и быстрым движением поднял мачту. Кристи стрелой взмыл ввысь, а ведь до стены оставалось каких-нибудь несколько метров! Еще секунда — и они бы врезались со всего размаху в каменную стену!

Джим почувствовал какую-то странную слабость, которая разлилась по всему телу. Руки, ноги дрожали, он задыхался, словно бегун на длинные дистанции.

Благополучно перелетев через второй хребет, в слабом свете звезд друзья увидели третью гряду. Она была еще немножко выше, чем вторая.

Лукас тоже начал задыхаться. На такой высоте воздух был настолько разрежен, что его уже просто не хватало.

— Может быть... — хватая ртом воздух, сказал Джим, — может быть, мы заберемся в кабину и задра-им все щели?..

— Нет, — сдавленным голосом ответил Лукас, — это нам ничего не даст. Мне ведь нужно вести наш перпетуум-мобиле, иначе мы врежемся в гору. Но ты, если хочешь, можешь залезть в кабину. Я справлюсь один, Джим.

— Нет, — сказал Джим. — Тогда я тоже останусь.

Они перелетели через третью цепь гор, но там уже маячила четвертая, которая была почти что в два раза выше, чем первая. Хорошо еще звезды на такой высоте светили достаточно ярко, чтобы освещать неприступные кручи.

— Лукас, — жалобно простонал Джим, — давай повернем назад. Нам не перелететь!

— Назад лететь ровно столько же, сколько вперед, — отрезал Лукас.

У Джима перед глазами поплыли цветные круги и кренделя. В ушах шумело, и кровь стучала в висках. Лукас тоже почувствовал, что силы оставляют его. Руки стали совсем слабыми, как у грудного младенца. Он не мог уже больше удерживать мачту вертикально, она рухнула вперед, приняв теперь горизонтальное положение.

В ту же минуту перпетуум-мобиле проскочил через четвертый хребет, он прошел в миллиметре от гребня!

Весь массив состоял из семи параллельных горных хребтов, но четвертая гряда, составлявшая как бы центр, была как раз самая высокая. Пятая уже была немножко пониже, шестая еще ниже, а седьмая по высоте не отличалась от первой.

Это-то и спасло друзей, потому что теперь они постепенно начали снижаться, и воздуха становилось

все больше и больше. Так они потихоньку приходили в себя.

А за последней грядой начиналась пустыня Край Света — это они знали еще по первому путешествию. Пустыня была гладкой и ровной, как кухонная доска, так что приземлиться там не составляло особого труда. Лукас уже довольно ловко управлялся с летающим локомотивом, и потому он мягко и легко посадил Кристи на песок. Локомотив проехал немножко вперед и остановился.

— Ну вот, старина, мы и приехали, — сказал Лукас.

— Отлично! — отозвался Джим и вздохнул с облегчением.

— Что ж, сегодня мы достаточно потрудились, как мне кажется, — сказал Лукас и потянулся так, что слышно было, как хрустнули суставы.

— Мне тоже так кажется, — согласился Джим.

Друзья забрались в кабину паровоза и завернулись в одеяла. Устраиваясь поудобнее, они отчаянно зевали, но по-настоящему зевнуть ни одному, ни другому так и не удалось, потому что на полдороге они заснули. Еще бы, ведь день у них выдался не из легких.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой друзья принимают за фата-моргану

На следующий день Джим и Лукас встали очень рано. Они хотели еще до восхода солнца добраться до оазиса мнимого великана господина Ланя. Иначе им грозило удовольствие снова оказаться в объятиях фата-морганы, которая с первыми лучами солнца уже начинала свои проказы. Это природное явление оставило у Джима не слишком приятное воспоминание, когда они по его милости во время своего первого

путешествия несколько часов кряду блуждали по пустыне, пока наконец не вернулись к тому месту, откуда выехали. Нет-нет, уж лучше до жары попасть к господину Ланю, в его хорошенький маленький домик, где можно чувствовать себя в безопасности.

Кроме всего прочего, у друзей отчаянно урчали животы, потому что со вчерашнего дня они ничего не ели.

— Самое время сейчас что-нибудь положить на зуб, — сказал Лукас, берясь за вожжи, когда друзья снова устроились на крыше локомотива. — Есть хочется ужасно, прямо кажется, что сейчас даже козырек от фуражки сжевал бы.

Джим сонно кивал в ответ.

— Я бы предпочел бутербродик, — пробормотал он.

— Я бы, пожалуй, тоже, — весело сказал Лукас. — Бьюсь об заклад, что через полчаса перед нами будет целая гора бутербродов, приготовленных милым господином Ланем.

С этими словами он потянул за правую веревку, и перпетуум-мобиле плавно поднялся в воздух и полетел над пустыней, не слишком набирая высоту, но зато с довольно большой скоростью.

Под ними расстилалась голая пустыня, а на небе, переливаясь чудеснейшими красками, разгоралась утренняя заря, которая с каждой минутой становилась все ярче и краше. Но на сей раз друзья не проявили особенного интереса к небесным красотам, в поисках оазиса господина Ланя и его домика они обшаривали взглядом всю пустыню вдоль и поперек. Им обязательно нужно было найти его до того, как взойдет солнце и начнется жара, из-за которой в раскаленном воздухе появляются всевозможные видения.

Поскольку Лукас толком не знал, где расположен оазис, ведь в прошлый раз им показывал дорогу сам великан, он решил зигзагом облететь всю пустыню.

Но он явно недооценивал сложность ситуации: сколько они ни летали, нигде не увидели даже макушки пальмы, не говоря уже о крыше дома и тем более о пруде с фонтанами.

— Даже если господин Ка Лань Ча отправился куда-нибудь погулять, — сказал через некоторое время Лукас, стараясь успокоить Джима, — мы все равно его увидим. Ведь все-таки он великан.

В этот самый момент из-за горизонта показалось солнце и залило всю пустыню своими горячими сверкающими лучами. Путешественники даже прикрыли глаза руками, настолько их ослепил яркий свет этого пылающего шара.

— Теперь у нас осталось совсем немного времени, — сказал Лукас, — скоро появится фата-моргана, и все дальнейшие попытки будут бессмысленны. Но пока мы еще что-то видим, мы будем летать над пустыней на максимальной высоте. Сверху у нас будет лучше обзор.

Он поставил мачту вертикально, и летающий локомотив перестал кружиться над пустыней и взмыл в воздух. Друзья напряженно всматривались.

— Вот он! — вдруг закричал Джим. — Я вижу его! Это господин Лань!

Где-то далеко-далеко виднелись смутные и расплывчатые очертания человеческой фигуры невероятных размеров. Человек этот вроде как сидел на земле, причем спиной к друзьям. Лукас тотчас же перекинул мачту, и перпетуум-мобиле, набирая скорость, рванул вперед по заданному курсу. По мере приближения локомотива фигура становилась все меньше и меньше, обретая при этом все более отчетливые очертания. Теперь уже было хорошо видно, что господин Лань сидит, обхватив голову руками, как бывает, когда человек чем-то очень огорчен.

— Тебе не кажется, что он плачет? — испуганно спросил Джим.

— Гм... Не могу тебе точно сказать, — пробормотал Лукас.

С бешеной скоростью летучий Кристи приближался к великану, сидевшему на земле. Он все уменьшался и уменьшался в размере. Скоро уже он выглядел не больше колокольни, затем — не больше дома, затем — дерева, ну а под конец он уже казался совершенно обыкновенным человеком.

Лукас мягко посадил Кристи на песок, немного не доезжая до великана. Песок заскрипел под колесами, когда паровоз затормозил.

Услышав странный звук, господин Лань подскочил как ужаленный. Лицо его было мертвенно-бледным и выражало крайний испуг.

Не проявляя ни малейшего интереса к тому, что или кто перед ним стоит, господин Лань грохнулся на колени и заговорил жалобным, дрожащим голосом:

— О! Ну почему, почему ты не можешь оставить меня в покое? Что я тебе сделал? Мало тебе, жестокое чудовище, что ты отобрало у меня мой дом и мой родник, так ты еще преследуешь меня здесь, на самом краю пустыни?!

При этом он закрыл лицо руками и задрожал всем телом от нескрываемого страха и ужаса.

Лукас и Джим переглянулись, ничего не понимая.

— Эй! Привет! — закричал Лукас, слезая с крыши локомотива. — Что такое стряслось с вами, господин Ка Лань Ча? Мы ведь никакие не чудища и не собираемся вас сжирать. Правда, — добавил он со смехом, — только при условии, что вы накормите нас хорошим завтраком.

— Господин Лань! — послышался голос Джима. — Вы что, нас не узнаете? Ведь это мы, Лукас и Джим Пуговка!

Мнимый великан медленно опустил руки и уставился на друзей отсутствующим взглядом. Через некоторое время он словно очнулся и пробормотал:

— Нет, нет, этого не может быть. Это все фата-моргана! Меня не проведешь!

— Дайте-ка мне руку, господин Лань, — сказал тогда Лукас, — и вы убедитесь, что мы — это мы. Фата-моргане нельзя ведь пожать руки.

— Невероятно! — воскликнул мнимый великан. — Мои единственные настоящие друзья, кроме которых у меня никого нет, — машинист Лукас и Джим Пуговка. Но они сейчас далеко-далеко отсюда. И они никогда не смогут приехать ко мне сюда, потому что Долину Сумерек завалило, а другого пути нет.

— Почему же нет, — возразил Джим. — Можно, например, по воздуху.

— Ну разумеется, по воздуху, — грустно кивнул господин Лань. — Фата-моргана иначе не умеет.

— Черт побери! — рассмеялся тут Лукас. — Раз вы не хотите мне пожать руку, чтобы убедиться, что перед вами я, а не фата-моргана, то придется мне самому доказать вам это. Уж не обессудьте, господин Лань!

С этими словами Лукас подошел к великану, подхватил его и осторожно поставил на ноги.

— Вот так, — сказал Лукас. — Ну как теперь, убедились?

Мнимый великан потерял дар речи, он не мог произнести ни слова.

— Действительно, — прошептал он через некоторое время. — Значит, это вы!

Лицо его сразу же просветлело, и он бросился на шею своим друзьям.

— Теперь я спасен, теперь я спасен, — твердил он без остановки.

— Знаете что, — предложил Лукас, — давайте-ка поедем теперь к вам, господин Ка Лань Ча, и как следует позавтракаем. Мы страшно проголодались, как могут проголодаться только два машиниста, вместе взятых, если вы, конечно, можете представить, что это такое.

Великан сразу же сник и тяжело вздохнул.

— С каким удовольствием я пригласил бы вас к себе домой, мои дорогие друзья! — сказал он. — С каким удовольствием я бы приготовил вам самый вкусный завтрак на свете! Но это невозможно.

— У вас больше нет дома? — с ужасом спросил Джим.

— Дом-то есть, — возразил господин Лань. — Насколько я могу судить издалека, с ним пока все в порядке. Я уже несколько дней не подхожу близко. Только один раз ночью прокрался, чтобы набрать воды в бутылку, иначе бы мне пришлось умереть от жажды. Но ночью оно спит.

— Кто? — удивленно спросил Джим.

— Чудовище, которое поселилось теперь в моем доме и от которого я вынужден бежать в пустыню.

— Что еще за чудовище? — изумился Лукас.

— О, это омерзительное страшилище, с огромной пастью, на которую просто жутко смотреть, да к тому же у него еще длинный-предлинный хвост. Он все время изрыгает огонь и дым, а от его гнусного голоса прямо барабанные перепонки лопаются.

Друзья удивленно переглянулись.

— Не иначе как к вам забрался дракон, — сказал Лукас.

— Скорее всего, — согласился Джим.

— Вполне возможно, — продолжал великан, — что этих страшилищ называют драконами. Вам лучше знать, потому что вы, наверное, уже не раз имели дело с подобными существами. Правда?

— Еще как имели! — подтвердил Лукас. — Уж мы-то насмотрелись на этих монстров! Садитесь-ка поскорее, господин Лань, и давайте поедem к вашему оазису и посмотрим, что там за непрощеный гость у вас объявился.

— Ни за что на свете! — испуганно закричал великан. — Никогда я близко не подойду к этому опаснейшему чудовищу из всех чудовищ!

Друзьям потребовалось немало времени на то, чтобы убедить великана поехать с ними, ведь без господина Ланя им действительно не найти ни оазиса, ни дома, и не только потому, что они вообще плохо ориентировались в этой местности, но и потому, что наступало время фата-морганы. Кое-где уже появились отдельные видения, но их еще было не так много — всего-навсего один верблюд, который катался по пустыне на коньках, да несколько заводских труб, которые маячили где-то на горизонте, словно бы переминаясь с ноги на ногу. Казалось, будто они поджидают какие-то детали, без которых не чувствуют себя вполне завершенными видениями. Вот и все. Но скоро ведь миражей станет все больше и больше, и тогда уже будет ни за что не найти дорогу.

В конце концов господин Лань поборол свой страх после того, как друзья клятвенно пообещали ему, что будут защищать его. Тогда они все втроем забрались на крышу паровоза и тронулись в путь. Лукас решил, что лучше будет ехать по земле, чтобы лишний раз не пугать и без того напуганного великана. Он настроил систему магнитного управления так, чтобы Кристи как порядочный паровоз ехал по земле, а не парил в воздухе. А господин Лань был слишком взволнован и потому даже не заметил, что Кристи теперь приводится в движение не паром и огнем, а совершенно другим способом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
*в которой Джим и Лукас спасают
двух своих друзей от двух чудищ*

Когда вдалеке наконец показался оазис с пышными пальмами и маленьким белым домиком, Лукас остановил перпетуум-мобиле и спросил:

— Господин Лань, у вас есть в доме какие-нибудь железные предметы?

Мнимый великан задумался на секундочку и ответил:

— Да, кое-что есть, хотя в основном я старался делать все из дерева и камня. Правда, вот кастрюля или кухонный нож...

— Хорошо, — перебил его Лукас. — Тогда лучше не будем близко подъезжать, чтобы не переворачивать у вас все вверх дном.

— То есть как это? — удивился великан.

— Мы потом вам все объясним, — сказал Лукас. — Оставляйтесь здесь, а мы с Джимом пойдем пешком к дому, чтобы разведать обстановку.

— Ой-ой-ой! — в страхе запричитал великан. — Что же, я буду здесь один-одинешенек? А если пригласится чудовище? Вы же обещали мне, что будете меня защищать!

— Но вы можете укрыться в тендере, — постарался успокоить великана Лукас.

Великан так и сделал — он залез в тендер и сжался в комочек, стараясь быть как можно более незаметным. Друзья же пошли в сторону белого домика с зелеными ставнями, который вполне мирно (как это выглядело со стороны) стоял под сенью пальм, словно приглашая под свой кров усталых путников.

Джим и Лукас потихоньку подкрались к окошку и осторожно заглянули в дом. Ничего. Никаких призна-

ков дракона, или чудовища, или чего-нибудь в этом роде. Друзья на цыпочках обошли дом и заглянули через окошко на кухню. И здесь они не обнаружили ничего подозрительного. Во всяком случае, на первый взгляд. Но когда Джим присмотрелся повнимательнее...

— Лук... Лукас, — запинаясь, прошептал он. — Что это там такое?

— Где?

— Вон там, под диваном! Там что-то торчит! Мне кажется, это кончик хвоста!

— Действительно! — воскликнул Лукас. — Ты прав!

— Что мы будем делать? — тихонько спросил Джим.

Лукас задумался.

— Скорее всего, чудовище спит. Надо его захватить врасплох, пока оно еще не очнулось, — сказал он через некоторое время.

— Давай, — прошептал Джим, в душе надеясь, что чудовище будет спать крепко и безмятежно и вообще проснется только тогда, когда они его хорошенько свяжут.

Стараясь не шуметь, друзья обогнули дом и прошмыгнули в дверь, которая была почему-то не заперта. Миновав первую комнату, они вошли в кухню. Прямо под ногами у них оказался хвост, который тянулся через всю кухню и уходил куда-то под диван.

— Я скажу «раз, два, три», и на «три» мы схватим его за хвост, ладно? — прошептал Лукас.

Друзья наклонились, чтобы удобнее было хватать, и Лукас скомандовал:

— Приготовились! Раз, два, три!

На счет «три» они оба вцепились в хвост и стали его тянуть изо всех сил.

— Сдавайся! — закричал Лукас что было мочи. — Сдавайся, кто бы ты ни был, иначе тебе конец!

— Помогите! — завизжал кто-то из-под дивана как поросенок. — Пощадите! О, я жалкий червь! Ну почему, почему меня все преследуют?! Умоляю тебя, ужасный великан, не трогай меня, пожалуйста.

Джим и Лукас перестали тянуть и удивленно переглянулись. Какой знакомый голос! Тот же жалобный голос раздавался из недр потухшего маленького вулкана. Это полудракон Непомук!

— Эй! — крикнул Джим, заглядывая под диван. — Кто это там? Кто сказал «жалкий червь»?

— Черт побери! — со смехом добавил Лукас. — Уж не наш ли друг Непомук называет себя каким-то там червяком?

— Ох, — раздалось испуганно из-под дивана. — Откуда ты знаешь, как меня зовут, ужасный великан? И почему ты говоришь двумя разными голосами?

— Потому что мы не великаны, — ответил Лукас, — а твои друзья — Джим Пуговка и машинист Лукас.

— Это правда? — с некоторым сомнением спросил полудракон. — Или это ваши великаньи штучки, которыми вы хотите выманить меня из моего укрытия? Если это все хитрость, так и знайте, меня не проведешь! Так что говорите честно: это вы или вы только притворяетесь?!

— Да, это мы, твои друзья! — сказал Джим. — Выходи, Непомук!

Тогда из-под дивана показалась большая толстая морда, чем-то напоминавшая морду бегемота, только она была вся в желто-синих разводах, и эта самая морда вперилась в Джима и Лукаса своими сверлящими глазками. Убедившись, что перед ним действительно его друзья-машинисты, Непомук расплылся в счастливой улыбке, в которой слились одновременно удивление и радость. Затем он выбрался из-под дивана.

на, встал эдак подбоченившись и закричал своим хрюкающим голосом:

— Урра! Я спасен! Ну где там этот обормот? Сейчас мы этого великанишку сотрем в порошок!

— Спокойнее, не надо так кричать, — попытался утихомирить его Лукас. — Великан тут совсем рядом.

— Помогите! — тут же заорал Непомук и устремился к спасительному дивану.

Но Лукас успел его снова ухватить за хвост.

— Что ты там забыл, под диваном, Непомук? — поинтересовался он мягко.

— Ничего. Просто хочу спрятаться. Знаешь, этот великан — он такой верзила, что в дверь не пролазит, а уж под диван ему и подавно не забраться! Так что пусти меня сейчас же!

— Но как же так! — не выдержал тут Джим. — Ведь это его дом. Он здесь живет!

— Кого «его»? — с некоторой опаской спросил Непомук.

— Господина Ланя! Понимаешь, великан, господин Ка Лань Ча — владелец этого дома! — объяснил Джим.

Непомук побледнел, насколько это, конечно, было возможно. Просто теперь он стал не желто-синим, как обычно, а желтовато-голубоватым.

— Ох ты батюшки мои! — воскликнул он необычайно взволнованно. — Но почему же, почему же, отчего же он меня не поймал?

— Потому что он страшно тебя боится, — объяснил Лукас.

Глаза Непомука округлились и заблестели.

— Боится меня? — переспросил он, не веря своим ушам. — Это правда? Большой ужасный великан страшно боится меня? Он что, думает, будто я опасный, злой драконище?

— Да, он так и думал, — ответил Джим.

— Мне кажется, — сказал Непомук, — этот великан очень милый человек. Передайте ему от меня сердечный привет и скажите, что я, пожалуй, не отказался бы посмотреть, как он меня боится. Ведь меня никто ни разу в жизни не боялся, а это довольно скверно для маленьких драконов.

— Для полудраконов, — поправил его Джим.

— Дракон, полудракон — какая разница? — с досадой отмахнулся от него Непомук. — Вовсе не обязательно выкладывать все этому великану. Зачем вдаваться в подробности?

— Конечно, не обязательно, — согласился Лукас, — но если мы не скажем господину Ланю, что ты на самом деле милый, добрый полудракон, всегда готовый всем помочь в беде, а выдадим тебя за опасного, злого дракона, он просто убежит от тебя, и ты не сможешь с ним познакомиться.

Непомук задумчиво почесал в загривке.

— Жаль, — разочарованно пробормотал он, — мне бы очень хотелось подружиться с кем-нибудь, кто бы все время дрожал передо мной от страха. Получилась бы настоящая хорошая дружба. Но если вы говорите, что это невозможно... ладно, скажите уж ему все как есть. Наверное, он тогда не захочет со мною водиться.

— Наоборот, — заверил его Лукас, — ему это очень понравится. Ты ведь еще не знаешь, что сам он не настоящий великан, а мнимый.

— Ах вот оно что! — с нескрываемой радостью хрюкнул Непомук. — А что это такое — мнимый великан?

Друзья объяснили ему странную особенность господина Ланя, и потом все втроем отправились к локомотиву. Когда они подошли к паровозу, Лукас позвал великана:

— Господин Лань! Вылезайте из тендера! Вам нечего больше бояться.

— Правда? — раздался приглушенный голос мни-мого великана. — Вы так быстро победили это страш-ное, коварное чудовище?

— Слышали?! Это он обо мне, — шепотом сказал Непомук. Он был явно польщен.

— Мы его не победили! — крикнул Лукас в от-вет. — Обошлось без этого, потому что чудовище ока-залось не чудовищем, а нашим хорошим другом. Его зовут Непомук, он полудракон, который, как-то раз нам очень здорово помог.

— Да, да, — подтвердил Джим. — И он очень милый.

Непомук потупил глазки и стоял несколько сму-щенный, неловко переминаясь с лапы на лапу. Но не потому, что он был очень скромным. Просто драко-нам неприлично быть хорошими, это для них насто-ящий позор.

— Да, но если он такой милый, — послышался сно-ва голос из тендера, — то почему же он забрался в мой дом, а меня самого прогнал?

— Просто он очень боялся вас, господин Лань, — ответил Лукас. — Он только хотел от вас спрятаться подальше.

Услышав это, великан осторожно выглянул из тен-дера.

— Это правда? — спросил он грустным голосом, и лицо его сразу сделалось очень печальным. — Значит, он боялся меня? О, мне очень жаль, я страшно огор-чен! Где он, несчастный Непомук, я должен немедлен-но принести мои извинения!

— Вот он я, — хрюкнул Непомук.

Господин Лань с некоторым трудом выбрался на-конец из тендера и от всего сердца пожал полудрако-ну лапу.

— Простите меня, милый друг! — воскликнул он. — Простите за то, что я вас напугал! Я безмерно огорчен!

— Ничего, — ответил Непомук и улыбнулся во весь рот. — А вам, любезный великан, спасибо за то, что вы меня боялись. Мне было очень приятно!

— Ну вот, — сказал Лукас, — а теперь мы должны рассказать вам, господин Лань, зачем мы к вам пожаловали. Но прежде чем объяснить вам...

— Но прежде чем объяснить мне все, — перебил его великан, — давайте мы все вместе позавтракаем. Позвольте мне пригласить моих дорогих гостей в дом! Пойдемте!

— С удовольствием! — хором отозвались Джим и Лукас.

Друзья взяли Непомука с двух сторон за лапы и пошагали дружно следом за великаном. Только Кристи пришлось, к сожалению, остаться. Но славный добрый паровоз не унывал, он тем временем решил немножко вздремнуть.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, *в которой Лукас и Джим находят смотрителя для Большого Магнита короля Гурумуша*

Когда они все вчетвером пришли в дом господина Ланя и уже сели за стол, готовые приняться за всякие вкусности, которые великан успел приготовить на скорую руку, Непомук вдруг спросил:

— А что я буду есть?

На столе дымился целый кофейник инжирного кофе, к которому господин Лань подал еще кокосовое молоко и виноградный сахар. Рядом высилась гора бутербродов — нарезанные ломтиками плоды баобаба и сладкого рожкового дерева, густо намазанные кактусовым медом и гранатово-яблочным муссом. Еще здесь было финиковое печенье, банановые чипсы, ана-

насовые кренделя, маковый рулет, жареные каштаны и шоколадно-ореховое масло к ним. Внимательный читатель, наверное, обратил внимание на то, что в это меню, которое господин Лань предложил своим гостям, вошли только блюда, приготовленные из растительной пищи. Ведь, как вы помните, господин Лань — большой друг животных, и поэтому он не может их есть. Таких людей называют вегетарианцами.

Что тут говорить, у всякого, кто прочитает этот список яств, наверняка сразу же слюнки потекут. Но только не у Непомука. Бедняга растерянно смотрел на стол, уставленный всякой всячиной, и чуть не плакал. Вот если бы ему предложили порцию пылающей лавы, да побольше, или, на худой конец, ведро кипящей смолы, то это совсем другое дело. Но ничего подобного, разумеется, в хозяйстве господина Ланя не водилось.

Джим и Лукас растолковали великану, как обстоит дело с питанием полудраконов и какое отношение к ним имеют кипящая лава и смола.

— И что же нам теперь делать? — спросил совершенно несчастный господин Лань. Он страшно боялся показаться негостеприимным, но где же ему было теперь найти для Непомука подходящую еду?

В конце концов Непомуку пришлось удовлетвориться жареным песком — он получил целую огромную сковородку, благо в пустыне этого добра было полно. Нельзя сказать, что это было его любимое блюдо, но все же лучше, чем ничего, потому что все-таки он успел здорово проголодаться.

После того как все поели и Непомук громко икнул, выпустив из ушей две розовые струйки дыма, господин Лань сказал:

— Ну а теперь, дорогие друзья, расскажите мне, пожалуйста, что привело вас ко мне? Чем обязан я такой радости?

— Нет, нет, — перебил вдруг его Непомук, — я первый! Сначала я расскажу свою историю!

Друзья весело переглянулись. Маленький полудракон ничуть не изменился. Он изо всех сил старался вести себя так же грубо и развязно, как ведут себя чистокровные драконы.

— Я был... — начал свой рассказ Непомук, но господин Лань не дал ему договорить до конца.

— Любезный Непомук, — сказал он с очень строгим выражением лица, — поскольку вы теперь с нами, а не среди своих соплеменников, то я прошу вас соблюдать приличия и подчиняться правилам, принятым у нас.

— Пф! — тихонько фыркнул Непомук и, сделав обиженное лицо, умолк.

— Дело вот в чем, — начал Лукас, после того как хорошенько набил себе трубку и выпустил несколько клубов дыма. — Медландии срочно нужен маяк. И нам пришла в голову отличная идея, — мы хотели бы предложить вам взяться за это необычайно важное для нашей страны дело. Кроме вас, господин Лань, никто не может справиться с этой сложной задачей!

— А как вы себе это представляете? — спросил совершенно ошарашенный великан.

Друзья принялись растолковывать господину Ланю, что к чему. Постепенно до него стало доходить, чего хотят его друзья, и он засиял от радости. А когда Лукас и Джим заверили его, что на острове никто никогда не будет бояться его гигантского роста по той простой причине, что остров недостаточно велик для того, чтобы можно было удалиться на большое расстояние и посмотреть на него со стороны, то тут уже милый старичок пришел в неописуемый восторг и, вскочив со стула, бросился обнимать друзей.

— Как я благодарен вам, мои любезные друзья! Исполнилось мое заветное желание! Я не только буду

жить в стране, где меня никто не будет бояться, но и смогу еще употребить на пользу некоторые свои не совсем обычные свойства! Если бы вы только знали, какое это счастье для меня, старика!

У господина Ланя на глаза навернулись слезы.

Лукас усиленно запыхтел трубкой, так что из-за дыма его уже почти не было видно; он всегда так делал, когда был чем-то тронут или взволнован.

— Я рад, господин Лань, что вы согласны, — пробасил он. — Вы для нас настоящая находка. К тому же вы удивительно хорошо подходите к нашей стране.

— Я тоже так считаю, — подтвердил Джим.

Он был очень доволен, ведь это он придумал поставить мнимого великана вместо маяка.

— А что же будет со мной? — подал вдруг голос Непомук.

Все это время он сидел с надутым видом, но поскольку на него никто не обращал внимания, он решил, что дуться просто так совершенно неинтересно.

— С тобой? — удивился Джим. — А что должно быть с тобой?

— А мне нельзя с вами в Медландию? — как-то воодушевившись, спросил Непомук. — Может, у вас там найдется для меня маленький вулканчик? Я бы себе жил в нем и хоть каждый день делал бы вам всякие там землетрясения, заливал бы вас кипящей лавой. Вот увидите, как будет все чудесно. Ну что, договорились?!

Джим и Лукас снова переглянулись, но на сей раз им уже было не до смеха. Вид у них был скорее озабоченный. Ведь что ни говори, а полудракон им здорово помог в свое время, и теперь его слова были сказаны от чистого сердца.

— Мой дорогой Непомук, — начал осторожно Лукас. — Знаешь, я не уверен, что тебе у нас понравится.

— Ерунда! — перебил его полудракон и махнул лапой. — Я уж как-нибудь устроюсь, пусть вас это не беспокоит.

— Но у нас нет вулкана, — нашелся тут Джим. — Даже самого крошечного.

— И кроме того, — продолжал Лукас, — у нас совсем мало места. Еще господин Лань кое-как поместится, да и то только на Ново-Медландии. И знаешь, скажу тебе честно, дорогой Непомук, мы тебя очень любим и страшно благодарны тебе за все, что ты для нас сделал, но жизнь на Медландии все-таки не для тебя.

— Я тоже так думаю, — серьезно сказал Джим.

Непомук недоумевающе смотрел на друзей, а потом вдруг скорчил очень жалостливую гримасу, которая придавала его упитанной физиономии выражение невообразимой скорби. Затем он шумно втянул носом воздух, распахнул свою необъятную пасть, так что теперь, кроме нее, ничего не было видно, и отчаянно завыл, и выл он так громко и пронзительно, что даже Кристи, пожалуй, не удалось бы его заглушить, если бы он принялся свистеть и гудеть в полную силу. Сквозь этот душераздирающий вой прорывались отдельные нечленораздельные слова.

Все вместе это звучало приблизительно так:

— Ууууу-ноооооо — ох-охохох — яааааа — хочуууууу в — Медлааааан — лаааандиюуууууу — ой-ой-ой-ой — драаааа-коныыыы — меняааааа — ойой-ойой — не пу — не пускаааааааают — назаооооот — меняааааа про-про-проойойойойой — прогнааааааали — охohoх — ониииии — меняааааали — сожрууууууут — фрбрхр — если — яаааа — фернуууууууу — о х-хо-хо-зо — хооооо — уууу!

Потребовалось немало времени, прежде чем друзьям вместе с господином Ланем удалось кое-как ус-

покоить захлебывающегося от рыданий Непомука и добиться от него, что означают его причитания. В результате выяснилось следующее.

Обитатели драконьего города Бедландия в конце концов спохватились и обнаружили, что исчезли не только захваченные в плен дети, но и фрау Зубпер. Они довольно быстро сообразили, что, вероятно, кто-то сумел без спросу проникнуть в их город и похитить всю компанию. Было произведено тщательное расследование и в первую очередь учинен допрос стражникам. В результате по разным мелким деталям удалось восстановить общую картину похищения, где главную роль играл замаскированный паровоз. Было ясно, что без посторонней помощи злоумышленники не могли обойтись. Причем помогал им кто-то из тех, кто хорошо знаком с обстановкой. Это навело драконов на мысль поискать предателя среди полудраконов в Стране Тысячи Вулканов. Скоро они уже вышли на след Непомука. Над маленьким вулканом нависла угроза — сорок два дракона из тех, что охраняют город, двинулись в сторону жилища Непомука, чтобы поймать и съесть коварного предателя.

К счастью, Непомук вовремя заметил надвигающуюся опасность и успел унести ноги. Когда он очутился в районе Черных Скал, где стоял ледяной холод и все было скрыто в кромешной тьме вечной ночи, он так замерз, что чуть не околел, хорошо еще дома он успел заглотить на скорую руку большой котел раскаленной лавы.

Это хоть как-то согревало его изнутри. И все же ему пришлось очень туго, пока наконец он не добрался до пустыни Край Света. Два или три дня его водила за нос фата-моргана, и все это время ему приходилось довольствоваться каким-то жалким песком и мелкими камушками. Но тут он увидел господина

Ланя. Испугавшись его гигантского роста, Непомук опрометью бросился прочь, и бежал он без остановки до тех пор, пока не приметил маленький беленький домик с зелеными ставнями, где он и укрылся от великана.

Закончив свой рассказ, Непомук всхлипнул напоследок, и две крупные слезы скатились по желто-синим щекам.

— Если и вы не хотите со мною водиться, — жалобно сказал он, — то я тогда и вовсе не знаю, куда мне деться. В пустыне я оставаться не могу. Одинонешенек, да еще без подходящей еды я тут совсем пропаду.

— Это верно, — пробормотал Лукас.

Все стояли молча и только смотрели в землю. Немного погодя, чтобы хоть как-то утешить Непомука, Джим сказал:

— Ты не бойся, Непомук. В свое время ты нам помог, теперь мы поможем тебе. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Лукас вынул трубку изо рта и, прищурившись, посмотрел на полудракона, словно прикидывая что-то в уме.

— Есть у меня тут одна идея, — задумчиво сказал он, — только я не вполне уверен, что Непомук справится с такой сложной задачей.

— Ты имеешь в виду Большой Магнит? — тихонько спросил его Джим.

— Да, почему бы и нет?! — ответил Лукас. — А может быть, он отлично справится. Мне кажется, тяжелые испытания, которые выпали на долю Непомука, несколько образумили его, и он явно исправился.

— Я теперь даже очень образумленный и исправленный! — взволнованно прохрюкал Непомук. — А в чем, собственно говоря, дело?

— Дело очень серьезное, дорогой Непомук, — ответил Лукас. — Это дело можно доверить только очень надежному лицу.

И Лукас объяснил полудракону, что представляет собою Большой Магнит и почему обязательно требуется зритель, который мог бы по мере необходимости отключать и снова включать его.

— Теперь ты видишь, — сказал Лукас, завершая свое объяснение, и выпустил густое облако дыма, — речь идет об очень ответственном деле. Тебе придется оставить твои драконьи штучки и забыть о всех скверных драконьих привычках. Мы возьмем с тебя честное слово, что ты будешь вести себя хорошо. Мы очень надеемся, Непомук, что ты не подведешь.

Полудракон, слушая речь Лукаса, совершенно при-смирел и выглядел очень серьезным. Глядя на него блестящими круглыми глазами, он протянул Лукасу свою лапу и торжественно произнес:

— Даю мое самое честное слово, что не подведу вас, друзья. Драконьи штучки я так и так уже оставил, потому что ведь драконы — мои враги. И я совершенно не хочу быть похожим на них. Теперь вы — мои друзья, и поэтому я хочу быть похожим только на вас.

— Хорошо, — сказал Лукас. — Давай попробуем. Только вот не очень понятно, чем ты там будешь питаться? Ведь тебе же нужно что-то есть.

— Обязательно! — хрюкнул Непомук. — Но вы ведь говорили, что там внизу очень жарко, потому что совсем близко залегает огненная подземная лава. Так я вырою себе колодец и буду ведрами черпать ее сколько влезет. Под землей-то самая вкуснятина! Питательнее лавы нет ничего на свете.

От одной мысли о такой вкуснятине у Непомука слюнки потекли, и он смачно облизнулся. Лукас и

Джим не могли без смеха смотреть на размечтавшегося Непомука.

— Ну хорошо, — сказал наконец Лукас. — Я думаю, что Непомук самая подходящая кандидатура для этого дела. Как ты считаешь, Джим?

— Мне кажется, да, — согласился Джим.

— Спасибо! — отозвался Непомук со вздохом облегчения.

Полудракон, вероятно, страшно переволновался, во всяком случае, когда уже все было решено, он, очевидно, больше не смог уже сдерживать себя и от души несколько раз икнул, так что у него из ушей и из носа выскочило несколько зеленых и фиолетовых колечек дыма.

— Дорогие друзья, — сказал Лукас, поднимаясь, — теперь мы все обсудим. Делать нам здесь больше нечего, так что давайте полетим как можно скорее к Большому Магниту. Там нас ждет Максик, нам бы не хотелось надолго его оставлять одного.

Джим с некоторой тревогой думал о том, как они полетят через горы. Как перенесет мнимый великан перелет через зону разреженного воздуха? И что будет, если он все-таки не перенесет этого? Джим хотел уже было поделиться своими мыслями с друзьями, но господин Лань опередил его.

— Вы что-то сказали о каком-то полете, любезный мой друг? — испуганно спросил он.

— Да, господин Ка Лань Ча, — серьезно ответил Лукас. — Ничего не поделаешь. По-другому нам не выбраться из пустыни, вы ведь знаете — Долину Сумерек завалило и...

Лукас вдруг запнулся и потом, хлопнув себя по лбу, радостно воскликнул:

— Долина Сумерек! Джим, ну как же мы не подумали об этом?!

— О чем? — ничего не понимая, спросил Джим.

— Мы ведь можем лететь над Долиной Сумерек, — объяснил Лукас. — Точнее, над тем, что от нее осталось. Ведь горы там обрушились, значит, нам не нужно подниматься высоко. Это значительно облегчает дело.

— Это хорошая идея, Лукас, — сказал Джим, кивнув своему другу. На душе у него стало спокойней.

Но зато господину Ланю было совершенно все равно, полетят ли они на большой высоте или на маленькой. Одна мысль о полете, как таковом, вселяла в него жуткий ужас. Если бы не перспектива работать в Медландии маяком, он бы ни за какие коврижки не согласился на такое рискованное мероприятие. С бледным лицом он принялся делать бутерброды в дорогу, которые складывал в огромный пакет. Затем он налил в тыквенную бутылку чай и, когда все было собрано, сказал совершенно убитым голосом:

— Я готов, дорогие друзья.

Путешественники вышли из дома и молча побрели гуськом в сторону локомотива. Поскольку солнце уже было в зените и воздух изрядно нагрелся, фата-моргана неистовствовала вовсю. Так, по дороге к паровозу друзья вдруг увидели гигантскую конную статую, на макушке которой колыхался развесистый дуб, а на ветках тут и там сидели какие-то люди с раскрытыми зонтиками в руках. Слева от Кристи в воздухе кружились три старомодные лоханы, которые, по всей видимости, играли в пятнашки. Посередине на постаменте стоял уличный регулировщик в белом одеянии. Секунда — и все видения исчезли, растворившись в воздухе.

Лукас усмехнулся.

— Ну вот мы и пришли, — сказал он, похлопывая по пузатому котлу Кристи.

Господин Лань снова обернулся и бросил последний взгляд на свой оазис и маленький белый домик с зелеными ставнями.

— Прощай, мой милый домик, — сказал он тихонько и помахал рукой. — Много лет ты давал мне приют. Мы никогда больше не увидимся. Что станет с тобою?

В этот момент над оазисом в воздухе проплыл огромный корабль под кроваво-красными парусами, на которых была выведена большая черная цифра 13. Корабль пронесся как бешеный и скрылся за горизонтом.

Лукас внимательно следил за передвижением этого видения. Джим тоже не спускал с него глаз.

— Как ты думаешь, это корабль пиратов из Чертовой Дюжины? — спросил Джим.

— Вполне возможно, — отозвался густым басом Лукас. — Даже наверняка это он. Эх, знать бы, откуда приплыло к нам это видение, мы бы тогда узнали много чего еще. Но, к сожалению, нам это неизвестно.

Затем он повернулся к своим пассажирам и бодрым голосом сказал:

— Прошу садиться, господа!

Лукас посоветовал господину Ланю сесть на пол в кабине машиниста, чтобы не слишком бросаться в глаза, потому что он хорошо представлял себе, какой переполох может подняться среди жителей Китая, если на небе неожиданно-негаданно появится парящий великан невероятных размеров или они увидят хотя бы часть его гигантского тела, скажем голову, вздумай господин Лань выглянуть в окошко. Мнимый великан считал такие меры предосторожности вполне разумными. Кроме того, он и сам не собирался особо высовываться, полагая, что чем меньше он будет видеть во время перелета, тем лучше.

Непомук тоже забрался в кабину машиниста. Он сразу же занял место у окошка, приготовившись смот-

реть во все глаза. Ему-то можно было сколько угодно выглядывать и обозревать окрестности. И это его, конечно, очень радовало, ведь он был страшно любопытным.

Лукас и Джим забрались на крышу паровоза. Лукас направил мачту с магнитами вверх и потянул за правый шнур. Плавно и бесшумно перпетуум-мобиле оторвался от земли и, набирая скорость, устремился ввысь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой впервые за последние сто тысяч лет
завязывается дружба между
огнедышащим существом и обитателем моря*

Вскоре путешественники добрались до горного массива Венец Мира. Лукас направил паровоз вдоль первой гряды, пока они не долетели до того места, где когда-то была Долина Сумерек. Все ущелье приблизительно до половины было завалено горными обломками. Гигантские каменные глыбы громоздились тут и там, придавая бывшему ущелью жутковато-фантастический вид. Молча смотрели Джим и Лукас на это мрачное зрелище, пока перпетуум-мобиле бесшумно летел над каменными развалинами. Из-за происшедшего обвала ущелье теперь значительно расширилось, и в некогда узкой лощине стало довольно просторно. И все же Лукасу приходилось быть все время начеку и следить за тем, чтобы Кристи, летевший с бешеной скоростью, не врезался со всего размаху в какой-нибудь острый выступ, торчавший из полуобрушившейся скалы. Несколько раз Лукасу приходилось стремительно менять положение мачты, чтобы избежать столкновения. Но несмотря на все сложности и неко-

торый риск, этот перелет не шел ни в какое сравнение с первым, когда нужно было лететь через высоченные горы да еще приспособливаться к разреженному воздуху.

Вскоре уже ущелье было позади, и путешественники увидели Лес Тысячи Чудес, который простирался под ними во всей своей многоцветной красоте. Вот показалась Китайская стена, которая тоненькой красной лентой вилась по холмам и долинам. А за нею раскинулись обширные владения китайского императора с бесконечными пашнями, извилистыми дорогами, реками и речушками, через которые были перекинуты изящные изогнутые мостики. Тут и там мелькали небольшие озера, напоминавшие издалика гладкие зеркала.

Лукас на всякий случай взлетел повыше, потому что на горизонте уже виднелись золотые крыши Пекина. Но вот уже и Китай остался позади, перпетуум-мобиле стрелой летел над океаном. Вскоре друзья заметили, что вода внизу стала совсем другой — с шумом катились гигантские волны, почернело море, превратившееся вдруг в мрачноватую разбушевавшуюся стихию.

— Под нами Варварское море! — прокричал Лукас своему маленькому другу. — Мы на правильном пути.

И точно, не прошло и получаса, как Джим заметил вдалеке две крошечные черные точки. Перпетуум-мобиле взял курс прямо на них. Точки стремительно увеличивались. Это был Большой Магнит! Лукас описал в воздухе большой круг над магнитным островом и потом, ловко маневрируя, стал медленно снижать высоту, пока наконец не посадил свой летательный аппарат на воду, прямо среди бушующих волн, метрах в пятистах от берега.

— Неплохо сработано, старина?! — сказал Лукас и весело подмигнул Джиму.

— Ага, вот и вы! — раздался вдруг откуда-то из воды чей-то нежный голосок. Это была Сурсулапичи, которая вынырнула прямо у локомотива. — Куда это вы запропастились? Мы вас уже целый день тут ждем, — пропела она.

— О том же могли бы спросить вас и мы, милая барышня, — миролюбиво ответил Лукас. — Мы вас прождали вчера целый день, а потом увидели, что вас нет, и решили испробовать одно наше изобретение, которое успели сделать за это время. Ну вот, при помощи этого изобретения мы сумели доставить сюда двух наших друзей.

— Ах вот оно что, — сказала морская принцесса, — ну, это меняет дело. А знаете, почему я не вернулась вовремя?

— Наверное, потому, что вы забыли, — предположил Лукас.

— А вот и нет! — весело воскликнула Сурсулапичи.

— Наверное, потому, что вы протанцевали все это время на балу, — догадался Джим.

— Тоже нет! — ответила принцесса и залилась радостным смехом, напоминавшим плеск волн.

— Ну, тогда мы сдаемся, — сказал Лукас.

— Представьте себе, — начала рассказывать принцесса, совершенно сияя от счастья, — на балу мне сказали, что кто-то видел моего жениха Ушауришуума. На дне Сапфирового моря. Я тут же помчалась туда, обшарила там все углы и закоулки и все-таки нашла его — в трех морских милях к югу от Голубой Коралловой стены, прямо посреди луга, где растут...

— Н-да, — ухмыльнулся Лукас, — вот радости, наверное, было!

— Ну а потом, — продолжала щебетать морская принцесса, — он запряг моих морских скакунов, и мы рванули сюда. И вот мы тут!

— Но что-то я его не вижу, — удивился Джим.

— Да, а где же он? — спросил Лукас. — Надо же его поприветствовать.

— Он сейчас вынырнет, — сказала русалка. — Он ведь все-таки черепахусий, а они все немножко неповоротливые. Когда мы увидели вашу коломодингу, которая неслась прямо на нас, мы вместе с ним нырнули под воду, и вот... Ага, вот и он! Посмотрите! Правда, он необычайно элегантен?

На поверхности появилось существо весьма странной наружности. Нечто среднее между черепахой, человеком и селезнем. У него был твердый панцирь из зеленых пластинок с золотыми прожилками; длинные руки-ноги, торчавшие из-под панциря, отличались от человеческих, во-первых, цветом — они были лиловыми, а во-вторых, тем, что между пальцами у него, как у какого-нибудь селезня, были перепонки.

Но зато лицо у него выглядело совершенно по-человечески и даже казалось вполне красивым. Правда, вот волос на голове совсем не было, но это компенсировалось длинными-предлинными обвислыми усами. Самыми привлекательными в его облике были, пожалуй, глаза. Из-за больших золотых очков на вас смотрели два больших глаза чудесного фиалкового цвета; они глядели серьезно, спокойно и даже немного печально.

— Приветствую вас! — с расстановкой сказал черепахусий. В его голосе слышалась удивительная певучесть. — Мне довелось о вас много слышать, и я почту для себя за большую честь познакомиться с такими замечательными людьми.

— Взаимно, — ответил Лукас. — Как хорошо, что вы наконец нашлись, господин Ушауришуум!

— Скажите мне, пожалуйста, — вступил в разговор Джим, — вы уже выполнили задание, которое поручил

вам король Лормораль, и теперь можете жениться на принцессе Сурсулапичи?

Черепажухий грустно улыбунулся.

— Как мило с вашей стороны, что вы спрашиваете меня об этом, — ответил он своим певучим голосом, — но, к сожалению, мне не удалось справиться с этим заданием. Я так и не нашел ни одного огнедышащего существа, которое было бы дружески настроено к нам, морским обитателям. Я уже почти потерял надежду на то, что когда-нибудь сумею изготовить Кристалл Вечности.

Морская принцесса тотчас же принялась всхлипывать. Черепажухий положил ей руку на плечо и сказал:

— Не плачь, дорогая, я буду искать до конца дней своих.

— Милая принцесса, а как обстоит дело со зрителем Большого Магнита? — перевел разговор на другую тему Лукас. — Вы нашли кого-нибудь?

Вместо русалки ответил черепажухий.

— Моя невеста, — сказал он своим мелодичным голосом, поглаживая по волосам безутешно рыдающую принцессу, — сообщила мне о тех трудностях, с которыми вы столкнулись после того, как починили Большой Магнит. Я знаком с устройством магнитной системы, потому что тысячу лет тому назад я спускался однажды вниз. Тогда все было в порядке. Но я не мог там долго оставаться из-за очень высокой температуры, которую мы, обитатели моря, переносим с трудом. Разумеется, я с удовольствием спущусь вниз и включу систему только тогда, когда вы со своей удивительной машиной удалитесь на достаточное расстояние. Но, к сожалению, я не смогу взять на себя обязанности зрителя. Во-первых, из-за жары, которую я просто не вынесу, а во-вторых, из-за задания, которое дал мне морской король; ведь чтобы выпол-

нить его, я должен постоянно прочесывать все акватории мира.

— Гм, — ухмыльнулся тут Лукас. — Как здорово все-таки, что мы захватили с собою нашего друга Непомука!

— Непомука? — переспросила морская принцесса и тотчас же перестала плакать. — А кто такой Непомук?

— Позови-ка его сюда, Джим, — сказал Лукас, хитро улыбаясь.

Джим открыл крышку тендера и, заглянув в холодную топку, прокричал:

— Непомук! Эй! Непомук! Вылезай!

— Сейчас! — раздался хрюкающий голос полудракона, который, пыхтя и сопя, начал выбираться из кабины. Вскоре показалась его упитанная физиономия.

— Хо-хо-хо-хо! — вдруг загоготал он. — Это что за студни ходячие? Вот потеха! Слизняки не слизняки, люди не люди? Не поймешь! Хо-хо-хо-хо!

Непомук так и не научился еще вести себя как следует.

Принцесса и ее жених в ужасе уставились на полудракона. От страха Сурсулапичи стала светло-зеленой.

— Ч-ч-ч-то это такое? — заикаясь, спросила она.

— Я дракон! Фффу! — пронзительно завопил вдруг Непомук и полыхнул пламенем из носа.

В ту же секунду обитатели моря скрылись под водой, оставив после себя только пенящийся водоворот.

— Вы видели? — не помня себя от радости, заверещал Непомук. — Они утонули от страха! Жалко, конечно, что они пошли ко дну. Такие милые люди, так уважительно отнеслись ко мне!

— Непомук! — сказал Лукас с расстановкой. — Так дело не пойдет. Ты ведь дал нам честное слово, что оставишь свои драконьи штучки.

Полудракон растерянно захлопал глазами. Вид у него был совершенно несчастный.

— Ох, простите меня, пожалуйста! Я забыл. Но я больше не буду. Никогда не буду драконничать! — пообещал он.

— Ну хорошо, — серьезно сказал Лукас. — Если ты еще раз забудешь, то тебе придется отказаться от должности смотрителя Большого Магнита. Смотри, я тебя предупредил.

Понурившись, стоял Непомук с виноватым видом.

Лукас позвал русалку и ее жениха. Но ему пришлось кричать довольно долго, пока наконец на почтительном расстоянии от берега показались их физиономии.

— Не бойтесь, плывите сюда, — успокоил их Лукас. — Вам правда нечего бояться.

— Совершенно нечего, — подтвердил Джим. — Непомук — очень славное огнедышащее существо. Он хочет с вами дружить.

— Да, дружить, — хрюкнул Непомук, изо всех сил стараясь придать своему голосу как можно более мягкое звучание. — Я жутко славное огнедышащее существо, это правда!

— Огнедышащее существо? — переспросил черепахусий с явным интересом. — И ты готов с нами дружить? Я не ослышался?

— Я очень даже готов с вами дружить, — заверил его Непомук с важным видом. — Я дал честное слово Джиму и Лукасу, что никогда не буду обижать вас.

Русалка и черепахусий осторожно вылезли на берег, и Лукас по всем правилам представил друг другу новых знакомых.

— Ну вот, — сказал он затем, — теперь нам нужно поскорее добраться до старой бухты и встать там на якорь. Максик уже, наверное, нас заждался.

Лукас мягко развернулся и ловко погреб в сторону прежней стоянки. Когда они наконец причалили к берегу, Непомук и Ушауришуум уже болтали как старые добрые приятели. Это, наверное, оттого, что Непомук благодаря своему родству с бегемотами все-таки ощущал какую-то внутреннюю тягу к воде и ко всему морскому, а Ушауришуум, в силу своего отдаленного родства с черепахами, чувствовал себя как-то связанным с сушей. Так что получалось, что у них даже есть что-то общее. Черепахусий был на седьмом небе от счастья, что наконец-то нашлось огнедышащее существо, с чьей помощью ему удастся, быть может, выполнить задание короля Лормораля. А Непомук, в свою очередь, был страшно рад, что теперь он должен играть такую важную роль, да к тому же еще обзавелся компанией.

— А как там наш господин Лань? — спохватился вдруг Джим. В суете и суматохе о старичке совершенно забыли.

— Господин Лань? Он ничего, — сказал Непомук, — всю дорогу сидел на полу бледный, с зажмуренными глазами, забившись в угол, а на поворотах все время говорил «Боже мой» и «спасите». Наверное, и сейчас сидит там в своем углу.

Джим поспешил отодвинуть крышку тендера и позвал:

— Господин Лань! Приехали! Выходите.

— Правда?! — раздался тонкий голосок мнимого великана. — Ну слава Богу, а то я уже думал, что живыми нам не долететь до земли.

С этими словами он кое-как выбрался из тендера и оглянулся по сторонам.

— Это и есть тот самый милый, чудесный остров, именуемый Медландией, где мне предстоит работать маяком? — спросил он несколько разочарованно.

— Конечно же нет! — рассмеялся Лукас. — Это Большой Магнит. Здесь будет нести свою службу Непомук. Медландия — следующий пункт нашей программы. Ну хорошо, друзья. Не будем больше терять время. Я вместе с Непомуком и Ушауришуумом спущусь вниз, чтобы им все показать. Уж на этот раз я возьму с собой фонарик. Все равно мы не будем сейчас включать магнит... Это сделает Непомук, когда мы будем уже далеко. Джим, а ты пока сходи за Максиком, отвяжи его и прикати сюда.

— Порядок! Будет сделано! — отозвался Джим.

— А вы ждите нас здесь, — добавил Лукас, обращаясь к русалке и великану.

Затем он полез на вершину скалы, взяв в собой Непомука и Ушауришуума, который на суше передвигался как человек, на двух ногах, только делал он это несколько медленно. Морская принцесса снова устроилась на мелководье, а господин Лань уселся на какой-то валун.

— Я скоро вернусь, — сказал Джим и ушел за Максиком.

Если б он только знал, что через несколько минут он обнаружит нечто такое, что будет иметь для него самого и даже для его друга Лукаса весьма существенные последствия!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,
в которой на Джима
обрушивается большое горе,
а Лукас разрабатывает смелый план

Когда Джим вышел к тому месту, где он оставил Максика, он сначала подумал, что, вероятно, ошибся и попал не туда. Пещера как будто была та — но Максика в ней не было!

У Джима прямо сердце замерло, а потом вдруг отчаянно забилося.

— Наверное, это где-то в другом месте, — бормотал он. — Наверняка я ошибся. Здесь полным-полно всяких гротов, пещер, так что легко можно сбиться.

И он прошел немножко дальше, заглядывая во все дыры, потом забрался чуть выше, искал там, потом снова спустился. В конце концов ему ничего не оставалось делать, как честно сказать себе, что все-таки сначала он верно вышел к нужному месту.

— Наверное, Максик забился в самую глубину, — решил он, — ведь он не может просто так взять и исчезнуть. Ведь мы его крепко привязали. Скорее всего, я плохо посмотрел.

Джим вернулся к первому месту и залез в пещеру, стараясь проникнуть как можно глубже. Но скоро он уперся в стенку. Максика нигде не было! Даже малейшего следа и то не осталось!

— Максик! — срывающимся голосом позвал Джим.

Губы его дрожали. Он выскочил из пещеры и принялся звать свой паровозик, и все звал и звал его, кусая себе руки, чтобы не разреветься.

Мысли вихрем проносились в его голове. Прошло немало времени, прежде чем он сумел как-то сообразить, что же делать и куда ехать.

— Лукас! — вспомнил он. — Надо сейчас же позвать Лукаса!

Задышавшись от волнения, он быстро взобрался на вершину скалы, подбежал к колодцу и, бросившись на землю, стал кричать в дыру. Там, глубоко внизу, он увидел свет от фонарика Лукаса. Джим сложил ладошки рупором и еще раз позвал Лукаса. Он старался изо всех сил:

— Лукас! Лукас! Выходи! Скорее! Максик пропал! Пожалуйста! Я прошу тебя!

Но снизу никто не отзывался. Наверное, завывающий ветер в колодце и грохот бушующих волн, что разбивались о скалистые берега, заглушали все остальные звуки.

— Пойду за ним! — решил Джим и стал спускаться по винтовой лестнице.

Но, пройдя несколько метров, он вынужден был отказаться от этой затеи, потому что ведь у него не было фонарика, а в темноте да по скользкой лестнице далеко не уйдешь. Пока он будет ползти вниз, Лукас так и так уже все закончит и сам выйдет наверх. Значит, ничего не оставалось, как ждать. Конечно, в такой ситуации нет ничего хуже, чем просто сидеть сложа руки и ждать у моря погоды.

Джим решил еще раз спуститься к тому месту, где стоял Максик, и все как следует осмотреть. Но поиски ничего не дали. Только маленький обрывок расширенных жемчугом поводьев, которыми был привязан Максик, — все, что осталось от него.

Зажав в руке этот крошечный кусочек, напоминавший об исчезнувшем паровозике, Джим вернулся в бухту, где оставались Кристи, господин Лань и русалка. Молча сел он на камень. Его лицо, несмотря на черный цвет кожи, казалось пепельно-серым.

— Позвольте мне задать вам вопрос, любезный друг, — обратился к нему господин Лань. — Что случилось? Может быть, с вашим маленьким локомотивом...

Но господин Лань не договорил предложения до конца — Джим посмотрел на него такими печальными глазами, полными безутешного горя, что слова застряли у великана в горле. Принцесса тоже притихла.

Застывшим взглядом Джим смотрел на море. Он кусал губы, чтобы они не так дрожали. Потом, запинаясь, он беззвучно сказал:

— Да... Максик... он... я не знаю... наверное, он пропал...

И все трое погрузились в молчание. Только слышно было завывание ветра да рокот морского прибоя.

— Скорее всего, его кто-нибудь украл, — сказал наконец Джим.

Русалка покачала головой.

— Нет, сюда никто не заходит, — объяснила она. — Даже жители моря. Но если бы они здесь и появились, то все равно никто из наших не мог стащить паровозик.

— Давайте подумаем, — вмешался тут великан. — А не могло получиться так, что он просто отвязался, упал в воду и пошел ко дну?

Джим посмотрел на великана. В его глазах затеплилась надежда.

— Могло, наверное, — сказал Джим. — Хотя мы крепко его привязали. Да к тому же у него задраены все щели, потонуть он не мог.

— Давайте я посмотрю, — предложила русалка. Я нырну и поплыву вокруг острова.

— Ой, пожалуйста! — воскликнул Джим, и русалка тут же исчезла под водой.

— Как я понимаю вашу боль, мой юный друг! попытался утешить Джима господин Лань. И он принялся приводить тысячи разных примеров, когда люди что-нибудь теряли, а потом неожиданным образом все находили. Господин Лань хотел сделать как лучше, но Джим слушал его вполуха.

Наконец русалка вернулась.

— Ну что, нашла что-нибудь? — спросил он, едва сдерживая волнение.

Русалка покачала головой.

— Скалы доходят до самого дна, — ответила она, — а там на глубине так темно, что ничего нельзя толком

разглядеть. Придется подождать, пока зажжется морская иллюминация.

— Но тогда Максика притянет магнитом, и его уже будет не отодрать! — в отчаянии воскликнул Джим.

— Но зато мы хотя бы увидим, где он застрял, и сможем потом его поднять наверх, — возразила морская принцесса.

Все снова замолчали, слышны были только вой ветра и рокот прибоя. Постепенно начало смеркаться. Дело шло к вечеру.

Толстяк Кристи стоял неподалеку на приколе и прислушивался к разговору.

Конечно, он соображал медленно и не все понимал. Но все же почувствовал, что с Максимом произошла какая-то беда. Свистеть и гудеть Кристи не мог, потому что был не на ходу. И хотя котел его был пуст, казалось, что он вот-вот разлетится на части от невыносимой муки. Кристи страшно загоревал, как можно только горевать, когда потеряешь очень близкого человека.

Прошло бесконечно много времени, пока наконец появился Лукас. Джиму показалось, будто тот отсутствовал целую вечность. Это все, наверное, из-за Ушауришуума, который движется медленно, как черепаха.

Оставшаяся часть компании сидела понурившись на берегу, когда наконец позади них раздался бодрый голос Лукаса:

— Эй, люди! Вот и мы! Немножко задержались, но теперь все в порядке. Непомук проводил нас доверху, я ему, кстати, подарил фонарик, чтобы у него все-таки был свет. Он сразу же вернулся к себе, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к работе. А ему страшно нравится его новое пристанище. Я ему все-все показал, и к полуночи он включит иллюминацию. А пока он занялся устройством колодца, чтобы

доставать себе лаву. Черепахусий сейчас придет. Он ведь быстро не может.

Лукас вдруг умолк и удивленно посмотрел на друзей.

— Что такое? — пробасил он. — Что с вами? И где Максик?

Тут Джим больше не смог сдерживаться. До этой минуты он еще как-то крепился, но теперь он бросился к Лукасу и зарыдал.

Лукас сразу все понял.

— Максик исчез? — спросил он.

Джим только кивнул в ответ.

— Черт побери! — выругался Лукас. — Вот это подарочек!

Он мягко обнял своего маленького друга и погладил его по кудрявой голове.

— Дружище! — сказал он. — Старина!

Лукас прижал Джима к себе и все гладил его, пока он наконец немножко не успокоился.

— Послушай, Джим, — начал тогда Лукас. — Максик не может исчезнуть бесследно. Где-нибудь он должен быть. Мы обязательно найдем и приведем его обратно. Если уж я тебе говорю, что будет так, то ты можешь не сомневаться. Ты ведь знаешь меня, старина.

— Все отлично, Лукас, — с трудом проговорил Джим, стараясь улыбнуться сквозь слезы.

— Мы подумали, — вмешался тут в разговор господин Лань, — что паровозик отвязался и упал в воду.

— Да, и я уже попробовала поискать под водой, — добавила русалка. — Но там на дне так темно, что ничего не видно. Нужно подождать, пока зажжется иллюминация.

— А может быть, Максик попал в какую-нибудь беду! — воскликнул Джим.

Лукас взялся за свою трубку и погрузился в раздумья.

— Мы сейчас же возьмем Кристи и спустимся вниз, под воду, — решительно сказал он наконец. — Окна, двери у нас все равно задраены, тендер закрывается тоже хорошо, а под давлением воды крышка и вовсе не сдвинется с места. Ведь у Кристи есть фары, значит, мы сможем обследовать все дно.

Джим смотрел на Лукаса широко раскрытыми глазами.

— Да, но ведь Кристи как раз не может спуститься под воду, если у него все щели задраены! — воскликнул он.

— Придется немножко поэкспериментировать, — задумчиво сказал Лукас, выпустив несколько клубов дыма. — Мы откроем на котле клапан и кран. Когда вода наберется в котел, то паровоз в принципе должен погрузиться в воду. Ну ладно, Джим, давай не будем терять время!

— Но как же мы будем передвигаться по дну? — все не успокаивался Джим. — Ведь наша магнитная система работает, только если ею управлять снаружи, то есть если кто-нибудь сидит на крыше. А мы будем в кабине и не сможем вылезти.

— Верно! — согласился Лукас и почесал за ухом. — Что же делать? Милая барышня, может быть, вы попробуете справиться с магнитным управлением?

Друзья пошли к паровозу и сняли его с якоря. Русалка попыталась повернуть мачту, но из этого ничего не вышло. Она все же была слишком миниатюрна для подобных упражнений, требовавших как раз силы.

К этому времени наконец появился Ушауришуум. Узнав о том, что случилось, он сразу же вызвался помочь. Что касается силы, то тут у него все было в порядке, но зато возникли трудности иного рода: панцирь не давал ему вытянуть руки вперед, они у

него были все время растопырены в разные стороны, а одной рукой тяжелую мачту ему было не удерживать.

— А что, если снова запрячь моржей? — предложил Джим и посмотрел на море, где неподалеку в волнах резвились русалкины рысаки.

— Это тоже не годится, — ответила Сурсулапичи. — Ведь моржи могут нырять только неглубоко, и долго им не выдержать под водой. Но, знаете, у меня есть другая идея. Я видела, что здесь рядом как раз пасутся морские коньки моего папеньки. Я могла бы позвать их и запрячь в локомотив.

— Но что нам несколько морских коньков, они же не смогут вытянуть тяжелый паровоз, — отмахнулся от этого предложения Лукас.

— Почему несколько?! — воскликнула принцесса. — У нас их больше тысячи! Целая армия!

На том и порешили. Лукас и Джим занялись Кристи, нужно было снять мачту с магнитами, чтобы она не мешала под водой, а русалка тем временем отправилась искать морских коньков. Не успели друзья закончить работу, как принцесса уже вернулась в сопровождении целого табуна морских коньков. Несметное количество этих изящных водяных лошадок с хвостами, загнутыми колечком, поднимало тучи брызг, которые переливчатыми жемчужинами разлетались в разные стороны. Если прислушаться, можно было слышать их ржание, напоминавшее нежный звон серебряных колокольчиков. На каждой лошадке поблескивала миниатюрная золотая уздечка. Все это выглядело удивительно красиво, и в другое бы время Джим пришел бы в неописуемый восторг. Но теперь, вполне понятно, ему было не до красот. Он думал только о своем Максике, и тревожные мысли не давали ему покоя.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,
*в которой путешественники обнаруживают
на дне морском удивительный город*

Тем временем обстоятельный и предусмотрительный черепахусий насобирал в море целую охапку шелковых водорослей. Это такие длинные-предлинные тонкие волокнистые растения, которые отличаются большой прочностью и растут, как известно всякому, кто хоть мало-мальски знаком с океанической ботаникой, преимущественно в Варварском море. Из этих самых водорослей, как из веревок, был сплетен толстый канат, один конец которого Джим и Лукас прикрепили к буферу паровоза, а другой оставили незаплетенным, так, чтобы к каждой веревке можно было привязать по паре морских коньков. Этим как раз занялась принцесса Сурсулапичи, которая проявила здесь необычайную ловкость и сноровистость. На все это потребовалось, конечно, какое-то время. Поджидая, пока принцесса закончит свою работу, Джим и Лукас решили тем временем немножко подкрепиться. Правда, есть им нисколечки не хотелось, но господин Лань сумел уговорить их хоть что-нибудь съесть, чтобы набраться сил, ведь после завтрака у них во рту и маковой росинки не было.

Когда солнце уже склонилось к закату, упряжка была наконец готова. Можно было начинать спуск. Лукас и Джим уже собрались было отодвинуть крышку тендера, чтобы забраться внутрь кабины, как вдруг к ним подошел господин Лань и сказал:

— Я хотел бы попросить вас, мои любезные друзья, взять меня с собой.

— Вы хотите с нами? — в некотором изумлении переспросил Лукас. — Но, дорогой господин Лань, это мероприятие небезопасно.

— Я знаю, — твердо сказал слегка побледневший господин Лань. — Именно поэтому я не хочу сидеть здесь сложа руки, в то время как вы будете рисковать жизнью. Я думаю, что друзья не могут поступить иначе.

— Вы правы, — ответил Лукас. — Тогда, прошу вас, забирайтесь!

Так они все трое забрались в каюту. Лукас изнутри закрыл покрепче крышку тендера. Получилось так, словно они сидят в консервной банке. Затем он задвинул железную заслонку, закрывающую топку. Теперь все было готово к плаванию. Лукас дал знак черепахусию, который следил за ними в окошко. Ушауришуум подплыл к котловому клапану и крану, открыл и то и другое, как научил его предварительно Лукас.

Путешественники затаили дыхание и прислушались.

В котле что-то забулькало, и вдруг вода стала стремительно подниматься — так, во всяком случае, казалось, глядя из окошка. На самом деле это локомотив начал погружаться — сперва медленно, а потом все быстрее. Когда он уже совсем ушел под воду, неожиданно исчезли все звуки, не слышно было ни шума волн, ни воя ветра. Через окошко в кабину проникал зеленоватый свет. Скоро уже локомотив перестало качать из стороны в сторону, и он медленно и верно стал опускаться вниз, как какой-нибудь лифт, и чем дальше он удалялся от поверхности моря, тем более тусклым становился зеленоватый свет. Пассажиры видели, как впереди гигантской упряжки плывет морская принцесса, а рядом с ними погружался Ушауришуум.

Лукас еще раз проверил все щели и заслонку, закрывавшую топку. Пока все было в порядке. Ни одна капля воды не просочилась внутрь. Лукас, довольный, кивнул.

— Думаю, что все будет нормально, — сказал он, выбывая свою трубку, которую затем сунул к себе в карман.

Скоро за окном стало совсем темно. Наверное, они уже опустились на большую глубину. У Джима отчаянно билось сердце, а великан сидел, судорожно сжав руки. Лукас тем временем подошел к щитку управления и зажег фары. Сноп света пронзил черно-зеленую мглу. Мимо проплывали невиданные рыбы и удивленно смотрели на невесть откуда взявшуюся яркую полоску. Некоторые рыбы были длинными и тонкими, как палки, другие, наоборот, выглядели совершенными кубышками, ну прямо этакие чемоданы, утыканные иголками. А то вдруг мелькнет какая-нибудь плоская рыбища — что тебе ковер-самолет. Здесь попадалось множество узорчатых рыб, раскрашенных всякими точечками, зигзагами, кружочками, и все эти точки и загогулилки светились и мерцали во тьме, а у некоторых даже было что-то вроде настоящих маленьких фонариков, прикрепленных на таких жестких прутиках наподобие удочек, которые у них вырастали откуда-то из макушек. Мир, который предстал перед глазами изумленных путешественников, поразил их своей таинственностью и красотой.

Локомотив продолжал опускаться вниз, словно море было бездонным. Но вдруг пассажиры почувствовали толчок. Кристи остановился. Значит, это уже дно. Друзья оглянулись кругом, и то, что они увидели, повергло их в ужас.

Повсюду громоздились останки затонувших кораблей. От многих уже почти ничего не осталось, кроме каких-то реек и планок, заросших водорослями, ракушками и кораллами. Другие еще сохранили обшивку, но и тут можно было видеть зияющие пробоины, сквозь которые просматривались внутренности корабля. В одном месте Джим даже заметил скелет, вос-

седавший на полусгнившем, заросшем водорослями сундуке, из которого торчали слитки золота.

Среди этих обломков русалке было не так-то легко найти дорогу для паровоза. Несколько раз им даже пришлось заезжать прямо внутрь корабля, используя его как туннель. Вот уж действительно странная это была картина — кладбище погибших кораблей, которому не видно ни конца и ни края, и паровоз, который тянут за собою тысячи морских коньков.

— Это всё корабли, которые наскочили на магнитный остров, — сдавленным голосом сказал Лукас. — Сколько веков здесь погибали корабли! Хорошо, что теперь с этим покончено, — добавил он.

— Да, — согласился с ним Джим, — это хорошо, что теперь там есть Непомук.

Паровоз тем временем объехал весь остров. Сурсулапичи решила сделать еще один круг, теперь побольше. А потом еще и еще, постепенно расширяя район поиска. Друзья напряженно всматривались в темноту, стараясь обшарить взглядом все углы и закоулки. Но Максика нигде не было видно. Только сплошные обломки.

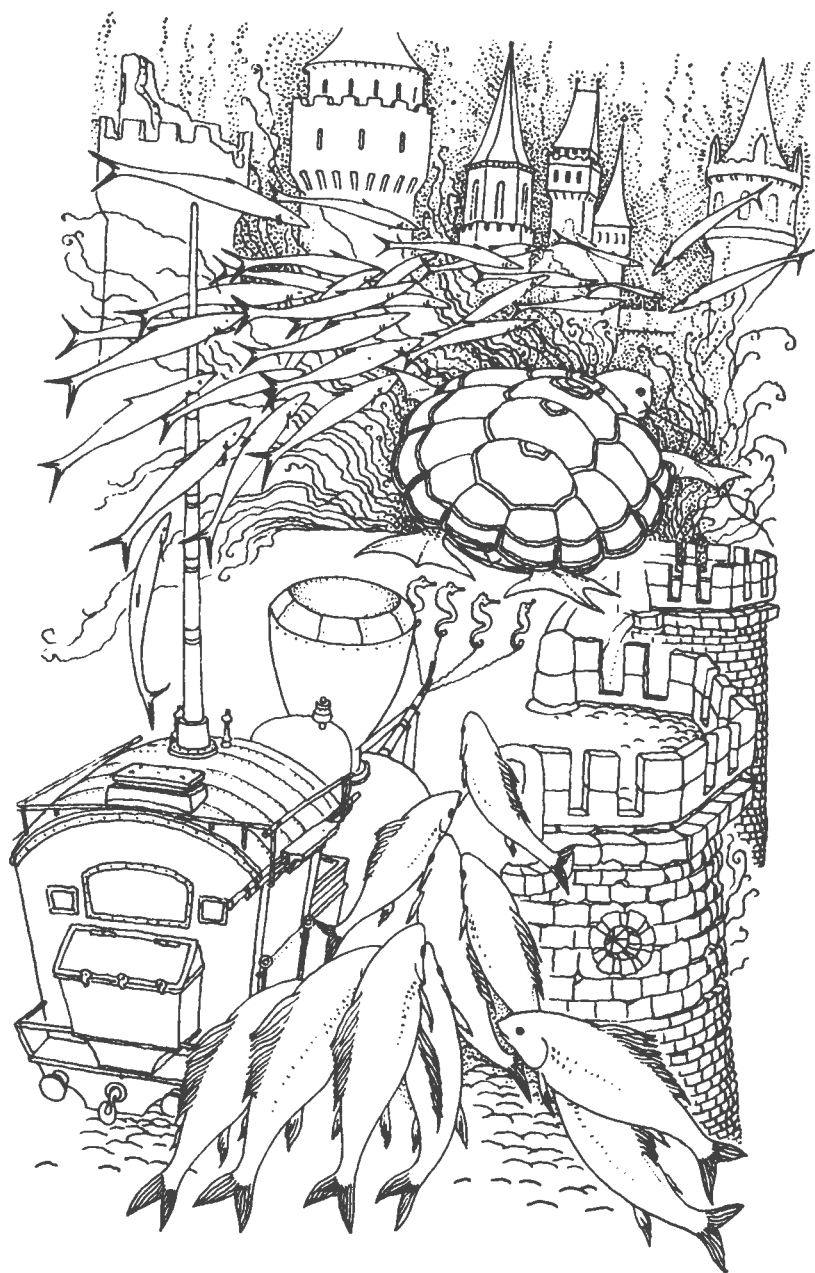
Прошло, наверное, уже несколько часов, но поиски ничего не дали.

— Я думаю, Максика здесь нет, — заплетающимся языком пробормотал Джим и почему-то зевнул.

— Да, может быть, он все-таки не упал в воду, — согласился с ним господин Лань и тоже зевнул, правда он вежливо прикрыл рот рукой.

— Нет, мне кажется, он все-таки свалился, но не пошел ко дну, ведь у него все щели были задраены. Скорее всего, его отнесло течением, — сказал Джим совершенно сонным голосом.

— Может, и так, — пробормотал Лукас. — Хотя это очень скверно, океан-то вон какой большой. Общешься.

— Придется попросить тогда морских жителей помочь нам, — предложил Джим и снова зевнул.

— Интересно, вы тоже так себя чувствуете? — спросил через некоторое время господин Лань. — На меня вдруг напала какая-то жуткая усталость.

— Да, да, — подтвердил Джим, который теперь зевал просто без остановки. — Что бы это значило?

Лукас тоже собрался было как следует зевнуть. Но тут он остановился и внимательно посмотрел на Джима и господина Ланя.

— Кислород! — воскликнул он. — Это не просто усталость. У нас кончается кислород! Вы знаете, что это значит?!

— Наверное, лучше всего будет как можно скорее подняться наверх, — с некоторой опаской сказал господин Лань.

— Точно, — согласился Лукас и постучал в окошко.

Черепажусий, который занял место на крыше паровоза подле своей невесты, медленно спустился вниз и подплыл к окошку.

Лукас попытался объяснить ему жестами, что им нужно срочно подняться наверх.

Ушауришуум кивнул и так же медленно поплыл к русалке, чтобы передать ей просьбу пассажиров. Русалка немедленно направила упряжку наверх, но локомотив только несколько раз дернулся вперед и не сдвинулся с места. Кристи был слишком тяжелым.

Черепажусий снова подплыл к окошку, покачал головой и пожал плечами. По выражению лиц пассажиров он понял, что дело начинает принимать серьезный оборот. Он сделал знак рукой, что должно было означать: мол, не беспокойтесь, сейчас разберемся, и поспешил назад к русалке, чтобы обсудить с ней создавшееся положение.

— Если спустить воду, — пробормотал Джим, который, несмотря на грозящую опасность, никак не мог побороть сонливость, — то Кристи поднимется сам по себе.

— Под водой нельзя спустить воду, — объяснил Лукас. — Да, старина, мы совершили большую ошибку.

— А что, если мы просто вылезем и поплывем наверх? — предложил Джим.

Лукас покачал головой.

— Здесь слишком большая глубина. Мы по дороге утонем, — возразил он.

— И что же нам делать? — дрожащим голосом спросил господин Лань.

— Придется ждать. Может быть, наши морские друзья что-нибудь придумают, — ответил Лукас.

Сказав это, он замолчал и занялся задвижкой от топки. Он осторожно отодвинул ее в сторону, чтобы посмотреть, не просочилась ли в тендер вода. И действительно, сквозь щели все-таки набежало немного воды, приблизительно полведра. Когда Лукас открыл задвижку, эта вода сразу же растеклась по полу каюты, но вместе с нею проник и воздух, который скопился в тендере.

— Этого нам хватит, чтобы еще немножко продержаться, — сказал Лукас.

— А на сколько все-таки нам этого хватит? — поинтересовался господин Лань.

— Понятия не имею, — честно признался Лукас. — Пока, во всяком случае, хватит. Нам нужно теперь прекратить все разговоры, иначе за счет этого расходуется много воздуха. Кажется, они там что-то придумали.

Лукас не ошибся. Черепахусий вспомнил, что ведь в полночь Непомук включит Большой Магнит. Оставалось совсем немного времени. Значит, нужно было

как можно скорее вывести Кристи из опасной зоны. Но как поднять его наверх? Оставалось только одно — найти какой-нибудь остров с пологими берегами, плавно уходящими в море. И Сурсулапичи знала, где находится такой остров. Правда, он находился довольно далеко отсюда, но если поспешить, то можно еще успеть вытащить Кристи с пассажирами на воздух. Не теряя ни минуты, Сурсулапичи направила упряжку к спасительному острову. Морские коньки неслись во весь опор.

Молча наблюдали путешественники за маневрами. К своему немалому изумлению, они заметили, что локомотив с бешеной скоростью удаляется от магнитного острова.

— Видимо, у них появился какой-то план, — с надеждой в голосе тихонько прошептал Джим. — Интересно, куда они нас везут?

— Не разговаривай, — сказал Лукас. — Кто знает, сколько нам тут еще сидеть.

И они снова замолчали и только смотрели в окошко на мелькающие картины подводного царства.

Сначала они ехали по песчаным дюнам, которые выглядели вымершими. Только изредка попадались гигантские раки, напоминавшие серые валуны.

Потом путешественники увидели, что приближаются к какой-то глубокой расщелине, которая словно бы разрезала морское дно. У этой расщелины, казалось, не было ни начала, ни конца, и потому Сурсулапичи и Ушауришуум подстегнули коньков и буквально перелетели через эту трещину. Благополучно приземлившись на другой стороне, локомотив понесся дальше, нисколько не снижая скорость. От быстрой езды серебристые волосы русалки разметались в разные стороны и напоминали извивающихся змей.

Сколько они так ехали, никто из путешественников толком сказать не мог. Наверное, дело шло к полуночи. Большой Магнит, скорее всего, уже остался где-то далеко. Путешественники, запертые в кабине паровоза, из последних сил старались бороться со сном. Доберутся ли они до неведомой цели, прежде чем все будет кончено?

Вдруг они явно ощутили, что теперь едут не прямо, а как будто бы в гору. В какой-то момент даже показалось, что вот-вот они выедут на берег. Но скоро подъем закончился, и паровоз снова понесся по прямой.

У Джима отчаянно слипались глаза. Лукас чувствовал себя ненамного лучше, а великан уже заснул, и слышно было только его слабое дыхание.

Словно во сне мелькали перед глазами чудесные пейзажи — за окошком виднелись то дивные коралловые леса, то широкие луга с причудливыми цветами. А вот там горы и скалы, — кажется, что все они составлены из разноцветных прозрачных драгоценных камней. Но что такое? Теперь они вроде бы едут по огромному мосту. Разве на дне бывают мосты? А это? Похоже на древний затонувший город с дворцами и чудесными соборами из тех же разноцветных камней?

Очевидно, в этот самый момент Непомук включил Большой Магнит — все вокруг озарилось мягким зеленоватым светом, и засверкали полуразрушенные дворцы, переливаясь всеми цветами радуги.

Этот сказочный город был последним из того, что еще мог видеть Джим. Силы покинули его, и он погрузился в сон. Лукас еще какое-то время сопротивлялся, но скоро заснул и он.

А морские коньки уносили локомотив дальше, по улицам затонувшего города, вперед к неведомой цели.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,
*в которой одно неверно написанное письмо
выводит друзей на верный след*

Очнувшись, Джим понял, что лежит на спине, потому что над ним простиралось бескрайнее небо. Погасли последние звезды. Занималось утро.

Джим почувствовал под собой песок. Где-то рядом тихо плескались волны. Он слегка приподнял голову и увидел, что рядом, слева и справа от него, лежат Лукас и господин Лань. Они тоже постепенно приходили в себя.

Джим сел. Голова была какая-то тяжелая. У самых ног он увидел маленькую русалку, которая удобно устроилась на мелководье и явно чего-то ждала. Неподалеку от нее в воде стоял Кристи с распахнутыми настежь дверями.

— Привет! — радостно воскликнула Сурсулапичи. — Как хорошо, что вы наконец проснулись!

— А где мы? — робко спросил Джим.

— Мы привезли вас на маленький остров, у него совершенно пологие берега, которые плавно уходят в море. Только так мои коньки сумели вытащить ваш паровоз со дна. Ехать пришлось, конечно, долго, но другой возможности спасти вас не было.

Джим огляделся по сторонам и как следует протер глаза. Нет, этого не может быть! Но это было действительно так!

Друзья очутились прямо в Медландии!

— Лукас! — закричал Джим и бросился тормошить своего друга. — Лукас! Проснись! Мы дома! В Медландии!

— Правда?! — спросила Сурсулапичи и захлопала в ладоши. — Значит, теперь вы дома? А мы и не знали, когда везли вас сюда.

Лукас с трудом сел и, совершенно ничего не понимая, осмотрелся кругом. Когда же он увидел свою железнодорожную станцию, и дом господина Пиджакера, и лавку фрау Каакс, и гору с двумя вершинами разной высоты, между которыми примостился дворец короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого, он сдвинул на затылок свою фуражку и кивнул Джиму.

— Черт побери, старина, — пробасил он, — ты знаешь, я постепенно начинаю верить в то, что нам с тобою страшно везет.

— Это уж точно, — сияя от счастья, сказал Джим.

— Я как-то до сих пор не верю, что мы снова в Медландии. Ведь мы были чертовски далеко отсюда. Как же мы не задохнулись в нашей каюте? — спросил Лукас, обращаясь к русалке.

— Вы бы и задохнулись, если бы не Ушауришуум, — с нескрываемой гордостью ответила русалка. — Он знает множество всяких секретов, и к тому же он хороший лекарь. Когда мы добрались до этого острова и открыли двери вашего локомотива, вы лежали как мертвые. Он вытащил вас на берег. Увидев, что жизнь еще теплится в вас, он влил каждому по нескольку капель чудодейственного лекарства, которое он всегда носит с собой. Ну и после этого вы снова начали дышать.

— Где же он, наш милый Ушауришуум? — воскликнул Лукас. — Я хочу пожать его мужественную руку!

— Он уже уплыл, — объяснила русалка. — Когда он увидел, что с вами теперь все в порядке, он поспешил назад к Непомуку, чтобы поскорее приступить к выполнению того задания, которое дал ему мой папенька. Он просил передать вам привет и огромное спасибо за помощь. Он сказал, что без вас он никогда бы в жизни не подружился с огнедышащим существом.

— Ну при чем тут мы, все получилось как-то само собой, — пробасил Лукас. — Но скажите вашему жениху, что мы никогда не забудем того, что он для нас сделал. Мы будем рады, если вы после свадьбы навестите нас.

— Обязательно навестим, — пообещала принцесса, ставшая от радости темно-зеленой. — Ах да! Чуть не забыла. Мой папа, морской король Лормораль, просил, чтобы вы передали ему ваши желания.

— Максик! — тут же отозвался Джим. — Может быть, он мог бы велеть своим подданным немножко поискать моего Максика!

— Я попрошу его об этом, — сказала русалка, — ну а теперь до свидания, я поплыву догонять Ушауришуума. Надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что я так скоро прощаюсь с вами. Ведь мы так долго не виделись с моим женихом!..

— Все хорошо, — успокоил ее Лукас. — Прощайте и передайте всем привет и наилучшие пожелания! — сказал он и взял под козырек.

— До свидания! — попрощался Джим.

Русалка махнула хвостом и скрылась под водой.

Тем временем и господин Лань начал постепенно просыпаться. Он сел и стал озиаться по сторонам, глядя на все широко раскрытыми глазами. Друзья растолковали ему, где они находятся, и великан пришел в неописуемый восторг от того, что ему предстоит работать маяком на таком прелестном маленьком острове, который предстал перед ним в розоватом свете утренней зари.

Лукас и Джим первым делом выкатили Кристи на берег и поставили его под навес железнодорожной станции. Потом Джим понесся со всех ног к домику фрау Каакс. Он поднял ее с постели и крепко обнял. Тут проснулась и Ли Ши. И скоро уже домик фрау

Каакс буквально трещал по швам от избытка чувств, которые переполняли и Джима, и фрау Каакс, и Ли Ши. Радости их не было конца.

Лукас тем временем разбудил господина Пиджакера и представил ему господина Ланя. А затем они все втроем отправились к королевскому дворцу, решив, что на сегодня его величеству, пожалуй, хватит нежиться на мягких перинах.

Когда Альфонс Без Четверти Двенадцатый наконец-то показался на пороге дворца, Лукас обратился к нему с такими словами:

— Вот, ваше величество, позвольте представить вам. Это господин Ка Лань Ча. Он будет служить у нас маяком.

Король Альфонс не сразу поверил, что господин Лань действительно великан, ведь он был даже на полголовы ниже Лукаса. Размеры же острова не позволяли, к сожалению, привести наглядные доказательства того, что господин Лань может быть очень даже большим. Пришлось королю принять на веру все то, что ему рассказывалось о чудесных свойствах господина Ланя. После этого все собрались у фрау Каакс. За завтраком путешественники поведали собравшимся о своих приключениях.

Когда же друзья закончили свой рассказ, на кухне воцарилась полная тишина. Все сидели расстроенные из-за пропажи маленького локомотива.

— Мне кажется, я знаю, кто взял Максика, — вдруг сказала Ли Ши.

Джим посмотрел на нее с нескрываемым изумлением.

— А как выглядел этот магнитный остров? — спросила маленькая принцесса.

Лукас еще раз описал его до мельчайших подробностей и даже попытался кое-как изобразить его на бумаге.

— Это он! — воскликнула Ли Ши. — Точно! Это тот же самый остров, где пираты передали меня драконше. Чертова Дюжина утащила Максика!

Лукас растерянно посмотрел на Джима, а потом стукнул кулаком по столу, так что чашки и тарелки подпрыгнули чуть не до потолка.

— Черт побери, Джим! — вне себя от ярости воскликнул он. — Почему мы сразу не сообразили, когда осматривали магнитную установку! Ведь было видно, что это не простой остров! Теперь понятно, кто сломал систему! Это дракониха. Когда она получила Ли Ши. Ведь иначе пиратский корабль не смог бы пристать к берегу.

Лукас погрузился в раздумья. Полуприкрыв глаза, он сидел и молчал и только все пыхтел своей трубкой.

— Ну ладно, — сказал он через некоторое время, — пора разобраться с этой Чертовой Дюжиной как следует! Сначала они похитили Джима, засунули его в коробку и отправили фрау Зубпер, а теперь они еще украли и его локомотив. Получат от нас по первое число, когда попадутся нам в руки! Спрашивается только, как нам их заполучить? Океан все-таки очень большой, и они могут быть где угодно — на Северном полюсе, на Южном или еще где.

Сколько друзья ни думали ни гадали, где же им искать пиратов, так ничего они не придумали. Оставалось просто ждать, пока какой-нибудь случай не выведет их на след.

Так прошло несколько дней.

Господин Лань временно поселился у господина Пиджакера, пока Лукас и Джим строили ему в Ново-Медландии маленький белый домик с зелеными ставнями. Конечно, сам господин Лань помогал как мог, так что работа продвигалась быстро.

Ночью же господин Лань поднимался на гору и, как положено, становился с фонарем в руке на самой вер-

шине. Правда, за это время мимо Медландии не проплыл ни один корабль. Но великан хотел немножко потренироваться. И к тому же, считал он, ведь никогда заранее не знаешь, когда какой корабль собьется с курса. Джим очень переменился после второго своего путешествия. Он стал как-то серьезнее. Иногда, когда он, погруженный в свои мысли, молча занимался какой-нибудь работой, Ли Ши украдкой поглядывала на него со стороны, и ее охватывало чувство гордости за Джима.

— Знаешь, я очень боялась за тебя, — призналась она однажды, — все время боялась, пока вас не было. За Лукаса, конечно, тоже, но за тебя особенно.

Джим с улыбкой посмотрел на нее.

— Если рядом Лукас, то можно быть совершенно спокойным, — сказал он.

Прошло что-то около недели с тех пор, как друзья вернулись домой. И вот однажды вечером к берегам Медландии нежданно-негаданно пристал почтовый корабль.

Лукас как раз в это время возился с Кристи на своей железнодорожной станции.

— Мое почтение! — поприветствовал его почтальон. — Какой у вас отличный маяк! Его видно издалека. Это и есть тот самый мнимый великан, которого вы хотели привезти? В темноте-то ничего, кроме фонаря, не видно.

Лукас пошел с почтальоном на гору и представил его господину Ланю. Великан страшно обрадовался и в душе был необычайно горд — ведь впервые его оценили по заслугам. Затем они все втроем отправились к фрау Каакс.

— Да, ведь я привез письмо, — сказал почтальон, — и на нем снова написан тот самый ненормальный адрес, что и на посылке с Джимом. Я решил, что лучше всего будет отдать это письмо фрау Каакс.

Когда почтальон и Лукас пришли к фрау Каакс, Джим и Ли Ши как раз играли в «мельницу», а фрау Каакс вязала носок. Увидев письмо, она страшно испугалась.

— Заберите лучше это письмо себе! — воскликнула она. — Я не хочу знать, что там написано. Наверное, ничего хорошего.

— Это письмо от Чертовой Дюжины фрау Зубпер, — сказал Лукас, — может быть, мы узнаем что-нибудь о Максике!

С этими словами он разорвал конверт и развернул письмо. Там было написано вот что:

ФРАУ ЗУПЕР
ХТА АЗТАФЕЛ ЕТАТ ЧЕРТФ ПАРАФЗ
ПЕРАТ ХУЕТ РМА А НЕ ХЛАМА НЕ
НАТА АПМАНА
А НЕ ТА АТАРФЕМ ФАМ ХРСТ
ФАЗМЕТЕ ПАРАФЗ ТАЕТЕ РМА
ФСЕ
ТА ФСТРЕЧЕ НА МАХНЕТЕ
ЧЕРТФА 13

— Вот доказательство, что Максик у них, — сказал Лукас, прочитав письмо. — Они подумали, что дракониха им оставила вместо рома паровоз.

— Они так и не поняли, что фрау Зубпер там и в помине не было, — добавил Джим.

— Они вообще большим умом не отличаются, — заметил Лукас, — во всяком случае, если судить по их письмам.

— Да уж, пожалуй, — согласился почтальон и тяжело вздохнул. — Какая мерзость все это!

— Как бы то ни было, — сказал Лукас, — главное, мы знаем, что Максик у них и что они собираются отдать его в следующий раз фрау Зубпер. Нам нужно найти его до того, как они явятся на свидание с драконихой, потому что неизвестно, что они сделают с Максиком, не обнаружив драконихи на условленном месте.

— Да, но когда будет этот следующий раз? — робко спросил Джим.

— Н-да, это вопрос, — пробормотал Лукас. — Если бы знать... Тут, конечно, много еще неясного... Ну да ладно. Что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее. Нужно поразмыслить на свежую голову.

Затем вся компания проводила почтальона до пристани. Поблагодарив его за неоценимую помощь, друзья попрощались с ним и еще долго стояли на берегу, глядя вслед удалявшемуся кораблю.

Вскоре после этого они уже мирно спали в своих постелях. И только господин Лань стоял на горе, держа в руках зажженный фонарь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, *в которой просыпается Золотой Дракон Мудрости*

На следующее утро после завтрака Лукас зашел за Джимом, и друзья пошли на берег моря. Там они уселись рядом и стали обсуждать, как же им напасть на след Чертовой Дюжины. Они всё думали и думали, крутили-вертели и так и сяк, но ничего толкового не придумывалось.

Битый час они ломали себе головы, ища выход из создавшегося положения, как вдруг вдалеке показался

господин Пиджакер, который направлялся к ним, размахивая шляпой.

— Его величество, наш высокочтимый король, — кричал он на ходу, — приглашает вас к себе во дворец! Речь идет о деле чрезвычайной важности, о деле государственного масштаба. Император Китая только что вышел на связь и желает говорить с вами.

Без лишних слов друзья поспешили во дворец, а за ними вприпрыжку побежал господин Пиджакер. Когда они предстали перед Альфонсом Без Четверти Двенадцатым, он приветливо поздоровался с ними и передал Лукасу телефонную трубку.

— Да, алло, слушаю вас, — сказал Лукас.

— Добрый день, мой дорогой досточтимый друг и спаситель моей дочери, — послышался мелодичный голос императора китайского. — У меня есть для вас и вашего маленького друга Джима очень важная и приятная новость. По расчетам наших Цветов Учености Дракон должен вот-вот проснуться. Алло, алло! Вы меня слышите?

— Да, да, я слышу вас хорошо, — ответил Лукас.

— Так вот. Дракон должен через несколько дней проснуться, — продолжал император. — Все прошло хорошо. В течение года никто не нарушал покоя спящего Дракона. Вчера в первый раз он слегка дернул хвостом. Это верный признак приближающегося пробуждения, так считает наш верховный придворный зоолог. Я подумал, что вам, наверное, захочется присутствовать при этом историческом событии.

— Конечно! — закричал Лукас. — Очень даже хочется! Нам нужно срочно у него кое-что узнать!

— Я так и думал, — сказал император, — именно поэтому я выслал за вами мой государственный корабль. Через несколько дней он будет у вас, на нем вы вмиг доберетесь до Китая.

— Большое спасибо, — поблагодарил Лукас. — Мы вам очень признательны за все, ваше величество.

— А как там поживает, кстати, моя доченька? — спросил император. — Хорошо ли она отдохнула на вашем восхитительном острове?

— Мне кажется, неплохо, — ответил Лукас. — Она помогала фрау Каакс в магазине. Ей это очень нравится.

— Замечательно, — сказал император. — Значит, от нее было хоть немножко пользы. Передайте ей, пожалуйста, чтобы она вместе с Джимом возвращалась домой. Каникулы уже кончаются. Ей нужно приготовиться к школе и к тому, чтобы принять сан наследной принцессы.

— Я все передам ей, — заверил императора Лукас. На этом они попрощались. Разговор был закончен.

Все следующие дни Лукас, Джим и Ли Ши готовились к отплытию в Китай. Ли Ши складывала свои вещички в чемодан, который, между прочим, был сделан из тончайшей китайской кожи колибри, только замочки, конечно, были сделаны из серебра. Лукас увязал все необходимое в огромный узел. Обыкновенно все это хранилось в кабине локомотива, но на сей раз Кристи должен был оставаться дома. Во-первых, ему нужно было как следует отдохнуть от тревожных предыдущего путешествия, а во-вторых, друзья предполагали, что вполне смогут обойтись и без него. К тому же они уезжали ненадолго. Фрау Каакс собрала Джиму его рюкзак и приготовила отутюженный голубой комбинезон и фуражку. Не забыла она и о трубке.

И вот наконец прибыл чудесный корабль императора Пунг Гинга. Господин Лань предосторожности ради весь день не выходил из дому, чтобы не отпугивать своим видом проходящие мимо корабли. Друзья

поприветствовали капитана, который был им хорошо знаком, — ведь это с ним они ловили плавучий остров. Затем они попрощались со всеми обитателями Медландии и вместе с принцессой взошли на борт. И в ту же минуту корабль снялся с якоря и устремился на всех парусах в сторону Китая.

Не прошло и нескольких дней, как императорский государственный корабль уже причаливал в той же самой гавани, откуда он вышел ровно год тому назад, увозя на своем борту тех же самых пассажиров, которых теперь встречала на набережной ликующая толпа, заглушавшая своими радостными криками звуки музыки, исполняемой многочисленными оркестрами, что вышли встречать высоких гостей. Именно сегодня исполнялся год с того дня, как друзья покинули Китай. Значит, именно сегодня и должен был проснуться Дракон.

Лукас начал спускаться по трапу, а за ним, взявшись за руки, следовали Джим и Ли Ши. И вот в этот самый момент вдаль показались четверо носильщиков, которые неслись как очумелые в сторону гавани, едва удерживая толстые позолоченные опоры, подпиравшие огромное кресло, которое выглядело поначалу совершенно пустым.

— Опустите меня вниз! Вниз! — пищал чей-то взволнованный голосок, принадлежавший, как оказалось потом, крошечному человечку в золотом халате, которого путешественники попросту не заметили среди многочисленных подушек, разложенных на кресле.

— Пинг Понг! — радостно закричал Лукас. — Как мы рады видеть тебя!

Кресло опустилось вниз, после чего друзья и Ли Ши смогли пожать руку верховному бонзе. Малыш успел за это время немножко подрасти, но все равно он еще вполне мог уместиться у Лукаса на ладони. Пинг Понг от волнения все кланялся без передышки.

— Нет, это я очень рад видеть вас, достопочтенные машинисты орденоносного локомотива! — пропищал он. — Я не нахожу слов, чтобы выразить мой восторг от того, что я могу лицезреть нашу бутоноподобную принцессу Ли Ши! Я счастлив, что могу приветствовать вас здесь здоровыми и невредимыми!

Все эти церемонии продолжались до тех пор, пока Пинг Понг наконец не пришел немного в себя и не вообразил, что нельзя заставлять ждать высокочтимого императора, которому не терпелось прижать к сердцу свою возлюбленную дочь, равно как и обоих машинистов.

Путешественники заняли места в приготовленной для них китайской расписной коляске, запряженной шестеркой белых лошадей, и направились прямо в Пекин, разукрашенный по этому случаю бесчисленным множеством цветов. Все улицы были запружены народом — китайцы со своими детьми и внуками высыпали на улицы, чтобы поприветствовать высоких гостей.

На серебряной лестнице из девяноста девяти ступенек стоял сам император Китая собственной персоной.

— Мои благородные друзья! — воскликнул он, увидев издалека приближавшуюся процессию, и бросился вниз с распростертыми объятиями. — Наконец-то мы встретились! Добро пожаловать!

Последней он обнял маленькую принцессу. Ему было очень приятно, что она снова дома и что у нее такой здоровый и отдохнувший вид.

— Ну а теперь, — сказал он после того, как процедура приветствия была закончена, — давайте не будем терять времени даром и поспешим к Дракону, иначе великий момент пробуждения произойдет без нас. Прошу вас следовать за мной. Я провожу вас к Дракону.

Проходя через эбеновые черные ворота дворца, принцесса тихонько шепнула Лукасу и Джиму:

— Вы удивитесь, когда увидите, как теперь выглядит старый слоновник, куда поместили год назад Дракона. Папа за это время велел его перестроить и украсить подобающим образом.

И действительно, когда они шли по парку, уже издалека сквозь ветви деревьев было видно, как сверкает и сияет сказочная постройка. Подойдя ближе, друзья просто застыли от изумления при виде великолепного зрелища, открывшегося их взору. По приказу императора слоновник, представлявший собой некогда обыкновенное здание с куполом, был превращен в многоэтажную пагоду с бесчисленным множеством маленьких островерхих башенок, которые кольцами обвивали центральную главную башню. Украшали здание разнообразные фигуры, орнаменты и колокольчики.

С трудом оторвались друзья от этой сказочной картины и, минуя золотой порог, вошли внутрь павильона. Здесь царила глубочайшая тишина. Глаза не сразу привыкли к приглушенному свету, исходившему от тысячи многоцветных фонариков, развешанных повсюду. Как и снаружи, стены были украшены здесь орнаментами неопишуемой красоты, которые таинственно поблескивали в полутьме. В самом центре большого купола вместо окошка была встроена янтарная плита, от которой шел золотисто-желтый свет. Этот ровный сноп света освещал перевоплотившегося Дракона, чьи очертания смутно виднелись в полумраке волшебного павильона.

В первую минуту Лукас и Джим даже не могли поверить, что это тот самый Дракон, которого они победили в Бедландии, настолько он изменился. Только приглядевшись как следует, можно было увидеть от-

даленное сходство с фрау Зубпер. Морда Дракона казалась теперь не такой длинной и острой. Отвратительный зуб, что торчал из пасти, куда-то делся. Голова чем-то напоминала львиную, но только, конечно, издалека. Все туловище как-то похудело и даже немножко вытянулось, равно как и хвост, которым Дракон обвернулся, как делают обыкновенно кошки. Вместо отвратительной чешуи по телу теперь шли чудесные таинственные узоры. Дракон лежал как изваяние, положив морду на передние лапы, и его золотистое тело излучало яркое сияние.

Джим взял Лукаса за руку, и так и стояли они, с благоговением созерцая это дивное зрелище. Они никак не могли до конца поверить, что чудо это стало возможным только потому, что они победили Дракона и не убили его. Но это было действительно так.

На некотором расстоянии от друзей стоял император с Ли Ши и Пинг Понгом. Принцесса посадила малыша Пинг Понга к себе на руку, а другой рукой она держалась за отца.

В какой-то момент сияние, исходившее от Дракона, превратившегося теперь в Золотого Дракона Мудрости, стало заметно сильнее. Воздух задрожал от удивительного звона. Медленно-медленно Дракон начал подниматься, опираясь на передние лапы. Он открыл темно-изумрудные глаза, вспыхнувшие таинственным зеленым пламенем, и посмотрел на друзей. Джим невольно сжал руку Лукаса.

Снова все замерло. И вдруг раздался удивительный голос, который, казалось, шел откуда-то из самого чрева Золотого Дракона Мудрости. Этот глубокий, тихий и вместе с тем ясный и отчетливый голос напоминал звук большого бронзового гонга.

— Вы здесь, те, кого я именую своими повелителями?

— Да, — ответил Лукас, — мы здесь.

— Хорошо, что вы пришли, — продолжал Дракон, — ибо настало время выполнить вам свое предназначение. Загадка должна быть разгадана.

— Видите ли... — начал было Лукас и запнулся, потому что дальше он хотел сказать «фрау Зубпер», но почему-то ему показалось, что теперь такое обращение неуместно. — Видите ли, Золотой Дракон Мудрости, — сказал он наконец, — у нас есть один план.

— Я знаю, — ответил Дракон таким тоном, что даже могло показаться, будто он улыбается, — я знаю все, что вы хотите у меня спросить.

— И вы нам ответите на все наши вопросы? — осмелел тут Джим. — На все, на все?

— Я скажу вам ровно столько, — ответил Дракон, — сколько вам теперь нужно знать. Если бы я стал отвечать на все интересующие вас вопросы, то я был бы не Золотым Драконом Мудрости, а Глупым Болтливым Драконом. Поэтому прошу тебя, мой маленький властелин и повелитель, не спрашивай меня о тайне своего рождения. Ты скоро сам все узнаешь. Твоя смекалка и отвага тебе помогут в этом. Но не настал еще тот час. Поэтому тебе придется потерпеть!

Джим стоял притихший, не смея больше рта раскрыть. Лукас уже хотел было расспросить Дракона о том, где и как найти Чертову Дюжину, как Дракон опередил его:

— Вам нужно вооружиться до зубов. Поднять голубые паруса. Выкрасить корабль в голубой цвет, а на бортах нарисовать волны. Так вы будете сливаться с морем и небом. Отдайтесь на волю волн. Они вынесут вас к нужному месту. Будьте уверены. Но если хоть один-единственный раз вы проявите нетерпение и схватитесь за штурвал, никогда вам не встретиться с пиратами из Чертовой Дюжины.

Дракон помолчал несколько минут, а потом продолжал:

— Рано или поздно вы увидите приближающийся к вам корабль с кроваво-красными парусами. Он появится с юга на утренней заре.

— Чертова Дюжина! — пробормотал Джим, у которого почему-то мурашки побежали по телу.

— Так они называют себя, — сказал Дракон, — но ты, мой маленький повелитель, избавишь их от этого заблуждения после того, как, пользуясь их силой и их слабостью, свяжешь их всех до одного.

— Что он такое говорит? — шепотом спросил Джим у Лукаса, но тот не успел ему ничего ответить, потому что Дракон продолжал:

— Эти пираты будут плыть из своего Гибельбурга, в котором, кроме них, еще не бывала ни одна человеческая душа и к которому еще ни разу в жизни не приближался ни один корабль. Город этот лежит далеко-далеко, в ужасной стране, называемой Страной, Которой Быть Не Должно. Более тысячи лет она возносится к небесам, где сливаются все стихии.

— А куда же они плывут? — любопытствовал Лукас.

— Они направляются к Большому Магниту, чтобы встретиться с тем самым Драконом, которым некогда был я, и произвести расчет. Ваши пути, таким образом, обязательно пересекутся. Они заметят вас в последний момент, и тут вам надо будет действовать быстро и смело. Помните только, что это самые отважные, сильные и жестокие воины, которых еще никто никогда не побеждал.

Лукас задумчиво кивал головой. Джима так и подмывало спросить Дракона о своем маленьком локомотиве, но только он уже собрался с духом, чтобы задать этот вопрос, как Дракон сам сказал:

— То, что ты потерял, ты получишь обратно. То, что ты получишь обратно, ты снова потеряешь. И все же то, что принадлежит тебе по праву, вернется к тебе в конце концов навсегда, и будет оно прозрачным и чистым.

Напрасно пытался Джим разгадать смысл загадочных слов. Но главное, подумал он, что Максик вернется к нему, а остальное все пустяки. Ведь Дракон прямо сказал, что вернется. Или все-таки нет? Совершенно сбитый с толку, он решил выяснить все до конца.

— Скажите, мы победим Чертову Дюжину или нет?

— Ты победишь, — ответил Дракон, — но не в открытом бою. Ибо победителя ждут поражения, а побежденного ждет победа. Слушай внимательно, мой маленький повелитель и господин. В буре узришь ты око, свет его откроет тебе звезду, красную как кровь, с пятью лучами. Схвати звезду и стань повелителем, тогда откроется тебе тайна твоего происхождения.

Дракон замолчал и явно больше не собирался ничего говорить. Его изумрудные глаза словно застыли, и он смотрел как будто сквозь присутствовавших, устремив свой взор в какие-то неведомые дали.

Друзья постояли, подождали еще немножко, но все напрасно.

— Очевидно, он все нам сказал, — решил Лукас. — Большое спасибо, Золотой Дракон Мудрости, — поблагодарил он Дракона. — Пусть мы не все поняли из того, что ты нам объяснил, но главное, мы теперь знаем, как найти Чертову Дюжину.

— Да, спасибо, — добавил Джим и неожиданно для себя поклонился.

Дракон не отвечал, но опять на губах у него будто заиграла лукавая улыбка.

Друзья задумчиво побрели из павильона, за ними шли император, Ли Ши и Пинг Понг.

- Странно все это, — сказала принцесса.
- Что мы теперь будем делать? — пропищал верховный бонза.
- Я предлагаю для начала пройти в тронный зал и там как следует все обсудить, — сказал император.
- Молча вся компания пошла во дворец.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,
*в которой появляется корабль цвета
морской волны и путешествующий на нем «заяц»*

— Знаете, честно говоря, половину из того, что сказал наш Золотой Дракон Мудрости, я просто не понял, — признался Лукас, когда все уже расселись в тронном зале.

— А я, пожалуй, и того больше, — сказал Джим.

Все остальные согласно кивнули, потому что и они ровным счетом ничего не поняли.

— Ну что же, — промолвил Лукас, закуривая свою трубку, — значит, и обсуждать нам тут нечего, будем надеяться, что слова Дракона когда-нибудь подтвердятся и тогда все станет ясно.

— Интересно, что это значит — «в буре узришь ты око»? — задумчиво спросил император. — Почему благодаря этому «оку» Джим увидит какую-то там звезду?

— И что это за «Страна, Которой Быть Не Должно»? — добавила Ли Ши и со вздохом подперла щеку рукой.

— А как там было с «победителем, который потерпит поражение»? — пропищал Пинг Понг. — А еще: «Кто потеряет, тот найдет» или вот — что-то там кто-то увидит, когда потерпит поражение?

— Я действительно ничегошеньки тут не понимаю, — вздохнул император.

Лукас задумчиво выпускал клубы дыма.

— Я думаю, — заговорил он через некоторое время, — все выяснится как-нибудь само собой, всему свое время. Ведь Дракон так нам и сказал. И, честно говоря, я и сам считаю, что лучше будет, если мы докопаемся до тайны рождения Джима сами, без чужой подсказки.

— Для начала нам нужно одолеть Чертову Дюжину, — вмешался тут Джим, — вот что Дракон нам сказал.

— Это само собой, — согласился Лукас. — Если мы их упустим, они доберутся до Большого Магнита, и кто знает, что они сделают с Максиком, когда не обнаружат там дракониху.

— Что же теперь нужно делать, достопочтенные господа машинисты? — спросил Пинг Понг.

— Ты ведь слышал, — ответил ему Лукас. — Нам нужен хорошо вооруженный корабль, выкрашенный в голубой цвет, с разрисованными бортами, чтобы он сливался с морем. Ну и с голубыми парусами.

— Если вы захотите воспользоваться моим государственным кораблем, то он в вашем распоряжении, — предложил им, император. — Как известно, он отличается быстроходностью, необычайной прочностью и устойчивостью.

— Спасибо, ваше величество, — поблагодарил Лукас. — Я думаю, это то, что нам нужно.

На этом они закончили обсуждение и отправились в гавань, чтобы отдать соответствующие распоряжения.

Три дня — это, конечно, очень маленький срок для того, чтобы как следует вооружить императорский корабль, да еще раскрасить его в голубой цвет, да нарисовать белой краской волны на бортах. Но император призвал целую артель работников и мастеров, так что работа двигалась довольно быстро. Джим и Лукас

большую часть времени проводили на борту корабля, стараясь помогать чем только можно. Кроме того, им нужно было следить за тем, чтобы все делалось строго по инструкции Дракона.

Вечером накануне отплытия все было готово. Разрисованный корабль выглядел действительно очень красиво. Большие паруса были изготовлены из тончайшего небесно-голубого шелка — так велел сам император. На палубе стояли в два ряда тяжелые пушки, с каждой стороны по десять штук. Команда состояла из тридцати верных матросов, каждый из которых мог один медведя побороть, к тому же все они сгорали от нетерпения, чтобы задать хорошенькую трепку пиратам и положить конец их разбойничьим делам.

Осталось только испытать корабль. Джим и Лукас остались на берегу, чтобы посмотреть, как он выглядит издали. Маскировка оказалась хоть куда — корабль отошел только на полмили, но уже с этого расстояния нельзя было различить, где вода, где море, где корабль.

Малютка Пинг Понг тоже был тут. В эти дни он в очередной раз продемонстрировал свою необычайную расторопность и сметливость, благодаря которым он в свое время получил место верховного бонзы и золотой халат в придачу. Он изо всех сил старался, чтобы все шло так, как того хотели distinguished машинисты. Пока шла работа, он буквально глаз не смыкал. И потому теперь, когда все было готово, он был страшно горд. Кроме того, он чувствовал во всем этом мероприятии личную заинтересованность — ведь он и сам решился пуститься в опасное плавание.

— Ведь речь идет о деле государственной важности, — с необычайно серьезным видом заявил он. — В случае ареста пиратов из банды Чертова Дюжина присутствие официального лица просто обязательно, иначе арест будет считаться недействительным.

Лукас и Джим попытались, конечно, отговорить его от этой затеи, объясняя ему, насколько опасным будет предстоящее путешествие, но Пинг Понг твердо стоял на своем. Видя его решимость, друзья не стали больше спорить — он был как-никак верховным бонзой. Единственное, они договорились, что в случае опасности Пинг Понг не будет рисковать своей жизнью и спрячется в каюте.

Когда вечером Джим и Лукас вернулись в императорский дворец, они нисколько не сомневались в том, что плавание, которое должно было начаться завтра на заре, закончится удачно.

После ужина Джим и Ли Ши пошли прогуляться по императорскому парку. Там они покормили ручного пурпурного буйвола, покрытого длинной волнистой шерстью, и китайского единорога, шкура которого отливала серебристым цветом, напоминавшим мягкий лунный свет.

До сих пор ничто не омрачало прекрасной дружбы двух детей, но именно в тот вечер, накануне опаснейшего путешествия, которое предстояло Джиму, произошло то, что уже давно не случалось, — Джим и Ли Ши повздорили. Честно говоря, ссора произошла из-за какой-то ерунды. Так часто бывает. Сначала люди ссорятся, а потом уже никто толком не помнит, из-за чего начался весь сыр-бор.

Джим как раз играл с маленькой обезьянкой, которая доверчиво забралась к нему на руки. Поглаживая ее, он как бы между прочим спросил:

— А ты знаешь, что Пинг Понг едет с нами?

— Нет, — ответила принцесса. — А разве он не боится?

Джим пожал плечами и пошел дальше, к голубому оленю с серебряными рогами, который пасся возле фонтана.

Ли Ши страшно разволновалась. Конечно, она ужасно боялась морских пиратов, но, с другой стороны, если уж Пинг Понг едет, то, наверное, это не так опасно, тем более что рядом будет Лукас. Ведь в душе она давно мечтала о том, чтобы хоть раз в жизни попробовать, что такое настоящее приключение.

Ли Ши догнала Джима и спросила его еле слышным голоском:

— А не могли бы взять и меня?

Джим ошарашенно посмотрел на нее:

— Тебя? Ты слишком большая трусиха!

— И вовсе нет! — возразила Ли Ши и покраснела. — К тому же чего мне бояться, если рядом будет Лукас, а ты ведь сам говорил, что, когда он рядом, можно быть спокойным.

Джим покачал головой.

— Нет, Ли Ши, — сказал он мягко и слегка обнял принцессу. — На этот раз тебе придется остаться. Дело слишком серьезное. Ты все-таки девочка и к тому же принцесса. Ты не привыкла к такому. Кто его знает, как оно все обернется. Может, будет совсем жарко, и в такую минуту уже будет не до тебя. А если ты вдруг захочешь домой, то никто из-за тебя возвращаться не станет. Ты должна это понимать, Ли Ши.

Джим совершенно не хотел обидеть принцессу, и она, наверное, согласилась бы с ним, ведь ей и вправду было очень страшно, но Джим говорил так, словно он мог решать за нее, что ей делать и чего не делать. Во всяком случае, ей так показалось. Но она все-таки была принцесса, и это ее задело. В ней заговорил дух противоречия. А как мы уже имели случай убедиться, с этим ее духом шутки плохи.

— А я хочу ехать с вами, — заявила она. — И раз я хочу, значит, я и поеду.

— Нет, — возразил Джим. — Это мужское дело. Лукас тоже так считает.

— Скажите пожалуйста, какой он важный! — рассердилась тут принцесса. — Ты сам-то едешь только потому, что с тобой Лукас. А так сидел бы ты дома и умирал со страху. Ты, между прочим, тоже всего-навсего маленький мальчишка, который еще даже не умеет читать и писать, — съехидничала Ли Ши.

Тут уже Джим рассердился не на шутку. Он считал, что от последнего замечания Ли Ши могла воздержаться.

— Есть люди, — с расстановкой сказал он, — которые учатся читать, писать и делать прочую ерунду, а есть люди, которые совершают опасные путешествия. Тебе в любом случае лучше оставаться дома, сиди себе на здоровье и грызи гранит науки, раз ты у нас такая умная, что других людей дураками считаешь!

— А я все равно поеду!

— Нет!

— А я говорю — да!

— Нет!

— Вот увидишь! — крикнула Ли Ши и умчалась прочь.

Джим запрыгнул на голубого оленя и потрепал его по загривку.

— Воображала! — пробормотал он сердито. — Принцесса-всезнайка!..

Но на самом деле он очень расстроился, потому что Ли Ши ему нравилась и он не любил с ней ссориться.

Принцесса тем временем помчалась к императору, который как раз сидел с Лукасом на террасе и пил чай.

— Что стряслось, Ли Ши? — спросил император, когда его дочь как угорелая подлетела к столу. — Почему у тебя такой расстроенный вид?

— Джим сказал, что мне нельзя ехать с ними, потому что это якобы не для меня. А я все равно хочу, — выпалила Ли Ши.

— Джим абсолютно прав, действительно будет лучше, если ты останешься дома, — с улыбкой сказал император и ласково погладил принцессу по голове.

— А я хочу поехать! — твердила свое Ли Ши.

— Послушай, малышка, не надо упрямиться, — вмешался тут Лукас. — Знаешь, давай отложим это до другого раза. Сейчас точно ничего не получится. Драться с пиратами — прямо скажем, не самое подходящее занятие для нежных созданий.

— А я все равно поеду, — не сдавалась Ли Ши.

— Понимаешь, одно дело слушать о всяких таких занятных приключениях, когда тебе кто-нибудь о них рассказывает, — продолжал убеждать ее Лукас, — а другое дело, когда все это в жизни. Тут уж бывает не до смеха. Ты ведь сама знаешь.

— Ну и что, а я все равно поеду! — пробурчала Ли Ши.

— Нет, — очень серьезно сказал Лукас, — никто из нас не сможет о тебе как следует позаботиться. Тебе придется остаться дома. В другой раз — пожалуйста, а сейчас правда нельзя.

— А я хочу! — снова повторила Ли Ши.

— Я тебя не пушу, — строго сказал император. — И давай больше не будем обсуждать эту тему.

Маленькая принцесса надулась и побрела к себе в комнату. Она легла в постель, но дух противоречия не давал ей покоя. Ли Ши все ворочалась с боку на бок и никак не могла заснуть. В голове крутились разные мысли.

И вот поздно ночью, когда во дворце погасло последнее окно и все камеристки и фрейлины заснули сладчайшим сном, Ли Ши выскользнула из постели,

потихоньку прокралась на кухню, а оттуда на улицу. Дворцовые ворота были уже закрыты, так что ей пришлось воспользоваться этим ходом, который показал как-то раз Пинг Понг.

На улице было темно и пустынно. Принцесса помчалась со всех ног в гавань. Выждав подходящий момент, когда вахтенный матрос отошел подальше, она прошмыгнула никем не замеченной на корабль и спряталась в кладовке для провианта за какими-то мешками.

«Представляю, какая у Джима будет физиономия, когда он увидит меня, — подумала Ли Ши, устраиваясь поудобнее в своей необычной постели. — А все-таки я еду!» — с гордостью сказала она себе и тут же заснула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

*в которой происходит большое морское сражение
с Чертовой Дюжиной*

На следующее утро был назначен прощальный завтрак у императора. Все собрались, и только Ли Ши почему-то не было. Друзья удивились. Неужели принцесса так и не придет сказать им «до свидания»? Император велел позвать свою дочь, но вместо нее прибежали переполошенные камеристки и сообщили, что принцессы нигде нет. Наверное, она просто спряталась, решили они.

— Скорее всего, она все еще сердится из-за вчерашнего, — сказал огорченно Джим. — Вот почему она не хочет с нами прощаться.

— Если так, то нельзя сказать, что это очень вежливо с ее стороны, — заметил император. — Такое поведение заслуживает только порицания, — со всею строгостью произнес он.

— Ну что поделаешь, наверное, все маленькие принцессы такие, — вмешался тут Лукас. — Как бы там ни было, передайте ей от нас большой привет и скажите, что мы непременно отправимся с ней в чудесное морское путешествие. Вот только разделаемся с нашими делами и поедем.

Поскольку времени у путешественников было мало, то они не могли больше ждать, когда же наконец найдется Ли Ши. Император проводил друзей в гавань.

Там он их обнял на прощание и сказал:

— Да хранит вас небо, и пусть вам во всем сопутствует удача, как она сопутствовала вам до сих пор. С этого момента для меня и моих подданных померкнет солнце, и до тех пор, пока вы не вернетесь обратно целыми и невредимыми, не услышит в моей стране никто ни смеха, ни песен, ни веселья.

Бедный император, если бы он только знал, что очень скоро ему действительно будет не до смеха!

Друзья поднялись на борт корабля, где их уже встречал Пинг Понг. Пора было отправляться в путь. И вот наконец якорь поднят, трап убран, и корабль медленно вышел из гавани. Сотни тысяч китайцев вышли провожать их на берег. Здесь же в толпе стоял сам император. С замиранием сердца все смотрели вслед удаляющемуся кораблю.

Лукас и Джим поднялись на капитанский мостик, чтобы поздороваться с капитаном корабля, их давним приятелем, у которого было обветрившееся загорелое лицо, напоминавшее чем-то старую кожаную перчатку.

— Ну, братцы, куда прикажете плыть? — поинтересовался капитан после того, как они обменялись приветствиями. — Что мне сказать штурману?

— А мы и сами толком не знаем, — признался Лукас и выпустил большой клуб дыма. — Золотой Дра-

кон Мудрости сказал, что мы должны отдаться на волю волн. Течение и ветер вынесут нас куда надо. Вот так.

Капитан с удивлением смотрел на друзей, будто силясь понять, кто все-таки сошел с ума — он сам или они.

— Вы, наверное, еще не проснулись как следует, — пробурчал он. — Или шутки шутите. Но вам не удастся меня провести. В тот раз с плавучим островом я вас послушался и вроде как вышло по-вашему. Ну, это ладно. А теперь — ишь чего придумали. Нет уж, вы мне голову не заморочите.

— Да мы и не собираемся вам морочить голову, — постарался успокоить его Джим. — Так велел Дракон. И еще, между прочим, он сказал, что если кто-нибудь хоть на одну секундочку возьмется за штурвал, то мы никогда не попадем туда, куда нам надо.

— Пусть меня вареный рак забодает, если окажется, что вы и впрямь не шутите, — пробасил в ответ капитан. — Это ж шпротам на смех! Ничего себе заявочки. Плыви туда, не знаю куда! Я, конечно, знаю, что вы ребята с фантазией, но чтобы плыть неизвестно куда, да еще к штурвалу не подходить, это уж слишком! Но раз вы так хотите, то пожалуйста. Вам виднее, пусть будет по-вашему.

Штурман получил строжайший приказ ни при каких условиях не прикасаться к штурвалу, дабы корабль мог спокойно плыть куда ему заблагорассудится. Это несколько озадачило бывшего моряка, которому теперь ничего не оставалось делать, как просто стоять и смотреть на вертящееся в разные стороны колесо штурвала.

Корабль вышел в открытое море и, выписывая невероятные кренделя, направился куда-то к неведомой цели. Матросы слонялись по палубе, не зная, чем себя занять. Дул легкий бриз, но судно, несмотря на тугу

натянутые паруса, теперь едва продвигалось вперед. Солнце нещадно палило, и под его лучами палуба превратилась в настоящую сковородку.

Так прошел день.

Когда стемнело, Лукас и Джим решили немножко поспать. Но и ночью жара не спадала. Духота не давала толком заснуть.

Под утро вроде задул свежий ветер, и корабль стал идти веселее, но очень скоро ветер снова улегся, и наступил полный штиль. Море напоминало теперь настоящее зеркало — ни волны, ни ряби, ничего.

Когда Джим и Лукас на заре встретились на палубе, там уже стояла вся команда в полном сборе. Молча стояли матросы, лениво поплеывая за борт.

В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, которое нарастало с каждой минутой.

Единственный, кто в эту ночь спал безмятежным сном, это малыш Пинг Понг. Он так устал от всей предотъездной суеты и беготни, что, едва только корабль отчалил, прямехонько направился на корабельную кухню, которую называют камбузом, нашел там свою заветную бутылочку с молоком и выдул ее залпом. Если вы помните, он считал это самой подходящей пищей для детей его возраста. Пинг Понг буквально валился с ног от усталости. Хорошо бы найти какой-нибудь укромный уголок, где попрохладнее, да поспать, подумал он. Оглядевшись, он обнаружил небольшую деревянную лохань, отлично подходившую для этой цели. Чтобы в этот уютный домик не проникал ни свет, ни шум, Пинг Понг приспособил свой шелковый цветастый зонтик, который он раскрыл и приладил так, что получилась вроде как крыша.

Устроившись поудобнее, Пинг Понг тут же заснул сладким сном и только тихонько похрапывал, так что

казалось, будто в бочку забралась какая-то муха и теперь там жужжит.

Ну а Ли Ши?

Маленькая принцесса провела жуткую ночь. Вся ее храбрость улетучилась. Она сидела за мешками в своем укрытии и умирала от страха. На корабле было так тихо, что она уже решила, будто плывет одна-одинешенька по бескрайним просторам океана навстречу диким пиратам. От этой мысли ей стало совсем не по себе.

На востоке уже занималась заря, когда с юга вдруг снова задул ветер и море покрылось серебристой рябью. В ту же минуту раздался крик дозорного, который всю ночь нес вахту, сидя в специальной корзине на верхушке мачты:

— Кора-а-а-а-бль! Двигается с юга-а-а-а!

Все напряженно стали всматриваться в даль. Затаив дыхание, они пытались обнаружить среди морских просторов точку, которая могла бы быть судном неприятеля.

И вот они увидели его! Огромный корабль словно вынырнул из глубины и стал приближаться с бешеной скоростью. Он шел на всех парусах. Паруса были кроваво-красного цвета, а на самом большом из них, прямо на середине, отчетливо виднелась гигантская черная цифра 13.

— Это они! — прошептал Джим.

— Да, старина, — сказал Лукас, — начинается. Надо постараться застигнуть их врасплох, иначе они уйдут от нас. У их корабля колоссальная скорость. Я таких никогда еще не встречал.

— Тревога! Тревога! — раздался мощный бас капитана. — Свистать всех наверх!

В одну минуту все заняли свои места. Матросы встали к пушкам, готовые в любой момент открыть

огонь. Все они были вооружены — у каждого на боку висела сабля, а за пояс были заткнуты пистолеты.

Молча наблюдали они за тем, как приближается пиратский корабль. Он подошел уже совсем близко, их разделяло не больше мили. Но, судя по всему, противник еще не заметил голубого корабля.

— Джим! — раздался вдруг чей-то тоненький голосок.

Это Ли Ши выскочила на палубу и бросилась к друзьям. Дрожа от страха, она вцепилась в Лукаса.

— Пожалуйста, не надо! Не надо! — не помня себя от страха, твердила она. — Скорее поверните корабль! Я хочу домой! Ну, пожалуйста, не надо!

Тут принцесса разразилась безудержными слезами и при этом дрожала как осиновый лист.

— Черт побери! — пробормотал Лукас сквозь зубы. — Этого нам только не хватало! Что же теперь делать?

«Затевать схватку с Чертовой Дюжиной, когда у тебя на борту принцесса, очень рискованно», — подумал Лукас, уже готовый отказаться от задуманного плана. Джим остолбенел от ужаса.

— Ли Ши! Зачем ты это сделала? — только и сказал он.

— Отведи ее вниз! — приказал Лукас. — И запри ее в нашей каюте, так безопаснее. Здесь, наверху, скоро будет немножко жарко.

— Хорошо, — сказал Джим и потащил рыдающую Ли Ши на нижнюю палубу.

Вся история с принцессой заняла несколько минут, но именно они оказались роковыми. Момент был упущен. Приблизившийся уже на расстояние полумили противник обнаружил замаскированный корабль, тут же развернулся и на всех парусах понесся на восток.

— Надо их догнать! — закричал Лукас.

— В погоню! — прогремел капитан.

Штурман схватился за штурвал, к которому он до сих пор не смел прикасаться. Изю всех сил он крутанул колесо, чтобы изменить курс. Часть команды занялась парусами, часть осталась у пушек, приведенных в боевую готовность. Тут пиратский корабль снова резко изменил курс и теперь шел зигзагом против ветра на юг.

Джим тем временем вернулся на верхнюю палубу и занял место рядом с Лукасом. В этот момент вражеское судно как раз поравнялось с их кораблем — между ними было не больше ста метров. Можно было даже разглядеть всю шайку. Жуткого вида типы стояли на палубе все, как один, в одинаковых позах — с широко расставленными ногами, со скрещенными на груди руками и с наглыми ухмылками на физиономиях. Но что это там на корме? Максик! Максик, которого пираты крепко привязали толстыми канатами.

— Макс! — закричал Джим. — Мы тебя спасем!

— Надо пальнуть им в нос, — сказал капитан, — чтобы они остановились. Может быть, они сдадутся добровольно?

— Не думаю, — мрачно ответил Лукас, вынимая трубку из рта и пряча ее в карман. — Знаешь, старина, — сказал он, обращаясь к Джиму, — мне кажется, у нас сегодня будет жаркий день.

— Огонь! — скомандовал капитан, и тут же раздался оглушительный выстрел. Ядро плюхнулось в воду прямо перед носом пиратского корабля.

— Ха-ха-ха! — послышалось в ответ, и вслед за этим пираты грянули свою любимую песню:

Тринадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

— Ну ладно, — сквозь зубы проговорил капитан, — не хотят по-хорошему, пусть получают. С левого борта! Приготовиться! Заряжай! Пли!

Десять пушек грохнули как одна. На какое-то мгновение все заволочло пороховым дымом. Когда дым немного рассеялся, стало видно, что неприятель успел сделать ловкий маневр и все десять ядер плюхнулись в воду.

— Развернуться! — снова скомандовал капитан. — Я бы не советовал этим парням меня злить, иначе я покажу им, где раки зимуют! — сказал он, обращаясь к Лукасу.

Но пираты тем временем изменили тактику. Теперь они не подпускали близко голубой корабль. Они то удалялись куда-то к горизонту, так что их почти не было видно, то вдруг резко останавливались, будто прикованные к одному месту неведомой силой, а когда голубой корабль приближался на расстояние выстрела, снова уносились вдаль.

Зачем им это было нужно? Ведь они могли просто скрыться, и все.

— Не знаю, что они там замышляют, — пробормотал Лукас, сдвигая на затылок фуражку, — но мне все это что-то не нравится. У меня такое чувство, что они нас хотят заманить в ловушку.

И, надо сказать, он был недалек от истины.

Уже час длилась погоня. С удивительной ловкостью увертываясь от выстрелов, пираты все дальше увлекали за собой голубой корабль.

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, все изменилось вокруг — небо заволочло черными тучами, море вспенилось и забурило. Резкий ветер надул паруса. Волны становились все выше и выше. Темнота сгущалась над морем.

— Они тянут нас в самый тайфун! — крикнул Лукас капитану и подхватил свою фуражку, которую чуть не сдуло ветром.

— Точно! — сказал капитан. — Самое разумное будет оставить пока погоню и как можно скорее выйти из этой опасной зоны.

— Наверное, так, — согласился Лукас.

— Разворачиваемся! — прогремел своим зычным голосом капитан. Но напрасно они думали, что пираты вот так запросто дадут им уйти. Пираты только того и ждали. На большой скорости они обогнали голубой корабль и отсекали путь к отступлению.

— Ну, сейчас вы у меня попляшете! — проворчал вне себя от ярости капитан. — На корме! Приготовиться! Заряжай! Пли!

И снова грянул залп из десяти орудий. На сей раз ядра попали прямо в цель. Но что это? Вместо того чтобы разнести в щепки вражеский корабль, ядра только стукнулись о борт и, отскочив как мячики, полетели обратно. Минута — и вот уже все десять ядер с треском падают на палубе собственного корабля.

— Канальи! — рявкнул Лукас. — У них бронированный корабль!

Сквозь дикое завывание ветра слышно было, как надрываются от хохота пираты, затянувшие снова заливчатскую песню:

Йо-хо-хо, и бутылка рому!..

— Все равно не уйдете от меня! — прорычал сквозь зубы капитан. — Огонь! — скомандовал он.

Снова все заволокло дымом от пороха. И снова ядра вернулись обратно. С оглушительным шумом плюхнулись они на палубу голубого корабля.

— Хватит! — закричал Лукас. — Разве вы не видите, что от нашей пальбы никакого проку? — сказал он, обращаясь к капитану.

— Так что же прикажете делать? — прорычал в ответ капитан.

— Надо попытаться уйти от них! — решил Лукас.

Но легко сказать — уйти! Не так-то это просто. Теперь пираты начали палить из пушек. Они обрушили на императорский корабль целый шквал огня. Пираты не давали ему сдвинуться с места, они подходили то слева, то справа и при этом палили без остановки.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!..

во всю глотку распевали они.

Ветер, дувший с невероятной силой, вдруг начал вести себя совсем странно — как обезумевший он налетал то с севера, то с юга, а потом вдруг со свистом обрушивался с востока, чтобы уже через секунду наброситься с запада. Голубые шелковые паруса клочьями болтались на реях.

— Тайфун! — крикнул Лукас капитану. — Это он!

Да, это был тайфун. Яркая молния сверкнула на черном небе и со всей силы шарахнула прямо в большую мачту императорского корабля. Мачта вспыхнула как факел и в одну секунду сторела. Оглушительно грохотал гром. Вздыхались до неба и с ревом обрушивались на корабль громадные волны. Все смешалось в этом неистовом вихре. Казалось, будто разверзлась сама преисподняя и вышли оттуда на волю все черные дьявольские силы. На иссиня-черном небе то и дело вспыхивали молнии, все вокруг сотрясало от мощных ударов грома, не прекращающегося ни на секунду. Ко всему прочему, хлынул жуткий ливень. Потоки воды низвергались с такой силой, что разбушевавшееся море превратилось в одну сплошную пену и напоминало теперь кипящее молоко. В какой-то степени этот ливень пришелся очень кстати, если вообще

в такой ситуации может быть что-нибудь кстати, — как бы то ни было, дождевые струи не давали разгореться огню, который то и дело вспыхивал на голубом корабле.

Страшное это было зрелище — черное небо, белое море, а между ними, как две скорлупки среди неистовой стихии, — два корабля — голубой и кроваво-красный.

Правда, пиратам тайфун был нипочем. Их корабль, как дельфин, носился по волнам, выныривая то тут, то там, и над морем неслась лихая разбойничья песня:

Тринадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Время от времени пираты палили по голубому кораблю, от которого и так уже почти ничего не осталось. Он рассыпался прямо на глазах. Первым оказался за бортом штурман. Огромная волна с шумом обрушилась на корабль и смыла его с мостика. Правда, он успел ухватиться за кусок обшивки, и это дало ему возможность держаться на плаву. Корабль, оставшийся без управления, оказался теперь во власти стихии, и под натиском бури он скрипел и трещал по всем швам.

Лукас крепко прижал к себе Джима, а другой рукой уцепился за рею, оставшуюся от большой мачты.

— Ничего не поделаешь, Джим, — с трудом переводя дыхание, сказал он. — Теперь нужно дождаться, пока эти типы перейдут на наш корабль.

Ливень прекратился так же неожиданно, как и начался. Пираты перестали палить и через секунду подошли вплотную к голубому кораблю. Пиратский корабль весело подпрыгивал на вздымающихся волнах, а рядом безжизненно болтались останки того, что еще

совсем недавно было государственным кораблем Китая. Подтянув баграми эту разбитую посудину, пираты вынули свои сабли и с дикими криками стали перепрыгивать на борт побежденного корабля. Да, свирепее и отвратительнее физиономий, пожалуй, трудно было себе вообразить. Ко всему прочему, все они были похожи друг на друга как две капли воды.

— Давай, Джим, вперед! — закричал Лукас. — Надо спасти Максика!

И друзья бросились в самую гущу противников. Лукас подцепил где-то тяжелую железную палку и теперь прокладывал ею себе дорогу. Джим, спрятавшийся за его широкой спиной, старался не отставать от него. Скоро они уже добрались до того места, где стоял паровозик. По пути Лукас отобрал у одного из пиратов саблю, да еще сгреб его в охапку и спустил с лестницы, так что тот вверх тормашками полетел прямо в трюм. Потом он разрубил саблей канаты, которыми был привязан Максик, и вместе с Джимом перекатил его по искореженным поручням на борт императорского корабля, вернее того, что от него осталось.

Увидев это, пираты зажгли факелы и стали бросаться ими. Часть из них падала в воду, но некоторые все же долетали до голубого корабля. Несколько факелов попало в кладовку, где раньше пряталась Ли Ши. Скоро из всех щелей повалил густой дым.

Конечно, команда императорского корабля превосходила по численности противника. Но многих уже смыло за борт, а других скинули в воду пираты. И, честно говоря, даже если бы их было в десять раз больше, это ничего не меняло. С такими здоровенными молодцами, которым, казалось, сам черт не брат, им бы все равно было не справиться. Из всей команды осталась лишь жалкая кучка матросов, которые

продолжали отчаянно сражаться с разбойниками. Но постепенно пираты одолели и этих последних смельчаков. Связав поверженных матросов по рукам и ногам, они перетащили их к себе на корабль.

Когда началась буря, Пинг Понг очнулся наконец ото сна. Конечно, помочь он ничем не мог, и поэтому ему ничего не оставалось делать, как безучастно наблюдать за жестокой схваткой. Дольше всех сопротивлялся Лукас. Он дрался, как лев. И только когда на него навалились разом семеро пиратов из Чертовой Дюжины, ему пришлось сдаться. Пинг Понг видел, как пираты связали Лукаса и перетащили его на свой корабль, а там открыли какой-то люк и швырнули его вниз, в беспросветную тьму. Ну а где же все это время был Джим?

Он успел незаметно забраться на последнюю мачту, оставшуюся целой и невредимой, но огонь добрался и сюда. Языки пламени лизали реи, и вот уже вспыхнули последние обрывки голубого паруса. За дымом, конечно, Джима не было видно, но так он мог запросто задохнуться. Пламя поднималось все выше и выше. Выбора не было, Джим пошел на рискованный шаг — дождавшись, когда оба корабля соприкоснутся бортами, он оттолкнулся со всей силы и перемахнул к пиратам. Ему удалось уцепиться за снасти, и теперь он висел на мачте, болтаясь среди кроваво-красных парусов. Сверху ему было видно, как пираты обыскивали императорский корабль — они обшарили его сверху донизу, нашли Ли Ши и бросили ее к другим пленным, потом собрали все оружие, боеприпасы, ценные вещи и перетащили к себе.

Покончив с этим, они заложили в трюм голубого корабля побольше пороху, сделали длинный фитиль и подожгли его. Затем они быстренько перескочили к себе на корабль, который тут же развернулся и по-

спешил убраться подальше от опасного места. Не успел он отойти и на сто метров, как раздался оглушительный взрыв, и императорский корабль взлетел на воздух. Его разорвало на две части, которые тут же ушли под воду.

Джим успел заметить, как мелькнул в водовороте блестящий котел маленького паровоза, но через секунду его поглотила морская пучина.

— Максик! — тихонько вскрикнул Джим, и две большие слезинки скатились горошинами по его черным щекам. — Мой милый Максик!

Остатки корабля разметало во все стороны — тут и там виднелись какие-то доски, рейки, планки, а чуть поодаль качалась на волнах небольшая лохань, уносимая течением в неведомые края. Из лохани торчал разноцветный зонтик Пинг Понга. Но Джим, конечно, об этом ничего не знал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

*в которой корабль с кроваво-красными парусами
прибывает в Страну, Которой Быть Не Должно*

Когда Лукас очнулся, он не мог поначалу понять, где он и что с ним. Вокруг было темно хоть глаз выколи, только слышно было чье-то ровное дыхание.

— Эй! — шепотом позвал он. — Есть тут кто-нибудь?

— Это вы, господин машинист? — послышался в ответ голос капитана, который тоже старался говорить как можно тише. — Хорошо, что вы пришли в себя, а то мы уже боялись, что вы умерли.

— Ах, это вы, капитан! — обрадовался Лукас. — А кто еще здесь есть?

— Здесь я и одиннадцать членов моей команды, — ответил капитан. — Мы все связаны. А наша малень-

кая принцесса лежит рядом со мной. Она ничего, в порядке, насколько это, конечно, возможно в такой ситуации.

— А что там такое бабахнуло? — испуганным голосом спросила принцесса.

— Скорее всего, это пираты взорвали наш корабль, — высказал предположение капитан.

— А Джим Пуговка? — спохватился Лукас. — Где он? Никто не знал.

— Джим, — позвал Лукас и попытался разорвать связывавшие его веревки. — Его нет здесь? Кто-нибудь видел его? Где мальчик? Что с ним случилось? Где мой друг?

Веревки только глубже впились в тело, и Лукас оставил безнадежные попытки освободиться от пут. Воцарилась гнетущая тишина. Через некоторое время в темноте послышалось чье-то всхлипывание. Это плакала Ли Ши.

— Джим, дорогой Джим! — доносилось сквозь рыдания. — Почему я тебя не послушалась! Ах, Джим, почему я была такой скверной девчонкой!

— Слишком поздно, Ли Ши, — сдавленным голосом сказал Лукас. — Слишком поздно!

Джим все это время висел на мачте. Он страшно замерз. Мокрая одежда прилипла к телу. От холода у него зуб на зуб не попадал. Он весь заковенел, но продолжал держаться за снасти. Буря еще не кончилась, жуткий ветер по-прежнему носился над рассвирепевшей морской пучиной, и гигантские волны с ревом вздымались к небесам, чтобы потом с диким грохотом рухнуть вниз. Но ветер — это еще куда ни шло. Хуже было другое. Здесь, наверху, качка ощущалась гораздо сильнее, чем если стоять на палубе. Джим скоро уже совсем перестал понимать, где верх, где низ. У него страшно кружилась голова, его мутило и

вообще было так худо, как никогда. Но отчаяние придавало ему силы, и он продолжал держаться, потому что он знал — чего бы это ни стоило, но нужно остаться незамеченным, иначе все пропало! Ведь, кроме него, некому освободить пленников.

Джим стиснул зубы. Он надеялся, что буря рано или поздно уляжется. И еще. Ведь Дракон, кажется, сказал, что пираты направляются к Большому Магниту. А там будет подмога — Непомук и Ушауришуум.

Если бы Джим знал, куда на самом деле держит путь пиратский корабль! Он, наверное, не выдержал бы такого головокружительного путешествия. Пираты уже давно раздумали встречаться с драконихой. Это неожиданное нападение да и сам замаскированный корабль — все выглядело слишком подозрительно. Чутье подсказывало им, что тут не обошлось без фрау Зубпер.

Корабль с кроваво-красными парусами стремительно неся куда-то на юг — он шел прямехонько в Страну, Которой Быть Не Должно.

Целый день продолжалось это безумное путешествие. Страна, откуда были родом пираты из шайки Чертова Дюжина, находилась где-то неподалеку от Южного полюса. Другому кораблю понадобилось бы, наверное, несколько недель, чтобы одолеть этот путь, а пираты уже к ночи были на месте.

Сперва Джим заметил на горизонте нечто непонятное и неясное, — казалось, что прямо из глубины бушующего моря поднимается гигантский черный столб, уходящий куда-то в самое небо, затянутое мрачными тучами. Невероятно толстый и высокий, этот столб поражал своими фантастическими размерами. Потом Джим еще разглядел, что эта махина к тому же крутится вокруг своей оси с жуткой скоростью и каждую

секунду ее пронзают гигантские молнии. Чем ближе подходил корабль, тем явственней становился шум, доносившийся из глубины загадочного столба, внутри которого все гудело и стонало, как будто кто-то нестройно играл на тысяче органов сразу. И тут Джима осенило — он понял, куда плывет корабль. Лукас когда-то рассказывал ему о водяном смерче. Он говорил, что это такой вихрь, который обладает чудовищной силой, способной поднять до небес невиданные массы воды.

«Неужели они плывут туда?» — только и успел подумать Джим.

И в ту же секунду корабль нырнул в самую середину черного столба. Да, таких искусных мореходов, какими оказались пираты, пожалуй, еще свет не видывал. Сначала они сделали несколько кругов на первом витке спирали, стараясь сравняться со скоростью вращения водных масс. Корабль плыл все быстрее и быстрее, увлекаемый стремительным течением. Теперь он уже подчинялся неведомой силе, которая тащила его по спирали все выше и выше, все время наверх. Казалось, что смерч заглотил корабль, ему суждено сгинуть в этой гигантской трубе, зияющей пустотой, которая неуклонно засасывала его внутрь. Неожиданно корабль вынесло на твердую почву, и он покатил, как паровоз, по каким-то удивительным рельсам, серпантином обвивавшим высокую скалистую гору. Некоторое время корабль по инерции двигался вперед, но без ветра парусник далеко не уедет, так что в конце концов он остановился, — здесь, как и в недрах страшной трубы, царило полное безветрие.

Джим, который все это время сидел на мачте, уцепившись за снасти, не сразу пришел в себя после такого путешествия. Он был в каком-то полубессозна-

тельном состоянии. Собравшись с силами, он огляделся по сторонам. Гора, на которую вынесло корабль, представляла собой высоченную громадину — наверняка больше тысячи метров, — куда ни кинешь взгляд, повсюду только каменистые кручи, от которых веет жутью, зубчатые уступы, глубокие расщелины, словно сотни тысяч молний ударили как-то разом в черную махину, и разъехалась она по всем швам.

А сколько тут было пещер и пещерок! В сочетании с нависающими глыбами, напоминавшими чем-то пузыри, они придавали горе сходство с гигантской губкой. Ко всему прочему, по всей поверхности шли какие-то красные жилы, которые мерзкими щупальцами обвивали мрачную гору сверху донизу.

Здесь-то и находилась ужасная Страна, Которой Быть Не Должно.

Для того чтобы стало понятно, почему эта страна носит такое странное название, нужно кое-что объяснить. Правда, Джиму тогда тоже некому было объяснить, в чем тут дело. А дело в том, что на Земле все острова и горы находятся там, где им положено быть самой природой. Все — но только не та чудовищная гора, которую увидел Джим. Почему она возникла там, где ей не положено быть, мы узнаем немного позже. Как бы там ни было, главное, что на том самом месте, где теперь торчали мрачные утесы, должно было быть только гладкое море и ветер, который мог бы гулять себе туда-сюда по бескрайним просторам. И вот оттого, что некоторые силы нарушили известный порядок, стихии возмутились и принялись бушевать.

Охваченные слепой яростью, налетели одновременно со всех сторон ветры и схлестнулись друг с другом. Закружились они в бесконечном неистовом вихре вокруг той горы, которая преспокойно оставалась себе стоять, скрытая теперь от внешнего мира

плотной стеной образовавшегося водяного смерча на том самом месте, где возникла когда-то вопреки всем законам природы.

Джим видел, как пираты перетаскивали все украденное с голубого корабля в одну из больших пещер. Затем настал черед пленных. Их пираты загнали в ту же пещеру — сначала капитана, потом одиннадцать матросов, потом Ли Ши, последним вывели Лукаса.

Перед тем как сойти на берег, он еще раз окинул взглядом пиратский корабль — неизвестно, то ли он сделал это чисто машинально, то ли какое-то предчувствие подсказало ему, но, так или иначе, он взглянул на паруса — и сердце забилося от радости. Там среди кроваво-красных парусов мелькнула на мгновение знакомая черная мордашка. Это длилось какие-то доли секунды, и все же Джим успел кивнуть Лукасу, а потом снова исчез из виду. Ни один мускул не дрогнул на лице Лукаса, ни одним движением он не выдал своего волнения. Только в глазах его вспыхнул веселый огонек и тут же погас. Но это мог заметить только очень внимательный наблюдатель. Пираты же ничего не заподозрили.

Все ушли, и Джим остался на корабле один. Он сначала боялся, что пираты начнут убирать паруса и тогда непременно найдут его. Джим ведь не знал, что они никогда не убирают парусов и держат корабль в постоянной боевой готовности.

Пираты скрылись в недрах горы и долго не показывались, так что у Джима было достаточно времени, чтобы как следует осмотреться. Он долго вглядывался в черную толщу взвихренной смерчем воды, которая стеной вставала до самого неба, опоясывая мрачную гору, и при этом вращалась с бешеной скоростью. Сквозь стены были видны вспышки молний, которые

одна за другой ударялись снаружи о стенки фантастического столба. Джим постепенно привык к неистовому гудению, которое не прекращалось здесь ни на секунду. Он его почти не слышал. Впрочем, он теперь вообще ничего не слышал. Даже мощных раскатов грома, которые то и дело сотрясали воздух. Он как будто оглох. Его взгляд медленно скользил по стенам, поднимаясь все выше и выше. И вот, когда Джим совсем уже задрал голову, чтобы посмотреть, что там делается наверху, он различил где-то далеко-далеко маленький кусочек неба, проглядывавший сквозь круглое отверстие трубы. Отсюда он напоминал чей-то глаз, который невозможно взирает на все происходящее.

«В БУРЕ УЗРИШЬ ТЫ ОКО,
СВЕТ ЕГО ОТКРОЕТ ТЕБЕ ЗВЕЗДУ...» —

пронеслось в голове у Джима.

«Вот что, оказывается, имел в виду Дракон! Но как же мне заполучить звезду, которая должна появиться там, наверху, — при условии, конечно, если она действительно появится?»

Уже давно наступил вечер. Но никаких звезд на небе не было видно. Джим подождал еще немножко и, когда совсем стемнело, осторожно слез с мачты, оглянулся по сторонам, спрыгнул на берег и крадучись пробрался в пещеру, куда ушли пираты вместе со всеми пленными.

Войдя в пещеру, он увидел разбегающиеся в разные стороны коридоры и коридорчики. Одни из них были величиной с туннель, другие — не больше обыкновенной водопроводной трубы, а некоторые выглядели и совсем крошечными. Было такое ощущение, что он и впрямь пробирается сквозь гигантскую губку, но каменные стены были твердыми и блестящими, как черное стекло.

В этом лабиринте ничего не стоило заблудиться, но пираты, к счастью, укрепили по стенам того прохода, которым они обыкновенно пользовались, горящие факелы.

Извилистый проход вел в недра горы. Местами он вдруг сужался, и нужно было идти согнувшись в три погибели, а потом неожиданно снова расширялся, и тогда можно было уже не бояться, что стукнешься головой о потолок; по дороге попадались разные комнаты — просторные, как настоящие залы, и маленькие — наподобие кладовок. Здесь хранилась всякая всячина — оружие, парусина, канаты, веревки. Чем дальше шел Джим, тем слабее становилось гудение, доносившееся из глубины безумного водоворота. Наконец все стихло. Теперь он слышал только свои осторожные шаги и стук собственного сердца.

Через некоторое время сюда добавились новые звуки. «Йо-хо-хо, и бутылка рому!» — неслось приглушенное пение откуда-то из глубины, а затем послышался дикий хохот. Джим постарался ступать как можно тише. Наверное, пираты где-то совсем близко.

Теперь он мог различить даже отдельные голоса. Коридор, по которому шел Джим, еще раз вильнул, и, когда мальчик осторожно выглянул из-за угла, он увидел перед собою довольно просторный зал, а посередине большой костер, вокруг которого расположились пираты — кто сидя, кто лежа.

Видимо, Джим попал в самый разгар ужина — пираты уплетали за обе щеки поросенка, которого они зажарили на вертеле. Они своими кинжалами оттапывали от поросячьей туши огромные куски. Их громкое чавканье разносилось по всему залу и долетало даже до Джима, который наблюдал за трапезой из-за угла. Обглоданные кости они запросто швыряли прямо на пол. У каждого пирата еще была своя кружка,

в которую наливался ром из огромной бочки — выпьют кружку и давай следующую.

От одного вида жирного поросенка и аппетитных запахов у Джима прямо в глазах помутилось. В животе у него отчаянно урчало. Но сейчас было, конечно, не время думать о еде. Медленно и бесшумно Джим опустился на землю и стал ползком пробираться в зал, стараясь не попасться на глаза пиратам. Но они так и так ничего, кроме своего поросенка, вокруг не видели. Джим благополучно миновал опасный участок и быстро шмыгнул в большую канатную бухту, которая стояла в углу. Лучшего укрытия и придумать было нельзя — отсюда было слышно все, о чем говорили пираты, а если немножко раздвинуть канаты, то получалась отличная щелка, сквозь которую можно было видеть, что происходит в зале. Джим надеялся, что так он сумеет выведать, куда пираты подевали пленных.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой Джим узнает, что такое Око Бури,
и находит звезду*

Пираты были все-таки здорово похожи друг на друга! Прямо не отличишь. Все в одинаковых шляпах с одинаковым рисунком — у каждого спереди красовались череп и кости, все в одинаковых пестрых куртках, голубых шароварах и высоких сапогах. У каждого за поясом заткнут пистолет, нож и кинжал. Да и во всем другом они ничем не отличались — одинакового роста, с одинаковыми физиономиями — нос крючком, длиннющие усы, свисающие аж до живота, маленькие глазки в кучку, так что казалось, что это целое общество косоглазых, большие желтые зубы,

как у лошадей, а в ушах тяжелые золотые кольца. И голоса похожи — хриплые и сиплые, как у настоящих разбойников. Одним словом, банда близнецов, да и только.

Справившись с поросенком, пираты наполнили в очередной раз свои кружки ромом, и скоро уже вовсю пошло веселье, если, конечно, вообще можно говорить о веселье, когда имеешь дело с такими мрачными субъектами.

— Братва! — воскликнул один из пиратов, поднимая кружку с ромом. — Как подумаю, что, быть может, пьем мы в последний раз превосходный ром мадам Зубпер, так прямо выть хочется, дьявол меня заberi!

— А, чушь собачья! — сказал другой пират. — Ну, не этого, так другого рома мы себе раздобудем. Главное, чтоб с градусами было все в порядке — уж выпьешь, так выпьешь. Нечего нюни распускать. Лучше тяпнем еще по одной!

Одним махом содержимое кружек исчезло в глотках пиратов, и загрела под сводами зала лихая пиратская песня:

Тринадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Они пели нестройным хором, кто в лес кто по дрова, да еще старались изо всех сил переорать друг друга и страшно веселились при этом, что выражалось во взрывах дикого хохота, которым время от времени прерывался этот кошачий концерт.

— Тихо! — вдруг завопил один из братии. — Дайте мне сказать!

— Тихо! — раздались отдельные голоса. — Капитан хочет говорить!

— Братцы! — начал свою речь капитан. — Сегодня у нас богатый улов. Дьявольски богатый. И потому я хочу вот что сказать. Наверное, есть много на земле двойняшек, тройняшек и даже, наверное, пятерняшек. Но таких отличных ребят, как мы, тринадцатиняшки, не сыщешь на всем белом свете! Это уж точно! Да здравствует Чертова Дюжина! Ура! Ура! Ура!

И вся шайка принялась ликовать, выкрикивая приветствия в свой собственный адрес. Теперь-то Джим понял, почему они все были похожи друг на друга как две капли воды. Он попытался себе представить, каково это существовать в тринадцати экземплярах. Сам Джим был необычайно рад, что существует только в одном экземпляре.

Тут встал еще один пират и рявкнул зычным голосом:

— Тихо! Теперь я хочу сказать слово! Заткнитесь!

Все замолчали и уставились на верзилу. Выдержав паузу, тот торжественно продекламировал:

С запада дует ветер, с юга летит буря,
С севера мчится вихрь, с востока тоже буря,
Только одно есть место,
Где можно укрыться от бури, —
Наша КРЕПОСТЬ ПО ИМЕНИ
«ОКО БУРИ»!

В ответ раздались бурные аплодисменты. Видя неумный восторг, который вызвали нескладные строчки доморощенного поэта, Джим как-то вдруг понял, что умом эти страшные громилы явно не отличаются и все они, в сущности, личности весьма недалекие и ограниченные. И все-таки ему было небесполезно послушать незатейливые пиратские вирши, во всяком случае он теперь знал, как называется крепость. И снова ему вспомнились слова Золотого Дракона.

— А что мы будем делать с пленниками? — спросил один из пиратов. — Пускай помирают там себе с голоду? — При этом он махнул рукой в сторону люка, расположенного в дальнем углу зала.

У Джима прямо мурашки побежали по телу — теперь он знал, куда пираты спрятали Лукаса, Ли Ши и других. Но пока, конечно, и думать было нечего о том, чтобы как-то спасти их. Нужно было дожидаться удобного случая.

— Чушь! — гаркнул другой пират. — Отвезем их к драконихе и получим снова ром.

— Тихо! — вмешался тут пират, которого все называли капитаном. — Здесь командую я! Каррамба, коррида и черрт поберрри! Завтра отправляем пленных кормить акул! И ша!

Ропот неудовольствия прошел среди пиратов.

— А ну, заткнуться всем! — продолжал капитан. — Дракониха не пришла на встречу. Наверняка она нас предала. Ведь, кроме нее, никто на свете не знал нашего маршрута. Дракониха затевает против нас что-то нехорошее. Это ясно как день. Значит, отныне дракониха наш враг. И ничего она теперь от нас не получит. Разве что пару пуль в толстое брюхо. Это можно.

— Отлично! — загорланили пираты, которым пришлось по душе последние слова капитана. — Пусть только попадется нам, мы сделаем из нее отбивную!

— А эту девчонку, — спросил вдруг кто-то из пиратов, — ее мы тоже бросим в море?

— Нет, — ответил капитан, — ее мы оставим вести хозяйство.

— Хо-хо-хо! — загоготали тут на радостях пираты. — Отличная мысль, капитан. Вот будет славненько!

— А вам не кажется, — сказал один из пиратов, — что эту девчонку мы уже где-то видели? Мы точно где-то встречались?

— Братишка, — постарался успокоить его сосед, — мы в своей жизни отловили уже целую кучу маленьких девчонок. Так что ничего не стоит ошибиться. Тут уже не разберешься.

— Да уж, — вмешался в разговор еще один пират, — этой драконихе мы, можно сказать, целое стадо таких пигалиц пригнали..

— А за это мы получали от нее ром, — добавил другой пират, — кроме одного-единственного раза. Помните, братцы, историю с черномазым карапузом? Помните, как мы наткнулись случайно на такую корзину, она еще была вся просмолена? Там и лежал себе тот младенец, а мы его — цап! — и выудили из воды! Это было знаете когда — после того здоровенного шторма.

Джим снова вздрогнул. «Неужели пират говорит обо мне?» Точно! О ком же еще?! И Джим напряженно стал прислушиваться к разговору.

— Ну да, а рядом с ним лежала корона и кусок пергамента, весь исписанный какими-то буквами, — такой лист, свернутый в трубку, который лежал в золотом футляре. Интересно было бы узнать, что за фрукт нам тогда попался!

Пираты вдруг как-то все притихли и молча сидели с застывшими лицами.

— А помните, на том пергаменте была еще написана какая-то ерунда, — продолжал тот же самый пират, — кто, мол, младенцу причинит зло, у того отберет он всю силу и обретет над ним власть, ибо сделает он из неправого правое, превратя нечетное в четное. Или что-то в этом духе. Интересно, что бы это значило?!

— А ничего! Это все чепуха! — прорычал капитан. — Просто мы тогда ничего не могли разобрать — ведь читать-то из нас никто толком не умеет. Это же курам на смех — что вы там могли прочитать, ослы

безмозглые, если каждый из вас, дай Бог, одну-две буквы знает?! Вот и получилась какая-то тарабарщина!

— Можно подумать, что ты сам большой мастер по этой части! — осадил капитана один из пиратов.

— Тихо! — снова рявкнул капитан и хряпнул со всей силы своей кружкой об пол. — Хватит тут воду мутить! Чего зря базар разводить. Мы выудили этого лягушонка и спасли его от смерти. Иначе бы ему крышка. Значит, мы сделали хорошее дело.

— Но мы ведь затолкали его в коробку и отправили посылку к мадам Зубпер, потому что нам некогда было с ним возиться и ждать, пока мы будем снова встречаться с драконихой, — вмешался тут другой пират.

— А что с ним было цацкаться?! — ответил ему один из шайки. — И вообще, что вы тут рассусоливаете?! Ну, отправили мальчика, и хорошо. Куда он от нее денется?

— Хорошо-то хорошо, но только ту посылку дракониха так никогда и не получила, — вступил в разговор еще один пират. — Помните еще, как разозлилась тогда дракониха, когда мы пришли к ней получить наш ром?

— Все, кончай байки травить! — сердито гаркнул тот, кого все называли капитаном. — Чертова дракониха уже тогда нас здорово надула, дьявол ее заberi! Но больше у нее такие штучки не пройдут. Надо написать ей письмо и сказать, что мы ее раскусили и теперь ей несдобровать. Мы объявляем ей войну!

Пираты снова недовольно заворчали. Опять работать. Только хотели посидеть спокойненько, выпить, а тут письмо пиши. Неужто нельзя с этим подождать?

— Каррррамба! Клянусь акульим хвостом, я вам покажу, как со мною спорить! Если я говорю, будем писать письмо, значит, будем писать письмо. И ша! Ясно?

Пиратам ничего не оставалось делать, как подчиниться. Капитан приказал принести чернила, бумагу и перо, и вся компания принялась составлять грозное послание драконихе. Джиму из своего укрытия было хорошо видно, как они это делают. Все они знали только по одной какой-нибудь букве, поэтому по очереди брались за перо и вырисовывали каждый свою закорючку — один умел писать только букву «а», другой «з», третий «ф» и так далее. При этом, конечно, ни один из них не мог проверить, правильно ли все написано, и поэтому в тексте появлялись совсем уже ни на что не похожие загогулины. Например, один из пиратов, тот, которого все называли капитаном, — он, кстати сказать, писал хуже всех, — так вот, он был свято убежден, что является большим знаком буквы «к», хотя на самом деле вместо «к» у него получался какой-то кривой-косой крестик, отдаленно напоминавший букву «х», которой он пользовался по своему усмотрению то вместо «к», то вместо «г», то вместо «х». Но зато другой пират был по сравнению с ним прямо профессор. Правда, писать-то он умел только одну букву «л», но при этом мог из двух «л» составить высокохудожественную букву «м». А вот с цифрами дело обстояло чуть лучше. Уж цифры 1 и 3 знали все. Ведь они были нарисованы на их парусах. Хорошо так нарисованы, крупно и отчетливо.

Составление письма отняло у пиратов много сил — они прямо взмокли от напряжения, а маленькие пороссячьи глазки буквально норовили выскочить у них из орбит и забраться на лоб.

После бесконечных разговоров и споров они кое-как склеили такой текст:

ФРАУ ЗУПЕР
У НАЗ ТЕРПЕНЕ ЛПНУЛА
НАМ ЕЗФЕСТНА ХТА ПРЕТАТЕЛ
ТЕПЕР У НАЗ ХЛАФНА ФРАХ
ФРАУ ЗУПЕР АПЕФЛАЕМ ФАМ
ЗМЕРТ ПРЕ ФСТРЕЧЕ ХФСТ
АТАРФЕМ ЧУМА НА ФАС

ЧЕРТАФА 13

Если бы Джим умел читать, он сразу бы заметил одно удивительное обстоятельство. Письмо было составлено из двенадцати букв, которые пираты складывали как Бог на душу положит. Что и говорить, по смелости, отваге и силе пираты кого угодно могли за пояс заткнуть. А вот ума им явно не хватало. В этом Джим мог теперь сам убедиться. Мало быть силачом, надо еще и кое-что соображать. Правда, пираты хоть по одной букве знали, а Джим и того не знал.

Растратив все силы на письмо, пираты сидели изможденные вокруг костра и поправляли здоровье ромом. Некоторые настолько взмокли от непривычной работы, что даже сняли шляпы, чтобы отереть пот, а тот пират, которого все звали капитаном, просто взял и зашвырнул свою шляпу подальше в угол. Пролетев через зал, она шлепнулась прямо рядом с бухтой, где сидел Джим, который, увидев сей необычный головной убор с намалеванными черепом и костями, принялся с интересом разглядывать его.

Он все смотрел и смотрел, и при этом его не оставляло чувство, что есть в капитанской шляпе нечто особенное, чем-то она вроде как отличается от остальных. И вдруг он понял. На этой шляпе была приколотая рубиновая звезда. А вот на других нет. И в тот же миг снова пронеслось: «Возьми звезду, и станешь ты главным», — кажется, так говорил Золотой Дракон Мудрости.

Не долго думая, Джим просунул руку между канатами и отцепил звезду. Оказалось, что очень вовремя. Потому что именно в этот момент тот самый пират, которого все называли капитаном, поднялся со своего места и направился нетвердым шагом прямо к шляпе. Затаив дыхание, Джим следил за тем, как он подошел к шляпе, поднял ее с пола и лихо нахлобучил на самый лоб. От волнения Джим так крепко сжимал звезду, что она прямо врезалась ему в ладонку. Кажется, пират ничего не заметил.

— Ну а теперь, — сказал капитан, вернувшись к братьям-пиратам, — надо написать еще адрес на письме. Ну-ка пошевеливайтесь, ослы безмозглые!

Один из пиратов, оторвавшись от кружки, смерил крикуна взглядом и пробурчал:

— Чего это ты разорался, дружок? Садись-ка лучше да выпей глоток рома, пока дают!

— Дьявол тебя заberi! — завопил капитан и выбил у разговорчивого пирата кружку из рук. — Здесь команду я! Понятно?!

— Ты что, совсем сдурел?! — проворчал тот в ответ с явной угрозой в голосе и потянулся уже было за кинжалом. — А ну подними мою кружку, а то я тебе покажу, почем фунт лиха!

— Я капитан! — заорал во всю глотку первый пират. — Протри глаза, башка ослиная!

— Да какой ты капитан, разрази тебя гром! У тебя нет звезды! Ты просто надрался как свинья! — снова

рявкнул второй пират, и в глазах его заиграли недобрые огоньки. — Придется тебя немножко продырявить, чтобы из тебя весь хмель поскорее вышел!

Первый пират схватился за свою шляпу, чтобы проверить, на месте ли звезда. Ничего не обнаружив, он быстро снял ее и устоялся на то место, где еще совсем недавно сверкал капитанский знак.

— Черт-те что и сбоку бантик, — пробормотал он, оглядывая изумленно своих братцев, обступивших его со всех сторон. — А я думал, что я капитан. Но кто же тогда у нас капитан, если не я?

Дело в том, что пираты были настолько похожи друг на друга, что даже сами не могли понять, кто из них кто и как отличить одного от другого. Вот почему у них не было имен, просто все вместе они назывались Чертова Дюжина, и все. Ну а поскольку пиратам все-таки нужен капитан, который руководил бы бандой, то они и решили считать капитаном того, у кого на голове надета шляпа с рубиновой звездой. При этом им было совершенно все равно, один ли у них капитан или каждый день новый, потому что разницы-то действительно никакой не было, настолько братья-пираты походили друг на друга.

И вот теперь звезда нежданно-негаданно исчезла. Все смешалось. Каждый из пиратов хотел быть капитаном и потому принялся вопить во всю глотку, стараясь перекричать соседа. Чем громче голосили пираты, тем больше они распалялись. И скоро дело дошло до настоящей потасовки. В ход пошли тяжелые кружки, недопитый ром лился рекой.

Пираты колошматили друг друга почем зря — трах по голове, бац по челюсти, и уже кто-нибудь со всего размаху хряпается с треском прямо на пол, полежит-полежит, поднимется с трудом на ноги и снова драться лезет.

Долго они так валтузили друг друга: уж чего-чего, а силы, ловкости и выносливости им было не занимать. Но кончилась эта свалка все-таки печально — пираты доколотились до того, что скоро на полу лежала только груда 'бездыханных тел. Больше никто никого не бил.

Увидев, что никто из них больше не двигается, Джим быстро выбрался из своего укрытия и связал их всех по очереди канатом — благо этого добра было хоть отбавляй, бери кинжал и отрезай сколько нужно. Покончив с этим делом, Джим с глубоким вздохом удовлетворения прицепил себе рубиновую звезду на комбинезон, взял факел, открыл люк и стал спускаться по лестнице вниз. Через некоторое время он увидел перед собой маленькую дверцу, в которой торчал ключ. Джим повернул его, и дверь с громким скрипом открылась. Пленники лежали на полу посреди большой круглой комнаты, в которой было почему-то очень много дверей — такие массивные двери, обитые железом.

— Джим! — еле слышно проговорил Лукас. — Джим, старина! Я знал, что ты обязательно придешь!

— Раньше, к сожалению, не получилось. Пришлось тут немножко повозиться, — с нарочито небрежным видом ответил Джим.

Первым делом он освободил Лукаса — взял пиратский кинжал и перерезал веревки, — затем Ли Ши, а потом и всех остальных.

— А где же пираты? — осторожно спросил капитан.

— Там, наверху, — довольный, ответил Джим. — Они вас уже ждут. Пойдемте, я вас сейчас познакомлю.

Пленники удивленно переглянулись и пошли за Джимом, который с факелом в руке начал подниматься по лестнице.

Пираты тем временем начали тихонько приходить в себя. Они никак не могли взять в толк, что такое с ними приключилось. Ведь до сих пор еще никому не удавалось их победить.

Джим подошел к ним и представился:

— Я — Джим Пуговка, тот самый младенец, которого вы отправили драконихе и который так и не попал к ней. Я говорю это только для того, чтобы вы знали, кто вас победил.

У пиратов от удивления и ужаса прямо глаза на лоб вылезли. Лукас с восхищением посмотрел на своего маленького друга и, хлопнув его по плечу, пробасил:

— Ну и дела, старина. Так ты что, их один одолел?

— Один, — скромно ответил Джим.

— Это настоящий подвиг! — воскликнул капитан.

— Толковый парень этот Джим Пуговка, — с явным одобрением загудели матросы.

— Ну конечно, тут не обошлось без хитрости, — признался Джим, — иначе мне бы ни за что не справиться с Чертовой Дюжиной.

И он рассказал по порядку все, как было. Когда он закончил, все сидели притихшие.

— Вот, дьявол, кого нам нужно было взять капитаном! С таким бы не пропали! — пробурчал один из пиратов.

Лукас молча раскурил свою трубку. Выпустив густой клуб дыма, он наконец сказал:

— Джим Пуговка! — Его голос звучал почти что торжественно. — А ты действительно самый толковый парень, каких я только встречал на свете!

После этого к Джиму подошла маленькая принцесса, которая до сих пор не могла вымолвить ни слова. Покраснев до ушей, она прошептала своим певучим голоском:

— Джим! Пожалуйста, прости меня за то, что я наговорила тебе, и за то, что я тут наделала. Я была такая глупая! Теперь я знаю, что ты не только самый храбрый, но и самый умный человек на свете! Таким умным людям совершенно ни к чему уметь считать, читать и писать!

Джим улыбнулся и задумчиво сказал:

— Знаешь, Ли Ши, я тут поразмышлял на досуге и понял, что ты была все-таки права. Я хочу научиться всему этому.

Теперь нужно было получше запереть пиратов. Матросы отвели их вниз, и Джим как следует запер дверь.

Когда они вернулись в зал, вся компания удобно устроилась на разложенных здесь медвежьих шкурах и доела остатки жареного поросенка.

Джим так устал от всех треволнений последних дней, что заснул прямо с недоеденным куском мяса в руках. Скоро уже и остальные последовали его примеру. Только Лукас и капитан бодрствовали. Они попеременно несли вахту у костра и следили за тем, чтобы он не потух. И так прошла ночь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, *в которой Джим узнает тайну своего происхождения*

Когда настало утро, вернее сказать, когда пленники проснулись и, посмотрев на часы капитана, поняли, что уже, должно быть, утро (ведь как еще определишь, взошло там солнце или нет, если сам ты сидишь в крепости), Ли Ши, воспользовавшись пиратскими запасами, приготовила для всех отличный завтрак — сухари, копченое мясо, сардины, марино-

ванный угорь, паштет из омаров и целую кастрюлю кофе. Пока все ели и пили, Джим рассказывал, что ему удалось выведать из разговоров пиратов. Когда он дошел до короны и пергаментного свитка, Ли Ши спросила его:

— А они не говорили, где все это теперь? Для нас это очень важно.

— Нет, — ответил Джим, — об этом они не сказали ни слова.

— Надо будет поискать здесь как следует, — вступил в разговор Лукас. — Наверняка они спрятали все где-то здесь.

Справившись с завтраком, компания отправилась на поиск короны и свитка. Вооружившись факелами, друзья разбрелись кто куда по многочисленным коридорам и коридорчикам крепости. Довольно скоро Джим и Ли Ши наткнулись на ту самую комнату, где пираты хранили свои сокровища.

Крепко держась за руки, они вошли в просторные покои и застыли от изумления при виде бесчисленного множества сверкающих драгоценностей, которые заполняли все пространство от пола до самого потолка. Чего тут только не было, начиная от огромных золотых светильников и серебряных ванн и кончая дорогими кубками, ложками и наперстками. Шкафы и сундуки ломились от сияющих алмазов, бриллиантов, монет, тут же были свалены в кучу шелковые покрывала, расшитые жемчугом, а на полу лежали пушистые персидские ковры. Конечно, все было разбросано как попало, потому что пираты, как известно, не слишком большие любители порядка.

Пробираясь через все эти груды сокровищ, Джим и Ли Ши вдруг заметили небольшую плетеную корзинку, в которой все щели были тщательно замазаны смолой.

— Вот она! — с замирающим сердцем прошептала Ли Ши.

Джим поднял крышку и заглянул внутрь.

Там лежали чудесная корона с двенадцатью зубцами, скипетр и держава.

— Да, вот оно — то, что мы искали!

Они позвали Лукаса и всех остальных и показали им свою находку. Лукас тут же обследовал скипетр и обнаружил, что внизу он развинчивается. Раскрутив скипетр, Лукас извлек из него древний пергаментный свиток, на котором был написан следующий текст:

Неизвестному, нашедшему этого ребенка

Кто бы ты ни был, знай: если ты его спасешь, и оставишь у себя, и будешь заботиться о нем, и вырастишь его в любви, то настанет час, когда он вознаградит тебя за твою доброту по-царски.

Тому же, кто причинит ему зло, будет плохо, ибо лишит его сей ребенок силы и власти и свяжет по рукам и ногам. Превращает он неправое в правое, а нечетное делает четным.

Вот тайна его происхождения.

Однажды пришли три волхва к младенцу Христу и принесли ему свои дары. Один из них был темноликим, и звали его Каспар.

Огромное и богатое царство, которым правил некогда этот темноликий царь, исчезло с лица земли, и никто не может его теперь найти.

С того самого времени разошлись по всему белу свету потомки царя Каспара в поисках утраченной родины, имя которой

ЯМБАЛЛА.

И сменилось с той поры двадцать три поколения. Когда ты, неизвестный, будешь читать это послание, наш корабль, на котором находятся последние представители рода Каспара, исчезнет уже в пучине морской. Ибо приближается буря и нет нам от нее спасения.

Сие дитя — единственный отпрыск из Каспарова рода, кто останется в живых на этой земле. Он тот, кому суждено найти страну Ямбаллу. Вот почему мы решили пустить в море эту корзину, куда мы поместили царственного младенца, полагаясь во всем на волю Божию. Да хранит Господь сие дитя, нареченное отцом именем

МИРРЕН.

Джим стоял с широко раскрытыми глазами и, затаив дыхание, смотрел на чудесную корону, которую держал в руках. Все притихли. Это был торжественный момент.

Лукас кивнул своему маленькому другу и сказал:

— Надень корону, она принадлежит тебе.

И Джим водрузил корону на свою курчавую голову.

Капитан и матросы сняли фуражки и почтительно поклонились.

— Поздравляем, ваше величество! — сказали они.

А потом капитан закричал:

— Да здравствует принц Миррен! Ура! Ура! Ура!

И вся команда подхватила его радостное «ура». В воздух полетели фуражки.

— Черт побери, старина! Теперь ты еще и принц! И какой! Ты честно заслужил свой высокий титул, чего там говорить! Но я надеюсь, что это не помешает нашей дружбе? Как ты думаешь, Джим?

— Ну конечно, Лукас! — совершенно смущенный, воскликнул Джим.

— Джим! Джим! Как я рада! — зашебетала Ли Ши, хлопая в ладоши. — Значит, теперь мы настоящие принц и принцесса!

— Н-да, — задумчиво пробасил Лукас, — наверное, Джим будет первым и последним в мире коронованным машинистом.

Вернувшись в главный зал, все расселись у костра, чтобы обсудить, как же теперь поступить с пиратами и всеми их сокровищами. Было решено устроить настоящий суд, дабы определить им справедливое наказание. И вот связанных пиратов привели в зал и поставили в угол под охраной матросов.

— Если вы спросите меня, какое наказание заслужили эти прохвосты, — начал капитан, — то я скажу вам, что их нужно приговорить к смерти, отправить на корм акулам, как они хотели поступить с нами.

Пираты стояли с бледными, мрачными лицами. Хмуро ухмыляясь, они слушали речь капитана и старались при этом сохранить полную невозмутимость.

— Верно! — крикнул один из матросов. — Капитан правильно говорит! Мы все «за»!

Джим задумчиво посмотрел на пиратов, которые по-прежнему продолжали молчать. Потом он покачал головой и сказал:

— Нет, я считаю, что это несправедливо.

— Но ведь они этого заслужили! — сердито буркнул капитан. — О чем тут еще спорить!

— Вполне возможно, — ответил Джим. — Но они спасли мне жизнь, когда выловили меня из воды.

— Тебе решать, Джим, — примирительно сказал Лукас. — Ты ведь их победил!

— Если мне действительно дано право решать их судьбу, — серьезно продолжал Джим, — то я дарю им жизнь.

Пираты тут же перестали ухмыляться. Ничего не понимая, они растерянно смотрели друг на друга. Такого поворота событий они никак не ожидали.

Маленькая принцесса с восхищением глядела на Джима. Это было очень великодушно с его стороны, действительно по-царски.

Пираты о чем-то пошептались между собой, а потом один из них выступил вперед и сказал:

— Джим Пуговка! Твое решение спасло тебе жизнь, тебе и твоим друзьям. Мы, конечно, лихие ребята, но мы умеем ценить великодушие. Пусть сожрет меня акула, если это не так! Мы решили отпустить вас на волю.

— Нет, вы только послушайте, что он там несет! — рывкнул капитан, наливаясь кровью от ярости. — Совсем уже сбрендил! Таких нахалов еще свет не видывал! Надо же, какие добренькие! Да чего там с ними чикаться, вздернуть на мачту, и делу конец!

— Не надо горячиться, — перебил Лукас гневную тираду старого морского волка. — У меня такое чувство, что эти парни не шутят. Давайте лучше послушаем, что они нам скажут.

Пират спокойно вынес весь тот поток брани, который обрушил на него капитан, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Джим Пуговка, — продолжал он через некоторое время, — ты нас победил и связал. Все, как сказано в древнем свитке. Предсказание сбылось. Мы были готовы принять смерть и не собирались никого молить о пощаде. Дьявол нас заberi, если это не так. Но знаете, что было бы с вами дальше? Вы бы никогда не выбрались из этой крепости, имя которой Око Бури. Неужели вы думаете, что вот эти ваши матросы и вот этот ваш капитан сумеют вывести корабль отсюда? Клянусь преисподней, большой смерч можем одолеть только мы, Чертова Дюжина!

— Да, он прав, — убитым голосом пробормотал Джим.

Капитан уже было раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но поскольку ничего толкового он возразить на это не мог, то рот пришлось снова закрыть.

— Джим Пуговка, — взял слово другой пират, — мы решили отвезти тебя и твоих друзей туда, куда вы захотите. Но только при одном условии.

— Какое же ваше условие? — спросил Джим.

— Ты должен отпустить нас на свободу, — ответил пират, сверкая глазами.

— Да, только этого вам как раз и не хватает для полного счастья, — ехидно вставил тут капитан.

Джим задумался, но потом покачал головой и сказал:

— Нет, я не могу этого сделать. Вы будете опять разбойничать на море. Станете снова нападать на корабли и грабить их. Вы будете воровать детей и заниматься прочими неблагоприятными делами. Если таково ваше условие, то придется нам всем остаться здесь.

Пираты молчали. Потом один из них поднялся и посмотрел на Джима гордым взглядом.

— Джим Пуговка, — начал он глухим голосом, — я скажу тебе, что мы собираемся делать на самом деле. Мы давно уже поклялись друг другу, что если кто-нибудь когда-нибудь нас победит, то Чертова Дюжина перестанет существовать. Такова наша клятва. Мы никогда не примем никакого наказания. И неважно, справедливое оно или нет. Никто не может выносить нам приговор и судить нас. Мы сами себе судьи. Вот так. Мы вели нашу лихую жизнь по законам пиратства и чувствовали себя совершенно свободными. Теперь мы побеждены. И нам ничего не остается, как самим свести счеты с этой жизнью. Разбойники должны умирать как разбойники. Мы поплывем на север, и там, среди вечных льдов, под покровом вечной ночи, мы найдем свою смерть.

Джим смотрел на пиратов широко раскрытыми глазами. Эти отчаянные гордые братья-разбойники, несмотря на все злодеяния, которые они совершили, вызывали у него невольное уважение.

— Если я вас отпущу на свободу, — осторожно спросил Джим, — то вы можете мне пообещать, что никогда никому не причините зла?

Некоторое время пираты обдумывали предложение Джима, а потом один из них сказал:

— У нас есть еще одно дело, которое мы должны довести до конца, прежде чем отправиться на север. Ведь это драконша помогла вам найти нас, правда? Ты так рассказывал своим друзьям.

— Да, — ответил Джим, — без нее мне бы вас не одолеть.

Пират кивнул и переглянулся со своими братьями.

— Мы должны найти ее. У нас с ней свои счета. Она предала нас! — сердито крикнул он.

Джим вопрошающе посмотрел на Лукаса. Тот задумчиво курил свою трубку.

— Они еще не знают, — прошептал Джим своему другу на ухо, — что драконша превратилась теперь в Золотого Дракона Мудрости. Как ты думаешь, они могут тут что-нибудь сделать?

— Едва ли, — серьезно ответил Лукас, — но мне кажется, что, наверное, все-таки нужно, чтобы Дракон и Чертова Дюжина еще раз встретились.

Джим снова повернулся к пиратам и сказал:

— Я знаю, где находится Дракон. Вам самим без меня его не найти. Поклянитесь, что вы больше ни на кого не держите зла!

— Клянемся, — дружно ответили пираты глухими голосами.

Тогда Джим встал и развязал всех пиратов. Все затаили дыхание. Пираты смотрели на Джима, и взгляд у них был очень странный.

— Так, — сказал Джим, развязывая последнего пирата, — теперь давайте перенесем все сокровища на корабль, и в путь!

Какое-то мгновение пираты еще колебались, но потом все-таки подчинились его приказу. Конечно же, матросы тоже помогали переносить грузы. Да, картина получилась впечатляющая — порядочные мореходы в компании с отпетыми бандитами таскают сундуки, набитые драгоценностями и заморскими тканями.

— Черт побери, старина! — пробасил Лукас, выпуская клубы дыма. — Дело-то оказалось нешуточным. В такой рискованной игре неверный шаг — и все бы пропало.

— Что верно, то верно! — согласился с ним капитан. — Забодай меня акула, если это не так! У меня прямо до сих пор на голове волосы дыбом стоят, а в этом пиратском логове и причесаться нечем. Подумать только, какая нас ждала печальная участь! Да, что ни говорите, а наш принц Миррен принял единственно верное решение. Я, конечно, не какой-нибудь желторотый юнец и ребята мои свое дело знают, но скажу честно — нам ни за что не вывести отсюда корабль. Это под силу только отчаянным лихачам вроде наших пиратов. А простому мореходу такие фортели да выкрутасы и во сне не повторить. Так что игра была и впрямь рискованной, но Джим Пуговка вышел из нее победителем.

— Игра еще не окончена. Посмотрим, что дальше будет, — пробормотал Лукас.

Когда наконец все было готово к отплытию, один из пиратов подошел к Джиму и сказал:

— Мы можем трогаться в путь. Куда вам надо?

— В Китай, — ответил Джим.

Все вышли из крепости и сели на корабль с кроваво-красными парусами.

Так началось последнее путешествие, которое принесет еще немало сюрпризов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,
*в которой в честь Пинг Понга воздвигается
памятник, а Золотой Дракон Мудрости впадает
в немилость у китайского императора*

Ну а что же произошло с Пинг Понгом с тех пор, как он покинул борт государственного корабля в своей необычной спасательной шлюпке, из которой он мог видеть, как могучее судно взлетело на воздух, а его жалкие останки пошли ко дну?

Пинг Понгу тоже пришлось несладко. И все же это было самое увлекательное путешествие за всю его не слишком долгую жизнь. Пинг Понг показал себя настоящим молодцом. Своим беспримерным мужеством и храбростью он снискал заслуженную славу у себя на родине, где еще долго люди будут чтить своего маленького героя, передавая из поколения в поколение истории о его небывалых подвигах.

Оставшись один-одинешенек среди бескрайнего бушующего океана, вдали от земли, от людей, Пинг Понг принялся размышлять, что же можно предпринять в такой ситуации. Правда, размышлять было довольно трудно, потому что волны швыряли и болтали лохань во все стороны, и Пинг Понга от этого здорово трясло. Конечно, ему такое обращение не слишком нравилось, могли бы и повежливее, думал он про волны, но жаловаться было решительно некому, вокруг только ветер да океан, так что пришлось смириться с такими неудобствами. Безуспешно пытаясь поймать за хвост хоть какую-нибудь толковую мысль, Пинг Понг чуть было не упустил свой чудесный зонтик — порыв ветра уже подхватил его, но Пинг Понг успел вовремя уцепиться за ручку. Возмущенный таким нахальным поведением стихии, он изо всех сил тянул свой зонтик к себе. Но ветер тоже не сдавался. Это

была настоящая борьба — кто кого. Неистовые порывы ветра обрушивались на утлое суденышко Пинг Понга, — казалось, еще немножко, и он улетит вместе со своим зонтиком. Отважный мореход отчаянно сопротивлялся. Одной рукой он вцепился в лохань, другой — в зонтик. И тут ему в голову пришла блестящая идея — ловким движением он снял кушак, которым был подпоясан его золотой халат, и крепко привязал зонтик к ручке лохани, так что получился настоящий парусник. Правда, конструкция вышла, прямо скажем, несколько странная, но зато теперь ветер дул куда надо, и необычный корабль бодро продвигался вперед, а не скакал как сумасшедший по волнам.

Конечно, при неблагоприятном стечении обстоятельств Пинг Понга могло занести куда-нибудь на край света, и пропал бы он в бесконечных просторах океана. Но, к счастью, ветер дул с моря, прямо в ту сторону, где находился Китай, так что уже вечером того самого дня, когда Джим очутился в Стране, Которой Быть Не Должно, плавучая лохань с Пинг Понгом на борту вошла в гавань Пекина.

Едва только рыбаки заметили странное суденышко, они тут же направились ему навстречу и, обнаружив в нем верховного бонзу, моментально доставили его на берег. Очутившись в безопасности, Пинг Понг первым делом стал думать, как ему спасти своих друзей. Он распорядился, чтобы все лодки, корабли, весь китайский флот и вообще все, что может так или иначе передвигаться по морю, немедленно вышли на помощь потерпевшим кораблекрушение. Нужно было попытаться найти команду затонувшего корабля и, если повезет, пленников, которых захватили пираты из Чертовой Дюжины. Пока корабли готовились к отплытию, Пинг Понг побежал к императору, чтобы

рассказать ему обо всем случившемся. Услышав о том, что произошло, император страшно опечалился. Горе его было безгранично. Сердце отчаянно сжималось при мысли о том, какая жестокая участь постигла его любимую дочь.

— Так я и не сумел ее уберечь, — побледнев, сказал он. — Потерял и ее, и моих благородных друзей.

С этими словами он удалился в свои покои и горько заплакал.

Пинг Понг взял императорскую коляску и помчался во всю прыть в гавань.

Все было готово к отплытию. Пинг Понг быстро поднялся на борт самого большого корабля, который должен был идти во главе флотилии и указывать путь к месту кровавой битвы. Корабли вышли из гавани, — это был целый лес мачт — больших, маленьких, средних, куда ни кинешь взгляд, повсюду только паруса и реи. Скоро уже спасатели добрались до цели. Растянувшись на много миль, они обшарили все море, работали всю ночь при свете факелов. Забегая вперед, скажем, что потрудились они не зря — все жертвы кораблекрушения были спасены. За этот подвиг верховному бонзе был воздвигнут позднее памятник — фигура Пинг Понга в натуральную величину. Правда, пришлось водрузить ее на высокую изумрудную колонну, дабы прохожие не спотыкались об нее. Этот памятник стоит в Пекине и по сей день, так что всякий, кто приезжает сюда, может его увидеть своими глазами.

Выловив всех потерпевших кораблекрушение, спасатели не успокоились. Нужно было еще найти пленников, захваченных Чертовой Дюжиной. Пинг Понг не хотел оставлять своих друзей в беде.

Вот почему, когда на следующий день вечером пиратский корабль с кроваво-красными парусами при-

чалил в императорской гавани, там не было ни души. Можно себе представить, какой переполох поднялся в городе. Все решили, что Чертова Дюжина сейчас нападет на Пекин, разнесет его в пух и прах и не оставит камня на камне. Поддавшись панике, некоторые бросились вон из города, стараясь поскорее унести ноги из опасного места, другие, более смелые, разбежались по домам и быстро забаррикадировались.

Когда Лукас и Джим в сопровождении Ли Ши, капитана и матросов сошли на берег, они увидели совершенно вымерший город. В гавани, на улицах, в парках — нигде не было ни души.

— Вот мы и вернулись, — сказал Лукас, — но, кажется, нас здесь не ждут.

Пираты сначала вроде как не хотели покидать корабль, но, поколебавшись немножко, все же сошли один за другим и теперь стояли в сторонке с видом довольно хмурым и мрачным.

Поскольку поблизости не видно было ни одной коляски, друзьям пришлось идти пешком до самого императорского дворца. Вечерело. Вокруг царила полная тишина. Они шли по пустынным улицам и площадям, мимо домов с наглухо закрытыми дверями и окнами. Свет нигде не горел. Ту же картину они увидели, когда подошли к императорскому дворцу. Даже из охраны никого не было. Правда, не потому, что стражники испугались, а потому, что они отправились строем в гавань, чтобы дать отпор дерзким пиратам. При этом они пошли короткой дорогой, вот почему путешественники с ними разминулись.

Ворота дворца были закрыты, и Ли Ши провела всех через кухню. В темных коридорах было тихо и пустынно. Гулко отдавались шаги.

Войдя в большой тронный зал, они увидели императора, который в одиночестве неподвижно сидел, по-

никнув головой, на своем серебряном троне, украшенном бриллиантами, под шелковым голубым балдахином. В зале тускло горела только одна свеча.

Император медленно поднял голову и взглянул на вошедших. В темноте он не сразу понял, кто это там стоит на пороге. Он заметил только высокие фигуры пиратов. И тогда он встал. Белая борода до самого пола, бледное лицо, горящий взор — весь его облик внушал невольное почтение.

— Что вам надо еще, бессовестные, жестокие злодеи?! — воскликнул он тихим голосом, который был слышен даже в самом дальнем углу зала. — Чего вы хотите? Вы отняли у меня самое дорогое. И теперь еще хотите лишить меня трона и власти? Не бывать этому никогда, покуда я жив!

— Папа! — закричала маленькая принцесса. — Неужели ты не узнаешь нас?!

Ли Ши подбежала к отцу и бросилась на шею. Император будто остолбенел от радости. Не сразу пришел он в чувство и крепко прижал к себе свою маленькую дочурку. Две блестящие слезинки скатились по его бледным щекам на белоснежную бороду.

— Девочка моя! Моя птичка! Не может быть! Я не верил уже, что когда-нибудь увижу тебя снова!

Пираты переглянулись, вид у них был довольно смущенный. То, что они увидели, растрогало их до глубины души. Никогда еще они не испытывали подобных чувств. Что-то шевельнулось в их сердцах, но одновременно с этим им стало как-то не по себе. Они стояли совершенно растерянные, словно силясь понять, что же это такое с ними произошло.

Император тем временем подошел к Джиму и Лукасу. Обняв своих друзей, он поприветствовал затем капитана и матросов.

Тут его взгляд скользнул по пиратам.

— Значит, теперь эти злодеи ваши пленники? — спросил он.

— Нет, они свободны, — ответил Джим.

Император удивленно вскинул брови.

— Н-да, ваше величество, — вступил в разговор Лукас, — они свободны, и тем не менее Чертовой Дюжины больше не существует. Нам бы ни за что их не победить, но принц Миррен справился с ними.

— Кто это такой, принц Миррен? — все больше удивляясь, спросил император.

Друзья рассказали ему все по порядку.

Выслушав до конца их удивительную историю, император еще долго молчал и только смотрел с любовью и восхищением на маленького чернолицего мальчика, последнего потомка одного из трех знаменитых волхвов.

— Принц Миррен, — сказал он через некоторое время, — я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты снова нашел землю твоих предков и обрел то, что принадлежит тебе по праву.

Затем он взял свечу и подошел к пиратам. Медленно переходил он от одного к другому, напряженно вглядываясь в их лица, словно хотел обнаружить в них что-то определенное. Пираты пытались смотреть дерзко и мрачно, но это у них не получалось, и они опускали глаза. Через некоторое время император покачал головой и сказал:

— Похоже, вы не намерены сдаваться, хотя и понесли поражение!

— Да, — ответил один из пиратов глухим голосом. — Чертова Дюжина никогда не сдается! Отведите нас теперь к предателю, к Дракону. Мы за этим приехали сюда.

— Дракон! — испуганно вскрикнул император. — О небо! Я совершил огромную несправедливость!

— Что с ним? — спросил Джим.

— Когда Пинг Понг сообщил мне страшную новость, я совершенно лишился разума от горя. Я отправился к Дракону, чтобы призвать его к ответу. Я думал, что он специально отправил вас на погибель, заморочив вам голову своими темными речами. Но сколько я ни просил, ни умолял его, сколько ни угрожал ему, он молчал и ничего не отвечал на мои вопросы. Он разговаривает только с вами, мои друзья. Меня охватил страшный гнев, и я решил наказать его. Я велел выключить в его павильоне свет, чтобы он отныне сидел в темноте. А еще я приказал запереть дверь на такой замок, который не сумеет открыть ни один человек на свете.

— Простите, ваше величество, — перебил императора Лукас, которому не терпелось кое-что выяснить. — Вы только что сказали, что Пинг Понг был здесь?

— Да, мои благородные друзья, — ответил император и рассказал о том, как спасся Пинг Понг, и объяснил, что теперь отважный маленький герой отправился на помощь потерпевшим кораблекрушение.

— Ах вот почему в гавани было так пусто, — догадался Джим.

— Черт побери! — пробормотал Лукас. — Этот малыш действительно толковый парень, ничего не скажешь!

— Это точно! — согласился Джим.

— Так что мы будем делать с Драконом? — спросил император. — Я должен сейчас же перед ним извиниться. Но как же попасть к нему, если замок не открывается?

— Давайте пойдем туда и там на месте разберемся, — предложил рассудительный Лукас.

Все, включая пиратов, взяли себе по свече, и процессия двинулась по пустынному дворцу в безлюдный ночной парк.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, *в которой нечетное становится четным*

Подойдя к пагоде, Лукас дал подержать свою свечу Джиму и попытался открыть замок, который был навешен на толстую тяжелую цепь. Сначала Лукас боролся с ним терпением, а потом силой. Но как он ни старался, ничего не выходило.

В конце концов он выпрямился, отер пот со лба и сказал:

— Да, эту проклятую штуковину и впрямь ничем не откроешь!

— Этот замок недаром называется «вечным», — грустно сказал император. — У таких механизмов всегда есть свой секрет, который на протяжении столетий передается из поколения в поколение, от мастера к мастеру. Еще никогда никому не удавалось открыть подобный замок.

Один из пиратов вышел вперед и сказал:

— Давайте-ка, братцы!

Пираты попросили подержать их свечи, а сами разделились на две группы и, ухватившись за цепь, принялись тянуть ее в разные стороны. Цепь натянулась, и некоторое время было слышно только, как пыхтят от напряжения пираты. И вдруг раздался какой-то треск, и среднее звено в цепи разлетелось на мелкие кусочки.

— Вот это работа! — пробормотал Лукас. — Кроме вас, наверное, никто бы не сдюжил!

Пираты толкнули дверь пагоды и вошли внутрь. Поскольку там было темно, им пришлось подождать, пока следом за ними войдут Джим, Лукас и все остальные. Драгоценные камни, которыми были украшены стены и потолки, таинственно поблескивали в полумраке. Джим и Лукас подошли поближе к Золо-

тому Дракону Мудрости, который все еще неподвижно лежал, положив голову на передние лапы. По нему нельзя было сказать, будто он был как-то огорчен тем, что его так несправедливо обидели. Наоборот, казалось, что на устах его играет довольно веселая улыбка. Друзья остановились перед ним, держа в руках свои свечи. Они молча ждали. Слышно было только, как тихонько потрескивает пламя.

Пираты, совершенно ошарашенные представшей перед ними картиной, стояли будто остолбенев и смотрели во все глаза на Дракона.

— Нет, — сказал наконец один из них, — это не тот дракон, которого мы ищем. Нам нужна фрау Зубпер, черт побери! Вы нас обманули!

Некоторые пираты угрожающе схватились за сабли.

Но в этот момент Дракон зашевелился. Он открыл свои изумрудные глаза, в которых опять сверкнул странный зеленоватый огонь. Пираты застыли от удивления.

— Я та, которую вы искали, — раздался таинственный голос, который, казалось, шел откуда-то изнутри Золотого Дракона. — Мы вместе когда-то творили зло, но теперь я преобразилась, и вы не узнали меня.

Совершенно сбитые с толку такими речами, пираты окончательно растерялись. Только один из них сумел кое-как собраться с мыслями и спросил, свирепо сверкая глазами:

— Почему ты нас предала?

— Я не предавала вас, — ответила бывшая фрау Зубпер, — просто я знала, что пришло время открыть вам правду, дабы вы перестали пребывать в заблуждении и наконец поняли, что вы не те, за кого принимаете себя. Только осознав это, вы сможете достойно служить своему повелителю, своему царю, в чьей власти теперь и вы, и я.

— Мы никогда никому не будем служить! — дерзко перебили Дракона пираты. — Чертова Дюжина не сдается!

— Но вы не Чертова Дюжина! — послышался снова голос Дракона.

Пираты смотрели на него выпучив глаза.

Дракон взглянул на Ли Ши, которая, словно испугавшись чего-то, взяла отца за руку.

— Принцесса Ли Ши, — сказал Дракон, — ты ведь училась у меня в Бедландии. Помоги, пожалуйста, тому, кто спас тебя. Исправь ошибку и сделай из нечетного четное, как написано в древнем свитке, что хранился в скипетре царя Каспара.

— Хорошо, пожалуйста, — еле слышно прошептала принцесса.

— Будь любезна, пересчитай-ка тех, кто называет себя Чертовой Дюжиной.

Принцесса начала считать пиратов, и, когда она сосчитала последнего, глаза у нее сделались совершенно круглыми от изумления.

— Их всего двенадцать! — сказала она, наконец оправившись от шока.

Ее слова произвели совершенно неожиданный эффект — пираты вдруг побледнели, как-то сразу сникли и выглядели теперь довольно жалкими и беспомощными. Все присутствующие буквально потеряли дар речи. Джим и Лукас, пожалуй, были потрясены больше всех. Надо же, ведь никому не пришлось в голову пересчитать бандитов.

Один из пиратов выступил вперед и, с трудом преодолевая волнение, сказал:

— Этого не может быть! Нас было двенадцать и один капитан. Значит, всего тринадцать.

— Нет, — возразила Ли Ши, — капитаном был всегда кто-то из вас.

— Может быть, ты и права, — сказал другой пират. — Но разве не получается так тринадцать?

— Нет, — уверенно ответила Ли Ши. — Все равно двенадцать.

— Это слишком мудрено для нас, — пробурчал третий пират. — Нам таких штук не понять. Как это так — двенадцать да один капитан и получается двенадцать?

— Тут сам дьявол не разберет с таким счетом-пересчетом! — выругался четвертый пират.

— Значит, мы никакая не Чертова Дюжина? — вступил в разговор еще один пират. — И никогда ею не были?

Все приумолкли. В зале воцарилась тишина. Пираты стояли совершенно потерянные и не знали, что же им теперь дальше делать.

И тут снова раздался глухой голос Золотого Дракона Мудрости:

— Мои повелители, подойдите ко мне!

Джим и Лукас приблизились к Дракону.

— Вы уже многое узнали, — тихо промолвил он, — но еще не всё.

— Да, — ответил Джим. — Я все делал, как ты мне сказал, Золотой Дракон Мудрости, и узнал тайну своего рождения.

— Я знаю, принц Миррен, — снова раздался таинственный голос Дракона. — Но теперь, чтобы стать настоящим царем, ты должен еще найти свою родину.

— Может быть, ты мне подскажешь, где она находится? — спросил с надеждой Джим. — Я подумал, что ты, вероятно, знаешь это.

— Да, я знаю, — ответил Дракон, и снова по его лицу скользнула лукавая улыбка, — но я не могу открыть тебе эту тайну. Еще не пришло время. Чудесная страна Ямбалла скрыта от глаз людских, и никто не может ее найти.

— Значит, мне снова придется ее искать самому? — разочарованно спросил Джим.

— На этот раз ты бессилен, мой маленький повелитель, — ответил Дракон. — Никто не может тебе тут помочь, кроме этих двенадцати, которые считали себя Чертовой Дюжиной.

Пираты насторожились.

— Знай, мой маленький властелин, — продолжал Дракон. — У того самого темноликого царя, мудрейшего Каспара, был когда-то заклятый враг. Этим заклятым врагом был я. Тебе ведь известно, что драконы — существа очень древние. Но царю Каспару не удалось победить меня и превратить в Золотого Дракона Мудрости. Это сделал ты, принц Миррен.

Среди пиратов прошел какой-то шепоток. Джим обернулся и увидел, что один из них направляется прямо к нему. Подойдя к Джиму, верзила смерил его взглядом и спросил хриплым голосом:

— Дракон только что сказал, что ты его победил. Это правда?

— Да, вместе с Лукасом, — ответил Джим, кивнув головой.

— И это ты его так преобразил? — допытывался пират.

— Да нет, — честно признался Джим. — Вообще-то он сам. Просто мы не стали его убивать и взяли с собой. А преобразился он сам по себе.

— Да, так и было, — подтвердил Лукас.

— Джим Пуговка! — воскликнул пират, сверкая глазами. — Ты победил нас и сохранил нам жизнь. Ты вместе со своим другом победил дракона и тоже сохранил ему жизнь. Благодаря этому он преобразился и теперь называет тебя своим повелителем. Мы поклялись, что, если кто-нибудь когда-нибудь нас победит, Чертова Дюжина прекратит свое существование.

Но тут вот выяснилось, что мы никогда и не были Чертовой Дюжиной. Стало быть, так и так с нашей шайкой покончено. Теперь я хочу тебя спросить: не согласишься ли ты стать нашим капитаном, раз ты уже все равно носишь рубиновую звезду?

Джим, совершенно огорошенный таким предложением, растерянно посмотрел на Лукаса, который сдвинул свою фуражку на затылок и задумчиво почесывал за ухом.

— Наверное, ничего не выйдет, — ответил Джим после некоторой паузы. — Мне как-то не хочется быть пиратским капитаном.

— А нельзя ли нам тоже как-нибудь преобразиться, вроде Дракона? — с надеждой в голосе спросил один из пиратов.

— Нет, — слышался снова глухой голос Дракона, и опять скользнула лукавая улыбка. — Вам это и не нужно. Вам нужен командир и повелитель. Если вы готовы к тому, чтобы подчиниться этому мальчику, вы должны присягнуть ему на верность.

— Мы готовы! — воскликнул один из пиратов. — Мы будем служить нашему капитану верой и правдой! Клянемся!

— Клянемся! — подхватили остальные пираты.

— Никто не может вас заставить совершить то, что вы должны совершить, — продолжал Дракон. — Тут вы решаете сами, как вам быть. Но дело это требует такой отваги и такой силы, что все равно никому, кроме вас, с ним не справиться. Только так вы можете искупить свои грехи. Принц Миррен обретет свою родину лишь тогда, когда двенадцать братьев по собственной воле принесут покаяние.

— Что же нам нужно делать? — спросил один из пиратов.

— Великое царство Каспара погибло в пучине морской, — начал объяснять Дракон. — Больше тысячи лет назад сомкнулись над ним бушующие волны.

— А почему же оно затонуло? — спросил Джим.

— А потому, что я велел его затопить, чтобы уничтожить своего заклятого врага, темноликого царя Каспара. Ведь драконам подвластны все вулканические силы. Вот я и устроил маленькое землетрясение, в результате которого из глубины морской поднялась страшная Страна, Которой Быть Не Должно. И как только это произошло, страна Ямбалла тут же скрылась под водой. Знаете, как бывает, когда на одну чашу весов что-нибудь кладут, а другая поднимается вверх. Ямбалла исчезла с лица земли, и никто никогда не нашел бы ее, если бы события не приняли такой оборот.

— Значит, теперь нужно затопить Страну, Которой Быть Не Должно, и тогда Ямбалла снова поднимется? — спросил Джим.

— Именно так, — ответил Дракон. — Но никто не в силах справиться с этой задачей. Даже я. Перевоплотившись в Золотого Дракона Мудрости, я утратил способность снимать прежние заклятия. Только эти двенадцать братьев, которые считали себя Чертовой Дюжиной, могут совершить сей подвиг.

— Чтобы мы сами, собственными руками, затопили свою родную крепость? — закричали в один голос пираты.

— Я знаю, что вы ничего не боитесь, даже смерти, — сказал Золотой Дракон Мудрости. — Пойти на такую жертву вам труднее, чем принять смерть.

Пираты молчали.

Ужас отразился на их суровых лицах.

— Слушайте дальше, — продолжал свою речь Дракон властным голосом, исходившим будто бы откуда-то изнутри его могучего тела. — В вашей крепости, в

самом центре Страны, Которой Быть Не Должно, есть особая комната, а в ней двенадцать старинных дверей, окованных медью.

— Это то самое подземелье, в котором мы были, — шепотом сказал Джим Лукасу.

— Если вы откроете двери, — объяснял Дракон дальше, — то со всех сторон хлынут бушующие потоки и разольются по переходам, коридорам, комнатам, и вода будет постоянно прибывать и подниматься все выше и выше, и когда она дойдет до самого верха, когда не останется ни одного уголка, куда бы не проникла вода, тогда дрогнет ваша неприступная цитадель и уйдет на дно под тяжестью водных масс.

Пираты переглянулись и недоверчиво покачали головами.

— Все мы по очереди пытались открыть эти двери, — сказал один из них. — Мы хотели узнать, что там, за ними. Но никому из нас так и не удалось справиться с этим.

— Здесь есть один маленький секрет, о котором вы ничего не знаете, — объяснил Дракон. — Эти двери открываются только все сразу. Иначе ничего не получится. Вот почему нужно, чтобы двенадцать крепких мужчин, с одинаковой силой, в один и тот же момент, потянули их на себя, и только тогда они отворятся. И тут уже нельзя будет мешкать. Нужно будет поскорее добраться до корабля, иначе бурный поток захлестнет всех до одного.

— А в каком месте поднимется со дна морского моя земля? — с замирающим сердцем спросил Джим.

— Возвращайся домой, на свой остров, принц Миррен, — ответил ему Золотой Дракон Мудрости, и зеленый огонь в его глазах вспыхнул таким ярким пламенем, что хотелось зажмуриться. — ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ, И ТЫ ВСЕ УЗНАЕШЬ.

Сказав это, Дракон устремил свой взор куда-то вдаль, и зеленые искорки, только что плясавшие в его глазах, казалось, снова потухли. Джиму еще очень хотелось расспросить о Максике. Но он знал, что Дракон сегодня уже больше не будет отвечать на его вопросы. К тому же Джиму хорошо запомнились те слова, которые сказал ему Дракон в прошлый раз: **К ТЕБЕ ВЕРНЕТСЯ ТО, ЧТО ПРИНАДЛЕЖАЛО ТЕБЕ КОГДА-ТО, И БУДЕТ ОНО ЧИСТЫМ И ПРОЗРАЧНЫМ.** Последнее, правда, звучало несколько загадочно, но Джим был уверен, что рано или поздно он поймет смысл этого предсказания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,
*в которой пираты искупают свои грехи
и сочиняют себе новую песню*

Все вышли из Драконьего павильона и теперь молча стояли перед входом, по-прежнему держа в руках зажженные свечи, которые здесь, на ветру, горели неровным пламенем. Никто не отваживался нарушить всеобщее молчание. Все взоры были обращены к двенадцати братьям. Напряжение росло. Какое они примут решение? Пойдут ли на такую тяжелую жертву, или принцу Миррену навсегда суждено будет остаться царем без царства?

Но пираты безмолвно стояли понутив головы. Тут Джим не выдержал и решил поговорить с ними. Он уже сделал шаг в их сторону, но слова застряли у него в горле, и он не смог произнести ни звука. Пираты заметили его движение, подняли глаза от земли и пристально посмотрели на него.

— Дай нам время на размышление, — промолвил один из них. — Завтра на заре мы скажем тебе, каково будет наше решение.

Джим молча кивнул, медленно повернулся и побрел вместе с Лукасом ко дворцу. Император, Ли Ши, капитан и матросы последовали за друзьями.

Оставшись одни, пираты развели на площади перед Драконьим павильоном костер и расположились вокруг него. Застывшим взглядом смотрели они на огонь. Петь им явно не хотелось, да и песня о тринадцати пиратах теперь уже не имела никакого смысла. За всю ночь они обменялись лишь несколькими фразами. Но когда забрезжил рассвет и звезды начали тихо меркнуть на утреннем небосклоне, братья собрались с духом и приняли окончательное решение. Они как раз тушили свой костер, когда со стороны императорского дворца на площадь вышли Лукас и Джим.

Один из братьев вышел к ним навстречу.

— Мы решили затопить нашу крепость Око Бури, — сказал он.

— Тогда мы едем с вами, — тихо ответил на это Джим и взял Лукаса за руку.

Братья удивленно переглянулись.

— Разве вы не собираетесь плыть домой? — спросил один из братьев.

— Нет, — ответил Джим. — Ведь вы решили затопить вашу крепость ради меня. Значит, наш долг в этом опасном деле — быть рядом с вами.

Пираты не могли скрыть своего изумления. Они кивнули Джиму в знак согласия, и глаза их радостно заблестели.

Когда над Пекином взошло солнце, корабль с кроваво-красными парусами уже был далеко-далеко, он стремительно неся туда, где лежала Страна, Которой Быть Не Должно.

Утром принцесса вошла в комнату, где спали друзья, чтобы разбудить их и пригласить на завтрак, но

вместо них она обнаружила листок бумаги, на котором было написано неуклюжими буквами Лукаса:

ДО ВСТРЕЧИ В ЯМБАЛЛЕ.

С ужасом смотрела она на это послание, а потом помчалась со всех ног в парк к Дракону, чтобы разузнать у него, чем все кончится. И, только уже подбежав к пагоде, она сообразила, что ведь Дракон ей, наверное, ничего не скажет, потому что он говорит лишь в присутствии своих повелителей. Но делать было нечего, ей очень хотелось с кем-то посоветоваться, и потому она смело шагнула в Драконий павильон.

С благоговейным почтением приблизилась она к Золотому Дракону Мудрости и положила перед ним записку. Затем Ли Ши отступила назад и, не решаясь заговорить с Драконом, лишь поклонилась ему до самой земли. С бьющимся сердцем стояла принцесса, словно застыв перед этим загадочным существом. Дракон не двигался.

«Ну пожалуйста, прошу тебя, скажи, что будет с нами!» — мысленно умоляла Ли Ши Дракона, беззвучно повторяя одно и то же слово — «Джим».

— Утешься, дитя мое! Не плачь, маленькая царица Ямбаллы! — вдруг раздался чей-то нежный голос.

Ли Ши посмотрела по сторонам. Кто это с ней разговаривает? Неужели Дракон? Но он по-прежнему неподвижно лежит и смотрит куда-то вдаль сквозь принцессу. Правда, в зале больше никого нет. Значит, это все-таки Дракон.

— Спасибо! — еле слышно вымолвила Ли Ши и снова поклонилась до самой земли. — Спасибо, Золотой Дракон Мудрости.

Затем Ли Ши побежала во дворец к своему отцу и рассказала ему все, как было.

— До сих пор небеса хранили наших благородных друзей, — сказал он взволнованно. — Будем надеяться, что и теперь удача не оставит их.

Около полуночи в город вернулся Пинг Понг со всем китайским флотом. Капитан императорского корабля и его матросы радостно встретили своих товарищей, которых удалось спасти после кораблекрушения, и поведали им о тех событиях, что произошли здесь за это время.

День уже клонился к вечеру, когда корабль с кроваво-красными парусами на фантастической скорости приблизился к тому самому месту, где схлестнулись в неистовом порыве обезумевшие стихии. Ураганный ветер взвихривал до небес бушующие волны. Корабль подошел вплотную к гигантскому водяному столбу, в который одна за другой били сверкающие молнии, и, подчиняясь бешеному круговороту, нырнул в самую его середину. Увлекаемый кружащимися волнами, корабль поднимался все выше и выше, пока наконец не очутился в тишейшей гавани возле крепости Око Бури. Джим и Лукас сошли вместе с пиратами на берег и последовали за ними в тот самый зал, где находился люк, через который можно было попасть в подземелье с двенадцатью дверями, обитыми позеленевшей от времени медью.

— Послушайте, — сказал один из братьев, обращаясь к друзьям. — Там, внизу, вам, наверное, нечего делать. Все равно вы нам ничем не сможете помочь. Будет лучше, если вы вернетесь на корабль и приготовите все к отплытию. Когда мы вернемся, нам нужно будет, не медля ни секунды, сниматься с якоря.

— При условии, что и впрямь вернемся, — пробурчал другой брат.

Все приумолкли.

— Ну что ж, если мы не вернемся, — сказал первый пират, — то вам придется как-нибудь выбираться самим.

— Ладно, — согласился Джим.

— Но только не ждите нас долго, все равно нас уже будет тогда не спасти. Пусть хоть вы останетесь в живых, — добавил третий пират.

— Да, и вот еще что, Джим Пуговка, — сказал первый пират. — На всякий случай, если мы действительно больше не увидимся. Знай, отныне мы все твои друзья.

Остальные пираты в знак согласия закивали головами.

Затем они открыли люк и скрылись внизу.

— Пора идти, Джим! — сказал Лукас.

Когда друзья добрались до гавани, Лукас первым делом привязал к тормозным колодкам, удерживавшим корабль на спускной дорожке, по канату, а концы перебросил Джиму, который стоял на верхней палубе. Джим подхватил канаты и теперь стоял, крепко сжимая их в руках, чтобы в любой момент можно было за них потянуть и столкнуть таким образом судно на воду. Вскоре и Лукас поднялся на борт. Разговаривать друзья не могли из-за жуткого ураганного ветра, так что им ничего не оставалось делать, как просто стоять и ждать.

Вдруг откуда-то из самых глубин крепости раздался дикий рев, который заглушил завывание и свист ветра. В ту же секунду Страна, Которой Быть Не Должно, содрогнулась от подземных толчков. Все вокруг дрожало. Душераздирающий рев становился все ближе и ближе, из всех пещер и трещин начала сочиться вода. Кое-где забили фонтаны. Уровень воды стремительно поднимался. Бурля и пенясь, со всех сторон неслись безумные потоки. Джим боролся изо

всех сил, чтобы не упустить канаты, он готов был уже отпустить концы, но что-то удерживало его от этого последнего шага. И вдруг из главных ворот крепости с жутким грохотом вырвался мощный поток, который с такой силой обрушился на корабль, что он накренился и чуть было не перевернулся. Сквозь брызги разлетающейся в клочья белой пены друзья успели заметить барахтающихся людей, которые сплелись в один сплошной клубок тел. Собрав все свои силы, Лукас добрался до борта корабля и, стараясь сохранить равновесие под натиском бушующих волн, попытался выудить хоть кого-нибудь. Кое-как ему удалось схватить одного из пиратов за руку, ну а поскольку братья крепко держались друг за дружку, то так получилось, что вскоре уже все двенадцать молодцов были вытащены из воды.

Но момент для отплытия уже был упущен. Вся Страна, Которой Быть Не Должно, пришла в движение. Казалось, что она изо всех сил борется за свое существование и ни за что не хочет сдаваться. Беспощадные стихии схлестнулись в неистовой схватке, будто только и ждали этого момента. Лукас, Джим и двенадцать пиратов, оглушенные ревом волн, цеплялись немеющими пальцами за мачты. Подчиняясь неведомой силе, корабль взлетел в воздух и закружился там как волчок, а потом откуда-то сверху низвергся могучий поток, и снова корабль швырнуло в пучину. Вода тем временем заполнила всю крепость, и теперь из всех дыр прорывались какие-то струи. Все кипело и бурлило. Сверкающие молнии одна за другой разрезали черное небо.

И вдруг расступились морские волны, только что разбивавшиеся с грохотом о стены пиратской крепости, и неприступная цитадель, Страна, Которой Быть Не Должно, с диким чавканьем и хлюпаньем начала

погружаться, увлекаемая водоворотом, в недра гигантской воронки, из глубины которой доносились какие-то душераздирающие звуки, так что казалось, будто это разверзлась сама преисподняя.

И вот в тот же самый миг водяной столб рухнул вниз, не оставив после себя и следа. Только огромная черная воронка продолжала зиять, словно какой-то чудовищный зверь распахнул свою хищную пасть, готовый заглотить утлое суденышко. Корабль засасывало все глубже и глубже. Но братья-пираты к тому времени успели прийти в себя. От красных парусов, конечно, уже ничего не осталось. Но зато руль был по-прежнему цел и невредим. Корабль уже засосало метров на сто. Вращаясь по кругу, он спускался все ниже и ниже почти по отвесной стене водяной воронки. Сквозь мелкие брызги, застилавшие все кругом, Лукас и Джим еще успели увидеть, как пираты дружно налегли на руль и корабль, преодолевая бешеное сопротивление стихии, начал медленно, но верно подниматься вверх. И в ту же минуту они лишились чувств. Только помертвевшие пальцы еще крепко держались за мачту.

Прошло какое-то время, и друзья начали постепенно приходить в себя. Очнувшись, они огляделись по сторонам. К своему удивлению, вместо зияющей воронки они увидели спокойное, приветливое море, по которому бодро бежали маленькие веселые волны, подгоняемые нежным, легким ветерком. И только предзакатное солнце окрасило небо мрачноватым пурпурным цветом.

Двенадцать пиратов стояли на палубе и смотрели на мятежное море — туда, где еще совсем недавно была их родина.

Джим и Лукас подошли к ним. Все молчали, но потом один из пиратов сказал:

— Мы сделали все, что велел Золотой Дракон Мудрости. — Голос его звучал хрипло. — Мы искупили свою вину. Что же нам теперь делать, Джим Пуговка? Куда пойти? Ведь у нас больше нет родины. И если ты откажешься быть нашим капитаном, нашим повелителем и не возьмешь нас к себе, то придется нам снова пуститься в плавание и бороздить моря и океаны.

— Медландия слишком маленькая страна, — тихо ответил Джим. — Мы там все не поместимся. Но когда я узнаю, где находится Ямбалла, я сразу же возьму вас к себе. Вы будете служить у меня в царской охране и в случае нужды сможете защитить мою страну от неприятеля.

— И как же мы будем называться? — поинтересовался один из пиратов.

— Принц Миррен и его Двенадцать Непобедимых, — предложил Джим.

В первый момент пираты даже не поверили своим ушам, но потом, убедившись в том, что принц не шутит, страшно обрадовались и принялись кричать и хохотать от восторга.

— Хо-хо-хо! — гоготали они своими зычными голосами. — Вот это здорово! Это подходящее название! «Принц Миррен и его Двенадцать Непобедимых»!

Пираты обступили мальчика, а потом подхватили его на руки и принялись качать. Лукас, наблюдавший со стороны за этой сценой, только почесывал за ухом и все приговаривал с лукавой ухмылкой:

— Эй-эй! Полегче с принцем! Так ведь и угробить можно!

А потом пираты грянули песню — хриплыми голосами выводили они знакомую мелодию своего старого гимна, только слова теперь были совсем другие. Братья, не сговариваясь — на то они и близнецы, — пропели такой текст:

Двенадцать нас, непобедимых молодцов,
Йо-хо-хо, и все мы с черным принцем!
Страну храним мы от врагов,
Йо-хо-хо, и защищаем принца!
Чтобы здесь никому не грозила беда,
Йо-хо-хо, и черному принцу!
Клянемся мы верными быть навсегда,
Йо-хо-хо, черному принцу!¹

Когда первые восторги улеглись, а Джим снова очутился на земле и немножко пришел в себя, он сказал, обращаясь к пиратам:

— Знаете, раз уж мы теперь друзья, то мне все-таки неприятно, что я не могу отличить, кто из вас кто. Надо бы что-нибудь придумать, а то получается путаница какая-то. Хорошо бы, чтобы у каждого из вас был хоть какой-нибудь знак отличия.

— Да, хорошо бы, — ответил за всех один из братьев. — Мы ведь и сами давненько думали об этом. Правда, братцы?!

— Точно, — подхватил другой брат, — думать-то мы думали, только ничего не придумали.

— Я знаю, что нужно делать! — воскликнул Джим. — Вы ведь говорили, что каждый из вас умеет писать только одну букву, каждый свою.

— Верно, — не понимая, к чему клонит Джим, подтвердил один из пиратов.

— Тогда все очень просто! — сказал Джим. — Мы должны каждому из вас дать имя, которое будет начинаться с известной ему буквы.

— Дьявол меня заberi! — пробормотал другой пират. — Ну надо же, мы всю жизнь мучились, всё головы себе ломали, а тут на тебе — трах-бах — и готово! Ай да принц! Ай да голова!

¹ Перевод И. Алексеевой.

После этого каждый из пиратов изобразил ту букву, которую он знал, и друзья принялись подбирать имена. Только с одной буквой вышла заминка, с буквой «Х». Ведь пират думал, что это у него «К». Пришлось сначала убедить, что «Х» — это «Х», а не «К», а потом еще и придумать соответствующее имя. Но в конце концов пират остался доволен. Тому же пирату, который умел писать букву «Л» и складывать из двух «Л» художественное «М», было предложено на выбор два имени — Мартин и Людгер, он выбрал последнее, так как оно показалось ему более звучным.

Так друзья составили список имен, который Лукас зачитал вслух:

1. Антонио.	7. Роберт.
2. Евгений.	8. Томас.
3. Зиновий.	9. Ульрих.
4. Людгер.	10. Франц.
5. Николо.	11. Христофор.
6. Пауль.	12. Чарлз.

Здоровенные дядьки стояли и слушали свои имена и при этом радовались, как дети, которым Дед Мороз принес невиданные подарки.

— Ну и куда же мы теперь отправимся? — спросил тот, который получил имя Чарлз.

— В Медландию, — ответил Джим. — Ведь Дракон сказал, что я должен вернуться домой и тогда я все узнаю.

— Хорошо, — сказал Людгер, — но на чем же мы поплывем?! Ведь этот чертов смерч, забодая его акула, разодрал наши паруса! От них ничего не осталось!

Пришлось вытащить из трюма все драгоценные ткани, принадлежавшие некогда пиратам, и соорудить из них паруса. Все пошло в дело, вплоть до последней парчовой салфетки. Из-за таких необычных парусов корабль совершенно преобразился. Что и говорить, вид у

него был довольно странный, но тем не менее это было поистине величественное зрелище, когда могучий корабль распустил свои бесчисленные разноцветные паруса, большие, и маленькие, и совсем крошечные, и двинулся навстречу раскаленному предзакатному солнцу, окрасившему багрянцем весь горизонт, туда, где среди бескрайних просторов океана затерялся маленький остров, Медландия, родина Лукаса и Джима.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, *в которой принц Миррен находит свое царство*

Плыть до Медландии было далеко. Путь от Китая до Медландии занимал, например, несколько дней. А ведь Страна, Которой Быть Не Должно, была еще дальше, чем Китай.

Двенадцать Непобедимых, как теперь величали себя пираты, одолели это расстояние всего за одну ночь — факт, который едва ли кого-нибудь удивит после всего того, что было рассказано о непревзойденном мастерстве этих мореходов и фантастической быстроты их корабля.

Когда Джим и Лукас на следующее утро, бодрые и свежие, вышли на палубу, они увидели, что все двенадцать братьев выстроились на корме и, вооружившись подозрными трубами, пытаются что-то разглядеть вдалеке.

Заметив Лукаса и Джима, один из них — это был Томас — обернулся и со смехом сказал:

— Ну и мастер же ты шуточки шутить, капитан! Это у тебя называется островочком, на котором мы все не поместимся?

Друзья, ничего не понимая, смотрели на братьев — на горизонте ровным счетом ничего не было видно.

— Что такое? При чем здесь остров?

— На, погляди сам! — воскликнул Антонио. — Каррамба, коррида и черт подери! Если это маленький остров, то тогда я ишак!

Пауль и Роберт протянули друзьям свои подзорные трубы. Направив их в ту сторону, куда только что смотрели братья, они увидели картину, от которой буквально лишились дара речи.

В легкой розоватой дымке предрассветного утра проступали очертания некоей страны. Даже нет, целого континента. То тут, то там поднимались из моря высокие скалистые утесы, а между ними тянулись песчаные пологие берега. Могучие горы сменялись приветливыми равнинами, и казалось, что нет у этой чудесной страны ни конца и ни края. Ну а когда взошло солнце, заискрились, засверкали скалы всеми цветами радуги, будто сделаны они были не из камня, а из тысячи блестящих бриллиантов. Ослепительный свет бил в глаза. Особенно ярко сверкало одно место — ближе к восточной оконечности этого большого острова. Джим никак не мог понять, что это такое.

Он опустил подзорную трубу и сказал:

— Нет, это не Медландия. Вы, наверное, сбились с курса.

— Да, — согласился Лукас. — Мне тоже так кажется. Эту страну я вижу первый раз в жизни.

Братья покачали головами.

— Мы никогда не сбиваемся с курса, — сказал твердым голосом Чарлз.

Джим снова посмотрел в подзорную трубу. Корабль стремительно приближался к неведомой стране, и теперь Джим мог лучше разглядеть то место, которое сверкало ярче всех. Он увидел башни из прозрачных и разноцветных драгоценных камней и древ-

ние, полуразрушенные храмы и дворцы — целый город сказочной, неопишуемой красоты.

— Ой, Лукас! — выдохнул Джим. — Знаешь, что это?! Это тот самый город, который мы видели тогда на дне!

В душе шевельнулась догадка, но никто из них не отважился сказать об этом вслух.

Огромный остров мягко поднимался к центру, и там, наверху, теперь отчетливо была видна гора с двумя вершинами — одна повыше, другая пониже, а между ними — крошечный дворец, напоминавший изда- лека булавочную головку. А немножко ниже — яркое пятнышко, — это ведь лавка фрау Каакс! А рядом — железнодорожная станция! А вон там что-то блестит на солнце! Что-то паровозоподобное! Что-то Кристо- фоподобное! Значит, Медландия была всего-навсего верхушкой этой чудесной большой страны, только са- мым ее кончиком, оставшимся на поверхности! И вот она возвышается над сказочным царством, которое до сих пор было скрыто в недрах океана и сегодня ночью поднялось из глубин и теперь сверкает в лучах утрен- него солнца, — Ямбалла!

Друзья оторвались от своих подзорных труб и по- смотрели друг на друга.

— Джим! — только и сказал Лукас.

— Лукас! — выдохнул Джим.

И они бросились друг к другу в объятия и не мог- ли вымолвить ни слова.

Двенадцать братьев окружили Лукаса и Джима, и на их суровых лицах, изборожденных морщинами, впервые заиграли приветливые, веселые улыбки.

Быстро шел корабль с разноцветными парусами, расшитыми бисером и жемчугом, все ближе был свер- кающий берег, все отчетливее становились его очер- тания, и уже многое можно было разглядеть нево- оруженным глазом. Рядом с Медландией виднелась

небольшая роща коралловых деревьев, на ветвях которых уместился еще один остров, точнее, островок, паривший почему-то в воздухе. Это была Ново-Медландия, бывший плавающий остров. А на нем стоял маленький домик с зелеными ставнями.

— Эй, братцы! — воскликнул Николо. — Ну и странные люди живут в этой стране!

В этот самый момент из домика с зелеными ставнями вышел господин Лань, который удивленно озирался по сторонам. Издалека казалось, что он достает чуть ли не до самого неба. И то, что бывшие пираты, которые ведь ничегошеньки не знали о мнимых великанах, ни капли не испугались, только лишний раз подтвердило, что братья были не робкого десятка.

Лукас и Джим рассказали братьям о том, кто такой этот странный старик, и о том, как они его доставили в Медландию, где он теперь работает маяком. Кажется, за время знакомства с Джимом и Лукасом бывшие пираты уже разучились чему бы то ни было удивляться, но если бы они еще умели удивляться, они бы непременно это сделали.

Тем временем корабль уже вошел в одну из чудесных небольших бухт и встал там на якорь. Скалы из драгоценных камней образовали здесь естественную гавань с настоящей пристанью, куда можно было за просто шагнуть прямо с борта корабля.

И вот настал тот самый момент, когда Джим Пуговка, ныне принц Миррен, последний потомок царя Каспара, того самого темноликого волхва, что пришел к колыбели младенца Христа, ступил на древнюю землю Ямбаллы.

— Я предлагаю, — заговорил тут Лукас, и голос его звучал почти что торжественно, — я предлагаю в честь этого знаменательного дня переименовать Ямбаллу в Джимбаллу!

Всем очень понравилось это предложение, и тогда Джим объявил:

— Пусть эта страна именуется отныне Джимбаллой!

Теперь он по праву мог считать себя настоящим царем. Он обрел свою родину, и обрел ее навсегда.

Затем все отправились в Медландию, которая находилась в самом центре страны. Идти пришлось долго, потому что Джимбалла была большой страной. Путешественники шли не спеша, с интересом и восхищением озирая окрестности. Здесь все еще выглядело так, как на дне океана. Им попались коралловые заросли, земля была усеяна перламутровыми ракушками, нигде не видно было ни травинки, ни кустика. Но это дело поправимое. Ведь оттого, что Джимбалла столько лет была скрыта под водой, земля здесь стала еще только более плодородной.

И над всеми этими морскими красотами возвышались горы и утесы из голубых, красных, зеленых драгоценных камней. Пиратские сокровища, которыми были забиты трюмы их корабля, просто меркли рядом с этим богатством, рассыпанным по всей стране.

Наконец торжественная процессия, возглавляемая Джимом и Лукасом, добралась до государственной границы Медландии, о которую теперь не разбивались никакие волны.

Господин Ка Лань Ча успел тем временем разбудить короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого и его подданных, и теперь они стояли все возле дворца и молча смотрели на фантастическую картину, открывшуюся их взору. Они никак не могли понять, что же такое стряслось с их маленьким островом. Ямбалла поднялась из воды так мягко и бесшумно, что во сне они ничего не заметили.

Только при виде Джима и Лукаса, которые теперь подошли к ним и поздоровались, жители Медландии

стали понемногу приходить в себя. Что тут началось! Радости не было конца! Этого не описать никакими словами! Ну а поскольку описать этого никак нельзя, то я и не буду пытаться. Пусть каждый представит себе сам. А как счастлив был Кристи, славный старый Кристи, когда Лукас вернулся к нему и нежно, ласково погладил по круглым бокам! Ведь еще никогда Лукас не оставлял его одного так надолго! Никогда еще разлука не казалась такой тяжелой. Никогда еще радость встречи не была такой искренней. И лучше всех понимал это Джим, который до сих пор еще не нашел своего Максика.

Когда все немного успокоились, друзьям пришлось рассказать о своих приключениях. Разумеется, теперь они не могли разместиться всей компанией в маленькой кухоньке фрау Каакс, как тогда, после путешествия в драконий город. Слишком много народу собралось в Медландии. Поэтому двенадцать бывших пиратов расположились вдоль государственной границы Медландии, Джим и Лукас забрались на паровоз, остальные вынесли стулья и расселись где кому удобно. Король Альфонс Без Четверти Двенадцатый поместился на троне, каковой он даже пододвинул поближе к двери, и, весело болтая ногой, облаченной в коричневую клетчатую тапочку, обратился в слух, дабы не пропустить ни единого слова из рассказов отважных машинистов, один из которых теперь носил корону, то есть был, так сказать, его коллегой.

— Н-да, — время от времени вставлял он в особо напряженных местах, — нам, королям, приходится иногда очень тяжело. Уж я-то знаю.

Совершенно счастливая фрау Каакс сбегала в лавку и принесла целую кучу мороженого и прочих сладостей, полностью опустошив все имевшиеся у нее запасы.

Когда друзья закончили свой рассказ, слушатели от восторга и восхищения не могли произнести ни слова.

— После того как все закончилось столь благополучно, — сказал господин Пиджакер, осмелившийся прервать всеобщее молчание, — и каждому нашлось подобающее дело, я позволю себе задать вам вопрос: не найдется ли в вашей стране и для моей скромной особы какого-нибудь подходящего занятия? Мы ведь когда-то уже говорили об этом, если вы еще помните.

— Конечно же, помним, господин Пиджакер! — ответил Лукас и выпустил большое кольцо дыма в синее ясное небо. — И знаете, мы, кажется, нашли для вас кое-что!

Джим изумленно посмотрел на Лукаса. Это было что-то новенькое.

— Да, да, — продолжал Лукас, всеело подмигнув своему другу. — Наш принц собирался как раз немножко поучиться — считать, писать, читать и прочее. Он сам об этом говорил.

— Правда? — радостно спросил господин Пиджакер.

— Да, — ответил Джим, — совершенно верно. Не могли бы вы мне показать, как все это делается?

— С превеликим удовольствием! — воскликнул господин Пиджакер.

С этого самого дня Джим Пуговка, юный царь Джимбаллы, стал ходить в школу к господину Пиджакеру, который учил его читать, писать, считать и много чему еще. Без преувеличения можно сказать, что господин Пиджакер оказался на редкость хорошим учителем, а Джим старался изо всех сил и только не уставал удивляться, как много всего знает господин Пиджакер. Его действительно можно было спросить о чем угодно — ну прямо как Цветы Учености в Китае.

Едва научившись писать, Джим первым делом написал письма тем детям, которые вместе с маленькой принцессой были в плену у фрау Зубпер. Он пригла-

сил их в гости в Джимбаллу. Письма эти он дал двенадцати братьям и велел им развезти эти приглашения тем самым детям, которых они когда-то похитили и продали драконше.

Не успел корабль с разноцветными парусами, расшитыми жемчугом и бисером, выйти в море, как в Джимбалльскую гавань с бриллиантовой пристанью уже входил другой — новый корабль Пунг Гинга, императора китайского. На его борту стояли император собственной персоной, Ли Ши и даже Пинг Понг. Они уже всё знали о тех невероятных событиях, которые произошли за это время.

— Кто же вам все рассказал? — удивленно спросил Джим. — Наверное, вам позвонил король Альфонс Без Четверти Двенадцатый?

— Нет, — ответил император с лукавой усмешкой. — Кое-кто другой доложил нам о ваших приключениях. Ну, отгадай, кто?

— Может быть, Золотой Дракон Мудрости? — стал гадать Джим.

— Именно он, — подтвердила Ли Ши. — Представляешь, Джим, — продолжала она, — с тех пор как Страна, Которой Быть Не Должно, исчезла под водой, Дракон разговаривает со всеми без исключения. И теперь наши премудрые мужи, Цветы Учености, ходят к нему каждый день в школу и он ведет у них занятия и рассказывает обо всех тайнах на земле.

— Да, да, — пропищал Пинг Понг, вмешиваясь в разговор. — И еще он велел передать тебе кое-что очень важное. Он сказал: в тот день, когда состоится свадьба принца Миррена и принцессы Ли Ши, к тебе вернется то, что ты потерял.

— Максик! — сияя от радости, воскликнул Джим.

Конечно, ему не терпелось увидеть поскорее своего Максика, но он совершенно не представлял себе, ка-

ким образом он сможет получить его обратно. Но независимо от этого надо было торопиться со свадьбой — так все считали. Чего уж там тянуть!

Пинг Понг, между прочим, привез с собою много-много саженцев тех самых прозрачных деревьев, которые растут повсюду в Китае, и рассаду других растений из Леса Тысячи Чудес и тут же велел все это посадить в плодородную почву Джимбаллы.

Господин Лань все еще не решался выйти из своего домика, благоразумно полагая, что не стоит вот так сразу, без всякой подготовки, пугать гостей, которые еще ничего не знают о его некоторых особенностях. Ведь даже Ли Ши, которая уже с ним знакома, еще ни разу не видела его издалека, и господин Лань подумал, что лучше будет повременить и дать возможность гостям постепенно привыкнуть к его экзотическому виду.

Но император китайский, верховный бонза и даже капитан и матросы — все непременно хотели поприветствовать прославленного великана. Поэтому они все по очереди нанесли ему визиты, чему он был необычайно рад.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

в которой происходит множество приятных сюрпризов, чем и заканчивается наша история

Несколько недель спустя вернулся пиратский корабль, на борту которого было полным-полно детишек из разных стран — они приехали вместе со своими родителями, братьями и сестрами, так что на палубе все кишмя кишело от веселой, пестрой, разноголосой толпы.

Бывшие пираты, между прочим, срезали со своих шляп изображение черепа и костей, чтобы не пугать детей, и пришили себе вместо этого разноцветные ко-

карды, ведь семь цветов радуги — это государственные цвета Джимбаллы.

Само собой разумеется, когда дети увидели своих освободителей, радости их не было конца — все хотели поздороваться с Джимом и Лукасом. После того как всеобщая суматоха немного улеглась, Лукас сказал:

— Ну вот, гости на месте. Можно назначать свадьбу. Я думаю, нам ничто не мешает отпраздновать это событие прямо сегодня.

— Конечно, я тоже так считаю, — согласился Джим.

Было решено устроить праздник в древнем городе близ восточного побережья Джимбаллы. Двенадцать Непобедимых были высланы вперед для того, чтобы подготовить все надлежащим образом.

Дети и их родственники отправились тем временем в Медландию, о которой они так много слышали, чтобы посмотреть на нее теперь собственными глазами. Король Альфонс Без Четверти Двенадцатый вышел к гостям навстречу и с каждым поздоровался за руку. Господин Пиджакер тоже поздоровался со всеми за руку. Фрау Каакс развила невероятно бурную деятельность, так что к концу дня щеки у нее пылали, как помидоры, — а все потому, что она ни на минуту не отходила от плиты, все варила какао и пекла свои знаменитые золотистые ром-бабы. И все уплетали за обе щеки, даже те, кто никогда в жизни ничего такого не пробовал — как, например, мальчик-индеец или маленький эскимос. Угощение фрау Каакс, пожалуй, даже не уступало привычному жаркому из буйвола или, скажем, рыбьему жиру.

Наевшись до отвала, дети принялись играть. Ну а поскольку все они приехали из самых разных уголков мира, то получалось так, что кто-нибудь непременно знал хоть одну игру, которую больше никто не знал. В конце концов все немножко подустали от этой ве-

село́й суеты и кутерьмы. К тому же пора уже было потихоньку двигаться в сторону древнего города, потому что все-таки Джимбалла была довольно большой страной и путь предстоял неблизкий.

Лукас тем временем успел привести в порядок Кристи. Ведь нельзя же, чтобы он пропустил такое важное событие, как обручение Джима и Ли Ши. К тому же Кристи смог бы по дороге брать к себе тех детей, у которых устали ноги, чтобы они немножко передохнули. Не говоря уже о том, что среди гостей было немало пожилых людей и людей весьма преклонного возраста — прабабушек и прадедушек, для которых долгий переход мог бы оказаться несколько утомительным.

Лукас дал свисток, все гости выстроились парами, так что получился длинный-длинный хвост, и вся процессия тронулась в путь. Паровоз ехал очень медленно, с остановками, чтобы гости могли вдоволь насладиться красотами новой страны и от души поохать и поахать. Незаметно начало темнеть, и, когда гости добрались до древнего города, уже была глубокая ночь.

И что же увидели изумленные гости, когда вошли в городские ворота? Им открылось зрелище неопишуемой красоты!

Двенадцать Непобедимых постарались на славу: повсюду — в полуразрушенных храмах, на улицах, во дворах, за высокими стенами дворцов, сложенных из драгоценных камней, — повсюду они устроили чудесный фейерверк. И теперь огромный город сверкал и переливался всеми цветами радуги, искрился тысячью ярких огней, так что казалось, будто неведомая рука зажгла здесь гигантский волшебный фонарь. И над всей этой сказочной красотой раскинулось ясное синее небо, усеянное звездами. А рядом тихо шумело море, излучавшее удивительный мягкий зеленоватый свет.

И мирно катились неспешные волны, в пене которых вспыхивали то тут, то там бесчисленные огоньки.

— Посмотри, — сказал Джим, обращаясь к Ли Ши, которую он крепко держал за руку, — это морское сияние!

— Да! — вздохнула Ли Ши. — А ведь без тебя и без Лукаса всего бы этого не было! — с нескрываемым уважением сказала она.

Процессия шла по сверкающему городу, улицы и площади которого переливались тысячью разноцветных огней. Пораженные этой сказочной красотой, гости притихли и только молча смотрели во все глаза по сторонам. Наконец показалась большая круглая площадь, в центре которой на высоком постаменте со ступеньками стоял белокаменный трон с загадочными письменами, высеченными на спинке.

По краю площади выстроились Двенадцать Непобедимых с зажженными факелами в руках. Получилось похоже на циферблат гигантских часов, только вместо цифр здесь были живые люди.

— Да здравствуют жених и невеста! Ура! Ура! Ура! — дружно закричали братья, завидев Джима и Ли Ши, а потом грянули свою новую песню.

Пока Двенадцать Непобедимых пели, гости расположились кольцом вокруг трона и тоже принялись громко поздравлять молодых.

Джим и Ли Ши остановились у подножия трона.

Тут к ним подошли фрау Каакс и Лукас, которые принесли свадебную одежду. Фрау Каакс облачила Ли Ши в белую королевскую мантию до пят, расшитую серебром и жемчугом, а на головку надела веночек с длинной белой фатой; Лукас в свою очередь подал Джиму пурпурную королевскую мантию, расшитую золотом. Глаза у Лукаса подозрительно поблескивали, и, если бы у него сейчас во рту была трубка, он на-

верняка бы выпустил толстое-претолстое облако дыма, как это обычно бывало, когда он волновался.

После того как с туалетом жениха и невесты было покончено, из толпы вышел император китайский и медленно направился к трону. Он нес в руках большую подушку из голубого бархата, на которой покоились символы царской власти — великолепная корона царя Каспара, скипетр, держава, изящная китайская корона для Ли Ши и рубиновая звезда, принадлежавшая некогда Чертовой Дюжине.

Император подошел к детям, и они расступились. Лукас взял за руку Джима, фрау Каакс — Ли Ши. Вслед за императором они поднялись по ступенькам наверх, туда, где стоял белокаменный трон. Перед тронном все остановились, и тогда император обратился к Джиму и Ли Ши с такими словами.

— Дети мои! — сказал он, как всегда, тихо, но внятно, так что его слышно было даже в самом конце просторной площади. — Дети мои, примите эти короны. С этого дня в древней стране Джимбалла снова будут царь и царица.

После этого император передал Лукасу голубую подушечку, взял корону с двенадцатью зубцами и водрузил ее на голову Джиму, а маленькую китайскую корону — на голову своей дочери Ли Ши. Затем по знаку императора Лукас поднес своему другу скипетр, а юной царице — державу и в завершение церемонии прикрепил рубиновую звезду Джиму на мантию. Только тогда дети уселись рядышком на белоснежном троне с загадочной надписью.

В продолжение всей этой торжественной процедуры король Альфонс Без Четверти Двенадцатый тактично оставался в стороне, поскольку он, если можно так выразиться, находился здесь с официальным визитом как глава дружественной державы. Но тут он

не выдержал, стащил с головы корону, закинул ее в небо и закричал во все горло:

— Да здравствует царь Миррен! Да здравствует царица Ли Ши! Долгие лета царской чете! Да сохраняются на веки вечные между нашими странами добрососедские отношения! И да...

Тут он от радости забыл, что хотел сказать, но стоявшие вокруг гости уже подхватили его слова, и никто не заметил происшедшей заминки.

Пинг Понг, стоявший рядом с королем, все время подпрыгивал на месте и при этом пищал:

— Вот это да! Как я рад! Как я счастлив! Какой момент! Какой день! Вот красота!

А господин Пиджакер, который тоже стоял тут, наклонился к Пинг Понгу и сказал:

— И я его учитель! Подумать только! Господин верховный бонза! Я — воспитатель царя! Какая честь!

Даже господин Лань, который предосторожности ради забрался в кабину паровоза, не выдержал и закричал что было мочи своим тонюсеньким голоском:

— Поздравляю! Поздравляю! Да здравствуют молодые!

И Кристи загудел, засвистел, запыхтел, не зная, как еще выразить переполнявшие его чувства.

Император поднял руку, и все притихли. Подождав, пока шум окончательно уляжется, он сказал:

— Друзья мои! Итак, сегодня, в этот самый час, непостижимым образом сомкнулись все начала и концы, последнее звено в цепи сомкнулось с первым, история, пройдя свой круг, завершилась!

Все молча слушали слова императора, но в эту самую минуту со стороны моря донесся какой-то странный шум — будто где-то заиграл целый духовой оркестр, состоящий из волшебных труб:

— Кто бы это мог быть? — шепотом спросил Джим у Лукаса.

— Наверное, это наши друзья, жители моря! — ответил Лукас. — Может быть, они хотят принять участие в празднествах.

— Давайте пойдем к ним навстречу! — предложила Ли Ши.

Все радостно согласились, и шумная толпа гостей, включая Кристи и Двенадцать Непобедимых, устремилась к морю. Когда веселая процессия вышла на берег, то тут взорам открылась удивительная картина: от самого горизонта по сверкающим волнам в сторону Джимбаллы двигалось точно такое же праздничное шествие, тысячи морских жителей гудели в свои рожки, прыгали, скакали, кувыркались. А посередине плыла наподобие лодки огромная перламутровая раковина, которую тянули за собой шесть белых моржей. В раковине восседала Сурсулапичи в длинной фате из шелковых водорослей, развевающихся на ветру, а рядом — Ушауришуум. Следом за ними плыла вторая лодка из раковины, в которой кто-то тоже сидел, но кто — разобрать было нельзя из-за того, что сверху он был накрыт какими-то листьями и водорослями.

— А вдруг они нашли Максика? — спросил Джим, и сердце его отчаянно забилося.

— Уверен, что нашли, или я ничего не понимаю в жизни! — пробасил Лукас.

Когда обитатели моря выбрались на берег, Джим, как настоящий царь, радостно поприветствовал своих гостей и сразу представил им юную царицу.

Сурсулапичи и Ушауришуум переглянулись и почему-то заулыбались.

— А мы тоже сегодня празднуем свадьбу! — объяснила Сурсулапичи.

— Вот это да! — воскликнул Лукас. — Значит, Ушауришуум выполнил задание короля Лормораля?

— Выполнил, — ответил Ушауришуум. — Благодаря помощи моего друга Непомука, который шлет вам большой привет и наилучшие пожелания. У него все отлично, он страшно счастлив. К сожалению, он сам не может лично присутствовать здесь, потому что должен следить за Большим Магнитом. Ведь сегодня, если вы могли заметить, у нас включено морское сияние, а это очень опасно для проходящих мимо кораблей.

— Отлично! — воскликнул Лукас. — Скажите ему, что мы очень рады за него и передаем ему огромный привет.

— А не нашли ли вы случайно моего Максика? — не выдержал все-таки Джим.

И снова Сурсулапичи и Ушауришуум загадочно переглянулись.

— Мы вам очень признательны за то, что благодаря вам мы можем теперь делать Кристалл Вечности, — пропел Ушауришуум. — И в знак нашей признательности мы первым делом решили испытать действие Кристалла Вечности на твоей маленькой машине. Далеко-далеко на юге, на самом дне океана, нашли мы твоего Максика и вместе с Непомуком превратили железо, из которого он сделан, в твердое и прочное стекло, такое же твердое и прочное, как наша дружба, такое же твердое и прочное, как наша благодарность.

Сказав это, Ушауришуум подошел ко второй лодке и откинул в сторону набросанные сверху листья и водоросли. Под ними оказался Максик, прозрачный, как чистейшая вода, ну прямо писанный красавец!

Локомотивчик вытащили на берег, и вот теперь он стоял перед Джимом. Джим осторожно провел по нему рукой, будто проверяя, не сон ли это, который сейчас растворится в пространстве. Но паровозик ни-

куда не растворился. Это был самый настоящий, всамделишный паровозик, который к тому же за это время немножко подрос.

— Спасибо! — срывающимся голосом поблагодарил Джим. — Спасибо!

Какое-то время он молча смотрел на своего Максима, а потом спросил:

— А он не очень хрупкий?

— О нет! — успокоил его Ушауришуум. — Он ведь из Кристалла Вечности. А Кристалл Вечности вообще никогда не бьется.

— Значит, он никогда не будет ломаться? — спросил Джим.

— Никогда, — подтвердил Ушауришуум.

Тем временем Лукас подкатил Кристи. Можно себе представить, как он обрадовался, увидев своего маленького друга таким повзрослевшим и похорошевшим.

Не успел еще Кристи как следует поприветствовать своего приятеля, как вдруг со стороны моря донеслись какие-то странные звуки — там что-то чавкало, хлюпало, булькало. Вода вздыбилась чуть ли не до самого неба, и на поверхности показалась голова морского короля Лорморалья. Молча смотрел он некоторое время в недоумении на пестрое общество, собравшееся на берегу. Потом его внушительная физиономия расплылась в довольной улыбке — видимо, он понял, что попал на целых две свадьбы сразу, и откуда-то из глубин его могучего тела послышалось:

— Поздравляаааааюууу! Поздравляаааааюуууу! Кажется, будто зевает гигантский кит.

Поприветствовав подобным образом молодых, он снова со страшным чавканьем и хлюпаньем исчез под водой.

— Это мой папочка! — извиняющимся голосом пояснила русалка. — Ну а теперь прошу вас располагаться поудобнее. Сейчас начнется морской балет!

Все расселись на бережку: морские жители — на мелководье, люди — на песочке. И тут из воды вынырнули молоденькие русалки, которые показали зрителям восхитительнейшие танцы.

Праздник продолжался еще долго-долго и закончился далеко за полночь. Лучше праздника, пожалуй, свет не видывал. Это вам каждый скажет, кто сам на нем присутствовал.

Несколько дней спустя император китайский вместе с Пинг Понгом отбыл на родину. Но Ли Ши осталась в Джимбалле. Теперь навсегда. Ведь она как-никак была царицей Джимбаллы. Лукас и Джим построили на границе с Медландией чудесный дом, который отчасти был похож на китайский дворец, а отчасти на железнодорожную станцию. В этом доме и поселилась молодая чета. Ли Ши училась у фрау Каакс кулинарному искусству и ведению хозяйства, а также ходила каждый день вместе с Джимом в школу к господину Пиджакеру. Страной они тоже управляли вместе. В древний город они наведывались редко. Только по большим праздникам. Или когда им нужно было обсудить наедине что-нибудь очень важное.

Большинство детей вместе со своими родителями, бабушками и дедушками остались жить в Джимбалле. Они привезли с собою семена тех растений, которые росли у них на родине, и посадили их здесь в плодородную почву. И скоро уже в Джимбалле появилась настоящая прерия для индейцев, большие тюльпановые поля и тучные луга для голландцев, труднопроходимые джунгли для смуглолицых детей в тюрбанах, и даже для эскимосов нашлось подходящее местечко на севере страны, где было достаточно прохладно, а зимой выпадало много снега. Короче говоря, для каждого нашелся свой уголок. Даже коралловой роще,

которая когда-то подпирала Ново-Медландию, нашлось применение — дети с удовольствием лазали по веткам, подтягивались, кувыркались, играли в прятки. Лучшего места для игр и придумать было нельзя!

Постепенно новые жители страны привыкли и к мнимому великану, так что теперь он мог запросто показываться на людях и никто его не пугался. Завидев на горизонте его высоченную фигуру, дети приветливо махали ему, а он, счастливый, махал им в ответ. Само собой разумеется, он по-прежнему служил маяком, ведь и на большую страну может наскочить корабль точно так же, как и на маленькую.

Двенадцать Непобедимых плавали на своем корабле с разноцветными парусами, расшитыми жемчугом и серебром, вокруг Джимбаллы и охраняли границы страны, где правил их властелин и повелитель. Так что Джимбалла была в полной безопасности и можно было ничего не бояться. Ну а поскольку в этой стране никто ничего и никого не боялся, сюда начали слетаться со всех концов земли самые разные птицы — большие и маленькие, с чудесными голосами и не очень. Пожив немного в Джимбалле, они становились совсем ручными и спокойно шли на любой зов. Потом к ним, конечно, присоединились и звери. Но все равно Джимбаллу называли Страной Детей и Птиц.

Ну а что же было дальше с Золотым Драконом Мудрости? Джим и Лукас подарили его императору Китая. А император в знак благодарности велел увековечить образ Дракона и приказал, чтобы его изображение было вышито на всех флагах, а также на одеждах высоких сановников. Наверняка вам попадалось когда-нибудь такое изображение. Теперь вы знаете, откуда и почему оно взялось.

Лукас остался вместе со старым добрым Кристи в Медландии и каждый день объезжал на своем паро-

возе всю страну — через все пять туннелей, с юга на север, с запада на восток, вдоль и поперек.

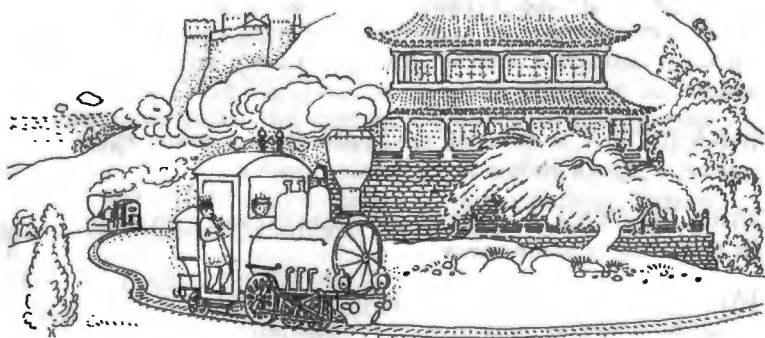
Со временем Джим проложил с помощью своего старшего друга целую сеть дорог, которые протянулись по всей стране так, чтобы дети могли спокойно кататься в Медландию и обратно или ходить друг к другу в гости. А ходить в гости они очень любили.

Но больше всего дети любили, когда Джим выезжал на своем прозрачном локомотивчике, сквозь стенки которого можно было видеть, как горит огонь, как кипит вода, как получается пар. Вечером это выглядело особенно красиво: сумерки, а в кабине машиниста в отблесках пламени стоит Джим в сверкающей короне, а на груди — сияющая звезда.

Если случалось Лукасу и Джиму встретиться в пути, то они махали друг другу, а Кристи и Максик обменивались приветственными свистками. Помашут, повсвистят и катят себе дальше.

И над всем этим — над Медландией и Джимбаллой — возвышался наподобие живой рождественской елки господин Лань со своим неизменным фонарем в руке.

Ну вот, друзья, тут и кончается наша история о Джиме Пуговке и машинисте Лукасе.

СОДЕРЖАНИЕ

Родителям тех детей, которые будут читать эту книгу. <i>Марина Коренева</i>	5
--	---

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖИМА ПУГОВКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Джим Пуговка и машинист Лукас

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой начинается наша история . .	11
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой появляется таинственная посылка	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой чуть не принимается печаль- ное решение, пришедшееся не по вкусу Джиму Пуговке . . .	26
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой начинается удивительное морское путешествие на корабле невиданной конструкции, а Лукас убеждается, что на Джима Пуговку можно поло- житься	34
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой заканчивается морское путе- шествие, а Джим видит прозрачные деревья	40
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой толстая желтая рожа чи- нит всяческие препятствия	47
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Кристи приходится играть в карусель, а друзья знакомятся с маленьким китайчонком	54

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Лукас и Джим обнаруживают таинственные надписи	63
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой состоится цирковое представление, а Некто замышляет против Джима и Лукаса что-то недоброе	70
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Лукас и Джим попадают в беду	76
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой Джим неожиданно-негаданно узнает тайну своего появления в Медландии . . .	88
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой начинается путешествие в неведомые края и друзья впервые видят Венец Мира	101
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой звучат голоса Долины Сумерек	106
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Лукас убеждает-ся в том, что без Джима он был бы как без рук	112
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой путешественники попадают в фантастическую местность и обнаруживают таинственные следы	122
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Джим Пуговка делает для себя важное открытие	134
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой мнимый великан рассказывает о том, что представляют собой мнимые великаны, а потом выражает свою признательность	142
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой путешественники прощаются с мнимым великаном и застревают перед входом в Пасть Смерти	148
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой Лукас и Джим ремонтируют маленький вулкан, а Кристи изменяет свой облик	156
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой чистокровный дракон принимает Кристи за даму и приглашает на прогулку . . .	170
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой Джим и Лукас знакомятся с бедландской школой	177

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой путешественники оказываются под землей и видят удивительные вещи	195
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой китайская принцесса рассказывает свою историю, а Джим неожиданно сердится на нее	204
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Кристи получает удивительную награду, а путешественники наедаются до отвала	216
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой фрау Зубпер прощается со всеми, а Лукас и Джим получают письмо из Медландии	227
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, в которой все дети покидают Китай, а медландские путешественники ловят плавающий остров	238
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, в которой состоится помолвка, Джим получает неожиданный подарок и которой заканчивается эта книга	248

КНИГА ВТОРАЯ

Джим Пуговка и Чертова Дюжина

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой все начинается с загадочного толчка	261
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Джим изобретает хитроумный безразмерный маяк	270
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой снова начинается путешествие в неизведанное	280
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой друзья заводят новое удивительное знакомство, заставившее их отклониться от избранного курса и зайти в Варварское море	286
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Джим и Лукас узнают о Кристалле Вечности	293
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой друзья узнают тайну первого морского короля Гурумуса	302
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Джим спотыкается о разгадку, а свечи догорают	309

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой разнообразные вещи становятся неподвижными, а друзья проводят не слишком спокойную ночь	315
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Джим пытается найти различие, а кое-какие вещи начинают летать	320
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Джим и Лукас изобретают перпетуум-мобиле	326
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой старый толстый паровоз Кристи взлетает на воздух, а великие изобретатели наконец находят время позавтракать	332
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой перпетуум-мобиле чуть не расшибается в лепешку из-за красно-белых Полосатых гор	339
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой друзей принимают за фата-моргану	346
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Джим и Лукас спасают двух своих друзей от двух чудниц	353
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Лукас и Джим находят смотрителя для Большого Магнита короля Гурумуша	359
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой впервые за последние сто тысяч лет завязывается дружба между огнедышащим существом и обитателем моря	370
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой на Джима обрушивается большое горе, а Лукас разрабатывает смелый план	378
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой путешественники обнаруживают на дне морском удивительный город	386
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой одно неверно написанное письмо выводит друзей на верный след	395
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой просыпается Золотой Дракон Мудрости	402
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой появляется корабль цвета морской волны и путешествующий на нем «заяц»	412
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой происходит большое морское сражение с Чертовой Дюжиной	419

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой корабль с кроваво-красными парусами прибывает в Страну, Которой Быть Не Должно	433
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Джим узнает, что такое Око Бури, и находит звезду	441
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой Джим узнает тайну своего происхождения	453
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, в которой в честь Пинг Понга воздвигается памятник, а Золотой Дракон Мудрости впадает в немилость у китайского императора	462
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, в которой нечетное становится четным	469
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, в которой пираты ищут свои грехи и сочиняют себе новую песню	477
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, в которой принц Миррен находит свое царство	487
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, в которой происходит множество приятных сюрпризов, чем и заканчивается наша история .	495

Литературно-художественное издание

МИХАЭЛЬ ЭНДЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖИМА ПУТОВКИ

Редактор Наталия Соколовская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Галина Горянова, Маргарита Ахмстова
Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

ЛП № 000116 от 25.03.99.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.12.2000.

Формат издания 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.

Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.

Усл. печ. л. 32. Изд. № 423. Заказ № 1.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».

193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**ПО ВОПРОСАМ
ПРИБРЕТЕНИЯ КНИГ
ИЗДАТЕЛЬСТВА**

«АЗБУКА»

обращайтесь

в Санкт-Петербурге:

издательство "Азбука"

тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

в Москве:

представительство издательства

"Азбука", тел. (095) 276-63-05

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»

Рязанский пер., д.3, тел. (095) 265-81-93

в Челябинске:

ЗАО "Корвет", тел. (3512) 36-75-10

в Новосибирске:

ООО "Топ-книга", тел. (3832) 36-10-28

в Ростове-на-Дону:

ООО "Фазтон-Пресс", тел. (8632) 65-61-64

в Иркутске:

издательство "Востсибкнига", тел. (3952) 34-42-95

в Волгограде:

ООО "Эзоп", тел. (8442) 37-25-19

в США:

Petropol, Inc, 1428 Beacon St., Brookline, MA, 02446, тел. (617)

232-88-20, факс (617) 713-04-18,

e-mail: petropol@gis.net, www.petropol.com

МИРОВОЙ ДЕТСКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Жили-были на маленьком острове
король Альфонс
Без Четверти Двенадцатый
и его подданные —
господин Пиджакер, фрау Каакс
и машинист Лукас со своим
паровозом Кристофом.
Однажды они получили в посылке
маленького мальчика —
Джима Путовку.
Тут-то все и началось...

В каждой стране есть
свой «главный» детский писатель.

Астрид Линдгрен в Швеции,
Ален Александер Милн в Англии,
Туве Янссон в Финляндии.
...В Германии — Михаэль Энде

Михаэль Энде (1929—1995),
сын знаменитого художника
Эдгара Энде, вырос
в артистической среде
довоенного Мюнхена.

Свою взрослую жизнь он начал
с работы в театре в качестве
актера, но потом бросил
актерскую карьеру и с головой
ушел в писательство.

Ему прочили блестящее будущее
во «взрослой литературе», но он
предпочел остаться «ребенком»,
мальчиком, который играет
в железную дорогу и сочиняет
бесконечные истории.

ISBN 5-267-00423-5

9 785267 004237